

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛИЗМА

2010
№ 3

ЖУРНАЛ НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Главный редактор
Константин Крылов

Научный редактор
Сергей Сергеев

Шеф-редактор
Надежда Шалимова

Ответственный секретарь
Наталья Холмогорова

Исполнительный директор
Владимир Тор

Художник
Дмитрий Бикашов

Редакционный совет

А.Ю. Ашкеров, К.С. Бенедиктов, О.Б. Неменский, М.В. Ремизов,
П.В. Святенков, А.Н. Севастьянов, С.Н. Семанов, В.Д. Соловей,
И.Р. Шафаревич

СОДЕРЖАНИЕ

Павел Святенков Возможна ли российская идентичность?	3
--	---

ТЕМА НОМЕРА. ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

Константин Крылов Нация как субъект конфликта	7
Олег Неменский Поляки и русские: народы разных времен и разных пространств	24
Сергей Сергеев «Хозяева» против «наемников»	38
Юрий Сошин «Вечный враг»	79
Александр Севастьянов Русское подполье: год спустя.....	88

МИРОВОЙ ОПЫТ

Юрий Андрейчук Ирландский национализм в борьбе за независимость Ирландии.....	122
Сергей Беляков Сербы — «чужак» № 1.....	128
Александр Родригес, Елена Галкина Палестинская проблема как фактор нациогенеза.....	141

НАЦИОНАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Александр Горянин Своими путями. Русские демократические традиции. Статья вторая	166
--	-----

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

Дмитрий Крылов Азбука этнопсихологии	186
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Сергей Семанов Дневник 1991 года.....	201
Из дневника читателя	235
Авторы номера.....	238
Summary	240

ПАВЕЛ СВЯТЕНКОВ

ВОЗМОЖНА ЛИ РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ?

Президент России Дмитрий Медведев, выступая в Кремле в ходе заседания Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека 19 мая 2010 года, высказался по проблеме «российской идентичности»: *«нужно двигаться к созданию полноценной российской идентичности, которая бы включала в себя все наши народы»; «задача именно в том, чтобы создать новую российскую идентичность».*

Президент добавил: *«Да, нам не удалось создать ту самую общность, которую создавал советский строй, но мы знаем, как это было, насколько это было фальшиво во многом. Но у нас есть все силы и все возможности для того, чтобы создать свою идентичность — новую российскую идентичность».*

Вопрос — настолько реализуема подобная идея. Нынешняя российская и прошлая советская идентичность создавались в противовес русской. Стандартная модель идентичности, принятая в Европе, подразумевает, что общегосударственная гражданская идентичность строится на базе идентичности государствообразующего народа. При этом возможны разные подходы. Где-то господствует принцип культуры, языка и гражданства — каждый человек, знающий язык и являющийся гражданином Франции, считается французом. Где-то господствует принцип крови. Например, чтобы стать гражданином Израиля, необходимо иметь хотя бы дедушку еврея (не считая экзотического случая с принятием

иудаизма). Лежащая за пределами Европы, но стремящаяся вступить в Европейский союз Турция всех стрищет под одну гребенку — жители страны с точки зрения официальной доктрины поголовно признаются турками, несмотря на то что, по данным исследователей, этнических турок проживает в стране лишь около половины.

Российский опыт уникален попыткой построить общегосударственную идентичность как антитезу идентичности государствообразующего народа. Напомним, что Борис Ельцин в своих обращениях к народу стремился избежать самого слова «русский», предпочитая говорить о «дорогих россиянах». Конечно, можно сказать, что во времена Петра Первого «русский» и «россиянин» значили почти одно и то же. Но те времена давно прошли. Попытка создания гражданской идентичности «россиян» была крайне удобна для нерусских народов России. Поскольку позволяла им сохранять свою этничность, одновременно вписываясь в общегосударственный контекст. Например, с точки зрения этой доктрины вполне допустимо сказать: я — аварец и одновременно: я — россиянин. Аварцы — этнос, россияне — гражданство. Для русского, однако, подобная фраза будет лишена смысла и будет вызывать инстинктивное отторжение.

Почему это так? Что плохого, чтобы сказать: я — русский по национальности и россиянин по гражданской принадлежности? Чем эта модель отличается от приведенной модели с аварцем? Почему для жителя Татарии нормаль-

но сказать: «я — татарин, я — россиянин», а для русского — большая проблема?

Ответ чрезвычайно прост. В рамках приведенной модели государство отказывает русским в признании в качестве государствообразующего этноса. Большинство нерусских народов в России является государствообразующими через систему бывших автономий, ставших республиками в составе РФ после 1993 года. У татар есть в России собственная государственность — Татарстан. Поэтому для них нормально с точки зрения идентичности сказать «я — татарин». Это будет означать принадлежность к этносу и созданному этносом на территории России государству. И это не оговорка, поскольку часть вторая статьи 5 Конституции России гласит: «*Республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство*». Иначе говоря, авторы Конституции провозглашают республику государством, чего не делается в отношении краев и областей, большей частью населенных русскими.

Получается, что любой человек, который принадлежит к нерусскому этносу, имеющему собственную республику на территории России, говоря о своей принадлежности к россиянам, декларирует свое право на доминирование в Российской Федерации. Ибо Россия — федерация республик, а также краев, областей, автономных округов и областей. Следовательно, россиянин — тот, кто имеет долю в пироге под названием Россия. Если у тебя есть собственная этническая республика в составе РФ, ты можешь считать свой народ одним из учредителей России.

Проблема состоит в том, что русские в списке учредителей отсутствуют. У них ведь нет собственной республики в составе РФ. И сама Россия не является государством русских, потому что в период перехода от советского строя к современной России окружением Бориса Ельцина была осуществлена очень важная подмена.

В момент создания Советского Союза столкнулись между собой два проекта — ленинский и сталинский. Сталинский план автономизации подразумевал, что этнические республики, такие как Украина или Белоруссия, войдут в состав России на правах автономий. Ленин категорический возражал против этого проекта и настоял на создании нового союза государств — СССР, в который Россия, Украина, Белоруссия и существовавшая тогда Закавказская федерация вошли как равноправные субъекты.

Внутри Российской Советской Федеративной Социалистической Республики сталинский план автономизации был осуществлен. Этнические республики стали автономиями в составе РСФСР. Они так и назывались. Например, Татарская АССР, то есть Татарская Автономная Советская Социалистическая республика. При этом подразумевалось, что РСФСР имеет отношение к русскому народу. Иначе говоря, что РСФСР — государство русских, где прочие реализуют свое законное право на автономию. То есть русский народ выступал в качестве главного акционера РСФСР, а остальные — миноритариев.

Разумеется, в рамках советского строя права русских на РСФСР было трудно реализовать. Россия всегда считалась слабой республикой, у нее не было самого важного — собственного ЦК, без которого ее органы власти всегда считались слабыми. Создаваемое время от времени Бюро ЦК КПСС по РСФСР проблемы не решало. Слабость РСФСР, ее *несуществование* с точки зрения структуры КПСС, всегда вызывала нарекания. Действительно, российские регионы напрямую подчинялись ЦК КПСС. Если представить себе карту СССР с точки зрения партии, то мы не обнаружим на ней никакой России. Вместо РСФСР будет конгломерат регионов, не связанных между собой. Естественно, лоббистская эффективность этих регионов была много ниже,

чем, например, Украины, чье руководство имело возможность выступать в Москве солидарно, благодаря чему в Политбюро ЦК КПСС всегда имелаась влиятельная украинская «мафия».

Но в Конституции России 1993 года Ельцин и его подручные осуществили важную подмену. Несмотря на присутствие в названии слова «федеративная», РСФСР была унитарным государством с этническими автономиями в ее составе. Ельцинская Конституция дала статус субъектов федерации всем регионам, включая этнические республики. В результате русская составляющая прежней РСФСР была размыта и предана забвению.

Получилось так — в РСФСР, хотя бы формально, был костяк русских областей и краев, к нему прилагались автономии. В Российской Федерации же он был уничтожен, заменен совокупностью субъектов, из числа которых лишь республики (утратившие название автономных) были признаны государствами. *Таким образом, русские утратили Россию как свое государство.*

Естественно, попытка убедить русских называться россиянами в данных условиях вызывает отторжение. Ведь быть россиянином для русского означает подписаться в лояльности государственности, в которой нет его законной доли. Именно поэтому никто из них не стремится стать россиянином, а само это слово, когда-то бывшее нейтральным и обозначавшее послепетровских русских, обратилось чуть ли не в ругательство.

Общегосударственная идентичность должна быть связана с правами народа на данное государство. У современных русских нет ни формально-юридических, ни фактических прав на современную Россию, которая позиционируется как многонациональное государство. А раз нет прав, то трудно принять общегражданскую идентичность, которую пытается создать руководство страны. Согласитесь,

для индийцев колониального периода было бы абсурдом принимать идентичность подданных Британской империи. Просто потому, что империя не имела к ним никакого отношения и управляла ими так, как хотела.

Было бы несправедливо в этой связи, если бы мы не вспомнили о Русской Православной Церкви и ее роли в современной русской идентичности. Редчайший случай: именно в Церкви разрешено употребление слова «русский» без негативных коннотаций. Ведь СМИ внушают нам, что русскими могут быть только лень или пьянство, но никак не Победа или космос. Русская Православная Церковь играет роль своего рода автономной республики русских в составе Российской Федерации. Только и исключительно Церкви разрешено быть заступницей за русские интересы. Патриарх имеет статус президента какой-нибудь крупной республики, вроде Татарстана. Характерный пример: при руководстве этнических республик часто действуют «Всемирные конгрессы татар» или «курултаи башкир». Никто в России не упрекает их в этом. Но Всемирный русский народный собор действует не при руководстве России (что было бы логичным, будь Россия русским государством), а при руководстве Русской Православной Церкви.

Проблема лишь в том, что РПЦ, играющая роль русской автономии, существует на птичьих правах, ведь это религиозная организация, а не республика в юридическом смысле. Да и автономию в ее лице получает не русскость вообще, а фольклорный элемент этничности русского народа — бороды лопатой, поклоны, расшитые золотом одежды иерархов, прочие приметы давно ушедшего в прошлое быта XIX века. А значит, фольклорная русскость, бытующая в Церкви, также противопоставляется русскости современной. Идентичность не получается создать и в данном случае, несмотря на то что большинство русских исповеду-

ет Православие и признает Патриарха духовным лидером.

Так возможная ли общероссийская идентичность? Возможна, но только в том случае, если она будет связана с признанием государственного статуса русского народа, России как национального государства русских.

Для начала неплохо бы реализовать хотя бы ту модель, которая была заложена еще в сталинском плане автономизации. То есть воссоздать Россию как русское унитарное государство, в котором прочие народы имеют законное право на автономии. Не нравится слово «автономия»? Можно назвать по-другому, ведь дело не в названиях.

Если это произойдет, мы сможем говорить о возвращении России ее законному хозяину — русскому народу. Который, как естественный государствообразующий народ, и будет строить здесь новое общество, новую эко-

номику и культуру в союзе с другими народами.

Тогда, быть может, и слово «россиянин» отмоется от имеющихся в настоящий момент негативных коннотаций и сделается обыденным и привычным. Впрочем, быть может, тогда оно не понадобится, ибо слово «русский» снова займет принадлежащее ему законное место и станет обозначать не только наш народ, но и всех жителей страны.

Если это произойдет и русский народ займет место, отнятое у него Конституцией 1993 года и предшествующими злоупотреблениями советского периода, вопрос о поиске или строительстве идентичности отпадет сам собой. Ее уже не надо будет строить на противопоставлении русских и всех остальных народов России, как это делается сегодня. Проблема, не решаемая в современных условиях никакими академиками, решится быстро и безболезненно.

Константин Крылов

НАЦИЯ КАК СУБЪЕКТ КОНФЛИКТА

От автора. Эта статья была впервые опубликована в журнале «Отечественные записки» № 3 за 2002 год под псевдонимом «Игорь Чернышевский» и редакционным названием «Русский национализм: несостоявшееся пришествие».

С момента публикации прошло восемь лет. Много изменилось, точнее — прояснилось. Тем не менее основная теоретическая конструкция сохранила свою ценность и даже стала более актуальной — и, как мне представляется, заслуживает перепрочтения.

В настоящей публикации восстановлены редакционные сокращения и исправлены мелкие неточности. Современные добавления вынесены в примечания.

Вступление. Русская тема

Разговоры о «русском национализме», ведущиеся вот уже лет десять, все более напоминают известную пьесу «В ожидании Годо»: это разговоры в отсутствие главного героя, появления которого не все желают, но все ждут.

При этом его блистательное отсутствие кажется необъяснимым: вроде бы все необходимые и достаточные причины для появления у русского национализма, как ни крути, имеются. В идеологах и организаторах, желающих объяснить русским, кто виноват в их бедах, тоже нет недостатка. Все нужные слова на эту тему сказаны, книжки написаны. Тем не менее факт остается фактом: русского национализма — ни как массового движения, ни даже как массового настроения — не существует. Есть недовольство, есть национальная обида, есть фрустрация и унижение. Есть националисты. На-

ционализма — нет, и, кажется, в ближайшее время его появления не предвидится.

Трактовать этот факт можно, конечно, по-разному. В основном в этом преуспели теоретики «русской идеи»: пребывая на вынужденном досуге, они изощряются в изобретении причин, почему именно они остались не у дел. Чаще всего они приходят к неутешительным выводам относительно глубоко въевшегося в поры нации рабского духа, а также успешности действий врагов, парализовавших национальное сознание при помощи телевизора, печатного станка или даже неведомого «психотропного оружия».

Издеваться над этим грешно: в конце концов, ситуация и в самом деле непонятна. Впрочем, так было и раньше: начиная с провала славянофильских попыток «дать русским людям понятие о национальности» и до сего дня отсутствие внятного национального движения русского народа кажется по меньшей мере странным.

При этом попыток внятного анализа ситуации нет и не предвидится: заинтересованные стороны заинтересованы в невнятице, а у незаинтересованных, похоже, есть дела поважнее. Скажем уж честно: русские — непопулярный объект научных штудий. Изучать «немецкое национальное самосознание» сложно, но очень интересно: в конце концов, «немецким духом» занимались Гердер и Фихте. Исследовать какое-нибудь маленькое африканское племя хлопотно и скучно, зато удобно: небольшой, хорошо описуемый объект плюс бьющая в глаза экзотика, всегда готовая скрыть натяжки и передержки. Русские же — ни то ни се: нам, с

нашим цыганским счастьем, повезло угодить ровнехонько в провал между «интересными» и «удобоизучаемыми» случаями. Как бы то ни было, граница нам не поможет: в этом смысле мы обречены на самопознание.

Аверс. Нации и национализм как предмет изучения

Как ни странно, «общих мест» о нациях и национализме в научном обиходе не так уж и много.

Почти все исследователи сходятся на том, что национализм — сравнительно недавнее явление, появившееся не ранее XVIII или, в крайнем случае, XVII века. Большинство склонно относить к этому же времени и появление «наций». Где именно они завелись раньше, непонятно (называют разные места, включая Латинскую Америку), но считается, что существуют по крайней мере две модели нации: французская «гражданская», связанная с идеями Просвещения и трактующая нацию как «сообщество граждан» с одинаковыми правами, и немецкая «этнокультурная», связанная с Романтизмом и понимающая «народ» как «органическое единство духа» (что бы эти слова ни означали), опирающееся на общность языка и культуры. Упрощенные и опошленные варианты этих двух идей в дальнейшем были попользованы всеми прочими националистическими движениями. Каковые, впрочем, имели очень разные цели — начиная от объединения разделенных государств (как то было в 1848 году, когда в Европе бушевала «весна народов») и кончая так называемой «деколонизацией».

Вот, пожалуй, и все. Об остальном идут нескончаемые споры — кроме, пожалуй, одного методологически важного момента.

Не погрешая против истины, можно сказать, что история изучения наций делится на два этапа, которые хочется назвать «реалистическим» и «номиналистическим». Первый период длился где-то до середины прошлого столе-

тия. Это было время наивной уверенности в том, что «нация» — вполне реальная вещь, определяемая через свои атрибуты, например, такие как язык, культура, занимаемая территория и ряд так называемых «национальных особенностей». Памятником тем временам была известная «бромлеевская» дефиниция, честно перечисляющая «все главное», что должно быть у уважающей себя нации. Однако в то время как советские студенты заучивали про «историческую общность людей, складывающуюся в ходе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и характера»¹, свободный мир предался безудержному номинализму.

Кьеркегор где-то сказал про лекции Гегеля о доказательстве бытия Божьего так: «Попытка доказать существование того, кто находится прямо перед тобой, есть оскорбление, ибо это попытка поднять на смех». Еще большим оскорблением является, очевидно, попытка доказать *несуществование* того, что находится перед самым нашим носом. Книга номер один в списках современной литературы по вопросам национализма — знаменитый трактат Бенедикта Андерсона — называется «Воображаемые сообщества». При этом слово «воображаемые» (*imagine*) здесь нужно понимать без экивоков: «воображаемое» есть «плод воображения», никак иначе. Поэтому так называемый «примордиализм» в современной этнологии (то есть, попросту,

¹ *Примечание 2010 года.* Напоминаем, речь идет о ситуации начала нулевых, когда традиционный «русский патриотизм» уже агонизировал, а русский национализм еще не обрел сколько-нибудь внятных организационных форм (при всем том, что появление русского движения на политической сцене ожидалось и прогнозировалось большинством политических аналитиков). Одной из целей написания этой статьи была попытка объяснения этой лакуны.

гипотеза о том, что нации могут существовать «на самом деле», без чьих-то конструирующих усилий) в настоящий момент стал неким жупелом; почти никто из серьезных исследователей вопроса в открытую не признает себя «примордиалистом» зато все в хвост и в гриву костерят друг друга за проявления такового.

Однако смутное ощущение, что за «нациями» все-таки стоит какая-то реальность, никуда не девается. Для удовлетворения этого чувства исследователи национализма стараются разделять «национальную» и «этническую» проблематику. Под «этническое» подверстывается мутный конгломерат расовых, географических, культурных и иных факторов, с тщательным отделением всего этого от собственно «национальной» проблематики.

До недавнего времени существовало даже своего рода разделение труда: этнические явления изучались социологами и антропологами (с 60-х), а нации — историками и политологами. Можно сказать так, что «этнос» рассматривался (а в общем-то и сейчас рассматривается) как внеисторический субстрат, связанный с идеей существования «неисторических» («первобытных») народов — то есть как некая *материальная противоположность* «нации». И только наглядная демонстрация того, что какие-нибудь «ибо» или «йоруба» могут неожиданно *ввязаться в историю* (например, взять в руки автоматы), способствовала слиянию этих двух направлений исследования.

Так или иначе, необходимо объяснить себе и другим, каким образом «этнос» (объект реальный и относительно невинный) вдруг начинает «воображать о себе». Логично увидеть в этом заговор каких-нибудь закулисных махинаторов. В последнее время в моду все больше входит инструменталистский («этнополитический») подход, трактующий национализм как результат манипулирования со стороны

«этнических предпринимателей» или «иностранных агентов», разжигающих и затем эксплуатирующих национальные чувства — или, лучше сказать, злокозненно выдающие все то, что получилось разжечь, за «национальные чувства»². В таком случае «нация» —

² Юлиан Владимирович Бромлей (1921–1990) — советский историк и этнограф, академик АН СССР, директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, дважды лауреат Государственной премии (1981, 1987).

Важно, впрочем, не это. Бромлей играл роль официального стража «единственно верного марксистско-ленинского учения» в национально-государственном вопросе. В частности, именно он руководил (а иногда и осуществлял лично) «критику» немарксистских теорий этноса, в том числе — теории Льва Гумилева.

В настоящее время аналогичную роль «главного по теории нацпроблемы» выполняет ученик и креатура Бромлея — Валерий Александрович Тишков (ныне — директор Института этнологии и антропологии РАН). Тишков известен как последовательный противник самого понятия «нация», особенно применительно к русским, и как главный теоретик «россиянства», то есть государственной программы денационализации русского этноса и уничтожения русской идентичности, а также массового миграционного замещения русских азиатскими и другими народами. Он также поддерживает промигрантское лобби и выступает за насильственную «толерантизацию» русского населения, которое, по его мнению, должно смириться с иноэтническим доминированием.

Разумеется, различия во взглядах между учеником и учителем связаны не с теоретической эволюцией, а с изменением государственных приоритетов.

Добавление 2010 года. Это примечание было удалено редакцией журнала, по вполне понятным соображениям. По тем же соображениям была существенно отредактирована моя рецензия на сборник «Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ» под редакцией В.С.

это всего лишь еще одно порождение глупости одних и подлости других, и остается только выяснить, как именно эти два универсальных начала зацепляются друг за друга, чтобы породить именно нацию — а не, скажем, секту.

Основное уязвимое место подобных воззрений хорошо видно. «Этническое предпринимательство» (и вообще заговоры) существует, но сводить к нему абсолютно все было бы излишне самоуверенно: в конце концов, как справедливо замечал Энтони Смит, «невозможно создать нацию из ничего». Конструктивистские подходы систематически упускают из вида *материю* своих конструкций: для того чтобы строить, все-таки нужны камни — причем обычная интеллигентская отмазка «когда б вы знали, из какого сора» в данном случае выглядит особенно нелепо: из сушеного кизяка не сложить даже приличную сараюшку, «тем более дом пятиэтажный».

Тем не менее специалисты — с упорством, достойным лучшего применения, — предполагают наиболее вероятной материей для национального строительства именно кизяк.

Так, вышеупомянутый Андерсон объясняет появление национализма на исторической сцене экономическими интересами европейских книготорговцев³, затурканностью креольских чиновников, кадровыми потребностями колониальных администраций и еще кой-какими обстоятельствами того же достоинства. Не менее популярный Эрнст Геллнер (автор знаменитого афоризма «*Не нации создают национализм, а национализм создает*

Малахова и В.А. Тишкова. В частности, отсюда была изъято практически все, что касалось позиции Тишкова, изменена также и общая интонация текста. См.: *Чернышевский И.Н. За кулисами // Отечественные записки. 2003. № 1; <http://www.strana-oz.ru/?numid=10&article=55>*

³ Цит. по: Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

нации») в своих трудах⁴ трактует «национализм» как одно из средств перехода от аграрного к индустриальному обществу, которое-де больше не может себе позволить лингвистическую и культурную чересполосицу и ликвидирует ее посредством националистической уравниловки, особенно в виде системы среднего и высшего образования. Ведущий английский специалист по тому же вопросу — Эрик Хобсбаум (автор сочного оксюморона «*изобретение традиции*»⁵) — в своем сочинении «Нации и национализм после 1780 года»⁶, используя известную марксистскую конструкцию «базис/надстройка», трактует «национализм» как «гражданскую религию», поддерживаемую и эксплуатируемую властью имущими в качестве очередного опиума for the people by the people. Иные также усматривают причины появления наций в увеличении налоговых сборов в середине XIX века (недовольные этим народы начали из вредности называть себя «нациями»), в моде на немецкий романтизм (идею «нации» случайно импортировали вместе с Гердером) et cetera. Так что весьма логичным на фоне всего этого безобразия является «тишковское» предложение Брубейкера⁷ не использовать вовсе по-

⁴ Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L., 1983 / Б. Андерсон. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

⁵ Как утверждает В. В. Коротева (Коротева В. В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999), среди известных ученых открыто признавали себя примордиалистами К. Гирц (Geertz) и Э. Шилз (Shils), чьи основные работы были написаны в 1950–1960 годы.

⁶ См., напр.: Brass P. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. New Delhi, 1991.

⁷ *Примечание 2010 года.* Предельной гранью этих полемик является позиция того же Тишкова, который считает примордиализм *опасным* в политическом смысле — как

нения «нации» в качестве легитимной категории научного анализа, а говорить о наблюдаемых вещах — например, о «националистическом» политактивизме, о «национализирующихся государствах» и прочих сущностях, «данных нам в ощущениях».

Святая уверенность в том, что «национальность» есть что-то подозрительно легковесное и надстроечное, а «самый базис всего» суть бабло и мочилово (то есть, простите, экономические интересы и политические практики), иной раз приводит к любопытным выводам. Например, к представлениям о «минимальных размерах» нации. По Геллнеру, «нация» должна обладать экономикой, способной потянуть обслуживание системы образования вплоть до высшего. По Андерсону, нация должна быть достаточно многочисленна, чтобы выпуск книг на национальном языке мог себя окупить⁸. Та проблема, что кой-какие народы занимаются национальным освобождением в вовсе даже неграмотном состоянии, обходится разными путями — скажем, имплицитным допущением, что «гра-

учение, позволяющее обосновывать национальные интересы (в том числе русские, что категорически неприемлемо) и хуже того — противопоставлять их интересам государства. Сам же национализм и связанный с ним концепт прав наций он понимает как орудие давления на многонациональные государства со стороны «мировых политических агентов» (см., напр., его статью «Постнационалистическое понимание национализма?» // *Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе*. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2010).

Однако если даже не принимать в расчет российских «ученых» пропагандистов, то и западная научная среда достаточно нетерпима к примордиализму и теориям реального существования наций. «Конструктивизм» той или иной степени жесткости является политкорректным мейнстримом, а учения о реальном существовании наций — моветоном.

⁸ Б. Андерсон. Воображаемые сообщества. С. 60–70.

мотные лидеры» во главе дикарей спят и видят, как вслед за обретением суверенитета мужики из племен тутси и хуту тут же бросятся на базар за местным Белинским. Что весьма сомнительно даже в отдаленной перспективе.

Впрочем, подобная явно выраженная неприязнь исследователей к объекту своего профессионального интереса отчасти объяснима той двусмысленной ситуацией, в которую попадает исследователь так называемых *деликатных вопросов*, допускающих двойное прочтение посвященных им трудов.

Как показывает практика, исследования в области национализма, национальной идентичности и т.д. *volens polens* допускают подобное двойное прочтение: результаты академических штудий могут быть использованы для целей политической агитации. Слишком часто исследователь того или иного «национализма» оказывается соучастником или противником того или иного националистического движения⁹.

При этом никакой уровень академизма не гарантирует от случайного наступания на какую-нибудь идеологическую мину. Достаточно вспомнить, что само слово «национализм» для натренированного уха европейского интеллектуала однозвучно «национал-социализму» и «фашизму», а тезис о несовместимости национализма и либеральных ценностей до последнего времени считался чем-то самоочевидным.

С другой стороны, исследователи национализма вынуждены принимать во внимание тот неприятный факт, что «теории национализма» имеются не только у них, но и у самого объекта изучения, т.е. у националистов.

При этом нежелательного диалога с профанами-практиками избежать никак не удается: идеологи, агитаторы и даже действующие политики активно заимствуют у ученых идеи, термины и понятия, а то и сами являются профес-

⁹ Op. cit. P. 71–88.

сионально компетентными фигурами или уж вполне почтенными знатоками, способными говорить с профессионалами (социологами, антропологами, этнологами) на их же языке. В подобной ситуации спор из-за «самой вещи» начинает напоминать перетягивание одеяла — если сами националисты кровно заинтересованы в максимально возможной реификации «нации», то позиция независимого исследователя прямо-таки вызывает к скептицизму в этом вопросе: понимание «национального» как «воображаемого» (в том или ином смысле) позволяет сохранить должную дистанцию по отношению к неназываемым, но подразумеваемым оппонентам.

Хотя, разумеется, дело не только в этом. Что греха таить — «нация» и впрямь крайне неудобный объект для исследования.

Реверс. Нации и национализм как политическая реальность

Теперь все-таки обратимся к теориям самих националистов.

Все националистические доктрины, как счастливые семьи, похожи друг на друга. В общем, они сводимы к нескольким простым положениям.

1. Существует такая вещь, как нация: реальная общность людей, имеющая, как минимум, свою историю.

2. У нации имеются интересы, не сводимые к интересам отдельных людей, групп, классов и так далее.

3. Интересы нации более важны (для нее самой), чем интересы людей и групп, в нацию не входящих.

4. Эти интересы могут быть реализованы преимущественно в сфере текущей политики: в частности, нация должна быть как можно более независимой от других наций, а желательно — доминировать в кругу других народов¹⁰.

Нетрудно видеть, что эти положения образуют круг. На первом шаге

«нации» приписывается существование, на втором — субъектность, на третьем эта субъектность объявляется верховной ценностью, а на четвертом эта ценность понимается как стремление к самоутверждению. Здесь круг замыкается, так как самоутверждение есть единственно возможное доказательство бытия нации: она есть, поскольку другие нации больше не могут игнорировать ее существование и вынуждены с ним считаться. Таким образом, *национализм призывает к борьбе за признание*.

Сказанное касается того, что хотят националисты. Теперь обратимся к внутренней стороне их теорий, а именно — к объяснению того, почему они этого хотят. То есть перейдем от националистической программы к националистическому мифу.

1. Во-первых, в обязательный набор националистических представлений входит (в том или ином варианте) *миф о Золотом веке*. Речь идет о неких отдаленных временах, когда счастливый и свободный народ вольно трудился на своей земле, не зная нужды и горя. Однако националисты всегда замечают, что в этом счастливом состоянии народ оставался наивным, не зная себя и своих сил, — то бишь не имея национального самосознания.

2. Вторым этапом обычно является появление национального врага. В качестве врага может выступать конкретный народ, захвативший или полонивший страдающую нацию, или целый ряд таких народов, или какие-нибудь совсем безличные силы (например, «империалисты»). Враг действует силой и хитростью, при этом не только подчиняя народ себе, но и *сообщая ему самосознание* — однако самосознание это ложное. Например, враг пытается ассимилировать народ, внушить ему ложные религиозные и/или общественные идеалы или еще как-нибудь искалечить.

3. Центральным этапом истории является начало националистической проповеди. Как правило, ее начинает

один или несколько человек, чье самосознание (ложное) оказывается, однако, настолько *развитым*, что способно самостоятельно открыть истину¹¹.

4. Идеологи просвещают народ относительно его чаяний и ценностей, сообщая ему учение о самом себе.

5. Далее следует борьба за «возрождение», обретение независимости и прочих благ, и в конце — счастливое возвращение в Золотой век, но с прибытком: нация обрела самосознание и больше не позволит себя так просто объегорить¹².

Здесь мифы кончаются, и начинаются несовпадения националистической теории и националистической практики. Особенно резко это проявляется в трех моментах: с соответствием исторической правды национальному мифу (проблема «исторической достоверности»), с определением границ нации («проблема идентичности») и с формой желаемого национального удовлетворения (она же «национальная идея»). Нетрудно видеть, что эти три проблемы аккуратно охватывают прошлое, настоящее и будущее нации.

Начнем с последнего. Известно, что одним из популярных вариантов национального самоутверждения является создание собственного независимого государства. Однако он далеко не единственный: не менее часто национальное чувство присваивает своей нации право распоряжаться судьбой *других* наций — или империалистиче-

ски, или в форме завоевания привилегированного положения для данной нации в одном, а то и в нескольких, государствах (типичский случай — «национализм диаспор» или близких к ним по положению национальных меньшинств). Иной раз ярко выраженный национализм спокойно относится к формам политического бытия. Не предполагающим суверенитета — таким, например, как пребывание в составе большой многонациональной империи¹³ или добровольное подчинение признанным мировым лидерам¹⁴. Наконец, существует нигилистический национализм, ищущий самоутверждения не столько в построении чего бы то ни было «своего», сколько в разрушении «чужого»¹⁵.

К тому же цели националистического движения могут еще и меняться со временем: любая конкретная «программа» здесь является чем-то *вторичным* по отношению к национализму

¹³ *Hobsbaum E.* Nation and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge, 1990 / *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. Также см.: *Хобсбаум Э.* Национализм и этничность // Национализм (Взгляд из-за рубежа). М.: Российская академия государственной службы при Президенте РФ. Информационно-аналитический центр, научно-информационный отдел, 1995.

¹⁴ См., напр.: *Brubaker R.* Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism // *The State of the Nation.* Ernest Gellner and the Theory of Nationalism / John Hall (Ed). Cambridge: UK, 1998. P. 272–306 / *Брубейкер Р.* Мифы и заблуждения в изучении национализма // *Ab Imperio.* Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. Вып. 1. Казань, 2000.

¹⁵ То есть о политических образованиях, внутренняя политика которых связана с использованием риторики «национального строительства» для выделения определенных групп населения с целью манипулирования ими (например, в структуре отношений типа «доминирующая нация — национальное меньшинство — диаспора»).

¹¹ *Gellner E.* Nation and Nationalism. Oxford, 1983 / *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991; каноническое изложение теории см. в статье: *Геллнер Э.* Пришествие национализма: Мифы нации и класса // *Нации и национализм: Сборник.* М., 2002. Похожую позицию занимает К. Гирц, см.: *Geertz C.* Thoughts on Researching Nationalism. Manuscript. «Understanding Nationalism» workshop, Institute for Advanced Study, Princeton University, 4–6 December 1997, manuscript, 4 pp.

¹² *The Invention of Tradition.* Ed. E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 1983.

как таковому. Грубо говоря, это «повод, а не причина».

Теоретики «национальной идеи» этот момент, как правило, игнорируют — и правильно делают. Есть нехорошая закономерность: чем точнее обозначены цели «национального возрождения», тем вероятнее неудача. Это не значит, что «национальной идеи» вообще не должно быть. Просто идея не есть программа. Национализм — не столько «учение», сколько *особое устройство взгляда*: «национальная идея» — не картинка, а окно, сквозь которое смотрят на мир, выискивая там интересное для «национального интереса»: хороший националист видит свой интерес *везде*. Поэтому интенсивные поиски «национальной идеи» — очень плохой признак. Если на эту тему много говорят и пишут, это означает одно из двух: либо этой идеи нет и неизвестно, где ее взять, либо она есть (но через предлагаемое окошко «ничего не видно» или ее почему-то стыдятся, как стыдятся рассматривания «неприличностей»). Но вообще-то идеальная форма бытования национальной идеи — *секрет полишинеля*: то, о чем все причастные прекрасно знают (ибо *видят*) и *молчат*¹⁶.

Еще сложнее обстоит дело с «идентичностью». Все попытки решить эту проблему на вербальном уровне обычно только смущают умы. Более того: любой «внешний» взгляд на любую конкретную нацию (предполагающий какие бы то ни было «определения» таковой) оказывается *прямо противоположным* националистической практике. Националист, как правило, не может — и более того, не хочет — ответить себе и другим на простейший вопрос о границах «своего народа» (например, о том, «кто может называться немцем» или «кто такой еврей»). При этом все

предлагаемые со стороны дефиниции («немец есть то-то и то-то»), как правило, яростно отвергаются — причем тем яростнее, чем сильнее в человеке «национальное чувство». Возникает ощущение, что «критерии суждения» в этом вопросе не просто не вербализуемы до конца (это было бы полбеды), но еще и подвергаются активному *вытеснению*, причем подобное вытеснение является важным признаком *наличия* национального чувства¹⁷.

Если же посмотреть на «само дело», то признаки национальной идентичности могут быть сколь угодно ничтожными и случайными, и этого оказывается вполне достаточно для практических целей. В том числе и таких серьезных,

¹⁷ Мы используем несколько расширенный вариант определения, данного В.В. Коротеевой в статье «Существуют ли общепризнанные истины о национализме?» (Pro et Contra. 1997. № 2 (3)), где автор (со ссылкой на *Breuilly J. Nationalism and the State. Manchester, 1982*) пишет: «С некоторыми оговорками большинство специалистов сходится в том, что основную доктрину национализма можно изложить так: существует такая общность, как нация, с присущими ей особыми качествами; интересы и ценности этой нации обладают приоритетом перед другими интересами и ценностями; нация должна быть как можно более независимой; для этого нужен, по крайней мере, некоторый политический суверенитет».

Чаще встречаются определения, обращающие преимущественное внимание на какую-нибудь одну сторону дела. Например, Карл Дойч (*Deutsch K.W. Tides among Nations. NY, 1979*, цит. по: Этнос и политика: Сборник. М., 2000) понимает национализм «когнитивно»: «Национализм — это состояние ума, которое при принятии решений в социальных коммуникациях придает особое значение “национальным” сообщениям, воспоминаниям и образам». Напротив, Геллнер в начале «Нации и национализма» вообще не ссылается на «чувства», предлагая чисто политическую дефиницию явления: «Национализм заключается в требовании совпадения лингвистических границ с государственными».

¹⁶ Таким образом, перспективы некоей группы людей стать «нацией» задаются возможностью рентабельного культурного активизма, рассчитанного на *внутренний* рынок.

как этническая чистка: библейская ситуация с «шиболетом»¹⁸ является в некотором роде типической. В крайнем случае в ход идет *чутье*, т.е. невербализуемое ощущение «чужого» — и это работает.

Подобная ситуация связана с принципиальной недеделигируемостью посторонним (в данном случае «независимым наблюдателям») важнейшего права «национально-сознательного» индивида: права судить, кто может и кто не может принадлежать к нации. Очевидно, что право включать или не включать кого-то в группу есть *власть*, причем власть в самом прямом и непосредственном ее виде — как право исключать из группы, осуществлять остракизм. «Этническая» власть — это *право каждого судить о каждом*, причем право *неотъемлемое*, есть не что иное, как *народовластие*, причем в его самом чистом, «естественном» виде. Передоверить такое право «теоретикам» и их теориям означало бы не что иное, как утрату того самого «самостояния», к которому нация так стремится. Едва ли Ренан в своем известном высказывании («нация — это ежедневный плебисцит») имел в виду эту сторону вопроса — но здесь оно как нельзя к месту.

Возникает, однако, вопрос: а насколько объективны такие суждения? Сама идея «народовластия» в нашем понимании этого слова слишком тесно связана с произволом, чтобы не предположить здесь подвоха (наподобие «будем считать принадлежащим к на-

ции N всех, кого приняли в нацию N всенародным голосованием»). Однако здесь не то: «национальное чувство» всегда претендует на *объективность*. Суждение о «своем» и «чужом» имеет ценность тогда и только тогда, когда оно выражает не личную волю судящего (мало ли кого мы склонны записывать в «свои» по доброте душевной, а в «чужие» — по злобе), но реальность.

Демократия предполагает не коллективное своеволие, а *коллективное усмотрение истины*, где коллективность является критерием истинности взгляда: то, что все видят одинаково, то и верно. Разумеется, это утверждение правильно не для всех истин, но демократия и не является универсально применимой. Важно отметить, что такие сферы *есть*. И не потому, что существуют вопросы, в которых равно компетентны все (это не так), а потому, что в этих вопросах высказывается не «личное мнение», а нечто большее.

Поэтому вся критика демократии как практики учета случайных мнений невежественной массы бьет мимо цели: все дело состоит в том, что в *некоторых* вопросах суждение высказывает не отдельный человек, а некая превосходящая его сила, куда более компетентная «по части гражданской добродетели».

Теперь обратимся к тому, что же именно фиксируется в подобном суждении.

Большинство теорий «национальных чувств» так или иначе ориентируются на идею «национальных особенностей», которые якобы и являются предметом интереса националистов. Отсюда следует обычная (и абсолютно бессмысленная) критика национальных чувств, суммируемая в избитой фразе «нельзя же ненавидеть за цвет кожи и форму носа». Эта благоглупость, разумеется, смешна: сам по себе *шиболет* не является предметом любви или ненависти. Национальные чувства связаны не столько с рефлексией над собственной «особенностью» (это

¹⁸ Одно из первых описаний геноцида — Суд. 12, 5–6: «И перехватили Галаадитяне переправу через Иордан от Ефремлян, и когда кто из уцелевших Ефремлян говорил: “позвольте мне переправиться”, то жители Галаадские говорили ему: не Ефремлянин ли ты? Он говорил: нет. Они говорили ему: скажи: “шиболет”, а он говорил: “сибболет”, и не мог иначе выговорить. Тогда они, взяв его, закололи у переправы через Иордан. И пало в то время из Ефремлян сорок две тысячи».

удел теоретиков), сколько с острым переживанием *границы* между «ними» и «нами».

Следует подчеркнуть, что *особенность* и *отграниченность* — совершенно различные явления. Когда мы говорим, что нечто отличается от всего прочего, мы далеко не всегда проводим границу между «этим» и «тем». И не потому, что переход от «этого» к «тому» совершается плавно (как между оттенками одного цвета): он может быть сколь угодно резким. Главное — в том, что этот переход ничем не затруднен. Ты делаешь один шаг и оказываешься в совсем другом месте — важно, что этот шаг делается легко и просто. Граница — это совсем другое. Прежде всего, наличие границы не предполагает, что она разделяет *разные* вещи. *По обе стороны границы может находиться одно и то же*. Важно лишь то, что границу трудно пересечь. Это — главное (а по существу единственно важное) свойство границы. Если рассуждать более формально, границу можно определить как место, где *пресекаются цепи причинности*: процесс, захватывающий все по одну сторону границы, не продолжается по другую ее сторону. Например, граница физического тела — это то место, на которое «натывается» другое физическое тело в своем движении. В более сложных случаях мы видим, что процесс может продолжаться и по ту сторону, но замедлившись, ускорившись или изменив свое направление. Все эти случаи иллюстрируют главное: граница имеет отношение не к материи и пространству, а ко *времени*.

Так вот: две нации могут *ничем* не отличаться друг от друга, кроме самого факта наличия границы между ними. Эта граница может быть обозначена минимальным набором маркеров — достаточно пары столбов и кое-как проведенной межи. То есть — нескольких общеизвестных шиболетов, позволяющих отличить «своего» от «чужого» в ряде общезначимых ситуаций. При

этом шиболет может не иметь *никакой* «культурной ценности»: достаточно того, что он позволяет различить «свое» и «чужое».

Поэтому пресловутые «этнические различия» (на описание и изучение которых потрачено столько сил и времени) в *самых важных*, критических ситуациях значат не больше, чем униформа солдат сражающихся армий. Разумеется, мундиры должны чем-то различаться — чтобы в случае чего не подстрелить «своего». Однако это и все: никакой «сущности» (например, «уникального народного духа») за ними, как правило, не стоит.

В конце концов, можно очень высоко оценивать себя как нацию и быть не в восторге от своих «отличительных особенностей» — например, скептически оценивать собственную национальную культуру, не считая ее значительным достижением. Как показывает практика, по-настоящему успешная нация вообще не нуждается в «охране национальных различий». Например, современным американцам их национальный успех *заменяет* «национальные отличия» от других народов. В некотором смысле он и является их *главным* (а может быть, и единственным) отличительным признаком: эта нация осознает себя как «успешный народ», «народ-победитель-всего» (America Is One). Можно даже сказать, что во *всяком* лидерстве сейчас есть «что-то американское» — и этого довольно. Что касается «национальных особенностей» (типа любви к бейсболу и кетчупу), то американец-патриот вполне способен иронизировать над таковыми in toto — что отнюдь не мешает ему регулярно поднимать американский флаг над собственными домом.

Напротив, тщательное поддержание «национальной самобытности» зачастую свидетельствует об *угасании* национального духа — например, в том случае, когда «самобытность» превращается в товар. Достаточно вспомнить некоторые народцы и племена, для ко-

торых пресловутая «самобытность» является просто-напросто единственным пользующимся спросом товаром: глиняные кувшины, поделки из перьев, деревянные божки, превращенные в сувениры и выставленные на туземном базаре за пару долларов, — все это, очевидно, отнюдь не является проявлениями «могучей силы национального духа», а, напротив, свидетельство его капитуляции перед обстоятельствами¹⁹.

Теперь, наконец, обратимся к проблеме «национального мифа».

Разумеется, всем хорошо известно, что большая часть любой национальной истории — как в отношении Золотого века, так и по поводу вражьих происков — просто-напросто выдумана самими же националистами. Однако проблемой это не является: в момент подъема национальных чувств такие мелочи, как соответствие или несоответствие мифа каким-то там «фактам». Настоящие проблемы возникают потом, *после* «национального освобождения» — особенно если это было настоящее освобождение от власти другого народа. Очень часто выясняется, что самой *желанной* культурой для освободившейся нации является как раз культура тех супостатов, от владычества которых он так стремился освободиться. Те же индусы поступили довольно честно, оставив в качестве государственного языка многонациональной и многоязычной страны английский — а не попытавшись, например, возродить санскрит. У ирландцев возрождение гэльского превратилось

в унылый фарс, продолжать который расхотелось ровно тогда, когда всем стало окончательно ясно, что независимость Ирландии достигнута. То же самое происходит и с культурой в целом: она начинает строиться как раз по образцам культуры «угнетателей».

Особенно интересны в этом смысле «особые случаи», типа израильского, где общий фон «национального строительства» (например, успех иврита) был фундирован немаловажным обстоятельством: люди, бежавшие «из Европы», приехали на Святую Землю для того, чтобы построить там не что иное, как Европу же, но только «маленькую Европу для евреев». Однако ведь и независимая Индия проектировалась как «Англия для индусов» (разумеется, в том понимании «Англии», которое было у индийских интеллектуалов), Ирландия — как «Англия для ирландцев», и так далее. Модель национального успеха обычно берется не из «глубин народной души» (где ее, впрочем, и не ищут), а как раз *из преодолеваемой* (а по сути — принимаемой в качестве образца) *культуры*. «Победители дракона» в глубине души мечтают сами стать драконами.

Гурт. Прологомены к аналитике национального

Одним из главных источников проблем в изучении наций и национализма является характер ее отношений со своими обычными спутниками — такими, как свой язык, территория, культура и проч.

Если «наивное» понимание нации попросту полагает все вышеперечисленное «признаками», *естественными атрибутами* нации, то современный этнономинализм *de facto* полагает их *побочными продуктами* «национального активизма», нужными для достижения каких-то третьих целей (типа построения капитализма в одной, отдельно взятой стране). Мы же намерены рассматривать «национальные атрибуты» не как «неотъемлемые признаки», но и

¹⁹ В качестве примера можно вспомнить тему «еврейской картавости». Здесь шиболет — это способность четко произносить вибрант «р», якобы присущая только «настоящим русским». При этом способность к произнесению «чистого р» у самих русских не считается сколько-нибудь значимым «национальным достоинством», хотя отсутствие такой способности маркируется как «недостаток».

не как случайные следствия безличных процессов, но как *национальные достижения*, или *трофеи*.

Расселиться и занять собой территорию, создать национальный язык (отличающийся от других языков и единый в себе), построить национальную культуру — все это относится не к «неотъемлемым атрибутам», а именно к списку *успехов*. Разумеется, совсем неуспешные народы просто не выживают — поэтому народы, не имевшие *никаких* успехов, не оставляют следов в истории.

Однако иные из них могут *настолько* преуспеть в каком-то одном отношении, что позволяют себе не обращать внимания на другие. Так, всем нам хорошо известно, что некоторые народы не обладают своим особым языком, четко очерченной территорией, самобытной культурой, видимыми антропологическими различиями и так далее — и тем не менее являются именно нациями. С другой стороны, люди, принадлежащие одной нации, могут отличаться внешне, разговаривать на разных языках и так далее.

Все перечисленные выше призы и трофеи имеют лишь одну общую черту: они не могут быть приобретены *быстро*. Как правило, на то, чтобы расселиться по новой территории, создать национальный язык, собственную культуру и так далее, уходит жизнь нескольких поколений. Более того: живущие здесь и сейчас представители народа могут даже не осознавать, что именно с ними происходит и куда идет дело. С их точки зрения, они «просто живут», т.е. решают практические задачи по обустройству своего быта — ну или, в лучшем случае, своих детей. Ситуация, в которой они находятся, воспринимается ими как данность: «так уж получилось, что мы здесь живем», «вроде бы дела пошли на лад», «что-то идет не так» etc. Разумеется, люди влияющие на глобальную ситуацию — но далеко не всегда осознают это.

Эти «длинные периоды времени», превышающие человеческую жизнь —

и уж тем более человеческие представления о прошлом и будущем, — мы будем, вслед за «анналистами», называть Большим временем. В дальнейшем мы будем рассматривать «народ» как совокупность людей, конкурирующую с другими народами (другими такими же совокупностями людей) в Большом времени — т.е. как *субъект конфликта, протекающего в Большом времени*.

Сами по себе сферы межнациональной конкуренции известны: это прежде всего демография, а также геополитика и геоэкономика: каждая нация стремится быть многочисленнее и богаче других наций, занимать большее (и более удобное для жизни) пространство и т.п. Важно понять, что имеется в виду, когда мы говорим о Большом времени применительно к нации. Имеется в виду «историческое» время, исчисляемое сроками жизни поколений. Очевидно, что на таких исторических промежутках бессмысленно говорить о конкуренции между конкретными индивидами. Однако конкурентные процессы в больших временных масштабах вполне наблюдаемы. Соответственно, «народы» можно определить в качестве *субъектов* этих процессов, т.е. как *макроконкурентные группы*. Слово «макро» здесь обозначает не столько численность нации (бывают и очень малые народы), сколько *масштаб* процессов, в которые они вовлечены. Даже небольшая группа людей, принимающая самостоятельное участие в глобальных процессах, есть полноценный народ.

Далее, следует отличать самостоятельное участие в длительных («больших», «медленных») процессах и самостоятельность (или даже действительность) в текущей политике, т.е. в процессах «быстрых». Из первого автоматически следует второго. Народ, «просто живущий» на какой-то территории — и, может быть, весьма успешный по меркам Большого времени — может никак не проявлять себя во времени «малом». Например, зем-

ледельцы, живущие в какой-то местности, могут столетиями страдать от набегов кочевников, которые нападают на их селения, грабят, жгут, насилюют, уничтожают урожай и т.д. При этом земледельцы могут относиться к кочевникам как к стихийному бедствию, с которым «ничего не поделаешь». Может показаться, что земледельцы смирились с ситуацией. Однако в масштабах Большого времени они активно теснят кочевников: рождаемость среди земледельцев выше, пастбища постепенно распахиваются под пашни и т.д.

Но бывают ситуации, когда действий в Большом времени оказывается *недостаточно*. Например, те же кочевники могут причинять *слишком* значительный вред: народ просто не успевает восстановиться, восполнить нанесенный ущерб. В таком случае у него есть альтернатива: постепенно сдавать позиции в Большом времени или *начать отстаивать себя в «малом времени»* — например, создавая оборонительную систему, окружая себя рвами и частоколами, организуя боевые дружины и т. д. Все эти мероприятия — громоздкие и затратные — возможны, однако, только в том случае, когда жители начинают осознавать себя именно в качестве *нации*. Такое осознание не дается сразу: требуется определенный уровень понимания ситуации, достижимый далеко не всегда и не во всех случаях. Но если уж он достигнут, народ начинает совершать поступки, нужные не только и не столько конкретным людям, сколько народу в целом.

Обычно подобная мобилизация наблюдается в критических ситуациях — например, во время войны. Однако есть способы сделать ее *постоянным* фоном существования народа, *озаботить* народ задачами глобальной конкуренции.

Совокупность этих способов, приводящих к постоянной мобилизации народа, и есть национализм. И любой народ, *активно заботящийся о собственном будущем* (т.е. соразмеряю-

щий свои действия с Большим временем), уже можно считать «нацией».

Обычно максимальную заботу о будущем проявляет социальная верхушка, элита, которая состоит из людей «долгой воли» и занята не трудом, а удержанием власти над подданными и защитой от внешних посягательств. Поэтому свойства нации приобретает в первую очередь она, что и естественно²⁰. В этом смысле новоевропейскую нацию можно понимать как *расширенную аристократию*, чьи права и обязанности распространяются на весь народ.

Остается понять, как это стало возможным. Что случилось в Европе в XVII–XVIII веках, помимо распространения самого слова «нация»? Ответ таков: в это время было совершено своего рода *переоткрытие* национализма — а именно, он был впервые в истории реализован в поле *политики*.

Политика в европейском смысле этого слова — уникальное явление, не имеющее прямых аналогов в других культурах. Речь идет о наборе практик, позволяющих отдельным частным людям, в том числе бедным, хитрым

²⁰ В этом смысле более чем симптоматично, что в самом центре Москвы (на Старом Арбате) со времен ранней перестройки находится туристский «развал», где на продажу выставлены адаптированные под нужды сувенирного бизнеса символы русской и советской идентичности — красные знамена (настоящие), советские отличительные знаки и ордена, военная форма и так далее — вместе с деревянными ложками, матрешками и проч.

Очень развитая сувенирно-туристическая индустрия Европы построена совершенно иначе: она предлагает туристу именно *сувениры*, то есть набор побрякушек, которые никак не связаны с почвой и национальной культурой и никогда не используются местными жителями. Типичной «сувениркой» являются «веселые маечки» (каких никогда не носят местные) или «магнитики на холодильник». Купить в туристском месте что-нибудь *настоящее* невозможно.

и не допущенным в элиту, влиять (или хотя бы *пытаться* влиять) на принятие решений сколь угодно высокого уровня. В большинстве культур подобные возможности были жестко табуированы. Все, связанное с властью, проектами, будущим как таковым, оставалось в ведении элиты. Соответственно, массы были отсечены от каких бы то ни было решений — и даже мыслей на подобные темы. Неудивительно, что исследователи традиционных обществ отмечали поразительное безразличие «народных масс» к вопросам подданства, власти и так далее. Средневековому крестьянину было в высшей степени безразлично, под чьей властью он находится и в какой стране живет — если только его не трогали. «Политический человек» Нового времени к таким вопросам, как минимум, неравнодушен.

Основная тема националистической мысли такова: *что мы можем сделать сейчас, чтобы наш народ* (пусть даже в лице наших отдаленных потомков) *выиграл в глобальной игре, ведущейся в Большом времени?* В таком случае национализм можно определить как доктрину, которая утверждает, что макроконкурентная группа должна иметь возможность принимать участие в микроконкурентных процессах, прежде всего в текущей политике. *Национализм проецирует отношения, имеющие место быть в Большом времени, на «малое», «человеческое» время.* Нация начинается там, где думают глобально (или о глобальном, «на столетия»), а действуют локально (здесь и сейчас, но имея в виду дальние цели).

Тут становятся возможными националистические фигуры речи — например, ходовое «без собственной национальной государственности мы не можем надеяться на сохранение генофонда, языка и культуры нашего народа». Здесь утверждается прямая зависимость процессов, происходящих в Большом времени (например, «сохранение генофонда») от текущих процессов «малого времени» (обретение

«национальной государственности» здесь и сейчас), а сама проекция осуществляется через поле политического дискурса.

Очевидно, что эта проекция требует какого-то проектора. Здесь вступает в силу конструктивизм: для того чтобы соединить две «естественные» вещи (Большое время жизни народа и «малое» время жизни конкретного человека), требуется нечто искусственное — т.е. «националистическая машина», которая систематически транслирует первое во второе. Эта машина и называется «национализмом». *«Национализм» есть особый общественный институт* (наподобие «церкви», «правовой системы» и так далее). О том, как именно устроена эта машина, можно рассуждать долго, а мы ограничены рамками статьи.

В заключение — два любопытных вопроса. Во-первых, является ли националистическая проекция Большого времени на «малое» время отдельного человека единственно возможной? Отнюдь нет. Самая известная проекция Большого времени на человеческую жизнь осуществляется не национализмом, а *религией*.

За исключением особого случая иудаизма, в котором «национальная» и «религиозная» проекции совпадают, монотеистические религии являются конкурирующими с национализмом системами проекций. Они позволяют индивиду вписать свою жизнь в Большое время *помимо* «дел народа» — например, через участие в «работе спасения», как индивидуального, так и всеобщего. Поэтому очень не случайно, что Великая французская революция была *одновременно* и националистической, и антиклерикальной: именно последнее обстоятельство сделало возможным формирование «французской нации». Это не значит, что между религией и национализмом не могут быть установлены более сложные, в том числе позитивные, отношения — однако это требует дополнительных усилий.

Второй вопрос — существует ли все же разница между «нацией» и «этносом»? Опять же — да. Как правило, статус «этносов» получают группы, которые не были уничтожены или ассимилированы самоутверждающейся нацией, но которые не удалось сразу переварить, и с ними пришлось налаживать отношения, а следовательно, «давать им место» и как-то осмысливать их существование. На положение «этносов» также низводятся проигравшие нации, утратившие свои трофеи, но еще способные отстаивать свое существование. Собственно, если «нация» определяет себя как «господствующую», то «этнос» — это *опозиционная* структура по отношению к «нации»: он не столько утверждает свои долговременные интересы в «малом времени», сколько *защищается* от чужого самоутверждения. Обычная мечта любого «этноса» — чтобы его оставили наконец в покое. Но эта мечта обычно приводит к историческому поражению: «этнос» в эпоху господства агрессивных национализмов рано или поздно ассимилируется. В лучшем случае он сохраняет кое-какие внешние черты утраченной самости, как правило — в качестве коммерческого продукта. Грозный шиболет становится смешной и безопасной «матрешкой».

Заключение. Русская тема

Так что же происходит с русскими? Почему они никак не перейдут границу, отделяющую народ от нации?

Первый и самый очевидный ответ — так происходит потому, что русский народ был и остается жертвой антинациональной (сначала «интернационалистской», а теперь «толерационной») политики властей, проводившейся в течение очень долгого времени. Начиная с того, что русских лишили элиты (практически вся русская элита была физически уничтожена большевиками) и кончая изощренными мерами по разобщению народа, отсечению русских от власти и творчества, уничтожению знаний об управленческих практиках,

запретом на политику и многое, многое другое. Сколько-нибудь полное и хотя бы относительно объективное описание того, что проделали над русскими и их самосознанием, заставило бы содрогнуться даже специалиста по допросам третьей степени.

Тем не менее мы сейчас не будем уделять внимание этим обстоятельствам — не потому, что они не важны, а потому, что они очевидны. Национальный гнет — «преестественная вещь» в истории, причем для того, чтобы его осуществлять, не обязательно, чтобы угнетатели относились к другому народу «на самом деле». Достаточно, чтобы они манифестировали свое отличие от него — то есть сами образовывали бы нацию, отказывая в этом угнетаемым²¹. Впрочем, в российском случае иноэтническое (нерусское) происхождение элиты является как минимум обсуждаемой темой — но, повторяю, мы сейчас не об этом.

Поставим вопрос так: есть ли что-то в русских национальных стратегиях, препятствующее росту национального самосознания даже в условиях открытого национального гнета, как сейчас?²²

Да, такая причина есть, и она довольно проста. Русские до самого последнего времени являли собой (не столь уж редкий в истории) пример народа, не очень-то преуспевающего в «малом времени», но *очень успешно* действующего на больших исторических промежутках. То, что в пределах дней и лет выглядит как пресловутое «русское терпение», в Большом времени смотрится совершенно по-другому.

Возьмем, например, два параметра, связанных с «малым» и Большим временем. Так, период с начала XIV и до конца XVIII века с точки зрения по-

²¹ Вспомним уже упоминавшийся польский «сарматизм».

²² Эти абзацы не вошли в опубликованный в «Отечественных записках» текст по понятным редакционным соображениям.

литического и культурного развития России был крайне неудачным. Однако между 1500 и 1796 годами число великороссов (без украинцев и белорусов) выросло в четыре раза (с 5 миллионов до 20 миллионов человек), тогда как французов — лишь на 80 процентов (с 15,5 до 28 миллионов), а итальянцев — на 64 процента (с 11 миллионов до 17 миллионов)²³. Примерно тот же порядок цифр получается, если сравнивать такие параметры, значимые в Большом времени, как прирост и освоение новых территорий, рост влияния, построение «нормированной» высокой культуры и так далее.

Так называемое «русское долготерпение» является выражением именно этой стратегии: вкладывать все силы в глобальный процесс выживания и расширения, даже не пытаясь действовать локально. Русские привыкли к тому, что в конце концов «все устаивается» к их пользе — нужно только *подождать*. Успешное развитие в течение столетий подтверждало эту интуицию: все можно пережить, главное — выжить и вырастить детей. А там будет видно. За исключением периодов больших войн, система проекции долговременных интересов народа на действия конкретных людей просто не была востребована.

Фактически, именно «русское терпение» является главным препятствием на пути русского нацбилдинга. Можно даже сказать, что терпение (то есть готовность к «долгим путям») заменяет русским механизмы национальной мобилизации.

И до какого-то момента это работало. В настоящее время, однако, положение дел кардинально изменилось. В течение последнего века русские успехи сменились неудачами — достаточно посмотреть на те же демографические потери. Русских становится меньше, они живут все хуже, и дела у

них не ладятся. Причин тому, как уже было сказано выше, хватает, но главная — *русских систематически обгоняют на малых временных промежутках*, и нагнать уже не получается. Все беды случаются очень быстро, одна обгоняет другую, и «пережить» эти беды уже невозможно.

Однако сломать один из главных стереотипов русской системы выживания непросто. Первые, очень робкие движения массового «национального чувства» (пока что связанные с достаточно случайными обстоятельствами) еще не «зацепились» за националистический миф. Однако можно спрогнозировать рост подобных настроений в относительно близком будущем. При этом большую роль в их развитии и осмыслении могут сыграть русские, оказавшиеся за пределами России: жители «новых независимых государств», эмигранты последней волны, а также — и это наиболее вероятно — «граждане мира», получившие хорошее образование... ну, хотя бы в том же самом старом добром Оксфорде, из чьих стен вышло немало пламенных борцов за счастье самых разных народов²⁴.

²⁴ *Примечание 2010 года.* Следует признать, что это предположение не оправдалось. Большую часть «националистического призыва» 2005–2010 годов составили коренные жители России, столкнувшиеся с иноэтническим нашествием с Кавказа и из Средней Азии. Лидеры русского движения тоже практически никак не связаны ни с ближним, ни с дальним зарубежьем.

С другой стороны, все больше русских националистов начинают рассматривать зарубежье, в том числе «русское», как базу для возможной эмиграции — в силу ужесточения политического режима в РФ (а некоторые уже эмигрировали). Впрочем, подобный грустный опыт имели многие деятели различных национально-освободительных движений, и вряд ли русское движение станет исключением.

²³ Напр., см.: *Анисимов Е.* Какие мы русские? // Комсомольская правда, 13.03. 2002.

Краткий словарь терминов

БОЛЬШОЕ ВРЕМЯ. *La longue durée*, одно из центральных понятий исторической школы «Анналов». Имеются в виду глобальные временные ритмы, в течение которых происходят незаметные изменения, не воспринимаемые с обыденной точки зрения как события: горообразование, эрозия почв, изменение расового и национального состава населения и т.п. Однако в Большом времени они являются именно *событиями*.

Переход от «малого» («человеческого») к «Большому» времени есть перевод взгляда (с «переднего плана» на «фон»), а не механическое увеличение «обозреваемого периода». Так, «малое» и «Большое» время могут измеряться одними и теми же хронологическими промежутками. Например, «XX столетие» для политической истории — это время, в течение которого произошли две мировые войны, несколько революций и т.п. В Большом времени «XX столетие» — это эпоха взрывного роста населения в некоторых регионах Земли, изменение расового и национального состава населения Европы, etc.

Нетрудно заметить, что школа «Анналов» понимает процессы, происходящие в Большом времени, по образу и подобию *природных*, т.е. прежде всего как бессубъектные и неконфликтные. Мы считаем такое ограничение методологически не оправданным. В частности, мы определяем «народ» как «субъект Большого времени».

ГРАНИЦА. Образование, пресекающее цепи причинности. Процесс, начавшийся по одну сторону границы, не продолжается по другую ее сторону. (Например, граница физического тела — это то место, на которое «натывается» другое физическое тело в своем движении.) В более сложных случаях процесс может продолжаться и по ту сторону границы, но замедлившись, ускорившись или изменив свое направление.

НАРОД. Субъект глобальных процессов определенного типа, происходящих в Большом времени (не менее времени жизни одного поколения). Народы конкурируют между собой за территорию, ресурсы, долговременное политическое и экономическое доминирование.

НАЦИЯ. Сообщество, способное действовать в малом («человеческом») времени (менее времени жизни одного поколения), осознающее долговременные цели *народа* и пытающееся способствовать их достижению своими действиями «здесь и сейчас» (прежде всего — своей политической активностью). «Состоявшаяся нация» обладает набором механизмов, позволяющим осуществлять такую проекцию. (Одним из таких механизмов является государство).

ТРОФЕЙ. «Национальное достижение». Успешный результат действий народа, достижимый лишь в масштабах *Большого времени* (конкретно — более периода жизни одного поколения). К трофеям относятся: оккупация и освоение новых территорий; умножение численности населения; успешная ассимиляция других народов; достижение массового благосостояния; политическое, экономическое или военное доминирование в регионе; создание и массовое внедрение «высокого» («литературного») языка; создание полноценной национальной культуры и т.д. и т.п.

ШИБОЛЕТ. От Книги Судей, 12, 5–6, эпизод со словом «шиболет» (колос), которое не могли произнести ефремляне. Этническое различие, некогда незначительное, но — постепенно или внезапно — ставшее «вопросом жизни и смерти». Мы полагаем, что таков генезис всех (или почти всех) *значимых* этнических различий. При этом шиболет как различительный признак, как правило, обладает *минимальной* затратностью на его распознавание: это «цепляющая мелочь» — которая, однако, достаточно надежно маркирует границу «своего» и «чужого».

ОЛЕГ НЕМЕНСКИЙ

Поляки и русские: народы разных времен и разных пространств

Трения между поляками и русскими, обострившиеся в последнее время, нередко вызывают недоумение. Мол, непонятно, что же эти народы не поделили. При этом представители последних с трудом могут объяснить, в чем причина этих трений. Русские, сталкиваясь с польской озлобленностью, обыкновенно ссылаются на старый образ из крыловской басни про собачку Моську, которая «знать, сильна, что лает на слона!». Поляки же пускаются в рассуждения о «ценностной пропасти» между двумя культурами и объясняют озабоченность русским вопросом некой «российской угрозой», которая постоянно нависает над их страной. При этом ценностями русской культуры называют то, что в самой русской культуре имеет обыкновенно выражено негативное восприятие. Оба объяснения слабы, так как представляют односторонний взгляд, притом еще и оскорбительный для другой стороны. Глубинная же причина ситуации ими никак не затрагивается: они описывают не основания для конфликта, а лишь выводы из него.

Полагаю, что противоречия между русскими и поляками носят не столько конъюнктурно-политический или ценностный, сколько идентитарный характер. У нас противоречают и даже взаимоисключающие идентичности, и в этом корень проблемы.

Вообще, идентичность всегда имеет ностальгическую природу, она структурирует нашу коллективную память, и поэтому ее рассмотрение нельзя отделить от исторического самосознания, от представления о том, каким было прошлое — русское, польское или какое-либо другое. Многажды отмечалось, что каждый народ имеет свой «золотой век» в истории. И это не просто «лучшее время» на его памяти, а иногда и вовсе не лучшее. Но это эпоха, на воспоминаниях о которой основано его историческое самосознание и его идентичность. Это как бы идентитарное зеркало, глядя в которое он видит, кто он такой.

Несомненно, что для русских «золотой век» — это Киевско-Новгородская Русь, «Русь Владимира», то есть Русь X–XII вв. Основы нашего самосознания запечатлены в т.н. Киевском цикле былин и в многочисленных сказках о русских князьях и богатырях. Согласно с представленной в них картине прошлого писались и учебники русской истории и в имперское, и в советское время. Как не раз отмечалось исследователями, в образе былинного князя Владимира Красно Солнышко сошлась память сразу о двух великих князьях — о Владимире Святом и о правившем более чем веком позже Владимире Мономахе. Эта былинная Русь — образ идеального русского прошлого, идеального правителя, идеальных за-

ступников земли Русской, идеально-го уклада жизни.

Далее — катастрофа XIII в., т.н. «монголо-татарское нашествие» и последовавшее иго. Вся русская история в дальнейшем — это история преодоления той катастрофы и ее последствий. Как сопутствующее той катастрофе событие воспринимается западная агрессия того же века, крестовые походы, которые тогда обрушились и на Русь, и на Византию (был надолго взят Константинополь, по-русски — Царьград, то есть город, в котором сидел наш царь, да и наш патриарх). Далее продолжение той катастрофы — события XIV–XVI вв., когда турки и поляки подчинили себе почти всю православную ойкумену. Это та же ситуация: опять двойная агрессия — с Запада и с Востока, направленная на подчинение ослабленных православных народов, ослабленной Русской земли.

Вся политика России с того времени была основана на двух констатациях: Московское государство — единственное независимое на Русской земле и единственное независимое во всем православном мире, а потому перед ним стоят две задачи: воссоединить Русскую землю и освободить единоверные народы. Такова, если угодно, главная проблематика русского исторического нарратива, такова идейная основа всей русской политики с XIV по XX век. И хотя после 1917 г. эта идеологическая линия была сломлена и государство стало руководствоваться иными понятиями и мотивациями, тем не менее даже в СССР власть во многом прибегала к этим же старым идеологическим формулам для обоснования и легитимации своих действий. И неудивительно — русская идентичность вынуждала с собой считаться, хотя бы в некоторой степени.

«Слово о гибели Русской земли» — это название не только гениального литературного произведения XIII века, но и почти всей дальнейшей русской культуры. Ностальгия помо-

гает обрести четкое самосознание еще больше, чем зримая реальность, — и ностальгия по утраченной единой Русской государственности определила все русское самосознание, да и вообще все то, что мы можем назвать рускостью.

Важно подчеркнуть, что идентичность, формировавшаяся на основе православной культуры, обладала значительным своеобразием по сравнению с тем, что в это же время творилось на Западе. Основы русской идентичности — это такие понятия, как «Русская земля» (каноническая территория Русской Церкви, со временем осознанная как святая), «русская вера», а также «русские люди» — то есть люди русской веры, живущие на Русской земле. И благодаря тому, что в каждой деревне священник доносил до прихожан эти формулы самосознания, русская идентичность к XIV–XV вв. утвердилась на Русской земле повсеместно и во всех социальных слоях. Что, опять же, очень сильно отличало русскую ситуацию от западной, и конкретно — от польской. Там, как показывают исследования, утверждение этнической идентичности в широких слоях населения происходило значительно позже, в раннее Новое время, в XIX и даже нередко в XX веке. А сама идентичность становилась и развивалась другими путями.

Что же с поляками? Польский «золотой век» — это период XVI–XVII столетий, это Первая Речь Посполитая, шляхетская республика. По идее, поляки тоже могли бы ностальгировать по пястовской Польше, но этому помешали два обстоятельства. Во-первых, ее история не закончилась катастрофой, между тем именно катастрофа рождает то чувство всеобщей ностальгии по утраченному, которое и претворяет в сознании народа предшествующий ей период в «золотой век» истории. Во-вторых, более поздняя эпоха Первой Речи Посполитой была

гораздо ярче и культурно значимей. Это государство занимало собою всю Западную Русь, то есть ту священную Русскую землю, возвращение которой уже в XV–XVI вв. стало главным нервом русской жизни, главной задачей всей политики Московского государства. Мало кто из поляков помнит, как осуществлялось подчинение русских земель, когда именно была захвачена Червонная Русь, как подчинили Подлясье и Волынь, как заключалась Люблинская уния. Но все западнорусские земли ощущаются как «свои», как пространство польской истории, политики и культуры.

Этот польский «золотой век», так же как и русский, закончился катастрофой. И хотя уже события середины XVII в. можно назвать катастрофическими, все же та катастрофа, которая окончательно закончила этот «золотой век», — это разделы Речи Посполитой в конце XVIII столетия. Вся дальнейшая польская история — это ностальгия по утраченной государственности и по утраченному с нею национальному единству, это история борьбы за восстановление Польши. Лозунг «воссоздания Польши в границах 1772 года» — важнейший для всей польской мысли с XVIII века и по XX век.

Замечу, что польская идентичность для того времени — это идентичность в первую очередь сословная, она определялась формулой «польский народ шляхетский». Весь XIX век лучшие польские умы были увлечены вопросом, как эту польскость, а значит, и эту ностальгию по утраченной Польше, внушить «простому люду», и надо сказать, немало преуспели в этом. И все же сословная ограниченность польскости мешала организации польского сопротивления даже еще и в прошлом столетии. Важнейшей проблемой было то, что тот «простой люд», на который рассчитывали поляки, был этнически очень разный: количественно бóльшую его часть составляли русские крестьяне, которые (в отличие, кстати, от

польских) имели довольно определенные понятия о том, кто они и чем они отличаются от поляков (своей «русской верой»). Еще Т. Костюшко писал о том, как можно и как нужно сделать «*gusiń w naszym*» поляками по самосознанию, и уже он отметил, что главным орудием для этого может быть только католическая религия, распространение католической веры.

Как мы знаем, осуществить это так и не удалось, а после Второй мировой войны Польша была возвращена в свои пясцовские границы. И в этом можно усмотреть некоторый надлом современного польского самосознания: границы соответствуют не той Польше, по которой оно ностальгирует. Польша теперь телом в Центральной Европе, но душой по-прежнему в Восточной, что определяет всю польскую восточную политику. А в Польше, кстати, почти вся политика, и даже не только внешняя, так или иначе сводится к восточной.

Так русская и польская идентичности, сформировавшиеся в современном своем виде в разные эпохи и ностальгирующие по очень разным столетиям, пересекаются территориально: вся Западная Русь (состоящая ныне из Украины и Белоруссии) — это пространство, которое привыкли считать своей национальной территорией и русские, и поляки. Главным противником в деле восстановления русского единства всегда представляли поляки. Главным противником восстановления Речи Посполитой в границах 1772 года всегда были русские.

На этом противоречии основана и принципиальная разница в восприятии исторических событий и политики в отношении друг друга.

Разделы Польши в XVIII веке — радостное событие русской истории, объединение русских земель, и трагедия для поляков. При этом поляки не понимают, почему России было так важно разделить Польшу (и вынуждены

для объяснения этого придумывать некую «русскую тягу к агрессии»), а русские, со своей стороны, не понимают, почему поляки так держатся за чужое. Для русских всегда было очень важно, что во время этих разделов Россия не взяла себе «ни пяди польской земли», не пересекла польскую этнографическую границу, а лишь возвратила себе отнятые поляками русские земли. Как Екатерина Великая в честь этих разделов выдавала медали с нанесенными на них словами «Отторгнутое возвратишь», так и во всех русских учебниках они всегда описывались как возвращение отнятого. Это было величайшим национально-освободительным актом, за который, по русской мысли, поляки не имеют права как-либо обижаться на русских, ведь мы вернули себе свое, освободили «подъяремную Русь», подчеркнуто не допустив захвата ничего польского. Наоборот, от поляков ожидается покаяние за извечную агрессию.

То же и с 1939 годом. На русских произвел огромное впечатление польский захват западнорусских земель в 1920 г., и всесторонняя общественная поддержка, которая сопровождала операцию по возвращению отторгнутых территорий в сентябре 1939 г., опять же, не имела под собой какой-либо агрессивной по отношению к Польше формы мысли: Советский Союз лишь возвращал оккупированные поляками земли и, как тогда это по-большевицки формулировалось, восстанавливал территориальную целостность украинской и белорусской наций. При этом Москва подчеркнуто не переходила этнических границ польского народа, нарочито отказываясь от агрессивности в отношении собственно польских территорий. Но для поляков это все выглядело (тогда и сейчас) совершенно противоположным образом: в 1920 г. Польша не оккупировала западнорусские земли, а восстанавливала свои «исторические границы», а в 1939 г. СССР совершил не

национально-освободительную операцию, а агрессию в отношении Польши. Это то различие в восприятии, которое никогда не исчезнет: оно основано на различных структурах польской и русской идентичности.

Из этого проистекает и принципиальное различие во взгляде друг на друга, на понимание польского в русской культуре и русского в польской.

Кто такие поляки для русских? Русский «золотой век» помнит поляков в их пястовских границах. Если заглянуть в русскую средневековую литературу, то это какой-то чуждый народ на западе: выражение «сгинул меж чехом и ляхом» означало то, что человек пропал — удел обыкновенно плохих героев. Потом поляки — это чужеродные агрессоры, «паны», накинувшие ярмо на значительную часть Руси, стремящиеся захватить Москву и неволящие русскую веру. А еще позже — побежденный враг, наказанный самой историей за свою агрессивность, но теперь обезоруженный и потому безопасный. Примерно тогда же, в XIX в., в связи с распространением славянофильских идей, поляки предстали еще и как отрекшиеся от православия Кирилл и Мефодия «предатели славянства», что дополнило и их «предательство» русского царя, то есть факт польских восстаний. Примечательно, что образ «поляков как предателей» настолько глубоко засел в русское мышление, что вновь проявился уже в 1980–1990-е гг. И тогда же — новая трактовка польского народа как «вечного слуги», который, будучи не способен к самостоятельной жизни, убегает от одного хозяина к другому. В конечном счете — «какой-то небольшой народ у наших западных границ», все более окрашивающийся в цвета «параноидальной русофобии», снова описываемой как проявление комплекса «вечного слуги» по отношению к «бывшему господину».

И принципиально отличное польское восприятие русских. Для польского «золотого века», для эпохи Пер-

вой Речи Посполитой «русские» — это православные и униатские массы населения Восточных Кресов, отличные от поляков не только религиозно, но и социально. Восточные же русские, то есть те, которые жили за границами Польши, вообще не воспринимались как «русские». Для польского мышления «Русь» ограничивалась восточными пределами польской государственности, а дальше жили «москалы», к «русским» отношения не имевшие.

Однако уже с XVI–XVII вв. для польских политиков стало важнейшей проблемой, точнее угрозой, которая нависала над их властью над Кресами, — общее русское самосознание населения в обеих частях Руси. И вся польская мысль была направлена на то, чтобы обосновать раздел Руси, чтобы уничтожить общее русское самосознание, противопоставив русских по обе стороны польской границы друг другу как разные народы. Москалей в XIX в. переименовали в «россиян», но при этом надо учитывать, что если для русской культуры Россия — это высокопарное наименование Руси, для польского языка это совсем другое слово, подчеркивающее отличие Восточной Руси от Руси польской. Далее русское население Западной Руси было переименовано в украинцев и белорусов, а сам этноним «русский» приобрел отчетливо пейоративное значение. Так родилась польская русофобия — целая идеология, отрицающая актуальное существование русского народа, да и вообще чего-либо русского.

Национально-освободительная политика России воспринималась как агрессия, и постоянная необходимость противостоять ей создало образ России как вечно агрессивной державы. Это осмысливалось не просто как конфликт с соседом, но в общем контексте цивилизационного мышления поляков (Польша как «форпост христианства» на Востоке, Польша как светоч европейских ценностей, народ-мессия

и т.д.), что приводило к осмыслению России в качестве культурного врага. Так польская идентичность конструировалась на основе российского антиобраза. Возникает восприятие России как «страны зла» и как идентитарного антипода поляков. Те же «русские ценности», как их формулирует польская культура, являются всего лишь перевертышами того, что осознается как «польские ценности», а «российская действительность» традиционно описывается по модели, собирающей все самое худшее, что может вообразить себе поляк. Но главное: это не русская страна, а «российская», и живут в ней некие «этнические россияне».

Поляки не помнят русского «золотого века», они не помнят русского единства, для них его не существует. А то, что оно есть для самих русских, вынуждает их к активному отрицанию русскости. Русских нет, есть россияне, украинцы и белорусы. Русской земли нет, есть российская и польская, на которой живут украинцы и белорусы. И т.д. Так, даже в самом польском языке невозможно выразить существование русского народа. Например, как перевести на польский язык фразу «80% россиян составляют русские»? Дословный перевод невозможен. Для поляков русских просто нет. И в этом важнейшая проблема для наших взаимоотношений: *с одной стороны, русские не хотят признавать каких-либо польских прав на Русскую землю (и оговорюсь, что, на мой взгляд, это обоснованно: любой народ имеет право на самозащиту на своей исторической территории), а с другой стороны, поляки не хотят признавать существование народа, для которого вся Русь — своя земля и свое священное пространство.* Они не знают о русских, они готовы иметь дело только с россиянами, то есть с воображенным в польской культуре народом, который по своей идентичности имеет отношение только к землям на восток от границ Первой Речи Посполитой.

Надо признать, раскол Руси, начатый поляками и довершенный большевиками, действительно имеет место быть и постепенно входит в народное сознание. Владимир Путин даже предположил в одном из своих выступлений 2001 г., что в XXI веке может сложиться такой новый народ — россияне. Однако мало кто серьезно отнесся к такой фантастической идее: есть факт русской идентичности, и пока что трудно представить, чтобы она полностью исчезла. Как и трудно себе представить малые народы России, отказавшиеся от своей этнической идентичности в пользу новой национальной. Русских нет в польском языке и в польском самосознании, но они есть в реальности, и от этого никуда не деться.

Итак, мы видим ситуацию, когда на одном геополитическом пространстве сосуществуют друг с другом два народа, сама идентичность которых запечатлела разные времена и разные «свои» пространства. Это различие восприятия можно увидеть по любым польским и русским текстам, касающимся судеб Западной Руси (для русских) и Восточных Кресов (для поляков).

* * *

Для иллюстрации сказанного я приведу в пример то, что мне попало в руки сравнительно недавно. Такой случайный выбор источников оправдан тем, что для иллюстрации описанного выше можно использовать почти любые тексты русского и польского происхождения, касающиеся взаимных отношений и исторической памяти, так что критерий «что на днях под руку попало» здесь по-своему неплох. Для начала процитирую несколько мест из верноподданнических адресов дворян западнорусских губерний, написанных на имя царя Александра II¹. Сборник современных, написанных разными почерками копий имеет тот недоста-

ток, что в нем не указаны ни даты, ни имена подателей. Однако в данном случае это и не важно: такие прошения были столь типичны, что переписчики не считали нужным указывать конкретные данные, и сама их типичность, если угодно, банальность, нам и важна. Не принципиально также, были они написаны по случаю восшествия Александра II на престол или в связи с событиями 1863–1864 гг. — в любом случае именно «польский вопрос» оказывался одним из важнейших для всех дворян западнорусских губерний, что русских, что поляков. И потому почти в каждом таком адресе присутствуют своего рода краткие исторические очерки, призванные подтвердить слова автора. Они-то нам и интересны.

Вот, для начала, отрывок из обращения к царю, судя по тексту, польского дворянина Подольской губернии. К сожалению, это единственное письмо польского авторства из этой папки, однако оно достаточно выразительно и дает возможность увидеть основные моменты польского восприятия.

«Августейший монарх!.. Русь соединилась с Польшей торжественным и добровольным Люблинским договором, целыми поколениями принимала формы родственной цивилизации. Образованность и общественная жизнь ее, с незапамятных времен запечатлены характером исключительно польским! Источником силы и сохранения польского элемента, независимо от последовавших политических переворотов, есть лежащая в основании его идея народного представительства и гражданской свободы! В продолжение последнего полувека политика, противная господствующему в этом отношении духу, бывала причиной непрерывного раздора, которого безвыходное положение глубоко беспокоит всякого благомыслящего гражданина. Дворянство Подольской губернии всеподданнейше просит Ваше Императорское Величество об устранинии упомянутого положения Августей-

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. № 440. Л. 8–9.

шею Волею Своею! Исключительное ведущее к этому средство Дворяне Подольской Губернии усматривают в восстановлении Административного единства Польши со включением в состав ее Западного края, и с полным уважением прав вызванного в настоящее время на поприще общественной деятельности местного сельского населения».

Здесь примечательны несколько моментов. Во-первых, польский автор пишет о соединении «Руси с Польшей», а не «западных земель». Несмотря на то что он обращается к русскому царю, который, разумеется, никогда не признавал и не мог признавать подчинения Руси Польше, но лишь ее части, для поляка «Русь» ограничивается только теми землями, на которых имело место польское господство, в русском же царстве он видит внешнюю, пришлую власть иноземного монарха. Для него Россия — это не Русь, и царь российский — не русский царь, ибо Руси природна польская власть.

Во-вторых, ему не свойственно знание о том, когда конкретно подольские земли были включены в состав Польши: для него вся Русь вошла в Польшу по «Люблинскому договору» (напомню, большая часть Подолии была подчинена поляками задолго до этого события). Но здесь актуализируется миф о добровольном характере Люблинской унии, игравший и по сей день играющий важнейшую роль в польском мышлении о Кресках.

В-третьих, показательно, что историческая память автора очень короткая — события до XVI в. ему представляются «незапамятными временами». И это очень точно: польская память об истории Кресов «не помнит» их допольского прошлого, игнорирует непольскую культуру этих земель. Вообще, польское понятие о Восточных Кресках часто недопонимается в русской культуре: его воспринимают как обозначение территориальных пространств, тогда как оно определя-

ет скорее культурные пространства. Помню, как-то в одном из польских книжных магазинов я взял посмотреть альбом фотографий, называвшийся «Культура Кресов» (или как-то иначе, но примерно так) и с удивлением для себя обнаружил в нем изображения памятников только польской культуры и ничего, напоминавшего бы о непольском культурном наследии этих земель. Тогда я смог ясно осознать, что такое «Кресы» для поляков: это не вообще земли (Западной) Руси, это пространство именно польской культуры. Как очень точно сказано Анджеем Новаком во Введении к «Истории Кресов», сама эта история начинается только тогда, когда «Польша вышла на пространства православной, русской земли».

Кресы — это пространство польской экспансии, а совсем не конкретные земли со всем многообразием их истории, и именно как таковые они вошли в польское самосознание, став одной из основ польской идентичности. Такое восприятие не предполагает памяти о допольской истории этих земель, не предполагает и акцентуации их непольской составляющей в более позднее время. И автор обсуждаемого текста, начиная польскую историю своей родной земли с Люблинской унии, характеризует все, что было до польского присутствия на русских землях, как «незапамятные времена», причем даже они ему представляются уже польскими. Вся «образованность и общественная жизнь» края «с незапамятных времен» «запечатлены характером исключительно польским». То есть полностью отвергается присутствие в общественной жизни края непольской составляющей — такого как бы никогда и не было.

В-четвертых, в процитированном тексте мы видим очень отчетливое проявление польского понимания «народа» как сословной категории. «Идея народного представительства и гражданской свободы», о которой говорит

автор, является сословным требованием восстановления республиканских прав шляхты, невозможных в системе Российской империи. При этом автора совершенно не смущает то, что почти все население края иноэтнично и к полякам не принадлежит не только по вере и культуре, но и по самосознанию. Гражданская жизнь края видится только шляхетской, а шляхта к тому времени здесь была уже почти только польской и полонизированной, на взгляд же автора — она была такой всегда. Так желаемое «народное представительство» Подолии оказывается «исключительно польским».

В-пятых, главной неурядицей, причиной всех бед края для автора предстает то, что Подолье включено в состав русских губерний и, тем самым, не входит в состав Царства Польского. Восстановление Польши в старых границах — главная цель его обращения к царю. То есть опять же письмо написано в ностальгии по Первой Речи Посполитой — свойстве, уже неотделимом от польской идентичности.

Теперь посмотрим письмо другого дворянина из западнорусских губерний, на этот раз из Восточной Волыни².

«После Великой, Малой и Белой России Ты теперь в Чермной, или Червонной, то есть Красной. Красна была подлинно в глазах наших предков Русь Червонная красотою своей природы, удобствами и приятностями жизни, многолюдством и веселостью жителей и богатствами земли, во всех родах обильными, давшими имя и жизнь многим городам и весям, и в числе их Житомиру, своею нескудною хлебною мерюо древле славному. Любили проводить в ней время князья и княгини русские, охотно проживали в ней, но неохотно расставались с нею. Многократно посещали ее Св. Ольга и Св. Владимир и их потомки славные:

многие следы их сохранились доселе в именах городов и урочищ, устоявших против превратностей судьбы, в храмах, переживших веки, и в развалинах зданий, свидетельствующих об их величии и благочестии, но многие также и изглажены, не столько впрочем временем, сколько враждебною рукою соседа завистливого, хотя и единоплеменного. Здесь, здесь на сих полях, покрытых ныне хлебом, на сих долинах, верно хранящих кости и прахи ратоборцев, решались дела великие и меч дикого татарина, остановавшись в груди Русского витязя, не проник в сердце Европы трепещущей».

Во-первых, мы видим, как актуализированы автором старые русские наименования западнорусских земель: он говорит о Руси Малой, о Руси Белой и о своей Руси Червонной, объясняя ее название впечатлением давних русских предков от ее красот. Так изначально, уже на уровне имен, эти земли описываются на основе их допольского прошлого.

Во-вторых, историческая память русского автора несопоставимо более давняя по сравнению с цитировавшимся выше польским. Если для подольского шляхтича то, что было до XVI в. — уже «незапамятные времена», то для волынского дворянина наиболее памятливы те самые X–XI вв., о которых в начале статьи я сказал как о русском «золотом веке». Он пишет о св. Ольге и св. Владимире, первых русских христианских князьях, и о посещении ими его родной земли; о «многих следах» русского прошлого, которые его земля хранит доднесь.

В-третьих, очень интересен момент, касающийся собственно поляков и истории польского присутствия на этих территориях: «враждебная рука соседа завистливого, хотя и единоплеменного» обвиняется в том, что она стерла («изгладила») многие следы русской культуры Волыни. Мы видим принципиально разные оценки польского пребывания на западнорусских

² РГИА. Ф. 796. Оп. 205. № 440. Л. 6–7.

землях: если поляк писал об «исключительно польском характере общественной жизни» его земли, то для русского польское присутствие запомнилось в первую очередь своей дерусификаторской враждебной деятельностью.

Еще один примечательный момент этого письма (немножко побочный к нашей теме, однако о нем было бы странно не упомянуть) — это слова о «диком татарине». Здесь мы имеем дело с важнейшей составляющей русского исторического сознания, касающейся катастрофы XIII в.: Русь, пав жертвой монголо-татарского нашествия, своим героическим сопротивлением защитила от варваров Европу. Этот момент, через который события XIII в. описывались как в историографии имперского времени, так и в советский период, является важнейшим для всего конструкта европейской идентичности у русских, а потому всегда воспринимался с особой чувствительностью. Здесь он использован автором для возвеличивания собственно Червонной Руси, как причастной к этому подвигу, а также, очевидно, в целях оправдания ее последующего подчинения поляками. Опять же мы видим, как конструкты местной русской идентичности укоренены в истории тех столетий, которые для поляка предстают «незапамятными».

Вот еще одно письмо из той же архивной папки. На этот раз пишет русский дворянин из г. Радомысля, что в Киевской губернии, и связано оно, очевидно, с событиями восстания 1863–1864 гг. и проведением крестьянской реформы.

«Великий Государь! Не только исконные сыны России, но и усыновленные ее граждане: Татары, Киргизы, Черкесы, Кабардинцы, Осетины, Евреи и другие Твоей необъятной Империи торжественно и нелицемерно заявили пред лицом целого света негодование к безумному и преступному посягательству врагов России и

беспредельную верноподданническую преданность Тебе, Великий Государь: так присуща всем сынам России несокрушимая вера в правоту ее дела и великое предназначение ее в судьбах человеческого рода, так искренне благоговение их к гражданским подвигам Твоим Великий Государь!

Ввиду этого священного, всеобщего одушевления сонма истинных сынов России, Твоих верноподданных, и гармонического ее заявления Тебе, Мудрый Царь Освободитель, становится неестественным запоздалый отклик губерний Киевской, Подольской и Волынской, искони Русской земли, колыбели Русской веры и Русской жизни, облитой Русской кровью и потом, священной для Русского сердца и первым местом и многострадальными подвигами тысячелетней народной Русской жизни. Только освобожденные Тобой крестьяне, не только словом и делом, и жители праматери Русских городов Киева откликнулись к Тебе: дворянство же, купцы, мещане, однодворцы, Государственные крестьяне — весь Русский люд этого края, безмолствовали доселе.

Нам ли объяснять Тебе причины, Великий Государь, их знает вся Россия. Это, во-первых, крепостное право, во-вторых, привилегированное положение в этом крае представителей польской интеллигенции и катехизиса, живых теней Прошедшего, чуждых Века и Народа, их вскормившего.

Только с освобождением крестьян и в особенности со времени признания их собственниками, освобождается здесь Русская жизнь от чуждого паразита. Отныне свободное ее проявление и развитие в этом крае, освобождаясь от чужих оков и гнета, сокрушат преграды, отделявшие ее от общего строя Русской жизни. Плоды этого переворота несомненны...

Пробуждение Русской жизни в Радомысльском уезде заявлено действиями крестьян, адресами многих волостей и ныне заявляется желанием всего

Русского населения города Радомысля и уезда — духовенства, помещиков, дворян, чиновников, купцов, мещан, однодворцев, государственных крестьян — иметь счастье выразить Тебе одушевляющие их чувства и задушевные убеждения.

Радомысльский уезд есть часть той древней Православной Руси, которая называлась странюю древлянскою. Православие в здешнем Русском народе в течение всех веков оставалось и остается неизменным: были попытки унии, являлось латинство и полонизм — плоды насилия чуждых пришельцев и иезуитизма, но они пали, а Русский народ, как был, так и остался Православным и верным своей родной России и Своему Государю. Крестьяне нашего уезда воочию доказали эту истину...

Молим Бога, да отклонит от Нашего Отечества бранную грозу, но, ежели неисповедимым промыслом определено подвергнуть испытанию и очистительной жертве Твоей верный народ, то, верь, Государь... И здесь сознание органической целостности Русского народа и Православие, единое истинное хранилище завета Христианской любви и братства, воздвигнут на брань священную и на Защиту Отечества народ, поруганный клеветой и изменой Твоих клятвенпреступников, Великий Государь».

В этом тексте есть целый ряд очень ценных моментов. Во-первых, примечательно осознание автором многонародности России, что ярко контрастирует с «исключительно польским» восприятием польского автора. При этом русский дворянин выделяет несколько категорий имперских подданных. С одной стороны, это «исконные сыны России», под которыми разумеются, несомненно, русские. Далее следуют «усыновленные ее граждане», которых он отчасти перечисляет и которые явно соответствуют такому актуальному даже для законодательства того времени понятию, как «инород-

цы». Но интересно, что поляки в число этих «усыновленных граждан» не попадают и для них автор использует совсем другие понятия: «враги России», «чуждые пришельцы» и даже «чуждый паразит».

Во-вторых, именно в поляках он видит причину той печальной ситуации, которую он описывает относительно Киевской, Подольской и Волынской губерний. Точнее, на первое место он ставит крепостное право (как раз только что отмененное), а следом — «привилегированное положение в этом крае» поляков. Как своеобразие Киевской губернии можно воспринять то, что речь идет не о господствующем положении польской шляхты, а именно о польской «интеллигенции» (новое словечко для того времени) и польского духовенства, то есть тех, кого можно назвать интеллектуальным слоем польского общества. И вот их он описывает как «живых теней Прошедшего, чуждых Века и Народа, их вскормившего», то есть указывает на их ориентацию на прошедший период истории (очевидно, период польского господства) — то есть как раз на ту самую ностальгию по польскому «золотому веку», о которой я говорил в начале статьи.

В-третьих, показательна опять же древность его исторической памяти: он говорит о «тысячелетней народной Русской жизни» в Киевской, Подольской и Волынской губерниях. Примечательно, что здесь же актуализируются такие важнейшие для русской идентичности понятия, как «Русская земля» и «русская вера», которые получают и дальнейшее расширение: эти губернии «искони Русская земля, колыбель Русской веры и Русской жизни, облитые Русской кровью и потом», а потому «священные для Русского сердца». Здесь же и указывается на Киев как на «праматерь Русских городов» — важнейший момент для русского самосознания на протяжении всей его истории вплоть до наших дней. Про свой родной Радомысльский уезд автор говорит, что

он есть «часть той древней Православной Руси, которая называлась древлянской» — опять же это отсыл к Руси X–XII веков, к русскому «золотому веку», без памяти о котором русское самосознание немислимо.

В-четвертых, вновь мы видим восприятие поляков как чуждых пришельцев, насилующих местную русскую жизнь, совмещенное с утверждением о том, что русский народ все же выжил, а русская вера осталась неизменной: «были попытки унии, являлось латинство и полонизм — плоды насилия чуждых пришельцев и иезуитизма, но они пали, а Русский народ, как был, так и остался Православным». В этом плане особенно интересным видится то, как в этом тексте подано событие крестьянской реформы: словами «освобождается здесь Русская жизнь от чуждого паразита» описывается освобождение русских крестьян от крепостной зависимости от преимущественно польских господ, и так реформа становится еще одним шагом к освобождению Руси от польского порабощения, «от чужих оков и гнета».

Еще один примечательный момент текста — демонстрация внесословности русской идентичности, что опять же сильнейшим образом разнит ее от польской того времени: автор говорит о «желании всего Русского населения города Радомысля и уезда», а далее перечисляет, кого именно: «духовенства, помещиков, дворян, чиновников, купцов, мещан, однодворцев и государственных крестьян». Такое всеобщее понятие русскости, осознание русским подавляющего большинства населения этих земель, ярко контрастировало с сословной обособленностью польской идентичности, благодаря которой польские помещики могли, несмотря ни на что, продолжать говорить об «исключительно польской» общественной жизни и «народном представительстве» этих территорий.

Мы видим, что русские и польские дворяне, живя на одних землях и бу-

дучи представителями единого дворянского сословия, мыслили, однако же, разными понятиями и разными «картинами прошлого». Структуры их идентичностей не просто различны, но и исключают саму возможность друг друга.

* * *

Приведу в пример еще один текст, но уже из совершенно иной эпохи — XX века: опубликованные в русской эмигрантской газете³ воспоминания одного русского белоэмигранта, жившего в межвоенный период в Подляшье, о событиях осени 1939 г. Этот бывший офицер служил, как пишет редакция, в Белостокском округе в лесном ведомстве. В его воспоминаниях довольно интересно описаны противоречивые чувства человека, переживающего наступление армии, с которой он воевал в Гражданскую войну и которую считает вражеской, однако русской по составу и потому по идентичности ему более близкую, нежели местная польская власть. Судя по тексту, той же осенью он смог уехать в Западную Европу, так что эти воспоминания он писал уже на чужой земле и для эмигрантской прессы, а значит, мог не считаться ни с политкорректностью межвоенной Польши, ни с политкорректностью сталинского СССР.

«Наконец, наступило 17-е сентября. Как сейчас помню, у моих ворот остановился проезжавший на телеге старик-крестьянин, хорошо мне известный, бывший фейерверкер гвардейской артиллерии. Это было 7 часов вечера. “Ваше Высочорodie. Чи слыхали, наши идут!” — “Какие наши, Степан Иванович?” — “Да русские войска”. — “Где, кто, какие?” — “Да в Барановичах уже, столбы сбросили, паны бегут, говорят, одним махом до Варшавы дойдят. Сын приехал с поездом из Волковыска, там все уже знают”. Я, несмотря на мрачные

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. № 440. Л. 10–12.

предчувствия, оцепенел. “Да Вы, Вашескородие, не печальтесь. Большевики уже не те. Шутка ли сказать, двадцать лет управляют Россией, совсем русская власть. Да и офицеры, сказывают, настоящие. Еще и Вы послужите! А нам одно спасение, совсем заели нас здесь. Земля-то ведь русская, наша...”

Я не мог дальше говорить, что-то подступило к горлу, и я, махнув рукой, ушел к себе. В какие-нибудь полчаса я пережил гамму чувств: с одной стороны, русские солдаты, пусть и под красными звездами, идут по своей же русской земле, с другой — пронесли годы гражданской войны, весь тот кровавый ужас, который царил в России, казни, интернационал. Нет, сказал я себе, не переменились большевики и не спасают они край этот, а ввергнут его в еще большие испытания и ужас.

...Мы вдвоем остались курить. В полуверсте вдруг показался конный отряд, шедший рысью. Впереди отряда шел пеший человек. Мы насчитали примерно два десятка всадников, при двух пулеметах. Я сейчас же послал моего друга разбудить и предупредить польских офицеров. Мы вдвоем стали всматриваться. И вдруг я ясно понял: красные! Когда отряд дошел до того места, где от шоссе отходит наша тропинка, пеший человек отделился и побежал по направлению к нам: я сразу же узнал в нем одного из знакомых крестьян, который полчаса тому назад был у нас. Отряд стал медленно заворачивать к нам.

На лице крестьянина было написано счастье. Задыхаясь, он шепнул нам: “Наши, наши! Сразу сказали, что пришли освобождать и установить нашу власть. Я им сказал, что лесничий — наш, хороший человек, русский. Что офицер, не сказывал”. Через несколько мгновений отряд остановился: “Слезай!” И молодой офицер с тремя квадратами соскочил у самого крыльца.

— Здравствуйте, гражданин лесничий. Я — старший лейтенант Н. Рабоче-Крестьянской армии. Мне надо с моим отрядом осмотреть лес. Скоро пройдут наши танки. Мы захватили Волковыск с другой стороны и сами не ожидали, что так быстро, а сейчас приходится подтягиваться и очищать леса от бандитов.

— Здравствуйте, старший лейтенант. Моя фамилия — Х. и со мной несколько моих товарищей, которые остановились у меня по дороге из-за творящейся неурядицы. Не зайдете ли выпить пива и квасу, которого у меня хватит для всех ваших всадников.

...Когда первая бутылка квасу была осушена и ст. лейтенант тщательно расспросил меня об окрестности, отмечая что-то в своей походной книжке, я открыл вторую бутылку.

— Выпьем теперь за Россию! — сказал я. Все встали.

— За Россию и советскую власть, — поправил лейтенант.

— Советскую власть здесь никто еще не знает, — сказал я, — но земли это русские и благоденствовали при старой России. Когда-нибудь все, что сейчас происходит, забудется и останется вечная Россия.

— Так и мы думаем, товарищ. Но только советская власть, а не цари, возвращают эти земли русскому народу».

В этих двух фрагментах особенно примечательна цельность и тождественность русской идентичности у таких разных по происхождению людей, как русский белый офицер (наверняка дворянин), офицер рабоче-крестьянской советской армии и русский крестьянин, судя по переданному авторомговору, местный или по крайней мере с западнорусских территорий («чи слыхали», «паны бегут»). Все трое, однако же, сходятся и на понятии «Русской земли», и на констатации, что Подляшье — это часть Русской земли.

Одновременно с этим автор рассказывает о трех польских офицерах, ко-

торых он укрыл от советских войск у себя в доме. Описывая их настроения, он постоянно выражает свое удивление неадекватностью их восприятия ситуации: например, их ожидание спасительного удара союзников (французов и англичан). *«Польские гости мои были совершенно подавлены. В ту же ночь они пешком ушли по направлению к Вильне, в котором, по слухам, оставался польский гарнизон. Сдаваться немцам они не хотели, предпочитая остаться в красной полосе в случае неудачи их попытки, и предполагали, что в случае наступления (во что они твердо верили) союзников сопротивление можно организовать гораздо легче здесь. Несмотря на мои отговоры, они не сомневались, что союзный флот проник в Балтийское море...».*

Вряд ли эти польские офицеры, услышавшие разговоры русских, могли бы понять их единодушие в плане характеристики земли, на которой они пребывали, как «русской». Это то, что в польскую идентичность просто не вписывается. И поэтому же им было трудно представить себе, почему союзники, согласно договорам, объявили войну напавшей на Польшу Германии, но не объявили войны Советскому Союзу, признавая его право на занимаемые территории. Здесь проявлялся момент, принципиально отличавший русское восприятие Западной Руси и польское восприятие Кресов: этнографическая реальность. Отношение западноевропейских держав определяло статистическое понятие о «подавляющем этническом большинстве», которое было положено еще в основу «линии Керзона» (с которой считались как в Москве, так и в Лондоне и Париже) и которое соответствовало именно русскому восприятию этих территорий.

Осознание непольского характера Кресов — возможно, самый проблемный сюжет в развитии польской идентичности в XX в. О восточных границах польского народа спорили

Пилсудский и Дмовский, за них воевали после Первой мировой войны, за них боролись доступными средствами и после Второй. Только в 1970-е гг. некоторыми представителями польской эмиграции было выражено мнение о необходимости пересмотра традиционных подходов к этой теме. И хотя основанная на тех идеях т.н. «доктрина Гедройца–Мерошевского» в современной Польше имеет почти официальный статус как основа ее восточной политики, на уровне общественного мнения она до сих пор воспринята довольно слабо. К примеру, утверждение Мерошевского из его известной статьи 1974 г. — «Для русских польский империализм — вечно живая историческая тенденция» — по моим впечатлениям, по сей день может вызвать крайнее неприятие у большинства поляков. И неудивительно: это утверждение не просто представляет собой оригинальный для польской традиционной мысли взгляд, но прямо противоречит всей польской идентичности.

Впрочем, на официальном уровне обе страны сейчас придерживаются чего-то подобного упомянутой доктрине, чему способствует существование независимых Украины и Белоруссии, однако на деле отношения России и Польши по-прежнему определяются противостоянием в этом регионе. Можно находить политические причины этого, но все они будут косвенными от идентитарной: *и русская мысль, пока существует сама русская идентичность, никогда не сможет адаптировать польские утверждения о нерусскости Западной Руси, и польская мысль вряд ли сможет осознать существование не российского, а русского народа с его исторической территорией.*

Согласно самой этой доктрине польская политика в отношении бывших Кресов имеет своей главной целью укрепление политической раздробленности Руси, всяческое противодействие объединительным тенденциям

на ее территории, ибо Западная Русь предстает здесь именно как Кресы — окраины польской и европейской (в польской трактовке) культуры, которые должны быть если не в Польше и ЕС, то хотя бы тесно с ними связанными. Так структурирована польская идентичность, таков был «золотой век» польской истории. Для русских же эта политика остается тем же самым польским империализмом, направленным на установление своего господства на западной Русской земле.

Итак, наше самосознание обуславливает совершенно разную историческую перспективу, и мы, даже сидя за

«круглым столом» в одной комнате, по-настоящему не можем встретиться: мы народы разных времен и разных пространств.

Остается надеяться, что есть еще один уровень контактов, нам вполне доступный, — это личное межчеловеческое общение, когда мы контактируем друг с другом не как поляк и русский, а просто как разные люди. И вот на этом уровне, по моему впечатлению, у представителей наших народов подчас складываются прекрасные отношения, когда становится нетрудно оказаться и в одно время, и в одном месте.

Сергей Сергеев

«ХОЗЯЕВА» ПРОТИВ «НАЕМНИКОВ»

Русско-немецкое противостояние в императорской России

В данной работе русско-немецкий этноконфликт рассматривается исключительно как внутренний для Российской империи, т.е. как конфликт между русскими и «русскими немцами» — немцами, проживавшими в России либо в качестве подданных империи, либо в качестве подданных других государств, находящихся на русской службе или владеющих какой-либо собственностью в российских пределах. Характерными особенностями этого этноконфликта являются, во-первых, его преимущественно «холодное» протекание (исключение — период Первой мировой войны), а во-вторых, его локализация в рамках внутриэлитного социокультурного пространства (опять-таки за исключением 1914–1917 гг., когда он выплеснулся «на улицу»).

Нет сомнений, что привлечение немцев (как и иностранцев вообще) в Россию сыграло важную и нужную роль в процессе модернизации страны, но со временем (во всяком случае, с начала XIX в.) необходимость большого количества нерусских специалистов отпала, воспитались уже достаточно квалифицированные (и весьма многочисленные) отечественные кадры, карьерному продвижению которых иноземцы, обосновавшиеся на самых выгодных местах, и объективно, и субъективно препятствовали. «Ученики» перестали нуждаться в «учителях» (весьма распространенная метафора в русском антинемецком дискурсе). Однако — чем дальше, тем больше — немцы исполняли функцию не только «спецов», но и наиболее надежной «опоры трона», поэтому глав-

ной помехой их вытеснению с занятых социально-политических позиций была сама императорская власть. Без ее (почти всегда) твердого и неизменного покровительства «русские немцы», составлявшие 2–3% дворянства империи (против более чем 50% собственно русских), недолго смогли бы сохранять за собой в среднем около 20% высших постов в государственном аппарате, армии, при дворе...

С другой стороны, борьба с «немецким засильем», инициированная русским дворянством, явилась одной из важнейших стратегий последнего, направленных на ограничение власти самодержавия в свою пользу¹. Стратегия эта стала особенно эффективной в националистическую эпоху, когда Романовы воленс-ноленс объявили себя русскими националистами и их симбиоз с немцами (от коего они отказаться не могли) было легко трактовать, перефразируя Милюкова, то ли как глупость, то ли как измену. Кроме того, «антинемецкая партия», нанося удар в это болезненное место самодержавия, могла оставаться на вполне легальной почве (что, однако, как свидетельствует биография Ю.Ф. Самарина, не избавляло ее представителей от крупных неприятностей), не вступая на путь прямой политической борьбы. Последняя, впрочем, как показывают примеры де-

¹ Подробнее о рождении русского национализма из духа дворянской оппозиции самодержавию см.: *Сергеев Сергей*. Дворянство как идеолог и могильщик русского национализма // Вопросы национализма. 2010. №1. С. 33–35.

кабристов и Герцена, также включала в себя в качестве немаловажного элемента германофобскую пропаганду.

Очень серьезный вопрос: кого из «русских немцев» считать «немцами», а кого — «русскими», т.е. окончательно обрусевшими. Для XVIII в. он решается просто: перешел в православие — русский, остался лютеранином — немец. Тогда конфессиональная принадлежность, по сути, сливалась с этнонациональной (характерно, что ни Бирон, ни Миних, ни Остерман в православие не переходили). Но для XIX и (особенно) начала XX в., когда национальность делается политической и светски-культурной категорией, а религиозность верхов становится все более формальной, такой подход уже не работает: лютеране П.И. Пестель и В.К. Кюхельбекер оказываются пламенными русскими националистами; с другой стороны, переход в православие, вызванный, положим, карьерными соображениями, не обязательно отменяет немецкую идентичность (например, депутат Государственной думы, активно защищавший там немецкие интересы, барон А.Ф. фон Мейендорф был православным (и даже русским по матери — тетке П.А. Столыпина), но считал себя немцем)². В каждом конкретном случае этот вопрос нужно рассматривать отдельно — при нынешнем уровне изученности проблемы обобщающие выводы были бы преждевременными.

«Русские дворяне служат государству, немецкие — нам»

Эта знаменитая фраза Николая I, кочующая из статьи в статью, из книги в книгу³, предельно точно отражает главную причину возникновения и остроты русско-немецкого противо-

стояния, проходившего главным образом как конфликт внутри «благородного сословия» Российской империи. Замечательно, что все три стороны конфликтного «треугольника» — самодержавие, русские дворяне, немецкие дворяне — совершенно согласны в трактовке этой причины.

К.Н. Леонтьев вспоминал, как И.С. Аксаков в 1857 г. говорил при нем: «Остзейские бароны и другие наши немцы внушали покойному Государю [Николаю I] следующую мысль. — Для коренных русских — нация русская, русский народ дороже, чем Вы. — Нам же нет дела до русской нации; мы знаем только Вас, Государя вообще. — Мы не русской нации «хотим» служить; мы своему Государю хотим быть верными. — Но так как наш Государь есть в то же время и Российский император, — то, служа Вам верой и правдой, мы служим и России». — Аксаков находил, что эта постановка вопроса ложная и вредная для России; — ибо русский народ доказал на деле не раз свою «потребность» в Самодержавии и без всяких немцев⁴. В 1860-х гг. Аксаков излагал эту мысль уже печатно в газете «День»: немцы, «преданные Русскому престолу <...> проповедуют в то же время бой на смерть Русской народности; верные слуги Русского государства, они знать не хотят Русской Земли...»⁵. Ранее в «Письмах из Риги» (1849) Ю.Ф. Самарин призывал обратить внимание на распространенное среди «русских немцев» изречение — «Да, мы подданные русского императора, но с Россией мы не хотим смешиваться», — которое, по его мнению, «заключает в себе задушевную мысль остзейцев»: «Мы будем иметь дело исключительно с правительством, но не хотим иметь дела с Россией, и если нас

² См.: *Андреева Н.С.* Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб., 2008. С. 42.

³ См., напр.: *Пресняков А.Е.* 14 декабря 1825 года. М.—Л., 1926. С. 26.

⁴ *Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 8. Кн. 2. СПб., 2009. С. 31–32.

⁵ Цит. по: *Шириняну А.А.* Русский хранитель. Политический консерватизм М.П. Погодина. М., 2008. С. 227.

вздумают в том упрекать, мы зажмем рот обвинителю этими словами: мы верноподданные государя, мы служим ему не хуже вас, больше вы ничего от нас требовать не вправе»⁶.

Защитник остзейских интересов Ф.В. Булгарин в донесении в III Отделение (1827) вполне подтверждал правоту Аксакова и Самарина: «Остзейцы вообще не любят русской нации — это дело неоспоримое. Одна мысль, что они будут когда-то зависеть от русских, приводит их в трепет... По сей же причине они чрезвычайно привязаны к престолу, который всегда отличает остзейцев, щедро вознаграждает их усердную службу и облакает доверенностью. Остзейцы уверены, что собственное их благо зависит от блага царствующей фамилии и что они общими силами должны защищать Престол от всяких покушений на его права. Остзейцы почитают себя гвардией, охраняющей трон, от которого происходит все их благоденствие и с которым соединены все их надежды на будущее время»⁷.

Впрочем, и сами бароны не делали тайны из своих взглядов по этому вопросу. Известный остзейский публицист Г. Беркгольц писал в 1860 г. предельно откровенно: «Прибалтийские немцы имеют полное основание быть всей душой за династию, ибо только абсолютная власть царя оберегает их. Между тем любая русская партия, демократическая, бюрократическая или какая-нибудь сожрет их, едва лишь она добьется решающего перевеса»⁸. Ему вторил его единоплеменник граф А.А. Кейзерлинг, попечитель Дерптского учебного округа в 1860-х гг.: «Пока

царь властвует над нацией, существующей и развиваемой на давно испытанной основе также и мы»⁹. К. Ширрен полагал, что Остзейскому краю самодержавием гарантирована «обособленность от господствующей расы [т.е. русских] и от ее национальной культуры» и что немцы «кроме принадлежности к одному и тому же государству» не имеют «ничего общего с русским народом»¹⁰. В. фон Бок утверждал, что Остзейский край верен императору только потому, что в его лице почитает хранителя своих привилегий¹¹. Г. фон Самсон констатировал в 1878 г.: «Каких бы годных, верных и преданных слуг и защитников Лифляндия ни давала своим Государям — всегда существовали одни только личные отношения между подданными и монархом...»¹².

Итак, все стороны согласны в том, что русские дворяне служат России, а немецкие — императорскому дому. Различно лишь отношение к этому факту: самодержавие и немцев такой модус вивенди не только устраивает, но и видится единственно возможной формой взаимоотношений, русских — возмущает и оскорбляет. Они мыслят империю как русское национальное государство и потому требуют от немцев лояльности не только к монарху, но и к русской нации в целом, которую русское дворянство, собственно, и представляет. Вместо этого нелояльные русской нации немцы не только не дискриминированы, а, напротив, занимают первые места рядом с монархом. «Наемников» явно предпочитают «хозяевам» (ибо русские дворяне, по их мнению, такие же хозяева России, как и император), которые оттеснены от власти, благодаря, по словам Ф.И.

⁶ Самарин Ю.Ф. Православие и народность. М., 2008. С. 544.

⁷ Цит. по: Березкина С.В. «Немцы» против «Европейца» // Москва. 2009. № 3. С. 206.

⁸ Цит. по: Духанов М.М. Остзейцы. Политика остзейского дворянства в 50–70-х гг. XIX в. и критика ее апологетической историографии. Изд. 2-е, перераб. Рига, 1978. С. 499.

⁹ Там же.

¹⁰ Цит. по: Виграб Г.И. Прибалтийские немцы. Их отношение к русской государственности и к коренному населению края в прошлом и настоящем. Юрьев, 1916. С. 96–97.

¹¹ Там же. С. 96.

¹² Там же. С. 98.

Тютчева, «привилегиям, часто необоснованным, инстинктивному, так сказать, сочувствию, которое они [немцы] находили в самом центре верховной власти». Отсюда, считает поэт, и проистекает русская германофобия: «Вот это-то упорное пособничество верховной власти чужеземцам и содействовало более всего воспитанию в русской натуре, самой добродушной из всех, недоброго чувства по отношению к немцам (курсив в цитатах везде мой. — С.С.)...»¹³.

Метафора «наемники» применительно к «русским немцам» весьма распространена в текстах позапрошлого века. Ф.Ф. Вигель, возмущаясь назначением барона Кампенгаузена на высокий государственный пост, задает риторический вопрос: «...когда знатные чада России любят себя гораздо более, чем ее, почему не употребляют наемников?»¹⁴. О.М. Бодянский в дневнике (1854) пересказывает слова графа С.Г. Строганова по поводу засилья немцев в Академии наук: «Надобно, чтобы она была чисто русская, из одних русских. <...> главное, чтобы мы возделывали свое сами, а не чужими руками. Только свой о своем может радеть как следует, а наемник — наемник»¹⁵. «...Неужели Россия не вправе требовать от остзейцев ничего больше, как то, что предлагают за деньги всем государям наемные швейцарцы?» — возмущался в «Письмах из Риги» Самарин¹⁶. Весьма сходно, но уже в положительном кон-

тексте, видел роль «русских немцев» прусский король Фридрих II. «Я не сомневаюсь <...>, — писал он в 1762 г. Петру III, собиравшемуся на войну с Данией, — что вы оставите в России верных надсмотрщиков, на которых можете положиться, голштинцев или ливонцев, которые зорко будут за всем наблюдать и предупреждать малейшее движение»¹⁷.

Противостояние «хозяев» и «наемников» протекало в различных сферах российской жизни.

Арена борьбы: двор, администрация, армия

Немецкий вопрос в России возникает только при Петре I. Разумеется, немцы жили на русской земле и находились на русской службе в качестве специалистов по военному делу и раньше, но тогда возможность «для иностранца проникнуть в политическую элиту России» практически отсутствовала, «минимальные шансы давала лишь полная ассимиляция иностранца с отказом от собственной идентичности через принятие русского подданства и крещение в православие, но и при этом ему приходилось в лучшем случае довольствоваться ролью советника»¹⁸. Только благодаря петровским реформам с их явно выраженным предпочтением личных заслуг перед знатностью рода стало возможным «массовое пришествие “немцев” из разных стран <...> Именно тогда узкий круг специалистов увеличился до 10 тысяч человек»¹⁹. Кроме того, после Ништадтского мира со Швецией (1721)

¹³ Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. Т. 6. М., 2004. С. 101.

¹⁴ Вигель Ф.Ф. Записки. Кн. 2. М., 2003. С. 1023.

¹⁵ Бодянский О.М. Дневник. 1852–1857. М., 2006. С. 141.

¹⁶ Самарин Ю.Ф. Указ. соч. С. 545–546. Любопытно, что остзеец В. Ген, эмигрировавший в Германию, в дневнике 1862 г. также проводит параллель между «русскими немцами» и швейцарцами «в Италии в конце средних веков» (см.: Визраб Г.И. Указ. соч. С. 128–129).

¹⁷ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Его же. Соч.: В 18 кн. Кн. 13. М., 1994. С. 70.

¹⁸ Петрухинцев Н.Н. Немцы в политической элите России в первой половине XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 66.

¹⁹ Курукин И.В. Бирон. М., 2006. С. 245.

в состав империи вошли Лифляндия и Эстляндия, «благородное сословие» коих представляли исключительно немцы, также влившиеся в российскую социально-политическую элиту.

Первоначально немцы заняли весьма весомое место в армии и на флоте, поскольку Петр видел в них главных агентов европеизации вооруженных сил. В 1709 г. (после Полтавы) российский генералитет на 64,3% (33 чел. из 51) состоял из иностранцев, среди которых немцев — 63,6% (21 чел.), т.е. 41,2% от общего состава²⁰. Значительно меньше (но также весьма изрядно) немцев было среди гражданских чиновников: всего иноземцы составляли примерно четверть членов коллегий, из них большинство (79%) — немцы²¹.

Уже тогда обилие иностранцев вокруг царя вызывало серьезное недовольство «природных русских». Ф.Х. Вебер, выходец из Брауншвейга, почти четыре года состоявший на русской службе, в своих записках сообщает, что «московиты» повинуются петровскому повелению учиться у иностранцев «с затаенною гордостью, которая мешает им вникнуть в то, чему их обучают, и заставляет их думать о себе, как о народе передовом, более ученом и смышленном, чем *их учителя*, которых они ненавидят и преследуют <...> они не могут понять, что какой-нибудь достойный иностранец, явившийся к ним на службу, руководится побуждением, отличным от желания приобрести только деньги, и вдобавок издеваются даже между собой над иностранцами...»²².

²⁰ Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 72–77.

²¹ Там же. С. 80–81.

²² Цит. по: Стенник Ю.В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII — начала XIX века. СПб., 2004. С. 28. Еще раньше, в 1698 г. участники последнего стрелецкого бунта, по свидетельству одного из живших в Москве иезуитов, намеревались «*истребить совершенно немцев и их свободу*, этот удар

Политику Петра по привлечению иноземцев последовательно продолжали все его преемники. В 1729 г., в «антизападническое» правление Петра II, при котором столица символически снова вернулась в Москву, в полевой армии служил 71 генерал, из них 41 иностранец (т.е. 57,7%). А всего нерусских генералов и обер-офицеров (считая майоров) было 125 чел. из 371 (т.е. 34%). В 1725 г. все высшие офицеры флота (за исключением Ф.М. Апраксина и еще двух человек) являлись иностранцами²³. Иноземцы на русской службе получали жалованье в полтора-два раза больше, чем «природные русские». В декабре 1729 г. такую же привилегию получили немцы — российские подданные из Остзейского края²⁴.

Таким образом, исследователи, оспаривающие известный афоризм Ключевского: при Анне Иоанновне «немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка»²⁵, — разумеется, правы. Немцы «посыпались» в Россию гораздо раньше. Более того, именно при Анне их преимущества несколько поубавились: в 1732 г. было отменено упомянутое выше различие в жалованье между русскими и иностранцами вкуче с остзейцами. Процент же иноземцев в армии вырос не слишком сильно. В 1738 г. нерусских генералов и обер-офицеров было 192 из 515 (т.е. 37,3%). Во флоте их стало значительно меньше: в 1741 г.

всегда грозит этой народности и всем нам с ней, если не дай Бог умрет светлый царь...» (цит. по: Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. М., 2006. С. 301). Вождь казацко-крестьянского восстания в 1707–1709 гг. Кондратий Булавин призывал своих сторонников бороться против «князей, бояр, прибыльщиков и немцев» (Там же. С. 304).

²³ Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2002. С. 295.

²⁴ Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. С. 19.

²⁵ Ключевский В.О. Курс русской истории // *Его же*. Соч.: В 9 т. М., 1989. С. 272.

из 20 капитанов — 13 русские²⁶. В 1722 г. из 215 ответственных чиновников государственного аппарата «немцев» было 30 чел., в 1740 — 28²⁷. В 1731 г. правительство Анны Иоанновны установило в Шляхетском корпусе процентную норму для принятия «русских немцев» и иноземцев: 50 мест на 150 для русских²⁸.

Все так, и, конечно же, трактовка «бироновщины», характерная для позапрошлого века («это была партия немцев, захвативших, можно сказать, Россию в полон» — П.К. Щебальский)²⁹ страдает явным преувеличением. Но впадение в другую крайность — отрицание этнического конфликта между русскими и немцами в эту эпоху, деэвентуализация понятий «русская» и «немецкая» «партии» — также не слишком продуктивно³⁰. Во-первых, отмечая отсутствие роста процентного присутствия немцев в армии и госаппарате, борцы с «бироновским мифом» обычно игнорируют *качественное* усиление их влияния. «Немцы впервые оказались во главе ключевых гражданских и военных ведомств (Остерман — Иностранной коллегии, Миних — Военной; Курт фон Шемберг — горного

ведомства; Карл фон Менгден в конце царствования Анны Иоанновны — Коммерц-коллегии). Кроме того, через новые, созданные по их предложениям учреждения (Кабинет министров) — также во главе общегосударственных ведомств, руководивших Российской империей»³¹. (Не говоря уже об особой, формально не обозначенной роли самого Бирона и братьев Левенвольде.) Во-вторых, совершенно неправильно полагать, что этноконфликт развивается исключительно на почве «национальной неприязни» как таковой, что ему якобы противопоказана «борьба личных самолюбий или каких угодно интересов», — они сопутствуют любому типу конфликтов и во многом их стимулируют. В-третьих, именно в период «бироновщины» немцы впервые стали играть при самодержавии ту роль, которая столь нравилась российским монархам, но была столь ненавистна русскому дворянству, — роль «императорских мамелюков»³². В-четвертых, более высокий уровень привилегий тех же остзейцев по отношению к статусу русских дворян все же бросается в глаза. Ю. Самарин остроумно сравнил два государственных документа о вербовке на службу русских и остзейцев в 1734 г. В первом случае это выглядит так: «подтвердить новыми крепчайшими указами, чтоб все к службе годные недоросли и молодые дворяне сысканы и при армии, артиллерии и флоте определены были». Во втором — несколько иначе: «публиковать пристойными указами, чтоб в Лифляндии и Эстляндии из дворянства и купечества охочих

²⁶ Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 295–296.

²⁷ Курукин И.В. Указ. соч. С. 259.

²⁸ Зутис Я. Указ. соч. С. 162.

²⁹ Там же. С. 135.

³⁰ Напр.: «Никакой “немецкой партии” при российском дворе во времена Анны Иоанновны не было — было вполне очевидное преобладание иноземцев и среди них немцев в тех областях управления, военного дела и т.д., которые нуждались в коренном преобразовании; придворная и правительственная среда была ареной борьбы личных честолюбий или каких угодно интересов, но только не борьбы национальных элементов — “русской партии” во главе с А.П. Волынским (высвой партнер Бирона) — с немцами» (Искюль С.Н. Немцы в российской государственности XVIII — нач. XX вв.: историко-культурные аспекты // Немцы в государственности России. СПб., 2004. С. 12).

³¹ Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 86.

³² О феномене «мамелюкства» как одном из способов «оскопления» опоры централизованной власти, дабы первая состояла из людей или групп, «которые оказались бы беспомощными без поддержки пользующегося их услугами государства», см. интересные и прямо относящиеся к нашей теме замечания: Геллер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 50–56.

в службу военную принимать»³³. Почувствуйте разницу! Наконец, в-пятых, некоторые новейшие работы по данной эпохе скорее подтверждают факт существования «немецкой» и «русской» «партий».

Скажем, Н.Н. Петрухинцев, опираясь на обширный архивный материал, интересно реконструирует их борьбу в начале 1730-х гг. По его мнению, с середины июня по декабрь 1730 г. «разыгрался основной раунд борьбы между русской знатью и новым окружением императрицы», последнее он именует «немецкой группировкой»³⁴. Центром консолидации «антинемецкой группировки» сделался Сенат, в свою очередь, немцы тоже консолидировались и сумели расколоть противников, например, А.М. Черкасскому была навязана помолвка его дочери с Р. Левенвольде, который эту помолвку разорвал, как только победа немцев стала очевидной. А после смерти фельдмаршала М.М. Голицына (декабрь 1730 г.) «организованное сопротивление русской знати было в основном сломлено. Ее группировка превратилась в аморфное скопление недовольных, неспособных

к организованным действиям, продолжавшее сдачу позиций»³⁵. Затем в 1731 г. последовали арест и суд над фельдмаршалом В.В. Долгоруким, сказавшим что-то нелестное в адрес императрицы, о чем последней доложили два немца — князь Гессен-Гомбургский и майор Альбрест. В 1732 г. под контроль «немецкой группировки» попали Военная (возглавил Миних) и Адмиралтейская (возглавил протезе Остермана и Бирона — Н.Ф. Головин) коллегии. Это знаменовало «полную победу» «немцев»³⁶. И лишь только после нее между победителями начались внутренние распри, катализатором которых стал Миних, претендовавший на первую роль и настроивший против себя Остермана и К.Г. Левенвольде, а позднее столкнувшийся с Бироном. «Как господство немцев было приготовлено усобицею между способными русскими людьми, оставленными Петром Великим, так теперь падение немецкого господства готовится раздором, усобицею между немцами, которые губят друг друга»³⁷. Не правда ли, история почти трехсотлетней давности очень напоминает события нашего недавнего прошлого — господство «семибанкирщины» в «лихие 90-е» и «иудейские войны» внутри нее?

³³ Самарин Ю.Ф. Указ. соч. С. 541.

³⁴ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота. СПб., 2001. С. 51. О том, что русским вельможам отнюдь не было чуждо восприятие придворной борьбы через призму «национальных интересов», свидетельствует интереснейшее письмо И.М. Волинского А.П. Волинскому от 7 июля 1730 г.: «О князе Алексее Михайловиче [Черкасском] здесь ничего не слышал и думаю, что неправда, токмо у них, у Семена Андреевича [Салтыкова] и у прочих россиян с немцами несогласно, токмо у Юсуповых с немцами мило имеет, а паче с Остерманом. Токмо они сильны Бироном, а всех немцев двое — Левольдов [Левенвольде], да Остерман и Бирон, да еще курляндцев двое, и сверх того еще введены Остерманом из его служителей двое в пажи, и сколько нашим не думать, их не пересилить» (Там же).

³⁵ Там же. С. 58. См. также у Соловьева: «Опала [А.И.] Румянцева [в начале 1731 г.] <...> произвела страшное раздражение против немцев. Польский посланник Потоцкий в разговоре с секретарем французского посольства Маньяном сказал: “Боюсь, чтоб русские не сделали того же с нецами, что сделали с поляками во времена Лжедмитрия, хотя поляки и не подавали таких сильных причин к ожесточению”. Маньян отвечал ему: “Не беспокойтесь: тогда не было гвардии, а теперь у русских нет вождя по смерти фельдмаршала Голицына”» (Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 10. М., 1993. С. 259).

³⁶ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны... С. 63–64.

³⁷ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 11. М., 1993. С. 49.

Свидетельств о том, что русские воспринимали «бироновщину» именно как господство «немецкой группировки», предостаточно в донесениях иностранных дипломатов, следственных показаниях, мемуарах и дневниках современников. К.Г. Манштейн, например, в своих записках отмечал, что «до некоторой степени можно извинить эту сильную ненависть русских дворян к иноземцам», ибо «в царствование Анны все главнейшие должности были отданы иноземцам, которые распоряжались всем по своему усмотрению, и весьма многие из них слишком тяжело давали почувствовать русским власть, бывшую в их руках»³⁸. Антинемецкие настроения проникали и «в народ»; в собрании народных песен П.В. Киреевского есть песня о молодом сержанте, который «в раздумьи горько плакал» о том: «Что нами теперь властвует / И не русский князь отдает приказ, / А командует, потешается / Злой тиран Бирон из Немечины»³⁹. В свою очередь и властвующие немцы не слишком прятали свою русофобию, леди Рондо, жена английского посла в России, писала о Бироне: «Он презирает русских и столь ясно выказывает свое презрение во всех случаях перед самыми знатными из них, что, я думаю, однажды это приведет к его падению»⁴⁰. Да, на властной вершине были и русские, но там удерживались только те из них, кто умел подлаживаться к немцам и не пытался проявлять самостоятельности. Опалы А.И. Румянцева, А.В. Макарова⁴¹, В.Н. Татищева⁴²,

гибель А.П. Вольнского это ясно доказывают. В размышлениях и планах последнего (каковы бы ни были его *личные* мотивы столкновения с Бироном) «немецкая» тема ощутимо присутствует. Он полагал, что «от иноземцев государство всегда находится в худом состоянии, от чего вред государству и государю быть может», и, следовательно, министры должны быть «свои природные»⁴³.

Продолжившееся (несмотря на устранение Бирона) при наследниках Анны Иоанновны — Иване VI и Анне Леопольдовне «немецкое засилье» стало одной из важнейших причин свержения «брауншвейгского семейства» и воцарения Елизаветы Петров-

роном и Шембергом Татищев был отстранен от руководства Оренбургской экспедицией, лишен всех званий и взят под домашний арест (см.: Кузьмин А.Г. Татищев. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 255–256). Ранее Татищев сталкивался с Бироном в связи со своей попыткой «русифицировать» Горный устав: «Усмотря, что от бывших некоторых саксонцев в строении заводов все чины и работы, яко же и снасти, по-немецки названы, которых многие не знали и правильно выговорить или написать не умели», а также «сожалея, чтобы слава и честь отечества и его труд теми именами немецкими утеснены не были, ибо по оным немцы могли себе ненадлежащее в размножении заводов честь привлекать», Татищев «все такие звания оставил [отменил], а велел писать по-русски». Бирон «так сие за зло принял, что не однова говаривал, якобы Татищев главный злодей немец [против немцев]» (Там же. С. 221–222).

⁴³ Корсаков Д.А. Артемий Петрович Вольнский и его «конфиденты» // *Его же*. Из жизни русских деятелей XVIII в. Казань, 1891. С. 310. Прусский посланник А. Мардефельд сообщал в Берлин 16 июля 1740 г.: «Вольнский хотел прежде всего умертвить герцога Курляндского [Бирона], если ему не удастся отделаться от него иначе, и изгнать фельдмаршала графа Миниха, его брата, тайного советника, графов Остермана и Левенвольде и вообще всех Немцев...» (Там же. С. 316).

³⁸ Цит. по: Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М., 1986. С. 27.

³⁹ Цит. по: Зутис Я. Указ. соч. С. 190.

⁴⁰ Цит. по: Курукин И.В. Указ. соч. С. 280–281.

⁴¹ Ему, в частности, вменялись в вину разговоры о преобладании немцев при дворе (см.: Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1989. С. 320–325).

⁴² В 1738 г. в результате конфликта с Би-

ны⁴⁴. Любопытно, что шведы, начавшие в 1741 г. войну против России, пытались использовать «немецкий» фактор в своих политических целях. От имени фельдмаршала Левенгаупта распространялся манифест, в котором говорилось, что «королевская шведская армия вступила в русские пределы не для чего иного, как для получения <...> удовлетворения шведской короны за многочисленные неправды, ей причиненные *иностранными министрами, которые господствовали над Россиею в прежние годы* <...> а вместе с тем, чтобы *освободить русский народ от несносного ига и жестокостей, с которыми означенные министры для собственных своих видов притесняли с давнего времени русских подданных*, чрез то многие потеряли собственность или лишились жизни от уголовных наказаний или, впадши в немилость, бедственно ссылались в заточение <...> намерение короля Шведского состоит в том, чтобы *избавить достохвальную русскую нацию, для ее же собственной безопасности, от тяжелого чужеземного притеснения и бесчеловечной тирании и предоставить свободное избрание законного и справедливого правительства, под управлением кото-*

рого русская нация могла бы безопасно пользоваться жизнью и имуществом, а со шведами сохранять доброе соседство. Этого достигнуть будет невозможно до тех пор, *пока чужеземцы по своему произволу и из собственных видов будут свободно и жестоко господствовать над верными русскими подданными* и их соседями-союзниками». Этот манифест вызвал настоящую панику при императорском дворе (Анна Леопольдовна сказала, что он «остро писан») и в правительстве. Остерман и вице-канцлер М. Головкин всерьез обсуждали перспективу высылки немцев из страны. Шведская пропаганда явно попала в «десятку»⁴⁵.

Другое дело, что «немецкая партия» была лишь орудием самодержавия, а не наоборот, как полагали многие историки позапрошлого столетия, перелавившие, таким образом, вину за преступления последнего на первую. Я склонен согласиться с И. Курукиным в том, что «бионовщина» «означала не столько установление “немецкого господства”, сколько создание лояльной управленческой структуры <...> Бирон и другие деятели той поры <...> “достраивали” именно петровскую машину управления...»⁴⁶. Самодержавие в лице Анны Иоанновны попыталось порвать свою зависимость от русского дворянства, образовавшуюся в 1727–1730 гг., используя как «точку опоры» служащих не государству, а «нам», «мамелюков»-немцев.

Показателен в этом отношении принцип комплектования новых гвардейских Измайловского и Конногвардейского полков (1730), созданных в качестве противовеса старым — Семеновскому и Преображенскому, — разителям дворянских интересов⁴⁷.

⁴⁵ См.: *Анисимов Е.В.* Иван VI Антонович. М., 2008. С. 185–186.

⁴⁶ *Курукин И.В.* Указ. соч. С. 403.

⁴⁷ По свидетельству Манштейна, эти полки «должны были служить противодействием остальным старым и сдерживать народ от

⁴⁴ После прихода к власти Елизаветы Остермана судили за то, что он «употреблял чужих наций людей, а не российских природных». 18 апреля 1742 г. в Петербурге произошла пьяная драка между солдатами Семеновского полка и офицерами-иностранцами, солдаты, нападая на них, кричали: «...у нас указ есть, чтоб вас всех перерубить, надобно всех вас, иноземцев, прибить до смерти; вас, немецких собак, всех сегодня перевешают», причем собравшийся вокруг петербургский люд явно поддерживал эту идею, крича: «Надобно иноземцев всех уходить» (*Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. 11. С. 135, 141–142). Сразу же после елизаветинского переворота «в лагере под Выборгом против немцев поднялся открытый бунт гвардии, усмирненный только благодаря энергии генерала Кейта...» (*Ключевский В.О.* Указ. соч. Т. 4. С. 278).

В указе об образовании Измайловского полка говорилось: «А офицеров определить из лифляндцев и курляндцев и прочих наций иноземцев и из русских, не определенных против гвардии рангами», т.е. не входивших в гвардейские чины⁴⁸. В результате: «В общем составе офицеров Измайловского полка иностранцы составляли меньшинство (27 из 76, т.е. 35,5%), однако именно они занимали все ключевые позиции в полку: среди высших офицеров (включая капитанов — командиров рот) русских было только 3 из 14 чел., т.е. 21,1%, только один был майором»⁴⁹. Командиром полка стал обер-штальмейстер К.Г. Левенвольде, после его смерти (1735) эту должность приняла сама императрица, подполковником — шотландец Джеймс Кейт, одним из двух майоров — Густав Бирон, брат временщика. Рядовой состав набирался из украинских однодворцев. В Конногвардейском полку из 37 офицеров 15 чел. (40,5%) оказались иностранцами, причем среди обер-офицеров (включая ротмистров) — 7 из 11 (64,6%)⁵⁰.

Характерно, что, когда самодержавие отступало перед дворянством, шло с ним на компромисс (при Елизавете Петровне и Екатерине II), количество немцев в *высших* эшелонах власти заметно сокращалось, а при «антидворянских» царях (Петр III, Павел I, Александр I, Николай I) немецкое влияние, напротив, усиливалось. Характерна и разница в восприятии этих «монархинь» и монархов в сознании русских дворян: в первом случае, как правило, их правление расценивалось как «золотой век», во втором — трудно найти примеры позитивных оценок.

«Бироновщина» надолго осталась

попытки к мятежу...» (цит. по: *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны. С. 110).

⁴⁸ *Анисимов Е.В.* Анна Иоанновна. С. 301.

⁴⁹ *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны. С. 111.

⁵⁰ Там же. С. 112.

для русского дворянства самым жутким символом самодержавного произвола⁵¹, даже в николаевскую эпоху такие полярно разные люди, как Вигель и Герцен, используют этот жупел как обозначение «немецкого тиранства». Больше никогда немцы не достигали таких высот, но, с другой стороны, именно с этой поры остзейские немцы «закрепили за собою около 25% должностей в армии»⁵². Устойчивые позиции немцев в армии и госаппарате сохранялись и в «национальное царствование» Елизаветы (8,2% гражданских служащих в центральных учреждениях страны, 2 из 5 полных генералов, 4 из 8 генерал-лейтенантов, 11 из 31 генерал-майоров)⁵³, и позднее (в 1762 г. иностранцы составляли 41% высшего офицерства, из них три четверти — немцы)⁵⁴.

⁵¹ Вигель рассказывает трагикомический эпизод о том, как в начале 1800-х гг. жена курляндского губернатора А.А. Арсеньева, придя к гробнице Бирона, «велела открыть гроб <...> и плюнула ему в лицо». Комментируя этот случай, Вигель склонен оправдать Арсеньеву соображениями национальной мести: «Не знаю, до какой степени можно осудить это бабье мщение; конечно оно гадко, но тут не было личности, а наследственное чувство ненависти ее соотечественников» (*Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. Кн. 2. С. 851).

⁵² *Зутис Я.* Указ. соч. С. 182.

⁵³ См.: *Курукин И.В.* Указ. соч. С. 262, 268. «...Елизавета не пошла навстречу желаниям солдатской массы. <...> Своей последовательной политикой Елизавета довольно быстро убедила всех, что не намерена изгонять иностранцев из России» (*Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века. С. 51). Даже такой «русифил» в елизаветинском окружении, как И.И. Шувалов, считавший, что все сенаторы, президенты коллегий и губернаторы должны быть только из русских, предполагал оставить за лифляндцами и эстляндцами 1/3 мест в офицерском корпусе (Там же. С. 71).

⁵⁴ См.: *Каптелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 98.

И. Курукин считает, что в «постби-роновскую» эпоху Россия «переболела немцами» и «природные русские дворяне уже не смущались присутствием “немцев” на всех этажах служебной лестницы»⁵⁵. Поразительное заявление для столь компетентного историка, каковым, несомненно, является его автор! Очевидно, он никогда специально не занимался этим вопросом, хотя даже люди просто более-менее начитанные помнят ёрническую просьбу А.П. Ермолова к Александру I: «Государь, произведите меня в немцы!»

На самом деле немецко-русское соперничество при дворе, в армии, администрации и т.д. — постоянный и устойчивый сюжет всей русской истории Петербургского периода. Но, во-первых, никто этот сюжет толком не исследовал, а во-вторых, таких романтических страниц, как дело Вольтынского, начиная со второй половины XVIII столетия здесь уже не наблюдается — перед нами типичный служебный конфликт, столкновение карьерных самолюбий. Но из-за этого сей конфликт не перестает быть этнически окрашенным, ибо «русские немцы» действуют как сплоченная корпорация (клан), последовательно и жестко отстаивающая свои властные и материальные интересы.

Вигель в своих мемуарах приводит эпизод, ярко раскрывающий «механику» немецкой корпоративности. Его, из-за фамилии (на самом деле он по отцу — из обрусевших финнов), принял за «своего» барон Ф.И. Брунов (Брунов) во время их совместной службы в Бессарабии в 1820-х гг.: «Обманутый моим иностранным прозванием и зная, что Казначеев стоит передо мною преподой, предложил он мне против него оборонительный и наступательный союз. Выслушав его одобрительно, заметил я ему, что нас только двое. “Франк будет с нами, — отвечал он, — и это достаточно будет, чтобы скинуть

русского дурака и овладеть местом”. Внутренне продолжая смеяться над собой и интриганом, “нет, мало, — сказал я, — кабы нам достать людей из Остзейских губерний или из самой Германии и ими наполнить места, дело пошло бы иначе”. — “Да это можно после”, — ответил он. Не служит ли это новым доказательством, как на всех пунктах немцы стремятся утвердить свое преобладание? <...> Еще прежде, чем этот барон был употреблен в Молдавии, всей Одессе известен был он как самая продажная душа; в Бухаресте же он был пойман на воровстве, в грабеже уличен, сознался и, неизвестно как, был спасен. Что же с ним после? <...> Увы, он русский посол в Лондоне!»⁵⁶.

Да, к немецкой корпорации примыкали и другие иностранцы, и порой даже «природные русские», из-за тех или иных своих личных выгод, но ядро ее, несомненно, однородно-этническое — германское. Так же как и противостоящие немцам «природные русские» нередко имели в своих рядах этнических немцев, но только тех, которые выламывались из немецкой корпорации и пытались ассимилироваться в русских, стать членами «малой» русской нации, которой себя осознавала элита русского дворянства. Но и многие вполне обрусевшие немцы предпочитали держать сторону более влиятельной «немецкой партии». Тот же Вигель пишет о министре финансов графе Е.Ф. Канкрине (подлинная фамилия — Канкринус): «Кажется с окончательным “ин”, женившись на русской, чего бы стоило Егору Францевичу сделаться совершенно русским? Нет, звание немца льстило его самолюбию, а звание русского, в его мнении, унизило бы его»⁵⁷. Упоминается у Вигеля и начальник канцелярии Государственного совета Иван Андреевич Вейдемейер — «незаконнорожденный сын русских родителей, православ-

⁵⁵ Курукин И.В. Указ. соч. С. 406.

⁵⁶ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. Кн. 2. С. 1050.

⁵⁷ Там же. С. 1020.

ной веры, получил он от них немецкое прозвание, как талисман; и действительно, оно одно отверзало ему путь к почестям...»⁵⁸.

Повторяю, история этого вполне прозаического и рутинного служебного этноконфликта еще не написана и требует огромной и кропотливой архивной работы. Но даже и по хорошо известным источникам он легко фиксируется.

Возьмем, например, армию. Во второй половине XVIII в. русские офицеры задавались вопросом: «Зачем нам нужно так много иностранных офицеров?», отмечая, что последние затрудняют продвижение вверх способным «природным русским»: «Немцы нелюбимы в нашей армии... Они интриганы, эгоисты и держатся друг за друга, как звенья одной цепи»⁵⁹. В 1812 г. в неудачах начала войны не только общество, но и войска — сверху донизу — винили «немца» М.Б. Барклая-де-Толли (у нас распространено представление, что он «шотландец», но шотландцем был его далекий предок, перебравшийся в Ригу и основавший вполне немецкий бюргерско-дворянский род). Н.Н. Муравьев-Карский вспоминал: «Начальник первой Западной армии, Барклай-де-Толли, без сомнения, был человек верный и храбрый, но которого по одному имени солдаты не терпели, единогласно называя его Немцем и изменником. Последнего наименования он, конечно, не заслуживал; но мысль сия неминуемо придет на ум солдату, когда его без видимой причины постоянно ведут назад форсированными маршами. <...> Что же касается до названия Немца, произносимого со злобою на Барклая, то оно более по тому случилось, что он окружил себя земляками, которых поддерживал, по обыкновению своих соотечественников. Барклай-де-Толли мог быть предан лично государю за получаемые от

него милости, но не мог иметь теплой привязанности к неродному для него отечеству нашему. Так разумели его тогда Русские, коих доверием он не пользовался, и он скоро получил кличку: болтай да и только»⁶⁰. Забавно, что великий князь Константин Павлович, сам «по крови» чуть ли не стопроцентный германец, настолько поддался всеобщему настроению, что кричал Барклаю в лицо: «Немец, шмерц, изменник, подлец; ты продаешь Россию...»⁶¹

По 10–20-м гг. XIX в. мы имеем замечательный материал — переписку генералов А.А. Закревского, П.М. Волконского, А.П. Ермолова и П.Д. Киселева, членов «русской партии» в армейском руководстве (к ней были близки также Н.Н. Раевский и многие декабристы). Борьба между Волконским и бароном И.И. Дибичем за место начальника Генерального штаба (закончившаяся торжеством Дибича, поддержанного А.А. Аракчеевым)⁶² воспринималась русскими генералами именно как борьба «русских» и «немцев». «...Отказ ваш от возвращения, — писал Закревский Волконскому 4 декабря 1823 г., — истребит все доброе, вами с таким трудом заведенное, и предаст все на съедение немцам, нелюбящим ничего служащего к пользе нашей матушке России. Чтобы любить Россию, надобно иметь чувства настоящего русского, а для сего

⁶⁰ Русский архив. 1885. Кн. 3. С. 48–49. Факт «немецкого засилья» в штабе Барклая подтверждает немец-русофил остзейский барон Т.Э. фон Бок, отказавшийся в нем служить, потому, что там «не услышишь никакого другого языка, кроме немецкого» (см.: *Рогов К. Декабристы и немцы // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 120*).

⁶¹ См.: *Декабристы. Новые материалы. М., 1955. С. 187*.

⁶² Любопытно, что позднее мстительный Дибич, участвуя в следствии над декабристами, явно «копал» под их покровителей из «антинемецкой партии» — Ермолова и Раевского (см.: *Рогов К. Указ. соч. С. 109*).

⁵⁸ Там же. Кн. 1. С. 505.

⁵⁹ Цит. по: *Каттелер А. Указ. соч. С. 99*.

*родиться русским. Пришлецы же сего возвышенного чувства любви к отечеству иметь не могут»*⁶³. Немцы — постоянная мишень в письмах Ермолова: «Отличных людей ни в одном веке столько не бывало, а особливо немцев. По простоте нельзя не подумать, что у одного Барклая фабрика героев! Там расчислено, кажется, на сроки и каждому немцу позволено столько времени занимать место, сколько оного потребно для изыскания другого, сверх ежегодно доставляемого <...> из Лифляндии приплода. Приготавливай, любезный Арсений, немецкую типографию, не одни военные узаконения, но и самые приказы скоро не будет армия понимать на русском языке» (Закревскому от 10 марта 1818 г.)⁶⁴. Киселев: «...остаётся мне ожидать с терпением козни немецкие и последствия оных» (Закревскому от 14 июня 1826 г.)⁶⁵. Не сомневаюсь, что кропотливый историк русской армии может найти еще немало подобных свидетельств.

Если армия была местом более-менее равноправного русско-немецкого соперничества⁶⁶, то МИД со времен Анны Иоанновны⁶⁷ являлся, по сути, немецкой вотчиной, где русские играли вторые-третьи роли. «Мы как сироты в Европе, — жаловался в 1818 г. Ф.В. Ростопчин. — Министры наши у чужих дворов быв не русскими совсем для нас чужие»⁶⁸. Пика эта ситуация достигла в долгое министерство графа

К.В. Нессельроде (1828–1856), когда 9 из 19 российских посланников исповедовали лютеранство⁶⁹. По свидетельству дочери Николая I великой княжны Ольги Николаевны: «При Нессельроде было много блестящих дипломатов, почти все немецкого происхождения, как, например, Мейендорф, Пален, Матусевич, Будберг, Бруннов. Единственных русских среди них, Татищева и Северина, министр недолюбливал, как и Горчакова»⁷⁰. О том, как относились к своим немецким коллегам «природные русские» дипломаты, можно судить по письмам Ф.И. Тютчева (долгое время служившего в МИД) А.М. Горчакову. В одном из них (1859) поэт приписывает внешнеполитический курс России на союз с Австрией этническому происхождению верхушки дипломатического ведомства: «Это эмигранты, которые хотели бы вернуться к себе на родину»⁷¹. В другом (1865) сравнивает положение Горчакова с положением Ломоносова в Академии наук: «Сам Ломоносов имел своих Нессельроде, своих Будбергов, и все русские гении во все времена имели своих <...> соперников более заурядных, старавшихся и нередко умудрявшихся их отеснять и притеснять...»⁷². Отставка Нессельроде и замена его на Горчакова была воспринята в обществе как победа «русской партии» над «немецкой». О. Бодянский в дневнике 1856 г. передает следующий слух: «Рассказывают, будто на вопрос Государя [Александра II], отчего новый министр иностр[анных] дел (кн[язь] Горчаков) представляет в посланники к лондонскому Двору Хрептовича, а не Брунова, который там был так долго, Горчаков отвечал: «Он служил всегда Государю, а не государству»»⁷³.

⁶⁹ Каптелер А. Указ. соч. С. 101.

⁷⁰ Цит. по: Высколков Л.В. Николай I. М., 2006. С. 257.

⁷¹ Тютчев Ф.И. Указ. соч. Т. 5. М., 2005. С. 287.

⁷² Там же. Т. 6. С. 101.

⁷³ Бодянский О.М. Указ. соч. С. 215–216.

⁶³ Сборник Императорского русского исторического общества (РИО). Т. 73. СПб., 1890. С. 173.

⁶⁴ Там же. С. 271.

⁶⁵ Там же. Т. 78. СПб., 1891. С. 144.

⁶⁶ Серьезные позиции в армии и флоте немцы сохранили до самой Первой мировой войны — более 20% генералов и адмиралов (см.: Меленберг А.А. Немцы в российской армии накануне Первой мировой войны // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 127–130).

⁶⁷ Большинство послов были курляндцами. См.: Курукин И.В. Указ. соч. С. 185.

⁶⁸ Сборник РИО. Т. 78. С. 470.

С течением времени, однако, ситуация изменилась не слишком радикально. Российские дипломаты немецкого происхождения в XIX — начале XX в. служили практически во всех странах мира, кроме Касселя, Папской области, Святейшего престола, Тосканы, Сиам (Бангкока), Абиссинии, Марокко. Наибольшее количество немецких дипломатов находилось в Вюртемберге — 54,5% (12 из 22 чел.). В абсолютных значениях — в Саксен-Веймаре — 80% (8 из 10 чел.). В Австрии / Австро-Венгрии их было 27,8% (5 из 18), в Великобритании — 50% (8 из 16), в Дании — 75% (6 из 8), в Италии — 60% (3 из 5), в Пруссии / Германской империи — 62,5 (10 из 16), в США — 38,9% (7 из 18), во Франции — 44,4% (8 из 18), в Японии — 50% (5 из 10) и т.д.⁷⁴. М.О. Меньшиков в 1908 году, по мидовскому ежегоднику насчитав около 200 «людей нерусского происхождения» из 315 штатных единиц, служащих за границей, подчеркнул, «обилие необруселых немцев» среди них⁷⁵. Даже в 1915 г. 16 из 53 высших мидовских чиновников носили немецкие фамилии⁷⁶. Иные из них действительно продолжали оставаться практически «необруселыми». Например, посол в Лондоне граф А.К. Бенкендорф «с трудом владел русской речью и единственный из русских пред-

ставителей с разрешения государя до конца жизни (1916 г.) доносил в МИД на французском языке. <...> Писать по-русски он совсем не мог. <...> Не случайно <...> что националистическая печать выбрала для своих нападок по поводу “иностранных фамилий” в дипломатическом ведомстве именно Лондон, так как *здесь почему-то годами в составе посольства не бывало ни одного чисто русского имени*»⁷⁷.

Немецкая группа играла большую роль в Государственном совете. При Николае I 19 из 134 его членов были балтийскими немцами⁷⁸. В 1906–1917 гг. из 202 сановников, входивших в него, 54 носили немецкие фамилии, т.е. более четверти⁷⁹, если же учитывать только неправославных немцев, то и тогда их получается немало — 12,1%⁸⁰. Вот как характеризует деятельность «балтийского лобби» рубежа XIX–XX веков член Госсовета В.И. Гурко: «Наши немецкие бароны относились в общем хотя и добросовестно, но по существу довольно равнодушно ко всем законодательным предположениям, не затрагивавшим так или иначе Остзейских провинций. Но зато все, что сколько-нибудь задевало интересы этого края, а в особенности его дворянства, вызывало с их стороны чрезвычайно согласованную и деятельную работу. Старания их при этом не ограничивались защитой своих интересов в самом Государственном совете. Имея своих со-

⁷⁴ См.: *Иванова Н.Н.* Немцы в министерствах России XIX — начала XX века // Немцы в государственности России. С. 50–51.

⁷⁵ *Меньшиков М.О.* Письма к русской нации. М., 2005. С. 54.

⁷⁶ См.: *Булдаков В.П.* Красная смута. Изд. 2-е, доп. М., 2010. С. 742. Еще один немецкий «заповедник» — Министерство почт и коммерции, где немцы в конце XIX в. занимали 62% высших постов (в Военном министерстве тогда же — 46%) (Там же). Министерство финансов возглавляли почти исключительно немцы: Е.Ф. Канкрин, П.Ф. Брок, М.Х. Рейтерн, С.А. Грейг, А.А. Абаза, Н.Х. Бунге, С.Ю. Витте, Э.Д. Плеске, П.Л. Барк. Естественно, что там заметно обилие германских фамилий (см.: *Иванова Н.Н.* Указ. соч. С. 55).

⁷⁷ *Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Кн. 1. М., 1993. С. 27–28.

⁷⁸ *Кантелер А.* Указ. соч. С. 100.

⁷⁹ *Куликов С.В.* Российские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии: коллизия между конфессиональной и национальной идентичностями в начале XX в. // Немцы в государственности России. С. 60–61. Из 70 чел., являвшихся в 1905–1910 гг. членами Совета министров, немецкое происхождение имели 13 сановников, т.е. более одной седьмой (Там же. С. 61).

⁸⁰ *Кантелер А.* Указ. соч. С. 221.

родичей во всех ведомствах, и прежде всего в “сферах”, они пускали в ход самые разнообразные пружины для достижения намеченной ими цели»⁸¹. Естественно, что остзейский вопрос был важнейшим полем для русско-немецкого конфликта, о чем подробнее ниже.

Немцы как враги и/или конкуренты

«Холодная» русско-немецкая война создала в русском дворянском самосознании крайне негативный образ противоборствующей стороны. Подлинной энциклопедией русского «немецедства» следует признать записки Вигеля (ему также принадлежит брошюра, вышедшая за границей в 1844 г. на французском языке, — «Россия, завоеванная немцами», в которой, по сочувственному отзыву известного литератора М.А. Дмитриева, «много правды»⁸²). В них немцы мифологизированы и демонизированы до предела, в вину им ставится буквально все. Они разбазаривают азиатские владения России: «Бирон, немец или латыш, Бог его знает, даром отдал Даурию, а русский Потемкин хотел опять ее завоевать. Все великие помыслы о славе России, исключая одной женщины [Екатерины II], рождаются только в головах одних русских...»⁸³. Немецкие генералы (Беннигсен при Прейсиш-Эйлау, Кнорринг в русско-шведскую войну начала 1808–1809 гг., Дибич в русско-турецкую войну 1828–1829 гг. и при подавлении польского мятежа 1830 г.) крадут русские победы: «...они великие мастера останавливать вовремя русское войско <...> на все решительное, отчаянное предпочтительно должно употреблять русских <...> ча-

сто немецкая осторожность отнимает у нас весь плод наших успехов»⁸⁴. Немцы занимают ключевые места в полиции и организуют репрессии против русских: «Со времен царя Ивана Васильевича Грозного секретною этою частию почти всегда у нас заведывают немцы. Мы находим в истории, что какой-то Колбе да еще пастор Вестерман и многие другие пленники, желая мстить русским за их жестокости в Лифляндии, добровольно остались при их мучителе и составляли из себя особого рода полицию. Они тайно и ложно доносили на бояр, на всякого рода людей и были изобретателями новых истязаний, коими возбуждали и тешили утомленную душу лютого Иоанна. С тех пор их род не переводился ни в Москве, ни в целой России. Всякому новому венценосцу предлагали они свои услуги...»⁸⁵. Даже Манифест о вольности дворянской, по Вигелю, — плод немецкой интриги: «...немцы <...> были уверены, что обеспеченные насчет прав своего потомства, ленивые наши дворяне станут убегать от службы, и все места, вся власть останутся в их руках»⁸⁶.

Немцы в изображении Вигеля — преимущественно серые посредственности, добивающиеся чинов исключительно с помощью этнической солидарности и пристрастного покровительства верховной власти. Скажем, именно так он характеризует министра иностранных дел в 1806–1807 гг. барона А.Я. Будберга: «...судя по догадкам, можно себе вообразить его немцем, довольно образованным для того времени, где нужно искалеченным, терпеливым и молчаливым, и следственно, по наружности глубокомысленным. <...> Попробовал бы русский быть столь ничтожным, как Андрей Яковлевич Будберг; ему много бы удалось быть членом Москов-

⁸¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 106.

⁸² Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 444.

⁸³ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. Кн. 1. С. 382.

⁸⁴ Там же. С. 425, 480.

⁸⁵ Там же. С. 537.

⁸⁶ Там же. Кн. 2. С. 635.

ского Английского клуба»⁸⁷. Немцы ненавидят русских «как возмужалых и непокорных учеников, которых надеялись они вечно держать в опеке»⁸⁸. Вигель пугает переходом «холодной» русско-немецкой войны в «горячую»: «Веселая беспечность русская мстит покамест немцам одними эпиграммами, точно так, как праотцы наши злились тайком и подтрунивали над татарами. Если ничто не переменится, то рано или поздно должно ожидать ужасных последствий для них или для нас...»⁸⁹

Для Ю. Самарина отличительные черты остзейских немцев — «чувство племенной спеси, ничем не оправданная хвастливость и смешное презрение к России и ко всему русскому»⁹⁰. Причем бьет тревогу славянофил, «в этих понятиях воспитываются те, которые занимают в наших имениях должности управляющих, а в наших домах — наставников, что тот господин, который пачкал свою книгу остроумными афоризмами о характере русских, завтра, может быть, купит имение в одной из наших губерний и будет иметь крепостных людей; что он уже теперь занимает по службе важное место и делается когда-нибудь губернатором; что за ним потянется целый рой мелких чиновников, его приятелей и клиентов, одного с ним образа мыслей; наконец, что в зависимости от этих людей живут наши соотечественники, поселившиеся в остзейских городах»⁹¹. Он, как и Вигель, сравнивает русско-немецкий конфликт с коллизией «учитель ненавидит превосходшего его ученика»: «Ученик <...> превзошел своего учителя в том, чему мог от него научиться. Стыдно учителю, который не умел понять и оценить ученика и вышел из дома, в котором он был принят как

родной, с чувствами неблагодарного наемника»⁹².

Тютчев считал, что «достаточно взглянуть на первого попавшегося немца, приехавшего в Россию, — будь он самый умный или самый заурядный — взглянуть на его повседневные отношения со всем, что не относится к его расе, чтобы понять, до какой степени глубокое, фанатически нетерпимое и непримиримое убеждение в своем расовом превосходстве является основой его природы, первым условием его нравственного существования и какую ненависть и ярость у него вызовет все, что захочет подвергнуть сомнению законность этого убеждения...»⁹³. В другом месте он утверждает, что «немцы, от мала до велика, наши и не наши, у которых нет, собственно, никакой причины не любить Россию, питают к нам исключительно физиологическую и потому именно неискоренимую и непреодолимую антипатию, расовую антипатию. И это наиболее яркая черта их национальности»⁹⁴.

Для А. Ермолова немцы — беспринципные карьеристы-себялюбцы: «Разными средствами выживаю я отсюда [с Кавказа] людей бесполезных и между таковыми барона Вреде. Он по немецкой своей сущности слишком любит выгоды и празден до такой степени, что кроме собственных дел ничем не занимается»⁹⁵.

И. Аксаков в одной из своих статей 1860-х гг. сравнивает немцев с евреями: «Евреи, так же как и Немцы, не признают в России Русской народности и подвергают еще сомнению вопрос (для Немцев уже давно решенный от-

⁸⁷ Там же. Кн. 1. С. 441.

⁸⁸ Там же. Кн. 2. С. 798.

⁸⁹ Там же. Кн. 1. С. 87.

⁹⁰ Самарин Ю.Ф. Указ. соч. С. 540.

⁹¹ Там же. С. 542–543.

⁹² Там же. С. 541. В письме М.П. Погодину Самарин утверждает, что в Остзейском крае все дышит «гордым презрением выжившего из ума учителя к переросшему ученику» (Нольде Б. Юрий Самарин и его время. М., 2003. С. 479).

⁹³ Тютчев Ф.И. Указ. соч. Т. 5. С. 297–298.

⁹⁴ Там же. Т. 6. С. 101.

⁹⁵ Сборник РИО. Т. 73. С. 413.

рицательно!) о том: действительно ли Русские — хозяева в Русской земле? По их мнению, Евреи в Русской земле такие же хозяева, как и Русские. Такое требование Евреев... вполне совпадает с Немецким идеалом отвлеченного государства»⁹⁶.

М.П. Погодин (1869) иронически приветствует нежелание немцев учить русский язык: «...*Немцы перебивают теперь дорогу Русским по всем отраслям службы: военной, гражданской и ученой*; выучите их всех русскому языку, да от них отбоя не будет, и бедные Русские должны будут только ходить за сохой и бороною и довольствоваться только черными работами»⁹⁷.

Недобрые чувства к «русским немцам» легко найти и у людей, не замеченных в германофобии, в отличие от авторов, процитированных выше. Скажем, А.С. Пушкин раздраженно отреагировал в дневнике (1833) на дело некоего фон Бринкена, пожелавшего, чтобы его судило остзейское дворянство: «Конечно, со стороны государя есть что-то рыцарское, но государь не рыцарь». Когда же лифляндское дворянство отказалось его судить, под предлогом, что он воспитывался в корпусе в Петербурге, поэт с явным злорадством записал: «Вот тебе шиш и — поделом»⁹⁸. П.А. Вяземский, отказавшийся вступить в Северное общество, среди прочего из-за антинемецких настроений, там царивших, в письме А.И. Тургеневу (апр. 1828), жалуясь на то, что ему отказали в просьбе служить в армии во время войны с турками (отказ подписал А.Х. Бенкендорф), восклицает: «*Когда с меня <...> хотят сдирать кожу <...> тогда я Русский; а когда блеснет мину-*

*та, в которую весело быть Русским, тогда во мне не признают коренных свойств и говорят: сиди себе с Богом, да перекрестись, какой ты Русский! у нас Русские — Александр Христофорович Бенкендорф, Иван Иванович Дибич, Черт Иванович Нессельроде и проч: и проч:»*⁹⁹. Будущий московский почт-директор А.Я. Булгаков (находившийся, кстати, в прекраснейших отношениях с тем же Нессельроде) написал в письме к брату (окт. 1820) по поводу «Семеновской истории» — бунта солдат, вызванного жестокостью полковника Шварца: «*Все пакости делаются у нас иностранцами. Свой своему поневоле брат*»¹⁰⁰. (Следует, между прочим, отметить, что Шварц, строго говоря, *иностранцем* не был, он родился в России и являлся русским подданным, получается, что немецкая этничность, сама по себе, в глазах Булгакова — признак *иностранца*.) В другом письме (февр. 1831) Булгаков ревниво подсчитывает процент немцев, награжденных за «турецкую войну»: «По странному стечению обстоятельств и случаю, кроме Горчакова, все только одни встречаются немецкие имена. Но говори что хочешь, солдатушки-то русские...»¹⁰¹

Следы русско-немецкого противостояния можно найти и в классике отечественной словесности. Обычно в связи с образом немца вспоминают симпатичных Вернера в «Герое нашего времени»¹⁰², Карла Иваныча в толстов-

⁹⁹ Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Т. 1. Пг., 1921. С. 71. Кстати, именно в этом письме помещено сатирическое стихотворение Вяземского «Русский бог», где есть такие строки: «*Бог бродяжных иноземцев, / К нам зашедших за порог, / Бог в особенности немцев, / Вот он, вот он русский бог*».

¹⁰⁰ *Братья Булгаковы*. Переписка. Т. 1. М., 2010. С. 728.

¹⁰¹ Там же. Т. 3. С. 330.

¹⁰² Следует, тем не менее, заметить, что Лермонтов, предвосхищая Герцена, делает

⁹⁶ Цит. по: *Ширинация А.А.* Указ. соч. С. 203. Сравнение немцев с евреями в годы Первой мировой войны активно использовал в своей публицистике М.О. Меньшиков.

⁹⁷ Там же. С. 242.

⁹⁸ См.: *Высочков Л.В.* Указ. соч. С. 257–258.

ском «Детстве» и Лемма в «Дворянском гнезде». Но эти персонажи — доктор, гувернер, учитель музыки — не конкуренты русским дворянам, почему бы не позволить к ним симпатию? Зато Берг в «Воине и мире» — бездушный и пустой карьерист, ходячий образ немца из дворянских мемуаров и писем — самое презираемое автором его создание — не устаивается даже ненависти, как Наполеон или Элен. Карикатурный губернатор фон Лембке в «Бесах» к бесам не причислен только в силу своей полной ничтожности, а характеристика его как члена немецкой корпорации типична для русского германофобского дискурса¹⁰³. Отдал должное немецкой теме и Лесков: от мифологизированного русско-немецкого конфликта в «Железной воле», заканчивающегося трагикомической смертью Гуго Пекторалиса, поперхнувшегося блином, до пугающей истории онемечивания русского человека в «Колыванском муже»¹⁰⁴.

этнонимы «русский» и «немец» обозначением «хорошего» и «плохого»: «... его имя Вернер, но он русский. Что тут удивительного? Я знал одного Иванова, который был немец» (Лермонтов М.Ю. Соч. Т. 2. М., 1990. С. 516).

¹⁰³ «Андрей Антонович фон Лембке принадлежал к тому фаворизованному (природой) племени, которого в России числится по календарю несколько сот тысяч и которое, может, и само не знает, что составляет в ней всю свою массу один строго организованный союз. И уж, разумеется, союз непредумышленный и не выдуманный, а существующий в целом племени сам по себе, без слов и без договора, как нечто нравственно-обязательное, и состоящий во взаимной поддержке всех членов этого племени одного другим всегда, везде и при каких бы то ни было обстоятельствах. <...> Андрей Антонович имел одного дядю инженер-подполковника, а другого булочника; но в высшую школу протерся и встретил в ней довольно подобных соплеменников» (Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 7. Л., 1990. С. 291).

¹⁰⁴ Большое место в наследии Лескова за-

нимает и публицистика по Остзейскому вопросу, недавно отдельно изданная: Лесков Н.С. Иродова работа. Русские картины, наблюдения, опыты и заметки. Историко-публицистические очерки по Прибалтийскому вопросу. 1882–1885 / Вступ. ст., сост., подготовка текстов и коммент. А.П. Дмитриева. СПб., 2010.

«Немцеедство», в той или иной степени, было присуще всем направлениям дворянского общественного движения XIX в., в том числе и революционному. О германофобии декабристов, являвшейся одной из важнейших составляющих их идеологии, мне уже приходилось подробно писать на страницах «ВН»¹⁰⁵, и потому не буду здесь повторяться. В студенческих радикальных кружках второй половины 1820-х гг. господствовали сходные настроения. Скажем, в кружке братьев Критских (1826–1827) часто говорилось «о правительстве и начальниках, что сии последние не хороши и не должны быть иностранцы»¹⁰⁶. Один из лидеров этого кружка Н.Ф. Лушников в агитационных виршах обвинял в «немчизне» уже самого императора: «Друзья, нерусский нами правит»; «Да свергнет Бог с него корону, / Пришлец он низкий — он немчин»¹⁰⁷.

нимает и публицистика по Остзейскому вопросу, недавно отдельно изданная: Лесков Н.С. Иродова работа. Русские картины, наблюдения, опыты и заметки. Историко-публицистические очерки по Прибалтийскому вопросу. 1882–1885 / Вступ. ст., сост., подготовка текстов и коммент. А.П. Дмитриева. СПб., 2010.

¹⁰⁵ Сергеев Сергей. Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов // Вопросы национализма. 2010. №2. С. 97–99.

¹⁰⁶ Цит. по: Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 595.

¹⁰⁷ Цит. по: Декабристы и их время. М., 1951. С. 244. Любопытно, что и весьма консервативный М.А. Дмитриев подчеркивал немецкое происхождение Романовых, разумеется, с иных позиций: «...мы [Дмитриевы] приходим по прямой линии от Владимира Мономаха, и по мужской линии, а не по женской, как Романовы, мнимые родоначальники наших государей, которые совсем не Романовы, а происходят от голштинцев. <...> потомки немцев сидят на всероссийском престоле...» (Дмитриев М.А. Указ. соч. С. 24).

Либерал Ключевский в дневнике 1911 г.

«Немецкая» сущность империи Романовых, этнокультурная чуждость ее русскому народу — одна из постоянных тем эмигрантской публицистики Герцена. Он посвятил ей несколько страниц книги «О развитии революционных идей в России» (1851), в которой уверял, что в послепетровскую эпоху «народ, поднимавшийся за самозваного сына Ивана IV, не ведал даже имен всех этих Романовых — Брауншвейг-Вольфенбюттельских или Гольштейн-Готторпских...»¹⁰⁸. Здесь же дается резкая характеристика «русских немцев»: «Немцы <...> далеко не олицетворяли прогресса; ничем не связанные со страной, которую не давали себе труда изучить и которую презирали, считая варварской, высокомерные до наглости, они были раболепнейшим орудием императорской власти. Не имея иной цели, как сохранить монаршее к себе расположение, они служили особе государя, а не нации. Сверх того, они вносили в дела неприятные для русских повадки, педантизм бюрократии, этикета и дисциплины, совершенно противоположный нашим нравам. <...> Русское правительство до сих пор не имеет более преданных слуг, чем лифляндские, эстляндские и курляндские дворяне. “Мы не любим русских, — сказал мне как-то в Риге один известный в Прибалтийском крае человек, — но во всей империи нет более верных императорской фамилии подданных, чем мы”. Правительству

также акцентирует «немецкость» династии: «На Сенатской площади голитинцы живо почувствовали свое нравственное отчуждение от страны, куда занес их политический ветер, и они искали опоры в придворном кругу, в котором Николай старался напихать как можно больше немцев» (Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 9. М., 1990. С. 362). Стоит заметить, что в аристократическом «Готском альманахе» Романовы действительно числились как Гольштейн-Готторп-Романовы.

¹⁰⁸ Герцен А.И. Соч.: В 9 т. Т. 3. М., 1956. С. 420.

известно об этой преданности, и оно наводняет немцами министерства и центральные управления. Это и не благоволение и не несправедливость. В немецких офицерах и чиновниках русское правительство находит именно то, что ему надобно: точность и бесстрашие машины, молчаливость глухонемых, стоицизм послушания при любых обстоятельствах, усидчивость в работе, не знающую усталости. Добавьте к этому известную честность (очень редкую среди русских) и как раз столько образования, сколько требует их должность, но совсем не достаточного для понимания того, что вовсе нет заслуги быть безукоризненными и неподкупными орудиями деспотизма; добавьте к этому полнейшее равнодушие к участи тех, которыми они управляют, глубочайшее презрение к народу, совершенное незнание национального характера, и вам станет понятно, почему народ ненавидит немцев и почему правительство так любит их»¹⁰⁹.

Не трудно заметить, что аргументация Герцена не слишком отличается от доводов Вигеля, Самарина или Тютчева, он только делает более радикальные выводы из тех же посылок, диктуемых их общей русско-дворянской культурой.

В более поздней работе «Русские немцы и немецкие русские» (1859) Герцен пытается сделать из понятия «немцы» социальную характеристику, немцы — это вообще правительствующие реакционеры, вне зависимости от этнического происхождения: «Наши правительствующие немцы <...> родятся от обруселых немцев, делаются из онемечившихся русских», «онемечившиеся немцы» даже хуже, но все они «относятся одинаким образом к России, с полным презрением и таковым же непониманием»¹¹⁰. «Настоящие немцы составляют только ядро

¹⁰⁹ Там же. С. 422–423.

¹¹⁰ Там же. Т. 7. М., 1958. С. 263, 264.

или закваску, но большинство состоит из всевозможных русских — православных, столбовых с нашим жирным носом и монгольскими скулами <...> Вступив однажды в немцы, выйти из них очень трудно, как свидетельствует весь петербургский период; какой-то угол отшибается, и в силу этого теряется всякая возможность понимать что-нибудь русское...»¹¹¹. Тем не менее герценовские «немцы» не теряют и в новой трактовке этнической составляющей, ведь «настоящие немцы», как-никак, составляют «ядро или закваску» этого, говоря термином Т. Шанина, этнокласса.

В том же духе высказывались по «немецкой» теме и соратники Герцена — М.А. Бакунин и Н.П. Огарев, также родовитые русские дворяне. Показательно, что на более поздних этапах «освободительного движения», когда руководящая роль в нем перестала принадлежать дворянам и перешла к «разночинцам», германофобия сделалась маргинальной пропагандистской стратегией. У разночинцев не было столь крупных личных счетов с немцами, как у их предшественников.

Возникает, конечно, закономерный вопрос — насколько «русские немцы» заслужили подобные нелестные характеристики. В принципе, для темы данного исследования это не имеет особого значения, но все же стоит отметить, что есть немало свидетельств, исходящих из немецкой среды, отчасти подтверждающих правоту некоторых вышеприведенных высказываний (разумеется, мифы Вигеля не верифицируемы). Скажем, барон А.И. Дельвиг (двоюродный брат поэта) откровенно пишет в своих мемуарах о «ненависти» «остзейских дворян, моих земляков, к России, к которой присоединены более 150 лет, но не признают ее своим отечеством, а служат, как они говорят, не ей, а государю, и этой преданностью эксплуатируют в свою пользу всю рус-

скую землю»¹¹². Г. фон Самсон в 1878 г. упрекал своих единоплеменников: «Если мы не хотим скрыть правду, мы должны сознаться, что понятие верности Империи вероятно для многих незнакомо и никогда не существовало»¹¹³. Профессор Юрьевского университета А. Фрейтаг фон Лорингофен в статье 1915 г. признал, что немцы действительно питают «некоторое пренебрежение к России и русским»¹¹⁴. Я упоминаю здесь только тех, кто пытался смягчить русско-немецкий антагонизм, русофобским же филиппикам из сочинений эмигрантов-остзейцев можно посвятить отдельную статью¹¹⁵. Интересной фигурой был остзейский барон Т. фон Бок, призывавший немецкое рыцарство сделаться «неотъемлемой частью русского дворянства», влиться «в ряды национального государства»: «Если допустить пристрастие, то, конечно, к большинству нации. Я <...> не хочу иметь вид человека, ставящего себя, как Лифляндец, в оппозицию к остальной части нации. Как дворянин, я горжусь, что мои предки были древние рыцари, как гражданин, я никогда не буду ничем другим, как самым за-

¹¹² Дельвиг А.И. Мои воспоминания. Т. 2. М., 1912. С. 212.

¹¹³ См.: Визраб Г.И. Указ. соч. С. 98.

¹¹⁴ Там же. С. 100.

¹¹⁵ Чтобы не быть голословным. В. Ген в своих заметках «О нравах русских» (1892) писал о том, что русские не способны к созидательному труду, что у них господствует изначальная склонность к разрушению; русская литература — сплошной плагиат; у Пушкина — «отсутствие нравственности и души», ему «недостает глубины мысли и прежде всего души чувства». Э. Брюгген (1885): «Взгляд на русское прошлое побуждает сомнения в способности этого народа к самостоятельному развитию». Т. Шиманн: «...творческая, регулирующая живительная сила культуры, свойственная другим племенам индогерманской расы, не присуща этому народу» и т.д. (См.: Духанов М.М. Указ. соч. С. 428–430).

¹¹¹ Там же. С. 266.

коренелым русским»¹¹⁶. Думается, такая постановка вопроса устроила бы русских националистов, но, к сожалению, большинство потомков рыцарей были солидарны не с Т. фон Бокком, а с его однофамильцем (а скорее всего, и родственником) В. фон Бокком, заявившим с предельной откровенностью: «*Ожидать от нас, чтобы мы, оставаясь немцами, в то же время были душою и сердцем русскими... все равно, что требовать, чтоб квадрат, не изменяясь в своей форме, сделался треугольником*»¹¹⁷.

Арена борьбы: наука и культура

Наиболее конфликтной точкой русско-немецкого противоборства в сфере науки была, так сказать, высшая инстанция последней — Петербургская Академия наук, с самого своего возникновения (1724) возглавляемая и наполняемая немцами (первый президент — Л.А. Блюментрост; на первом ее заседании в 1725 г. из 13 человек 9 были немцами), при Анне Иоанновне ею по очереди руководили К.Г. Кейзерлинг, И.А. Корф, позднее — К. фон Бреверн, фактически же Академией управлял (даже при Елизавете) темный делец И.-Д. Шумахер.

В 1742 г. бывший токарь Петра I академик А.К. Нартов подал в Сенат «доношение», направленное против финансовых махинаций Шумахера и немецкого засилья в Академии вообще. Нартов настаивал на том, что Петр «повелел учредить Академию не для одних чужестранцев, но паче для своих подданных». Выписанные же Шумахером из-за границы профессора «все выдают в печать на чужестранных диалектах», а главное, «обучение Российского народу молодых людей оставлено, а производят в науку чужестранных, в которых Российской Империи ни какой пользы быть не может, кроме единого казенного убытка, который при

том исходит на жалованье и на прочее, с чем оные по времени имеют бежать в свои отечества». Между тем «для лучшего произведения наук <...> можно бы изыскать ученых несколько человек из Россиян, но того ему, Шумахеру, в память не приходит...»¹¹⁸.

Были и другие «доношения», в которых говорилось, что русские переводчики получают жалованья гораздо меньше, чем немецкие, что «Русских учеников Немецкие мастера так отменно обучают, что в двадцать лет их науке совсем выучиться человеку Русскому не можно», что Шумахер всячески притесняет русских и покровительствует единоплеменникам — «*определяет в Академию людей самых бесполезных, лишь бы только Немчина*». Обращалось внимание на то, что в гимназии при Академии многих немецких учителей можно легко заменить на русских, в качестве примера приводился некий Фишер — «Немец недостаточный и при том не малый пьяница <...> Русские с нуждою его разумеют и более за шута, нежели за учителя принимают»¹¹⁹.

Примечательно, что в конце концов Шумахер, за которого вступились немецкие академики и покровители из русской знати, был оправдан. Наказанию же были подвергнуты «доносители»¹²⁰. М.В. Ломоносов, поддерживавший Нартова, а позднее вступивший в острейшую распрю с большинством академиков-немцев, дошедшую до публичного скандала в Академическом собрании, в июле 1743 г. «был признан виновным по нескольким статьям и ему грозило не только увольнение из Академии, но и наказание плетьюми. <...> Только 12 января 1744 года Сенат <...> постановил: «Оного адъюнкта Ломоносова для его довольного обучения от наказания

¹¹⁸ Цит. по: Ламанский В.И. Ломоносов и Петербургская Академия наук. М., 1865. С. 2–3.

¹¹⁹ Там же. С. 4.

¹²⁰ Там же. С. 6.

¹¹⁶ См.: Рогов К. Указ. соч. С. 120.

¹¹⁷ Цит. по: Виграб Г.И. Указ. соч. С. 97.

стало избрание нового неперменного секретаря: «Тут боролись две партии: так называемая русская и немецкая. <...> *Немецкая партия обладает большинством голосов*, следовательно, она должна была превозмочь». Комментируя это событие, Никитенко нелюбопытно критикует нравы «русской партии»: «*Вражда к немцам сделалась у нас болезнью многих*. Конечно, хорошо, и следует стоять за своих — но чем стоять? Делом, способностями, трудами и добросовестностью, а не одним криком, что мы, дескать, русские! Немцы первенствуют у нас во многих специальных случаях оттого, что они трудолюбивее, а главное — дружно стремятся к достижению общей цели. В этом залог их успеха. А мы, во-первых, стараемся сделать все как-нибудь, “по-казенному”, чтобы начальство было нами довольны и дало нам награду. Во-вторых, где трое или четверо собралось наших во имя какой-нибудь идеи или для общего дела, там непременно ожидайте, что на другой или на третий день они перессорятся или нагадят друг другу и разбредутся»¹²⁵.

Никитенко стремится соблюсти объективность, быть «над схваткой», но это далеко не всегда ему удается. В феврале 1864 г. Александр Васильевич с раздражением записывает известие о назначении президентом Академии Ф.П. Литке: «В полунемецкую Академию немца <...> Да и что такое Литке? Он известен как хороший моряк и как очень неуживчивый человек, а главное, как большой покровитель своих соотечественников-немцев»¹²⁶. В августе он описывает юбилей академика К.М. Бэра, превращенный, по его мнению, в немецкую демонстрацию: «... немцы, очевидно, хотели выказать свое торжество над русской партией <...> Ни одна немецкая речь не удостоила своего внимания России»¹²⁷. В феврале

1865 г. опять упоминается пристрастие к единоплеменникам президента Академии: «Литке начинает обнаруживать свой “немчизм”. Он решительно отворачивается от русских и, при своей сухости и холодности, делает это даже не совсем прилично. Так, например, у него бывают собрания по понедельникам. Немецкие академики имеют право на них являться каждую неделю; некоторым из русских, еще не совсем ненавистным или еще не успевшим опротивить, предоставлено посещать салон президента раз в две недели; остальные вовсе не приглашены. К последним принадлежу и я. Он, говорят, не может мне простить моей речи, *моей защиты русской национальности и мнения о том, что пора перестать выбирать членов из иностранцев*»¹²⁸. В преддверии юбилея Ломоносова Никитенко предполагает, что «без скандала, то есть без демонстрации против немцев, ломоносовский праздник, кажется, не обойдется»¹²⁹. Зафиксирован у него и другой скандал — в связи с неизбранием в Академию славянофила А.Ф. Гильфердинга (декабрь 1869 г.): «Тут видят целый заговор <...> немцев против русского патриотизма»¹³⁰.

Кстати, оба этих академических скандала запечатлены в русской поэзии. А.Н. Майков, друг и единомышленник вождя «русской партии» в Академии В.И. Ламанского¹³¹, сочинил к ломоносовскому юбилею стихотворение, в котором, в частности, так описывались времена «бироновщины»:

Лишь пришлецы, которых знанье
Царь покупал «на семена»,
Торжествовали в упованье,
Что их отныне вся страна!
И, пробираясь ловко к цели,

¹²⁸ Там же. С. 498.

¹²⁹ Там же. С. 503.

¹³⁰ Там же. Т. 3. С. 162.

¹³¹ Никитенко записал о нем: «Ему <...> хочется <...> насолить немцам, которых он смертельно ненавидит...» (Там же. Т. 2. С. 502).

¹²⁵ Там же. С. 407–408.

¹²⁶ Там же. Т. 2. С. 413.

¹²⁷ Там же. С. 460.

Они над Русскою землею
На ступенях престола сели,
Как над забранною страной...¹³²

Тютчев отозвался на неизбрание Гильфердинга стихами, в которых уже прямо касался немецкого засилья в Академии:

Что русским словом столько лет
Вы славно служите России,
Про это знает целый свет,
Не знают немцы лишь родные.
.....
И как же мог бы без измены,
Высокодоблестный досель,
В академические стены,
В заветную их цитадель,
Казною русской содержимый
Для этих славных оборон,
Вас, вас впустить — непобедимый
Немецкий храбрый гарнизон?

Но самый громкий академический скандал разразился в 1880 г., когда Академия забаллотировала при избрании в ее действительные члены великого Д.И. Менделеева, предпочтя ему посредственного Ф.Ф. Бейльштейна. В ряде газетных публикаций («Новое время», «Голос», «Русь»)¹³³ эта не-

¹³² Современники воспринимали эти строки как завуалированный намек на современность. «Стихи хороши, только сильно направлены против немцев. Тут видно влияние Л[аманского]. Я заметил Майкову: “Вы бросаете перчатку немцам”» (Там же. С. 503). Тютчев прислал текст этого стихотворения А. Горчакову, что стало поводом для его цитировавшихся выше размышлений «по немецкому вопросу» (см.: *Тютчев Ф.И.* Указ. соч. Т. 6. С. 101, 456).

¹³³ 12 ноября 1880 г. в националистическом «Новом времени» А.С. Суворина появилась статья «Немцы-победители», завершавшаяся призывом: «Нам немцев довольно. Есть русские ученые, и если немцы крепко становятся особняком против русского ученого, то они делают это, конечно, для того, чтобы подать пример. Да последуем же этому при-

меру». Либеральный «Голос» (16 ноября) писал в том же духе: «Нужно постановить, что академиками могут быть только русские ученые. Зачем нам, русским, нерусские академики? <...> Они найдут себе места в германских ученых учреждениях. Пусть идут с Богом!». Бутлеров в аксаковской «Руси» в статье с характерным заголовком «*Русская или только Императорская Академия наук в С.-Петербурге?*» (1882) (название, скорее всего, придумано самим Аксаковым) писал об одном из менделеевских супостатов — Вильде: «Вильд, выписанный из-за границы в 1868 году, до сих пор не овладел русским языком настолько, чтобы в заседаниях можно было обращаться к нему с русской речью, рассчитывая быть понятым. Времени выучиться порусски было достаточно, и если г. Вильд еще остается при своем незнании, то трудно не видеть в этом порядочной доли презрения с его стороны к званию, которое носит, и к нации, которой он служит». В издаваемом Суворинным журнале «Исторический вестник» в 1881 г. была опубликована специальная историческая статья Ф.И. Булгакова «Немецкая партия в русской Академии». Ф.М. Достоевский записал в связи с этим скандалом: «Проект Русской Вольной Академии Наук. По поводу отвергнутого Менделеева почему не завести нашим русским ученым своей Вольной Академии Наук (пожертвования)». Сам Менделеев в наброске к статье о ситуации в Академии, опубликованной только в 1966 году, отмечал, что «в современной Академии собралось много иностранцев, чуждых России», и что «*принципы императорской Академии взяли верх над началами русской Академии*». Весьма симптоматично, что Менделеев был персоной нон грата не только для академических «русских немцев», но и для правительственных «немецких русских». Сменивший Литке на посту президента Академии граф Д.А. Толстой, умирая в 1889 г., внушал ее непременно секретарю К.С. Веселовскому: «Только помни, Менделеева в Академию ни под каким видом...» Подробнее о «менделеевском инциденте» см.: *Дмитриев И.С.* Скудная история (о неизбрании Д.И. Менделеева в Императорскую академию наук в 1880 г.)// Вопросы истории естествоз-

справедливость напрямую связывалась с интригами «немецкой партии». И, надо сказать, данная версия имеет под собой определенную фактическую базу. А.М. Бутлеров так записал распределение белых и черных шаров: «Очевидно — черные: Литке (2 [он, как президент Академии, имел два голоса]), Веселовский, Гельмерсен, Шренк, Максимович, Штраух, Шмидт, Вильд, Гадолин. Белые: Буняковский, Кокшаров, Бутлеров, Фаминцын, Овсянников, Чебышев, Алексеев, Струве, Савич». Статистика красноречивая: из голосовавших *против* Менделеева девяти человек — 7 немцев, из голосовавших *за* девяти человек — 1 немец.

Есть свидетельства и даже исследования о русско-немецких «схватках» и в других научных учреждениях. Например, к концу 1840-х годов русские ученые-националисты (Р.В. Голубков, В.В. Григорьев, Н.А. и Д.А. Милютин, Н.И. Надеждин), нацеленные на создание этнографии именно *русского* народа, после длительной и упорной борьбы оттеснили от руководства Русским географическим обществом «немецкую партию» во главе с К.М. Бэр, Ф.П. Врангелем и Ф.П. Литке, ориентировавших деятельность Общества не на запросы русской жизни, а исключительно на связи с европейским научным сообществом и *общечеловеческую* этнографию (тот же Бэр так и не удосужился выучить русский язык и свои труды публиковал почти исключительно на немецком или латинском)¹³⁴.

нании и техники. 2002. № 1–2. Оттуда взято и большинство приведенных выше цитат. Автор старательно отвергает толкование описываемого им эпизода как этноконфликта, всячески выгораживает академиков-немцев, но приводимая им фактура говорит сама за себя.

¹³⁴ См. подробнее: *Найт Н.* Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 159–166. Один

Вице-председателем Общества на место Литке был избран известный «немецфоб» М.Н. Муравьев (будущий граф Виленский, пресловутый «Вешатель»).

Из дневника О. Бодянского можно узнать о похожей ситуации в Русском археологическом обществе. В 1846–1852 гг. его возглавлял герцог М. Лейхтенбергский, при котором тон задавали немецкие ученые, все печатные издания Общества выходили на иностранных языках и были посвящены в основном классической археологии и нумизматике западноевропейских стран. Только благодаря инициативе фольклориста И.П. Сахарова в 1849 г. началось издание «Записок отделения русской и славянской археологии». После смерти герцога Общество возглавил великий князь Константин Николаевич, известный своими славянофильскими симпатиями, что стало «главной причиной удаления немцев»¹³⁵.

Русско-немецкое противостояние (но без острой борьбы) в Московском университете первой половины 1830-х гг. отмечено в герценовском «Былом и думах»: «Профессора составляли два стана, или слоя, *мирно ненавидевшие друг друга*: один состоял исключительно из немцев, другой — из не-немцев. Немцы <...> отличались *незнанием и нежеланием знать русского языка*, хладнокровием к студентам, духом западного клиентизма, ремесленничества, неумеренным курением сигар и огромным количеством крестов, которых они никогда не снимали»¹³⁶.

из участников этого конфликта, Д. Милютин в своих мемуарах описывает его как «войну с «немцами»», когда, «по всякому поводу, при каждом новом вопросе проявлялся антагонизм и велась борьба между двумя лагерями» (*Милютин Д.А.* Воспоминания 1843–1856. М., 2000. С. 139, 140).

¹³⁵ *Бодянский О.М.* Указ. соч. С. 109. См. там же комментарии Т.А. Медовичевой — с. 271.

¹³⁶ *Герцен А.И.* Указ. соч. Т. 4. М., 1956. С. 120–121.

Русско-немецкая «война» отражена и в истории русской литературы. Скажем, сегодня уже можно считать доказанным, что запрещение журнала «Европеец» в 1832 г. было связано с несколькими строками его издателя И.В. Киреевского в статье «Горе от ума» — на московском театре», метившими в «русских немцев»: «...любовь к иностранному не должно смешивать с пристрастием к иностранцам; если первая полезна, как дорога к просвещению, то последнее, без всякого сомнения, и вредно, и смешно, и достойно нешуточного противодействия. Ибо, — не говорю уж об том, что из десяти иноземцев, променявших свое отечество на Россию, редко найдется один просвещенный, — *большая часть так называемых иностранцев не рождается с нами даже и местом своего рождения: они родились в России, воспитаны в полурусских обычаях, образованы так же поверхностно и отличаются от коренных жителей только своим незнанием русского языка и иностранным окончанием фамилий. Это незнание языка, естественно, делает их чужими среди русских и образует между ними и коренными жителями совершенно особенные отношения. Отношения сии, всем им более или менее общие, рождают между ними общие интересы и потому заставляют их сходиться между собою, помогать друг другу и, не условливаясь, действовать заодно. Так самое незнание языка служит для них паролем, по которому они узнают друг друга,* а недостаток просвещения нашего заставляет нас смешивать иностранное с иностранцами, как ребенок смешивает учителя с наукою и в уме своем не умеет отделить понятия об учености от круглых очков и неловких движений»¹³⁷. Николай I, по свидетельству А.Х. Бенкендорфа, лично обратил внимание на этот пассаж как на «самую неприличную и непри-

стойную выходку на счет находящихся в России иностранцев...»¹³⁸.

В 1868 г. цензура и театральное ведомство потребовало переделки комедии А.А. Потехина «Рыцари нашего времени», в которой «два главные действующие лица: баронесса немка и немец Кукук — оба мошенники, оплетающие и надувающие русских. Театральное начальство признало это непозволительным и велело немцев преобразовать в русских, из чего выходит, что русские могут быть подлецами, а немцы нет»¹³⁹. Главное управление печати усмотрело в пьесе «враждебные чувства к дружественной нам нации»¹⁴⁰.

Впрочем, сам литературный процесс в императорской России (за исключением административных мер сверху) не стал полем для русско-немецких «разборок». Никакого сравнения с еврейской проблемой в русской литературе в начале прошлого века! Это объясняется очень просто: немцы в русской литературе были представлены чрезвычайно скудно, а потому не выступали здесь в качестве конкурентов. Самые крупные имена — Дельвиг и Кюхельбекер (второй-третий ряд), люди, подчеркнуто стремившиеся к обрусению. Ничего подобного сплоченной немецкой корпорации в армии, различных министерствах, Академии, — в литературе (как и в сфере искусств) мы не найдем. Феномен этот на первый взгляд парадоксален, ведь немцы были самым образованным этносом империи. Но разгадка его, кажется, не столь уж сложна. Немцы слишком высоко ставили свою собственную и слишком презирали русскую культуру, для того чтобы участвовать в творчестве последней. Служить офицером или чиновником, командовать туземцами, на худой конец, насаждать среди

¹³⁸ См. подробнее: *Беззюкина С.В.* Указ. соч.

¹³⁹ *Никитенко А.В.* Указ. соч. Т. 3. С. 195.

¹⁴⁰ Там же. С. 450.

¹³⁷ *Киреевский И.В.* Критика и эстетика. М., 1998. С. 126–127.

них просвещение — это занятие вполне достойное. Но создавать литературу на туземном языке! Это все равно как если бы Киплинг стал писать на хинди¹⁴¹.

Арена борьбы: остзейский вопрос

Остзейский вопрос, и в целом, и в частности, исследован в советской и в новейшей российской историографии достаточно неплохо, поэтому в данном случае я ограничусь самыми необходимыми сведениями.

Вошедшие в состав Российской империи в 1721 г. Лифляндия, Эстляндия и остров Эзель (а затем и присоединенная к ней, с воцарением Анны Иоанновны, Курляндия) образовали так называемый Остзейский край, само название которого подчеркивало его немецкий характер (буквально — край Восточного (Балтийского) моря, т.е. находящийся *к востоку от Германии*, но не от России, для которой это море — Западное). Петр I даровал указанным провинциям особые привилегии, которые затем были подтверждены всеми его преемниками до Екатерины II. Край получил совершенно уникальный административно-правовой статус, который обеспечивал доминирование немецкого дворянства (рыцарства) и верхушки бюргерства над практически бесправным латышским и эстонским населением и даже над немногочисленными здесь проживающими русскими. И это при том, что немцы в Прибалтике были очевидным меньшинством: даже в начале прошлого века — 6–9% от общей численности населения края (а «рыцари» среди всех немцев составляли только 3–4%, менее 5 тыс. из 130–150 тыс.)¹⁴².

¹⁴¹ Признания на сей счет нередко встречаются у остзейских публицистов. Некто Брашен (1880): «Да, мы не принимаем участия в духовной жизни русского народа» (цит. по: Виграб Г.И. Указ. соч. С. 98).

¹⁴² См.: Духанов М.М. Указ. соч. С. 17.

По сути, власть в остзейских губерниях сосредоточивалась в органах местного дворянского самоуправления (ландтагах). В управлении, делопроизводстве, культуре и образовании безраздельно царил немецкий язык. Господствующей религией являлось лютеранство. Русские губернаторы обязаны были строить свою служебную деятельность на основе уважения привилегий и прав немецкого дворянства. Принятые ландтагами решения по сословным делам не подлежали утверждению со стороны губернских властей и сообщались им только для сведения. В губерниях внутренней России «рыцари» получали те же права, что и русские дворяне, зато последние правами немецких дворян пользоваться не могли (если только их фамилии по согласованию с ландтагами не были внесены в местные «матрикулы» — дворянские родословные книги). Де-факто (а отчасти и де-юре) в крае могли иметь силу лишь законы, специально для него изданные, а из российских только те, распространение которых на Прибалтику особо оговаривалось.

Благодаря немецкому влиянию при дворе и в администрации, а также хорошо налаженному подкупу русской знати (один из способов — внесение имени того или иного «нужного человека» в «матрикулы») и чиновников, остзейцы успешно отбивали атаки русских дворян, недовольных этим очевидным неравноправием. «Ни одна из политических группировок русского дворянства не обладала такими организационными возможностями, какие имелись в распоряжении немецкого рыцарства в остзейских губерниях: сословные привилегии и местная автономия давали право на содержание своеобразного дипломатического представительства в столице, а наличие особой кассы позволяло подкупы высших должностных лиц в таких масштабах, которые далеко превосходили платежеспособность отдельных лиц из среды самых богатых [русских]

помещиков»¹⁴³. Где бы ни находились «рыцари» — в Прибалтике, Петербурге или на Кавказе, они «продолжали оставаться членами рыцарской корпорации, всегда и везде сознающими общность своих сословных интересов и оказывающими друг другу взаимную помощь и поддержку»¹⁴⁴. Напомню, что русское дворянство до Жалованной грамоты Екатерины II (1785) вообще не имело своего самоуправления, а когда последнее возникло, то оно не шло ни в какое сравнение с немецким по структурированности, правам и возможностям влиять на власть.

Как только при Екатерине русские дворяне обрели значительное политическое влияние, они тут же предприняли атаку на немецких собратьев по благородному сословию. Остзейский вопрос активно поднимался дворянскими депутатами в Уложенной комиссии 1767 г. В 1782–1786 гг. Екатерина формально отменила особый статус остзейских губерний и «слила» их с остальной империей. Но уже в 1796 г. Павел I снова восстановил его в полном объеме. При Александре I и Николае I привилегии «рыцарей» соблюдались неукоснительно. Особенно следил за этим Николай, который по свидетельству М.А. Корфа, в начале 1839 г. высказался на сей счет следующим образом: «Что касается до этих привилегий, то я и теперь, и пока жив, буду самым строгим их оберегателем, и пусть никто и не думает подбираться ко мне с предложениями о перемене в них, а в доказательство, как я их уважаю, я готов был бы сам сейчас принять диплом на звание тамошнего дворянина, если б дворянство мне его поднесло»¹⁴⁵.

В 1845–1848 гг. в Риге в составе ревизионной комиссии находился славянофил Ю. Самарин. Увиденное там настолько его потрясло, что он написал остропублицистический памфлет

«Письма из Риги», посвященный изображению немецкого господства в Прибалтике, униженному положению там русских («систематическое угнетение русских немцами, ежечасное оскорбление русской народности в лице немногих ее представителей — вот что теперь волнует во мне кровь...»; «здесь все окружение таково, что ежеминутно сознаешь себя, как русского, и как русский оскорбляешься») ¹⁴⁶, гонениям

¹⁴⁶ Из писем К.С. Аксакову и М.П. Погодину. См.: Самарин Ю.Ф. Соч. Т. 12. М., 1911. С. 200; Нольде Б. Указ. соч. С. 479. Один из многочисленных примеров, приводимых Самариним: «У русского купца, живущего в Риге, производилось дело в Сенате; оттуда прислан был указ в губернское правление, разумеется, писанный по-русски. Узнав об этом, купец явился с просьбой сообщить ему решение Сената в копии, но ему отказали и объявили, что он должен заплатить несколько рублей за перевод с русского, родного языка просителя, на немецкий, которого он не понимал, и этому он должен был покориться» (Самарин Ю.Ф. Православие и народность. С. 595).

Современные исследования подтверждают выводы Самарина об ущемленном положении русских в Риге: там до 1877 г. избирательное право «отстраняло от участия в политической жизни всех не являвшихся немцами»; русские до того же периода «играли в жизни Риги лишь маргинальную роль. Узкой прослойке солидных купцов и лиц свободных профессий <...> было запрещено принимать участие в политической жизни города, и, за исключением некоторых высокопоставленных чиновников, этот небольшой круг не оказывал никакого влияния на культуру и общество Риги», по свидетельству современника, «чиновники не знали, что в городе имелись русские», даже в 1880 г., «в то время как немцы и латыши имели в своем распоряжении сотни союзов самого разнообразного толка, в рижской адресной книге <...> насчитывалось только 7 русских союзов, преследовавших почти исключительно благотворительные цели». И это при том, что русских вообще-то было не так уж мало: в 1867 г. — 25% (нем-

¹⁴³ Зутис Я. Указ. соч. С. 112.

¹⁴⁴ Там же. С. 152.

¹⁴⁵ Цит. по: Выхожков А.В. Указ. соч. С. 254.

на православие¹⁴⁷ и потворству всему этому со стороны генерал-губернатора князя А.А. Суворова. Главный вывод звучал жестко и бескомпромиссно: «...современное устройство Остзейского края противоречит основным государственным и общественным началам, выработанным новейшею историею, достоинству и выгодам России и, наконец, интересам самого края. Будучи само по себе совершенно искусственно, оно держится не собственно своею крепостью, а искусственными же средствами, то есть опорою правительства. <...> *Чтобы быть полновластными господами у себя, остзейские привилегированные сословия должны располагать волею правительства, иными словами: быть господами у нас.* Они давно это поняли, но мы до сих пор не могли еще понять, что <...> *или мы будем господами у них, или они будут господами у нас*»¹⁴⁸. Это сочинение немислимо было опубликовать легально, и оно распространялось в списках в Москве и Петербурге; осенью 1848 г., вернувшись в Москву, Самарин устраивал его публичное чтение в салонах. Ответным ходом «немецкой партии» стал арест славянофила и заключение его в Петропавловской крепости сроком на две недели. Так могущественно оказалось немецкое лобби в Петербурге, что ми-

цев — 42%, латышей — 24%) (*Хиршхаузен У. фон.* Сословие, регион, нация и государство: Одновременность неодновременного в локальном пространстве Центральной Восточной Европы. Пример Риги 1860–1914 гг. // *Российская империя в зарубежной историографии...* С. 474–475, 488–489).

¹⁴⁷ Чего стоит факт тайной насильственной высылки рижского епископа Иринарха в 1841 г. за то, что тот принимал прошения от латышских крестьян с просьбами о присоединении к православию, чему активно препятствовал генерал-губернатор барон Пален! (См.: *Самарин Ю.Ф.* Православие и народность. С. 634–636).

¹⁴⁸ Там же. С. 607.

нистр внутренних дел В.А. Перовский, министр государственных имуществ П.Д. Киселев и шеф жандармов А.Ф. Орлов, поддерживавшие Самарина, не смогли этого предотвратить. Правда, благодаря им и своему высокому аристократическому статусу Юрий Федорович (чьим восприемником от купели был сам Александр I) отделался еще сравнительно легко. Замечательно точно сформулировал суть его дела в личной беседе с ним государь Николай Павлович: «Вы прямо метили в правительство. Вы хотели сказать, что со времени императора Петра I и до меня мы все окружены немцами и потому сами немцы. <...> Вы поднимали общественное мнение против правительства; это готовилось повторение 14 декабря. <...> *Ваша книга ведет к худшему, чем 14 декабря, так как она стремится подорвать доверие к правительству и связь его с народом, обвиняя правительство в том, что оно национальные интересы русского народа приносит в жертву немцам*»¹⁴⁹. «Незабвенный» прекрасно понимал, что его неограниченная власть и немецкие привилегии «скованы одной цепью» и удар по последним неизбежно отзовется на первой.

Во время правления Александра II ситуация в Остзейском крае, казалась бы, должна была измениться. «Великие реформы» подразумевали радикальную модернизацию империи, которая, по идее, не могла не коснуться такого заповедника средневековья, как Прибалтийские губернии: положение остзейского дворянства было уникальным, «нигде в Европе <...> дворянство не обладало столь многочисленными сословными привилегиями, как в Прибалтике. Уже в XIX в. оно представляло собой служилое дворянство, как, например, прусское, не имевшее никаких особых сословных привилегий; в Австрии и Швеции оно образовывало общественную страту

¹⁴⁹ См.: *Нольде Б.* Указ. соч. С. 56.

без особых сословных или, тем более, государственных функций»¹⁵⁰. Тем более что среди реформаторов было немало русских националистов, жаждавших потеснить привилегированных «наемников». К «антиостзейской партии» принадлежали военный министр Д.А. Милютин, министр госимуществ А.А. Зеленой, великий князь Константин Николаевич. Но «проостзейская партия» в верхах была также весьма влиятельна: в ее состав входили министры внутренних дел П.А. Валуев и А.Е. Тимашев, шеф жандармов П.А. Шувалов, министр финансов М.Х. Рейтерн и др.¹⁵¹. А главное: сам император скорее сочувствовал второй, а не первой «партии». Д. Милютин позднее с раздражением вспоминал, что Александр «постоянно выказывал непонятную поблажку остзейским немцам и не допускал в отношении к ним никаких крутых мер, как бы опасаясь чем-либо возбудить между ними малейшее неудовольствие». Пользовавшиеся этим «немецкие бароны и бюргеры умели мастерски уклоняться от исполнения самых положительных распоряжений высшего правительства, считавшихся посягательством на автономию и привилегии потомков меченосцев»¹⁵².

¹⁵⁰ Андреева Н.С. Указ. соч. С. 64.

¹⁵¹ См.: Исаков С.Г. Остзейский вопрос в русской печати 1860-х гг. // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 107. Тарту, 1961. С. 6. Н.С. Андреева ставит под сомнение это разделение на «партии», но никаких аргументов в пользу своей точки зрения не приводит (см.: Андреева Н.С. Указ. соч. С. 16–17).

¹⁵² Милютин Д.А. Воспоминания. 1865–1867. М., 2005. С. 498–499. О том же пишет в своих мемуарах Главноуправляющий по делам печати Е.М. Феоктистов: «...государь как будто одобрял программу, выставленную национальной партией, но на деле не предпринимал ничего в ее духе и относился с полным доверием к таким людям как Шувалов, Валуев и Тимашев, которые не хотели об этой программе и слышать» (Феоктистов Е.М. За

Мотивы «Освободителя» понятны, он просто шел по отцовским стопам¹⁵³. Поддержка же остзейцев рядом русских высокопоставленных чиновников-аристократов связана не только с завуалированным подкупом (Валуеву, служившему долгое время в Прибалтике, принадлежало имение в Курляндии, предки Шувалова попали в «матрикулы» еще при Елизавете¹⁵⁴, а сам Петр Андреевич был остзейским генерал-губернатором в 1864–1866 гг.¹⁵⁵) или с нежеланием

кулисами политики и литературы // За кулисами политики. 1848–1914. М., 2001. С. 189).

¹⁵³ Александр II, по свидетельствам современников, вообще отличался несколько даже экзальтированным германофильством: «...он <...> унаследовал от своего отца нежные чувства к прусскому царствующему дому и шел даже дальше его». Во время визита в Петербург германского императора Вильгельма I (с которым русский самодержец буквально мечтал встретиться) «среди всяких торжеств и празднеств происходил в честь его парад; [И.В.] Гурко рассказывал мне, что когда появились верхом оба государя, то Вильгельм пришпорил коня, быстро понесся вперед, стал во главе полка своего имени и салютовал приближавшемуся Александру Николаевичу. “Надо было видеть выражение лица нашего государя, — говорил Гурко, — это было какое-то неизречимое блаженство; кажется, ему хотелось бы воскликнуть: ныне ты отпускаешь раба твоего с миром”» (Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 79, 81).

¹⁵⁴ См.: Зутис Я. Указ. соч. С. 207–208.

¹⁵⁵ В первые дни своего пребывания в Риге в качестве остзейского губернатора Шувалов выступил перед немцами с речью на немецком языке и демонстративно отказался принять участие в обеде, устроенном для него русскими купцами (см.: Духанов М.М. Указ. соч. С. 48). Близкий ко двору адъютант великого князя Константина Николаевича А.А. Киреев рассказывает в своем дневнике (декабрь 1869) о том, как Шувалов на заседании Комитета министров резко выступил (сославшись на мнение императора) против увлечения «ультрарусскими тенденциями»,

«переть против рожна»¹⁵⁶, но и с очевидной симпатией, например, того же Шувалова к остзейскому социальному порядку, местному способу освобождения крестьян (без земли) и желанием распространить эту модель на собственно Россию (а не наоборот, распространить практику «Великих реформ» на Прибалтику, как настаивала «национальная партия»). Таким образом, остзейский вопрос стал полем боя двух социально-политических проектов: национально-либерального, нацеленного на создание Большой русской нации, и консервативно-аристократического, продолжающего отдавать предпочтение сословному над национальным¹⁵⁷.

в связи с уставом одной из железных дорог, в котором было записано, что там могут служить «только лица русского происхождения». В качестве главного аргумента против этого пункта шеф жандармов выдвинул следующий: «немцы этим недовольны». Когда ему объяснили, что данный пункт направлен против поляков и немцев не подразумевает, Шувалов «закусил немного язык, однако потребовал, чтобы дело было отложено, чтобы это затруднение было представлено на рассмотрение барона Палена [возможно, имеется в виду министр юстиции *граф* К.А. Пален], и что *ежели он будет доволен этим объяснением, то оставить дело без последствий...*» (Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 126. К. 6. Л. 31).

¹⁵⁶ Валуев, еще только начинавший столичную карьеру, записал в дневнике (1857): «Сильны немцы в Петербурге» (*Духанов М.М.* Указ. соч. С. 45). Феоктистов вспоминает, что министр народного просвещения Д.А. Толстой в своей деятельности «старался игнорировать Прибалтийский край по той причине, что не хотел восстановить против себя сильную при дворе немецкую партию <...> объехав почти всю Россию для осмотра учебных заведений, он ни разу не заглянул в Остзейские губернии» (*Феоктистов Е.М.* Указ. соч. С. 125).

¹⁵⁷ Шувалов подтверждает это в своем па-

В 1860-х гг. в русской прессе разворачивается мощная кампания против остзейцев, пик которой приходится на 1867–1869 гг., когда в одном русле действовали «национально-государственнические» «Московские ведомости» М.Н. Каткова, славянофильская «Москва» И.С. Аксакова (там только в 1869 г. появилось 32 передовицы посвященных Остзейскому вопросу)¹⁵⁸ и либеральный «Голос» А.А. Краевского. В 1864–1865 гг. активную роль в этой кампании играл офицер военного министерства «Русский инвалид», за которым стоял Милютин, но после высочайшего неудовольствия газета была вынуждена смягчить позицию. Важнейшей акцией «национальной партии» стал выход первого тома «Окраин России» ветерана «остзейской войны» Ю. Самарина, полностью посвященного Прибалтике и поднимающего те же проблемы, что и «Письма из Риги», но более развернуто и фундаментально. Правда, издавать эту работу пришлось... в Праге (а следующие ее выпуски, по иронии судьбы, — в Берлине), сам же ее автор заслужил высочайший выговор¹⁵⁹.

тетическом обращении к барону Г. Лиленфельду (1870): «Вы вправе на долгое время сохранить историческую славу Ваших провинций как арены битв по вопросам высшей политики, находясь в состоянии борьбы против демократических и анархистских партий, консервативная партия России поддерживает Вас ради укрепления своих позиций» (цит. по: *Духанов М.М.* Указ. соч. С. 456). Характерно сочувствие к «немецкой аристократии» и такого последовательного традиционалиста, как К.Н. Леонтьев. См. его статью «Наши окраины» (1882) (*Леонтьев К.Н.* Указ. соч. Т. 8. Кн. 1. СПб., 2007. С. 36–42).

¹⁵⁸ *Исаков С.Г.* Указ. соч. С. 77.

¹⁵⁹ Вообще, с самого начала кампании цензура постоянно одергивала русские газеты. Так, в 1868 г. по требованию Тимашева (инициированному императором) московский генерал-губернатор В.А. Долгоруков вызвал «на ковер» Аксакова и Каткова. О состояв-

Но, несмотря на столь серьезную «артподготовку», реальные результаты введения «русских начал» в Прибалтике оказались не слишком значительными: они не вышли «за грани малосущественных мер (некоторое улучшение материальных условий для православной церкви, усиление преподавания русского языка, учреждение нескольких русских гимназий и школ, требование установить равноправие русского языка с немецким в городском управлении и в суде прибалтийских губерний). Да и эти меры вводились с оглядкой на остзейцев <...> правительство мирилось с сохранением статус-кво и в сфере управления прибалтийскими губерниями и отпор давало только лишь самым дерзким выпадам немецких сословий, имевшим целью еще более ослабить контроль центральной власти, или вырвать дополнительные гарантии “остзейской автономии”...»¹⁶⁰.

Перелом (хотя отнюдь не «коренной») произошел только при Алек-

шемся разговоре Аксаков написал Самарину: «Князь неоднократно повторял, видимо, только что привезенное из Петербурга внушение: “очень ведь все эти бароны там сердятся...” Распространился здесь и действительно слух, будто служащие бароны грозят выйти в отставку и эта угроза (которую они никогда не исполнят) очень смущает в Петербурге» (Там же. С. 157).

¹⁶⁰ Духанов М.М. Указ. соч. С. 212–214. Характерна программа остзейского генерал-губернатора в 1867–1870 гг. П.П. Альбединского: «Оставляя в различных преобразованиях исторически сложившиеся особенности этого края, сообразно со степенью их общего назначения, сохраняя в силе частное гражданское право этих губерний, ни касаясь ни языка, ни религии, ни национальности жителей прибалтийских губерний, равно земельных между ними отношений, правительство не должно, однако, связывать себя в дальнейших предначертаниях» (Там же. С. 214). О чем, казалось бы, еще можно мечтать остзейцам?

сандре III. И дело не только в личной германофобии «Миротворца», но и в кардинальном изменении внешнеполитической обстановки в Европе после создания Германской империи: «...пангерманизм был вызовом <...> для Романовых. <...> Пангерманизм, как ожидалось, должен был в обозримом будущем заявить права на остзейские губернии как часть большой Германии. С этого времени оказалась под вопросом лояльность Романовым всех немецких подданных империи <...> Именно в 80-е годы, после объединения Германии и формирования антироссийского блока центральных держав, балтийские немецкие дворяне перестали быть проблемой фрондирующего русского дворянства <...>, а стали важным фактором в геополитических планах и страхах имперской власти»¹⁶¹.

Во второй половине 1880-х гг., после посещения Прибалтики комиссией сенатора Н.А. Манассеина¹⁶², там были произведены следующие преобразования: сословные полицейские учреждения заменены государственными; введены судебные уставы 1864 г.; народные школы и учительские семинарии изымались из ведения дворянства и переходили в подчинение Министерства народного просвещения; русский язык окончательно утверждался в качестве языка переписки правительственных и местных сословных учреждений, а также последних между собой, и языка преподавания в Дерптском (с 1893 г. — Юрьевском) университете.

Тем не менее до фактической ликвидации особого статуса немецкого дворянства было очень далеко: «дворянские организации сохранили свою

¹⁶¹ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М., 2006. С. 35–36.

¹⁶² Сам Манассеин и многие другие члены его комиссии были сторонниками «национальной партии» и находились под влиянием славянофильских идей (см.: Андреева Н.С. Указ. соч. С. 71–72).

автономию, они продолжали руководить земским делом и лютеранской церковью», в крае так и не был введен суд присяжных, сохранилась подвластная рыцарству волостная и мызная полиция¹⁶³. Пользуясь связями в Петербурге, бароны стойко продолжали отстаивать свои интересы.

Николай II, в отличие от своего отца, был гораздо более благожелательно настроен по отношению к остзейцам¹⁶⁴. В период с 1894 по 1905 г. «в целом <...> правительство отошло от политики унификации Прибалтийских губерний»¹⁶⁵.

Новая волна реформ в Прибалтике была задумана при Столыпине в 1908 г., ее опять-таки спровоцировали внешнеполитические обстоятельства: во время революционных событий 1905–1907 гг. в правительственных кругах Германии всерьез обсуждалась возможность интервенции в Прибалтику, причем эту идею с энтузиазмом поддерживали многие остзейцы, например, лифляндский ландрат М. фон Сиверс, который «установил контакты с Министер-

*ством иностранных дел Германии и пытался склонить его к активным действиям»*¹⁶⁶. Вызывала беспокойство также деятельность в крае «Немецких обществ», массовых немецких националистических организаций, основанных в 1906–1907 гг., особенно их связи с «Пангерманским союзом» (тайным членом последнего был, например, упомянутый выше Сиверс), ставившим целью объединение всех немцев, живущих за пределами Германии. Настораживало Министерство внутренних дел и проводившееся «Немецкими обществами» «переселение в Прибалтику немецких колонистов из Поволжья и Вольни <...> Эта акция должна была восполнить практически полностью отсутствовавший здесь социальный слой — немецкое крестьянство — и тем самым укрепить местную немецкую диаспору»¹⁶⁷. Было решено ослабить немецкое влияние в Прибалтике путем переселения русских крестьян из внутренних губерний на казенные земли и комплектования местной администрации преимущественно из русских чиновников. Однако прибалтийский генерал-губернатор А.Н. Меллер-Закомельский резко выступил против этих правительственных распоряжений и даже позволил предать общественной огласке копии секретных циркуляров, переслав их главе Канцелярии по подаче прошений на высочайшее имя А.А. фон Будбергу, который, в свою очередь, передал их

¹⁶³ Там же. С. 73. Никакого желания «слиться» с русскими бароны все так же не обнаруживали. Эстляндский губернатор в 1902–1905 гг. А.В. Бельгард вспоминал их «очень большой снобизм» «не только по отношению к эстонцам, которые по-прежнему считались низшей расой, но и по отношению к русскому чиновничеству. Для губернатора делалось, конечно, исключение, но почти с оговоркой: “Вы, конечно, — другое дело, но со всеми остальными мы не имеем ничего общего”. <...> Об отношении местного дворянства к русскому купечеству и православному духовенству, конечно, и говорить не приходится...» (Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009. С. 54).

¹⁶⁴ При вступлении на престол Николай амнистировал около двухсот пасторов, привлеченных к уголовной ответственности за незаконное окормление православных эстонцев и латышей (см.: Андреева Н.С. Указ. соч. С. 103).

¹⁶⁵ Там же. С. 109.

¹⁶⁶ Там же. С. 84.

¹⁶⁷ Там же. С. 99–100. «Процент рабочих и крестьян среди прибалтийских немцев был незначителен. <...> Фактически эти две социальные группы в среде остзейцев отсутствовали» (Там же. С. 79). Любопытно, что планы о переселении в Прибалтику немецких крестьян-колонистов обсуждались и раньше, в 1860–1870-х гг., но тогда классовый эгоизм баронов победил идею немецкого единства, они предпочли эксплуатировать гораздо более дешевый труд латышей и эстонцев (см.: Духанов М.М. Указ. соч. С. 405).

эстляндскому предводителю дворянства Э.Н. Деллингаузену. Замечательный пример немецкой этнической солидарности! Задуманные мероприятия так и не были осуществлены, «остзейцы по-прежнему сохраняли свое экономическое и политическое господство»¹⁶⁸.

Последняя попытка «обрушить» немецкую Прибалтику относятся к годам Первой мировой войны. Предполагалось полное преобразование сословных органов прибалтийского «рыцарства» по образцу дворянских организаций внутренних губерний. За их деятельностью должен был быть установлен строгий надзор губернаторов, а в делопроизводство — введен русский язык. Предусматривалось отчуждение в казну «имений рыцарств», радикальная реформа церковного управления и т.д. Однако эти проекты до 1917 г. не были даже внесены в Совет министров и Думу. Таким образом, «ни одна из разрабатывавшихся в начале XX в. правительственных реформ, направленных на кардинальное преобразование существовавших в крае отношений, реализована не была»¹⁶⁹. Остзейский вопрос в императорской России так и остался нерешенным. В 1918 г. эстляндский и ливонский предводители дворянства «сочли себя вправе, согласно постановлениям ландтагов, вероятно, в качестве прямых потомков германских меченосцев, послать верноподданнические телеграммы Императору Вильгельму и просить его о присоединении русских прибалтийских губерний к Германии»¹⁷⁰. Но этого не произошло — земли рыцарей стали частью новых прибалтийских национальных государств.

Идея овладевает массами

До Первой мировой войны русско-немецкий конфликт оставался преимущественно конфликтом внутриэлитным

(в первую очередь внутридворянским, в гораздо меньшей степени — внутриинтеллигентским). Между тем подавляющее большинство немцев, живших на территории Российской империи¹⁷¹, к имперской элите не принадлежали: они были представителями городского «среднего класса» и (главным образом) земледельцами-колонистами (места обитания — Юго-запад, Поволжье, Сибирь). Тем не менее мы не располагаем сведениями о каких-либо масштабных столкновениях в городах или в сельской местности между русскими и немцами, подобных, например, «еврейским погромам» конца XIX — начала XX в. Даже такой пристрастный и тенденциозный автор, как А.А. Велицын (А.А. Палтов), в своей книге, яростно изобличающей вредные последствия немецкой колонизации для России, приводит только один факт подобного столкновения, да и то без указания места, времени и фамилий его участников¹⁷². Не подлежит

¹⁷¹ В 1796 г. немцев в России проживало 262 тыс. чел. (0,8% населения страны), в 1860 — 840 тыс. (1,7%), в 1917 — 2 млн. 448,5 тыс. (1,4%) (см.: *Кабузан В.М.* Немецкоязычное население в Российской империи и СССР в XVIII–XX веках. М., 2003. С. 37, 72).

¹⁷² Он цитирует некое прошение, подписанное 58 украинскими крестьянами: «Немцы окружили нас со всех сторон, забрали наши сенокосы и пастбища, стеснили нас и всех жителей до крайности; скот наш не имеет выпаса, и мы сами, коренные жители, не имеем свободного проезда и прохода, ибо все старые дороги перегорожены немцами, а если кто проходит через их землю, то немцы бьют и убивают даже до смерти. Так они перебили массу скота (приведены цифры [примеч. Велицына]), а также убили одного нашего односельчанина (приведено имя [примеч. Велицына]) — кроме сего почти ежедневно нападают на нас толпой и наносят личные обиды, калечат скот и угнетают и всячески разоряют нас. Что нам делать, где искать защиты и справедливости, мы уже не знаем» (*Велицын А.А.* Немцы в России. СПб. 1893, С. 24).

¹⁶⁸ *Андреева Н.С.* Указ. соч. С. 110.

¹⁶⁹ Там же. С. 262.

¹⁷⁰ *Бельгард А.В.* Указ. соч. С. 52–53.

сомнению, что таких случаев было немало, но похоже, что ни один из них не становился серьезной проблемой не то что имперского, но даже и губернского масштаба.

То, что русские крестьяне немецких колонистов недолюбливали — несомненно. Их не могли не раздражать те невероятные льготы, с помощью которых правительство стремилось привлечь «германских землепашцев» (обширные подъемные ссуды¹⁷³, заблаговременная постройка домов и даже лютеранских кирх, освобождение от налогов и воинской повинности и т.д.), в то время как «природным русским», по сути, до начала прошлого века вообще всякое переселение гласно или негласно запрещалось. Вряд ли им могла понравиться подчеркнутая отчужденность приезжих от «туземцев» (они не желали учить русский язык, строго сохраняли свою религию и обычаи, практически не вступали в межэтнические браки)¹⁷⁴. Но, так или иначе, даже в

¹⁷³ В одном из официальных документов 1810 г. говорилось, что семья колонистов при своем водворении «стоит казне с лишком 5000 руб., тогда как крестьяне, природные подданные <...> никакой ссуды не имеют» (Там же. С. 110).

¹⁷⁴ «...Ассимиляционные процессы среди немецкого колонистского населения не получили распространения» (Кабузан В.М. Указ. соч. С. 65). См. также: Костюк М.П. Колонисты Волыни: адаптация в инонациональной среде и взаимоотношения с окружающим социумом (XIX — начало XX в.) // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII—XXI вв.). М., 2007.: «Анализ архивных источников по истории немецкой колонизации на Волыни дает основания считать, что основной формой адаптации немцев-колонистов данного региона, по сравнению с другими местностями компактного проживания российских немцев, был именно изоляционизм. Не случайно, очевидно, в 1887 году попечитель Киевского учебного округа, лично посетив целый ряд немецких колоний Во-

1914–1917 гг. в Поволжье и Сибири никаких немецких погромов в сельской местности не зафиксировано¹⁷⁵. Меры 1881–1888-х гг., ограничивавшие права немецких колонистов западных губерний (иностранным подданным было запрещено приобретать в собственность недвижимое имущество за пределами городов; колонистам, принявшим русское подданство, предписывалось войти в состав городских и сельских обывателей без права занимать общественные должности), правительство приняло по тем же внешнеполитическим причинам, что и мероприятия, ограничивавшие автономию Остзейского края: в случае войны с Германией немецкие колонии оказались бы (и потом действительно оказались) в прифронтной полосе

До Первой мировой войны массовых русско-немецких столкновений не наблюдается и в городах, хотя очевидно, что почва для межэтнической конкуренции там имелась: немцы практически монополизировали аптекарское

лынской губернии, составил довольно объемный отчет, в котором среди прочего имеется такая характеристика: «Немцы на Волыни представляют собой изолированную массу от окружающего украинского населения, которая, сплотившись кучками в колониях, образует из себя одно неразрывно целое по вере, языку, общественному строю жизни, традициям, симпатиям и антипатиям и что все вместе взятое, несомненно, выделяет этих пришельцев в особую национальность с сильным духом и могучим характером». Небезосновательно, очевидно, и в отчете волынского губернатора за 1911 г. подчеркивалось, что немецкие колонисты «даже через 50 лет остаются обособленными от массы коренного населения Волыни» (с. 100).

¹⁷⁵ См.: Деннингхаус В. Русские немцы: Общественные настроения в Поволжье в период Первой мировой войны // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 7. Саратов, 2006; Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: Социально-экономический аспект. Омск, 2007.

дело, составляли значительную часть врачей и инженеров, активно участвовали в предпринимательстве¹⁷⁶. Но все же, видимо, их слишком малая численность не создавала ощущения некоей экзистенциальной опасности, в отличие, скажем, от как ком растущего российского еврейства. (Для сравнения — в 1897 г. немцев в России насчитывалось 1 млн. 791 тыс., а евреев — 5,2 млн.; к 1914 г. доля немцев в населении империи составляла 1,4%, евреев — более 4%, причем евреи демонстрировали «колоссальную демографическую динамику» и «впечатляющую витальную силу», пытались играть (и играли) активную роль в финансовой сфере, политике и культуре; это было новое и грозное явление, к немцам же более-менее «привыкли».)¹⁷⁷ В народной культуре образ немца, как правило, малосимпатичен, но он отнюдь не зловещий, а скорее комический персонаж¹⁷⁸.

Ситуация резко изменилась во время войны. Немцы сделались экзистенциальными врагами, даже еврейская тема ушла в тень. Была развернута мощная агитационная кампания по изобличению «немецкого засилья» в стране. Запущенная по инициативе правительства, она, тем не менее, неизбежно вышла из-под его контроля, ибо попала на благодатную и хорошо возделанную почву германофобского дискурса, созданного русским дворянством в XVIII–XIX вв. Этот дискурс в несколько упрощенном и приспособ-

ленном для массовых вкусов виде был взят на вооружение интеллигентско-буржуазными националистами, контролировавшими такие массовые газеты, как суворинские «Новое время» и «Вечернее время», печатный орган октябристов «Голос Москвы»¹⁷⁹,

¹⁷⁹ Несколько примеров этой пропаганды. В.В. Розанов в «Новом времени» (сентябрь 1914): «Поистине, Петроград и Россия — какая-то колония для Германии, колония богатейшая естественными произведениями, но безлюдная в смысле культурного элемента, — и вот немцы посылают своих “молодцов” сюда, младших сыновей патриархальных семейств, “обучать уму-разуму русских” и извлекать выгоды из богатой “первобытной страны”. Но молодцы не обучают, потому что какая же им выгода обучать? Чем темнее и невежественнее Россия, чем порочнее и пьянее русские — тем все это хлебнее и выгоднее для немца» (*Розанов В.В. Последние листья. М., 2000. С. 305*).

Еще круче у коллеги Розанова по «Новому времени» М.О. Меньшикова (декабрь 1914): «Лояльность некоторых Немцев, вообще говоря, не есть заслуга: это долг, столь же обязательный как налоги. Какой-нибудь исключительной, неоценимой пользы я не вижу от лояльности той или другой группы подданных, а вижу несомненный вред, когда за лояльность одного Шмидта прячется предательство целой кучи Миллеров и Шиллеров. <...> Чуть не двести лет в отношении Немцев мы дремали, замороженные безграничным к ним доверием, но тяжкий гром Божий заставляет нас проснуться. С ужасом и негодованием мы всматриваемся в напавших на нас разбойников и между ними узнаем многих, многих, которые прикидывались друзьями нашими, нашими земляками, верными слугами России. Разве не из прибалтийских Немцев вышли самые яростные клеветники на Россию, поджигавшие немецкий народ к войне с нами? <...> Как бы ни окончилась война, — доверию русскому к Немцам пришел конец. <...> Пусть немецкие колонисты, осквернившие законы гостеприимства подлою враждой и изменой, убираются вон из России. <...> Хорошо сделали бы и остальные Немцы, бесчисленные промышлен-

¹⁷⁶ В 1890 г. они составляли до 20,1% основателей компаний и 19,3% их управляющих (см.: *Булдаков В.П. Указ. соч. С. 742*).

¹⁷⁷ *Соловей Т.Д., Соловей В.Д. Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. М., 2009. С. 138–139, 150, 152, 155. Ср.: Кабузан В.М. Указ. соч. С. 72.*

¹⁷⁸ См. подробнее: *Оболенская С.В. Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // Одиссей. Человек в истории. М., 1991.*

национал-либеральные «Утро России», «Биржевые ведомости» и др. В Петрограде действовало «Общество 1914 года», ставившее своей целью освободить «русскую духовную и общественную жизнь, промышленность и торговлю от всех видов немецкого засилья». К началу 1915 г. в Обществе состояло 6500 чел., среди них — члены Государственной Думы М.А. Караулов

ники и торговцы, если бы понемногу очистили Россию от своего присутствия. Пусть между ними есть честные и невраждебные России, но кто же их разберет? Какой-нибудь осязаемой нужды в Немцах, даже честных и невраждебных нам, не замечается. Немецкая культура, даже в ее полезных проявлениях, приносит в России серьезный вред, подавляя развитие русской культуры и предприимчивости. Как тут подняться русскому гению и русской энергии, если повсюду они натываются на захваченные Немцами «лучшие позиции»? <...> Они у нас решительно всюду укореняются, как в враждебной стране, они окружают себя оборонительно-наступательной обстановкой против русской стихии, — и это одинаково — в науке, искусстве, государственной жизни, промышленности и торговли. Вместе с другими некоторыми инородцами Немцы, видимо, хотят сделаться господствующим в России классом, обрекая великий коренной народ на один лишь зависимый и черный труд» (*Меньшиков М.О. Письма к ближним. 1914 год. Пг., 1914. С. 785–786*).

Заголовки передовиц «Голоса Москвы» 1915 г. говорят сами за себя: «Борьба с тайным влиянием немцев», «Мирные завоеватели», «Анонимное просачивание немцев», «Немецкое засилье в музыке» (о том, что 90% всех армейских капельмейстеров — немцы), «Спрут, высасывающий соки всего мира», «Неуязвимость австро-немецких предприятий», «Отвергайте помощь врагов России», «Можно ли защищать немцев?» (последний вопрос обращен к адвокатам) и т.д. (см.: *Айрапетов О.Р. Немецкий погром в Москве в июне 1915 г. в контексте боев на внешнем и внутреннем фронте // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 8. М., 2010. С. 116–118*).

и С.П. Мансырев, издатель и публицист левых убеждений В.Л. Бурцев и первый переводчик Марксова «Капитала» на русский язык Г.А. Лопатин. В Москве общество «За Россию» публиковало списки «вражеских германских фирм». «Немецкое засилье» было одной из постоянных тем думских заседаний, например, в 1915 г. тот же Мансырев выступил на одном из них с цифрами, свидетельствующими о преобладании немцев в МИД¹⁸⁰.

Были ли основания для этой неслыханной по своему размаху волны «немцеядства»? Говорить о повальной измене «русских немцев», разумеется, нельзя, многие из них с честью исполняли свой воинский долг в рядах русской армии, но в то же время «без сомнения, часть немецкого дворянства симпатизировала своей праmaterи и даже покинула России, вступив в рейхсвер»¹⁸¹. Враждебную России политическую деятельность вели находившиеся в Германии эмигранты-остзейцы — писатель и философ П. Рорбах, теолог А. фон Гарнак, медиевист И. Галлер, теолог Р. Зееберг, профессор истории Т. Шиманн. Последний в течение многих лет «являлся экспертом Министерства иностранных дел Германии по российской политике и пользовался особым доверием Вильгельма II». Начиная с 1890-х гг., Шиманн «был посвящен в секретную дипломатическую переписку, относившуюся к России. В 1909–1914 гг. он был, по сути, вовлечен в разведывательную деятельность как переводчик *секретных документов, поступавших от секретаря Российского посольства в Лондоне остзейца Б. фон Зиберта* (напомним, возглавлявшегося графом А.К. Бенкендорфом. — С.С.)»¹⁸². Шиманн и Рорбах в своих работах обосно-

¹⁸⁰ См.: *Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004. С. 30–36.*

¹⁸¹ *Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 115.*

¹⁸² *Андреева Н.С. Указ. соч. С. 80.*

вывали идею расчленения Российской империи. Другой остзеец-эмигрант барон Ф. фон дер Ропп (между прочим, русский по матери) «был одним из организаторов и фактическим руководителем “Лиги инородцев России”, созданной весной 1916 г. при участии германского внешнеполитического ведомства. В ее задачу входила организация антироссийской пропаганды в прессе нейтральных стран и, по возможности, государств — членов Антанты, а также среди национальных меньшинств России»¹⁸³. С германским МИД сотрудничали бывший активный участник акции «Немецких обществ» по переселению немецких колонистов в Прибалтику С. Бредрих и бывший сотрудник А.В. Кривошеина в ведомстве землеустройства и земледелия Ф. фон Гакен. Э. фон Ёльзен и Г. Козак занимались пропагандой среди российских военнопленных¹⁸⁴. Чиновник российского МИД вспоминал: «Один из дипломатических наших чинов, 1-й секретарь миссии в Швеции барон Розен, был действительно из ярко немецкой шовинистической семьи, его родной брат сражался в рядах прусской армии, офицерами этой армии были и другие родные барона Розена». Другой российский дипломат немецкого происхождения, барон Унгерн-Штернберг (Лиссабон), обвинялся печатью в германофильстве и был оправдан, но «когда произошел большевистский переворот, то он первый (и очень долго единственный) из русских дипломатических представителей перешел к большевикам. На этот раз, я думаю, “Вечернее время” было право...»¹⁸⁵.

Любое правительство в условиях войны не могло не предпринимать превентивных мер против крупной этнической общины, кровно и духовно связанной с противником. Наряду с чистой государственными ведомств

от «германского элемента», важнейшей такой мерой стали законы о ликвидации немецкого землевладения в России (1915): немцы-землевладельцы должны были продать свои земли с торгов. Но поразительна малая эффективность этого закона. Во-первых, в ряде западных губерний ликвидационные мероприятия не проводились вовсе, т.к. там шли военные действия и эвакуация населения. Во-вторых, по непонятной причине были совершенно забыты Курляндия, Поволжье и почти вся азиатская часть страны. Но и даже в тех 29 губерниях и областях Европейской России, где ликвидация все же осуществлялась, дело делалось чрезвычайно вяло. Из 33 тыс. 897 владений, внесенных в ликвидационные списки, общей площадью 2 млн. 739 тыс. 464 десятины к 1 января 1917 было окончательно отчуждено 1774 владений общей площадью 171 тыс. 648 десятины общей площадью 406 тыс. 485 десятины (т.е. приблизительно 1/7 запланированного). Причем к 1917 г. процесс отчуждения фактически остановился¹⁸⁶.

То же самое наблюдается и в деле борьбы с «германизмом» в торгово-промышленной сфере: из 611 акционерных обществ, принадлежавших германскому или австрийскому капиталу, решение о ликвидации было принято только по 96, из них 62 сумели ее избежать (по другим данным, в списки внесли 712 акционерных обществ, к июлю 1916 г. постановили ликвидировать 91 из них). Это при том, что в 1915 г. в России насчитывалось 2941 частных предприятий, частично или полностью принадлежавших германским или австрийским подданным¹⁸⁷.

Да и чистка госаппарата не увенчалась даже более-менее значительной «дегерманизацией». Во всяком случае, это касается элитных ведомств. Руководство того же МИД (министр С.Д. Сазонов и товарищ министра В.А. Ар-

¹⁸³ Там же. С. 231.

¹⁸⁴ Там же. С. 235.

¹⁸⁵ Михайловский Г.Н. Указ. соч. С. 55–56.

¹⁸⁶ См.: Соболев И.Г. Указ. соч. С. 77–83.

¹⁸⁷ Там же. С. 121–122.

цимович) жестко и последовательно отстаивали своих немецких коллег. По мнению осведомленного современника, «германофильство» Сазонова объяснялось прежде всего его личными связями «с явно германским по своему происхождению, а отчасти и по симпатиям, большинством его ближайших любимых сотрудников по МИД. Иная позиция была прямо невозможна при сохранении этих лиц в дипломатическом аппарате на ответственных местах»¹⁸⁸. Очевидное «немецкое засилье» обнаруживалось в самом ближайшем окружении императора: накануне войны в Свите насчитывалось более 20% немцев по этническому происхождению (37 человек из 177), количество же немцев-лютеран в Придворном штате колебалось от 17% (для первых чинов) до 6,4% камергеров¹⁸⁹. За годы «борьбы с германизмом» ситуация *никак* не изменилась: состав Придворного штата «не только не “очищался” от сановников из русских немцев, но наоборот — самые высокие придворные отличия продолжали получать именно лица с немецкими фамилиями, несмотря на то, что с началом войны награждение этими отличиями было приостано-

новлено. Показательно, что на фоне общего числа пожалований в высшие, первые и вторые чины Двора (27 чел.), состоявшихся за военный период, доля сановников с немецкими фамилиями равнялась одной четверти»¹⁹⁰. В среде высшей бюрократии «дегерманизация» коснулась только гражданских губернаторов. К 23 февраля 1917 г. сановники с немецкими фамилиями среди основных категорий правительственной элиты составляли от 10 до 25 процентов¹⁹¹.

То есть *почти за двести лет* (во всяком случае, начиная с времен Елизаветы Петровны) *количество немцев в «высших сферах» принципиально не уменьшилось*. Не этим ли объясняется фактический крах «борьбы с немецким засильем» во всех областях российской жизни? Некоторые ее очевидцы думали именно так: «...вопрос о германском влиянии в довоенной России был настолько вопиющ, что с началом войны с Германией в 1914 г. из чувства национального самосохранения этому, можно сказать прямому вмешательству в русские дела соседнего, ныне враждебного, государства надо было как-то положить конец. *По логике вещей, германскую чистку надо было начинать сверху, но ввиду той громадной роли, которую играли люди, так или иначе связанные с Германией в высшей петербургской бюрократии, это было совершенно немыслимо*»¹⁹².

Нельзя не согласиться с мнением современного историка о том, что нерешенность «немецкого вопроса» стала «одной из причин Февральской революции, в ходе которой большое значе-

¹⁸⁸ Михайловский Г.Н. Указ. соч. С. 69.

¹⁸⁹ См.: Меленберг А.А. Указ. соч. С. 129; Куликов С.В. Указ. соч. С. 60. Бывший министр внутренних дел А.Н. Хвостов, один из вождей «антинемецкой партии» в правительстве, на допросе в марте 1917 г. недобрым словом поминал «группу остзейского дворянства», представители которой «с малолетства получают придворные чины и высокие звания, которые получают обыкновенно через двадцать-тридцать лет службы» (цит. по: Куликов С.В. Указ. соч. С. 72). Заступницей остзейского дворянства была императрица Александра Федоровна, «она болезненно реагировала на его преследования со стороны Ставки и в письмах к супругу не раз просила побудить великого князя Николая Николаевича прекратить гонения на прибалтийско-немецкое высшее сословие» (Андреева Н.С. Указ. соч. С. 229).

¹⁹⁰ Куликов С.В. Указ. соч. С. 69.

¹⁹¹ Там же. С. 70. В 1916 г. С. Сазонов в ходе заседания Совета министров, реагируя на требования устранить из госаппарата «лиц немецкого происхождения», заявил, что это «равнялось бы тому, чтобы [половину?] служилой России устранить» (Там же. С. 72).

¹⁹² Михайловский Г.Н. Указ. соч. С. 68.

ние имела антинемецкая риторика»¹⁹³. Последнюю активно использовали оппозиционные самодержавию (и союзные между собой) группировки: придворная во главе с великим князем Николаем Николаевичем (начальник его штаба генерал Н.Н. Янушкевич, Главноуправляющий землеустройства и земледелия А.В. Кривошеин и др.)¹⁹⁴ и политически-промышленная во главе с А.И. Гучковым, который контролировал значительную часть «немцеедской» прессы («Голос Москвы» и отчасти «Новое время» и «Вечернее время»). Похоже, что эти круги сознательно разжигали и провоцировали массовую антинемецкую истерию и шпиономанию с целью дестабилизировать ситуацию в стране и на волне хаоса прийти к власти. Во всяком случае, новейшее исследование О.Р. Айрапетова о причинах немецкого погрома в Москве в мае 1915 г. дает серьезные основания для того, чтобы считать последний «репетицией февральского переворота 1917 г.»¹⁹⁵. Сам же этот

погром, видимо, нужно признать самым «горячим» эпизодом в истории внутривосточного русско-немецкого этноконфликта: погубило пять лиц «австро-немецкой национальности» (четверо из них — женщины) и 12 погромщиков (в результате стрельбы, открытой войсками)¹⁹⁶.

Конечно, одними провокациями оппозиционеров массовую низовую германофобию, особенно обострившуюся с 1915 г., не объяснишь. Совершенно очевидно, что немцы стали лишь временным громоотводом для стремительно растущего народного недовольства всей социально-политической системой императорской России, и в первую очередь — ее властной верхушкой. Военные поражения, рост цен, ухудшение продовольственного положения быстро радикализировали настроения низших социальных слоев. Но язык для выражения народного недовольства явно заимствовался из словаря элитного «немцеедства».

В апреле 1915 г. донесения агентов московской полиции свидетельствовали: «в народе складывалось убеждение, что победы достигнет не правительство, а народ своими собственными усилиями и после войны посчитается с правительством за ту кровь, которая напрасно пролилась, благодаря его потворству немцам»¹⁹⁷. После майского погрома в рабочей среде говорили, что в нем виновата полиция и администрация, но обе они были лишь «слепым орудием так называемой “партии мира”, членами которой состоят особо высокопоставленные лица, преимущественно немецкого происхождения, из придворных и весьма влиятельных кругов». Многие вообще считали, «что немцев следует бить и что разгромы

¹⁹³ Куликов С.В. Указ. соч. С. 70.

¹⁹⁴ В апреле 1915 г. Николай Николаевич, тогда Главковерх, отправляя генерала М.Д. Бонч-Бруевича в Петроград, напутствовал его следующим образом: «Вы едете в осиное гнездо немецкого шпионажа, одно Царское Село чего стоит» (цит. по: Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 140). Великая княгиня Милица Николаевна, сестра жены Николая Николаевича и жена его брата, писала Кривошеину (1915) по поводу переполненности МИДа немцами, что «корпорация вся слишком сплочена и солидарна» и ратовала за «определенно-русский, национальный взгляд на все те вопросы, которые всплывают в это вещее время» (Куликов С.В. Указ. соч. С. 77). Янушкевич обвинял полицию в Прибалтике в том, что «именно по ее вине не удалось выявить фактов шпионажа: полицейские власти якобы в силу немецкого происхождения и зависимости от остзейского дворянства не проявляли должной активности при расследовании дел» (Андреева Н.С. Указ. соч. С. 229–230).

¹⁹⁵ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 114.

¹⁹⁶ Там же. С. 136, 139.

¹⁹⁷ Цит. по: Саввинова Н.В. Антинемецкие настроения населения Российской империи в 1914–1917 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып. 2. С. 181.

фабрик и заводов — дело хорошее <...> надо было фирмы отобрать в казну, а немцев из Москвы выгнать». В некоторых группах чернорабочих велись речи о необходимости сменить правительство как «онемечившееся»¹⁹⁸. В солдатских письмах 1916 г. можно было прочесть, например, такое: «Слышал, конечно, что погибли 2 русских корпуса под Кенигсбергом <...> А почему? Потому, что нами командуют немцы, полно их везде <...> Они же нас направляют на пули и штыки своих соотечественников, но с таким расчетом, чтобы мы потерпели аварию. <...> А на внутренность государства поглядишь: *здесь стоят 2 партии, на верху которых — буржуазия, дворянство и немцы, а на второй — мещане и крестьяне*». Автор другого письма выражал сожаление, что «мы воюем с немцами, но все наши правители — немцы»¹⁹⁹. Летом 1915 г. по стране циркулировали активные слухи о всероссийском немецком погроме, их зафиксировали жандармские управления в Петрограде, Одессе, Казани, Харькове, Архангельске, Киеве, Владивостоке, Иркутске, Терской области. (Любопытно, что нет таких данных по сельским районам Саратовской губернии, где в изобилии жили потенциальные жертвы погрома — немецкие колонисты, очевидно, что крестьян, в отличие от солдат и рабочих, живших гораздо дальше от политических страстей элиты, немецкая тема не захватывала столь сильно.)

Одним из лозунгов Февральской революции был: «Долой правительство! Долой немку [т.е императрицу]!». В ее первые дни происходили массовые рас-

правы солдат с офицерами, носившими немецкие фамилии. В письмах того времени февральские события нередко объяснялись как свержение «немецкого засилья»: один солдат поздравлял своего адресата с «новым Русским, а не с немецким правительством Штюрмеров, Фредериксов, Шнейдеров» и пояснял, что «никто за старое правительство не стоял из солдат, все перешли на сторону нового». Типичным для революционных акций была фраза: «Везде правили нами немцы, но теперь не то»²⁰⁰.

Можно сказать, что русский дворянский «антинемецкий» дискурс наконец-то «овладел массами». Давняя мечта дворян-националистов, подхваченная националистами из промышленного класса и интеллигенции, сбылась: «немецкая партия» была отстранена от участия во власти. Но это стало возможным только после падения самодержавия. Что совершенно естественно: немецкие дворяне, «императорские мамелюки», служившие Романовым, а не России, были «нервом политической системы Российской империи», «несущей опорой старого порядка»²⁰¹, вот почему, несмотря на все «русификации», их положение оставалось, по сути, неизменным. Но для элитных националистов эта победа оказалась пирровой. Ибо «народ», с которым они имели так мало общего в социальном и культурном отношении, их воспринимал (судя по цитированному выше солдатскому письму) как органическую часть той же «немецкой партии»...

¹⁹⁸ Там же. С. 182.

¹⁹⁹ Там же. С. 184

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Куликов С.В. Указ. соч. С. 70.

Юрий Сошин

«ВЕЧНЫЙ ВРАГ»

Образ России в чеченском самосознании

За последние десятилетия «чеченская проблема» стала проклятием России. Ранее неведомый за пределами России народ сделался одним из самых известных в мире, а «чеченская проблема» претендует на статус всемирной «головной боли». В данном контексте важнейшей задачей является глубокий объективный и беспристрастный анализ всего комплекса исторической, социальной, религиозной, этнокультурной и иной проблематики, связанной с Чечней. Без должного научного осмысления невозможна выработка адекватной стратегии в отношении этого региона, неизбежным будет повторение ошибок прошлого.

О нынешнем русско-чеченском конфликте уже написаны серьезные объективные работы, в частности книги Николая Гродненского. Благодаря работам Игоря Пыхалова и Александра Михайлова наконец получил должное освещение период Великой Отечественной войны. Но зато малоизученной остается чеченская проблема в годы Гражданской войны и накануне революции.

Практически не затронуты объективным научным анализом социально-психологические, религиозные и этносоциальные аспекты чеченской проблемы. Хотя работ подобного плана и достаточно много, но научная ценность их сомнительна, ибо они явно политически ангажированы и представляют собой замаскированные под «научность» пропагандистские материалы для ведения антироссийской информационно-психологической войны. К этой категории нужно от-

нести прежде всего опусы «симпатизирующего этнографа» Яна Чеснова, книги и статьи, выходящие под патронажем либерального журнала «Звезда», общества «Мемориал» и т.п.

Помимо либерально-прочеченской «симпатизирующей» «научной мысли» есть еще и «официально-российская» точка зрения, обслуживающая интересы современного российского руководства. Наиболее ярким ее представителем является этнолог Валерий Тишков, обосновывающий в своих работах необходимость ликвидации этнической ментальности русского народа и создания некой новой «российской нации». Тишков достаточно жестко и аргументированно критикует позиции прочеченских либералов-псевдоученых, но при этом старается подвести базу под тезис о «близости» русского и чеченского народов и отсутствии принципиальных противоречий между ними в ментальной и социальной сфере. Данная позиция является новым изданием теории об «интернационализме» и «едином и сплоченном советском народе». По мнению Тишкова и ему подобных (А.Х. Султыгов) идеологов, с ликвидацией независимой Ичкерии чеченцы автоматически стали добропорядочными гражданами РФ, неотличимыми в духовном плане от русских, татар, мордвы и других «россиян».

Данная статья, разумеется, не претендует на всеобъемлемость, автор попытался проанализировать чеченскую проблему с позиций общего социально-психологического и этнокультурного анализа и дать некоторые векторные

направления для дальнейшей научной работы.

Желающим углубиться в проблему русско-чеченских отношений рекомендую работу Георгия Ткачева «Ингуши и чеченцы в семье народов Терской области» — бесценный источник, показывающий реальное положение дел в Чечне и Ингушетии начала XX в., сочинение симпатизирующего ичкерийцам английского аналитика, главного редактора журнала «Strategical Comments» Анатоля Ливена «Война в Чечне и упадок российского могущества», а также книгу американского журналиста Пола Хлебникова «Разговор с варваром» — пожалуй, первое и единственное на данный момент исследование, приоткрывшее завесу над скрытыми для посторонних аспектами чеченской этномировоззренческой системы. Все эти работы есть в Интернете.

Историко-культурный аспект

Без обращения к собственно истории социокультурный анализ вряд ли возможен. Если учесть что любая историография сейчас существует как часть идеологии, возникает проблема адекватного осмысления историко-культурного материала. При отсутствии такового возникают или сознательно создаются различного рода мифы, упрощения, схемы... Порой они являются следствием стремления к «когнитивному комфорту», средством психологической защиты. Так, при анализе русско-чеченской войны последних двадцати лет нередко можно встретить утверждения, что «войны никто не хотел», «войну навязали извне» и т.п. Определенная и весьма существенная часть правды в этих утверждениях есть, но полностью игнорируется факт, что война в Чечне, то затухая, то разгораясь, длится уже минимум двести лет (историография и пропаганда независимой Ичкерии раздвигала временные рамки этой войны до четырехсот лет).

Официальная историография независимой Чеченской республики

Ичкерия (далее ЧРИ) провозглашала чеченцев одним из древнейших народов Земли и «родоначальниками европейской цивилизации». Чеченский народ якобы происходит напрямую от праотца Ноя. В 1992 г. парламент ЧРИ принял «Обращение к парламентам и народам Европы», где в частности были слова: *«мы, чеченцы, являемся предками европейских народов... В обмен на признание независимости ЧРИ мы готовы открыть вам тайну вашего этнокультурного происхождения».*

В Чечне и в период независимости, и в настоящее время тщательно замалчивается и вытесняется на периферию общественного сознания факт участия русских в формировании чеченского этноса. Поселившиеся в середине XVI в. в междуречье Сунжи и Терека гребенские казаки были там автохтонными жителями. Эта территория, ныне называемая «Малой Чечней», была передана чеченцам в полное пользование лишь в 1784 г. по юридически оформленному договору с генералом Теккели. Один из старейших населенных пунктов Чечни, существующий как минимум с XVII века, — Урус-Мартан имел основателем «русского Мартана», о чем повествуют чеченские легенды и сказания. Сейчас забывают также о том, что гребенские казаки являются родоначальниками одного из крупнейших тейпов «Геной».

Совершенно замалчивается широкое распространение христианства среди предков современных чеченцев XVI–XVII вв. и то, что в период подчас насильственной исламизации Чечни чеченцы-христиане целыми селениями переходили к гребенским казакам. Современный кабардино-балкарский историк Эдуард Бурда раскопал такой интересный факт: во время осады Кизляра Шейхом Мансуром отразили нападение на город именно чеченцы-христиане из тейпа оюков.

Этот и другие подобные факты сейчас не вспоминаются, как и исторические права терских казаков на

какие-либо земли в Чечне, в частности на левобережье Терека. Хотя даже Джохар Дудаев это право признавал (и даже имел в своей свите проклинавшего «империю» карманного атамана Галкина). Дудаев предлагал России обмен казачьего левобережья Терека на признание независимости Ичкерии.

В чеченской и «народной», и официальной историографии роль «отца нации» отводится Шейху Мансуру. Это не просто герой для всех чеченцев, вне зависимости от политических и клановых пристрастий, он настоящий святой, святость которого сомнению не подвергается. По одним сведениям, пастух Ушурма, по другим — итальянский авантюрист Джованни Батиста Боэтти, Мансур действительно сумел объединить довольно рыхлый на тот момент чеченский этнос в сплоченное сообщество, поэтому его оценка как «отца чеченской нации» вполне справедлива. Он впервые использовал исламские религиозные лозунги для объединения горцев, представлявших разные народы. Оценка его роли как «духовного отца горцев», предшественника Газимагомеда и Шамиля, так же справедлива. При этом он может считаться и отцом идеи духовного противостояния Кавказа и России, идеи о том, что Россия есть олицетворение зла, «вечный враг», с которым в принципе не может быть примирения.

Все положения идеологии мюридизма, изложенные в свое время Шейхом Мансуром, до настоящего времени являются базовыми для чеченского национального сознания, а заложенная им идея о «вечном абсолютном враге» выполняет роль духовного фундамента уже более двух столетий. Идея «врага» дала начало фиксации самостоятельного чеченского национального сознания: в частности, тезису о «великой миссии чеченского народа бороться с Империей и, в конце концов, стать ее могильщиком».

Идеализация национальной истории в угоду политико-идеологическим

конструкциям в современном мире довольно распространенное явление. Любому «великому народу» необходима и «великая история». Чеченский народ тут не исключение. Если в первые годы чеченской независимости, на фоне насаждения тотальной ненависти к России, все же допускалось, к примеру, право казаков на некоторые территории, то вскоре благодаря таким «исследователям», как Дени Баксан, Магомед Тагаев, Сайд-Хасан Абумуслимов, возникли самые фантастические версии чеченской национальной истории. Временные рамки существования чеченского этноса были раздвинуты до «трех тысяч лет», к временам древнего Шумера и «праотца Ноя». «Чеченской землей» провозглашалась и Месопотамия, и Армения (Нахичевань — «Нахч Ван» — «город нохчей»), и весь Северный Кавказ (с западной границей — землями черкесов — некоторая неясность) вплоть до реки Дон и города Волгодонска включительно. В современной Чечне такие воззрения разделяет большинство населения: Ставрополь, Зерноград, Волгодонск стоят якобы на «исконной чеченской земле». Никакими логическими историческими аргументами поколебать это мнение невозможно. Оно имеет уже иррационально-религиозный характер.

Война и трансляция традиционных ценностей

Многие народы в процессе своего этнокультурного становления проходят фазу военной демократии. В период этой фазы война является не только формой борьбы одних групп людей против других, но и фактором: а) экономическим, связанным с добычей материальных ресурсов, в частности рабов; б) социальным, дающим возможность выстраивать отношения в микросоциуме и социализировать новых членов; в) культурным, позволяющим сохранять определенный комплекс традиционных ценностей и

давать возможность их межпоколенческой трансляции.

Военно-демократическое общество может существовать только в условиях превентивной войны. Исчезает война — народ мельчает и гибнет. При этом война понимается в широком смысле, четкой границы между «войной для защиты» и «войной для агрессии» нет, как нет и четкой границы между воровством, грабежом и войной в строгом смысле. Война для народов периода «военной демократии» — фактор самого этнического существования: стоит исчезнуть «врагу» — цели для внешней военной экспансии, и война из внешней переходит во внутреннюю, становится внутриэтнической и начинает угрожать самому существованию этноса.

Подобный период в своей истории переживали многие народы, у русских он закончился где-то во времена Святослава. Таким обществом «военной демократии» была и Чечня. В отличие от других кавказских народов, чеченцы не перешли от общинно-родовых отношений к феодальным. Родовая демократия с особым внутриэтническим этическим кодексом обеспечивала более высокий уровень индивидуальной свободы для рядовых общинников, но при этом ставила их в жесткую зависимость от принятых поведенческих норм внутри общинного социума. Возможность проявить индивидуальность, повысить свой социальный статус и улучшить материальное положение возникала только при действиях за пределами общинно-родового сообщества. Возможности таких действий давала только война. Система «набеговой экономики», описанная выдающимся кавказоведом Марком Блиевым, стала средством выживания, средством повышения престижа, средством сохранения общественного и социального строя. Это было характерно для всех кавказских народов, но именно у вайнахов традиции «военной демократии» оказались наиболее сильными

и сохранились, хоть и с некоторыми трансформациями, вплоть до настоящего времени. *«Чеченцы представляют собою национальность, не идентифицирующую себя с государством и обществом, в котором они живут. У них вообще отсутствует мотивация подчиняться законам этого государства и общества. Они имеют свои древние традиции, которые противостоят “просвещенному”, “плюралистическому” и “прогрессивному” либерализму, и свои социальные нормы, которые делают чеченское общество непрозрачным для внешнего исследования. В стране, где существует смесь плохо институализированной “демократии”, социальной дезинтеграции, слабости государства и государственной коррупции, для них, внутренне сплоченных и исключительно эффективных и беспощадных в достижении своих целей, открылись невероятные возможности и пространство для организованной криминальной деятельности. Можно сказать, перефразируя фразу Роберта Мусила, что если бы западная буржуазия могла мечтать, это была бы мечта о чеченцах»* — так пишет Анатолий Ливен в изложении Валерия Тишкова (см.: *Тишков В.* Конструирование чеченцев из этнографического мусора // http://www.nasledie.ru/politvnt/19_38/article.php?art=46).

Если феодальная структура традиционного кавказского общества (к примеру, у кабардинцев) обеспечивала, благодаря «феодальной лестнице», определенный уровень социальной стабильности, то военнo-демократическая родовая (конкретно в Чечне и Ингушетии — тейповая) общественная система была всегда под угрозой дестабилизации из-за межтейпового соперничества, борьбы амбициозных личностей, внутреннего разбоя и грабежа. Защитой от всего этого выступала «внешняя» война в широком смысле понятия. Набеги, грабежи и военные экспедиции являлись своеобразным спусковым клапаном для

копившегося в вайнахском социуме на-пряжения, средством защиты от само-распада и самопоедания. «Война ради добычи» всегда была неотделима от «войны ради славы». Захват пленных, скота — все это было неотъемлемым элементом традиционной вайнахской военной этики и несло, помимо материальных, еще имиджево-статусные дивиденды.

Направленность экспансии была мало-важна. Грузины-хевсурь, дагестанцы-андийцы, кумыки, караногайцы, осетины, кабардинцы, казаки — все они становились объектом набегового воздействия. «Казачья колыбельная», записанная Лермонтовым в некогда казачьей станице Червленной, сильно перекликается с поэмами классика грузинской литературы Важа Пшавела, написанными в начале XX века.

Правда, во время имамата Шамиля с набегам чеченцев на соседей-дагестанцев было покончено: Шамиль за такие действия карал беспощадно, гораздо жестче, чем Ермолов.

Как бы ни старались нынешние чеченские историографы замолчать факт внутренних конфликтов, но они играли большую роль в жизни чеченцев. Институт кровной мести был серьезной защитой от агрессивных посягательств чеченцев на жизнь самих чеченцев. Но «внутренние войны» все же были. О них пишет Григорий Ткачев. Русский офицер Марков в воспоминаниях о службе в Ингушском конном полку в Первую мировую войну приводит рассказ чеченца о кровавых межчеченских столкновениях, когда число погибших достигало 20 и более человек. А.И. Деникин пишет в воспоминаниях, что в 1917–1918 гг. чеченцы, ведя борьбу с казаками и Белой армией, имели в горах «второй фронт» из самих же чеченцев. Причина этих столкновений неясна, скорее всего, религиозные межродовые распри.

Уже с конца XVIII в. в традиционную военно-этическую систему вносится и сугубо религиозный элемент. Со вре-

мени Шейха Мансура набег на русскую линию приобретает значение сакрального действия, освященного исламом. Грабеж почтовой кареты с конкретной целью завладения перевозимыми деньгами — это уже не грабеж, а газават, форма «борьбы за свободу». Но распространение крайних форм ислама, в том числе суфизма в виде различных течений мюридизма, приводит к новым формам социальной организации, в частности к появлению суфийских религиозных братств — вирдов.

Возможно, произошедшая в первой половине XIX в. исламизация чеченского общества и укрепила социальную и духовную сплоченность, но гораздо больше она усилила размежевание с «царством неверных» — Россией. Кавказская война под предводительством Шамиля была для чеченцев и школой этнического становления, она закалила их как этнос. В этой войне они пошли дальше, чем сам Шамиль: национальный герой чеченского народа Байсангур Беноевский вел борьбу с «неверными» и через много лет после пленения Шамиля.

Для значительной части чеченского и ингушского этносов Кавказская война никогда не кончалась, и эта «бесконечная война» имеет осознаваемую и конкретную ментальную составляющую: это война с Россией. Россия — вечный исторический враг, война с ней является цементирующим фактором самосознания.

При этом зачастую разделялась враждебность по отношению к России и русским. В послевоенный советский период (до начала первой чеченской войны, а у ингушей до осени 1992 г.) к русским относились, как правило, без злобы, скорее доброжелательно (правда, нередко с плохо скрываемым или неприкрытым презрением). Ненависть проявлялась к казакам, и то не везде.

Благожелательно-презрительное отношение к собственно русским базировалось на национальном нарциссизме, ощущении себя «высшей нацией»,

по сравнению с которыми русские казались «низшей». Этнографических параллелей подобного отношения можно подобрать множество: кочевники-туареги и оседлые негры оазисов, пуштуны и таджики в Афганистане, «высшие» и «низшие» касты в Индии. Ненависть к терским казакам сопрягалась и с определенным уважением. Горные чеченцы их воспринимали как врага, но врага достойного и именно поэтому подлежащего уничтожению. Степные надтеречные чеченцы в казаках видели скорее союзников и защитников от агрессивных горных сородичей.

Не так давно в Чечне выступал профессиональный казачий ансамбль. Очевидец выступления рассказывал:

«Когда они выступали перед российскими солдатами, их выступление принималось с восторгом. Когда они выступали перед контрактниками-дагестанцами, те тоже бурно приветствовали их: “Молодец казак! Лезгинку давай!” Но когда они выступили перед кадывовскими “батальончиками”, многие из которых были боевиками, то после выступления казаков была тишина: весь зал сидел молча и исподлобья смотрел на артистов лютыми ненавидящими глазами».

О некоторых духовных аспектах последних российско-чеченских войн

Валерий Тишков в своей статье «Конструирование чеченцев из этнического мусора» писал: «Немаловажно и часто не замечается аналитиками то, что “чеченская революция” (осени 1991 г. — Ю.С.) стала революцией двойного отрицания. Разрушив советскую систему управления и ее идеологию, общество отторгло порядок и сложившиеся основы жизни вообще и начало строить нереализуемые проекты воссоздания воображаемого порядка на основе клановых структур или религии. Такого порядка, скорее всего, в Чечне никогда и не существовало, по меньшей мере, с момента пребывания

ее в составе российского государства. Вероятно, наиболее реалистичным сценарием было бы восстановление ситуации до 1991 г.».

Сами идеологи независимой Ичкерии и повторяющие их точку зрения «либералы» типа Чеснова говорят о «народной революции» в 1991 г., про-российские авторы настаивают на ее искусственном и привнесенном характере.

Правы обе стороны. Искусственный и тщательно спланированный характер «чеченской революции» очевиден, но нельзя отрицать тот факт, что в октябре 1991 г. «революция» была поддержана практически всем чеченским народом. Все мужское население Чечни, около 300 000 человек, пришло на площадь Шейха Мансура с целью поддержать Джохара Дудаева. Никто тогда не осудил и даже не выразил сожаления по поводу зверского убийства председателя грозненского исполкома Куценко. В 1991 — начале 1992 г. никаких сторонников России среди более-менее известных чеченцев не было. И деятели национальной интеллигенции, и «революционеры» из низов — все они были сторонниками независимости и отделения от «империи». «Россиянин» — для любого чеченца того времени это слово было самым грязным оскорблением. Тогда в Чечне не было ни одной значимой фигуры, которая открыто бы признавалась в своей приверженности идее единства с Россией. Зато идея отделения была принята всем чеченским обществом легко, оставшиеся с советского времени госструктуры стали тут же работать как структуры именно независимого государства.

Ситуация того времени наглядно показывает, насколько сильно было духовное отмежевание чеченского народа от России, насколько глубока и органична была ненависть к ней. Первые «россияне», то есть те, кто открыто провозгласил себя таковыми, появилась среди чеченцев только в 1993 г.

Слабость некоторых территориа-

льно-клановых групп, потерпевших поражение при дележе властных ресурсов, побудила их обратиться к «вечному врагу». Эти группы базировались на территориях, исторически тяготевших к казачеству и России (Надтеречный район). Но Россию как государство, носительницу определенного культурно-правового и цивилизационного пространства, презирали и ненавидели даже там. Вновь стать «россиянами» степных чеченцев побудил только страх поражения в разворачивавшемся тогда глобальном внутреченском конфликте.

Данный конфликт, четко обозначившийся к середине 1993 г., постепенно принимал форму войны «всех против всех». Кланово-территориальные группировки в сочетании с набиравшими силу радикальными исламистами и внеидеологическим криминалом вступили в глобальное соперничество, вскоре переросшее в открытые вооруженные столкновения. Все это дополнялось правовой анархией, деградацией и распадом правоохранительной системы и экономико-хозяйственным коллапсом. Еще в середине 1992 г. Джохар Дудаев в целях борьбы с грабежами и бандитизмом ввел в Грозном комендантский час и дал право патрулям полиции открывать огонь в ночное время. В 1997 г. Аслан Масхадов создал специальную комиссию по борьбе с похищениями людей и ввел смертную казнь за этот вид преступлений.

В жизнь Чечни очень быстро вернулись, казалось бы, навсегда ушедшие в прошлое «традиции». Грабежи, набеги, похищения людей с целью выкупа. Прежний институт кровной мести, который сдерживал внутри чеченского общества проявления агрессивных форм поведения, работал все слабее и слабее. Чеченское общество распалось.

Но стоило «извечному врагу» — России вновь прийти с войной на чеченскую землю, как внутренние распри тут же были забыты и чеченский

этнос обрел утраченную цельность и сплоченность. Этот факт еще раз доказывает существование глубинного ментального архетипа «вечного врага», отождествляемого с Россией, врага, чье наличие дает жизнь этносу.

Однако после Хасавюрта, вторично получив независимость, Чечня вновь начала погружаться в социальный и экономический хаос. Исход в этот период последних русских лишил чеченцев последних непосредственных врагов, на которых можно было канализировать агрессивную энергию и через которых можно было реализовывать военно-имиджевые формы поведения. Агрессия выливалась уже только на представителей своего этноса. Сложнее стало в тот период реализовывать воинско-имиджевые поведенческие установки и вне Чечни: границы соседей были уже не так, как раньше, прозрачны, население соседних приграничных районов само начало усваивать военно-мобилизационные формы поведения (что позднее ярко проявилось во время басаевского похода в Дагестан).

Коллапс общественной экономической и социальной жизни дополнился и крушением традиционалистской модели «народной идеологии»: многие чеченцы стали понимать, что зло идет не от России, а от них самих. В обществе нарастали ощущения усталости и апатии. Тогда было выбрано новое направление вектора агрессии — «ваххабиты», а недавно непримиримые, призывавшие «убивать как можно больше русских» «традиционалисты» пошли на сговор с «вечным врагом».

Чеченцы вернулись вновь в Россию не потому, что они ее вдруг полюбили, просто они, в большинстве своем, поняли, что отделяться от «пространства стабильности» (кормового пространства) равносильно этническому самоубийству.

Как бы ни была ненавистна «Русня» (термин Шамиля Басаева), но только она давала — и в царское, и в советское

время — хоть какую-то социальную и экономическую стабильность. Как бы ни был презираем русский социальный порядок, но он давал возможность безопасности и заработка.

В конце девяностых, познав в реальности голод и безденежье, многие поняли, что только ненавидимая, презираемая Россия может экономически «питать» Чечню. Процесс этого «питания» является основой недопущения «самопоедания», «этноканнибализма» в широком (этико-правовом, экономическом и т.д.) смысле понятия. Идея о том, что сами чеченцы могут экономически обеспечить себя и сами создать более-менее бесконфликтное и стабильное общество, смешна в настоящее время даже для них самих. Экономическо-хозяйственные структуры современного общества не могут сочетаться с ценностями патриархально-родовой «военной демократии».

Минимум дважды за девяностые годы предпринимавшиеся попытки создать независимое чеченское государство на основе сочетания традиционной тейповой этики с европейскими правовыми нормами успехом не увенчались. Не привели к успеху и попытки сочетать чеченский традиционализм с правовыми нормами шариата, радикальная исламизация Чечни также не произошла. Все это побудило многих лидеров идти на сближение с Россией.

Демонтаж двести лет насаждаемых империей социальных и культурных конструкций сделал Чечню моноэтнической, но живущей в непонятном — ни в традиционном, ни в европейско-цивилизационном, ни в исламско-шариатском — правовом пространстве. Присоединение к России не изменило ситуации.

«Соединение несоединимого» во всех областях духовной жизни — и во времена недавней «независимой Ичкерии», и в современной кадировской Чечне — привело лишь к масштабной экономической и духовной деструк-

ции. Результатом этих процессов стало «государство-оксюморон», в конечном виде явившее тот тип государственного устройства, который более всего был ненавистен чеченцам во все периоды их истории: тип авторитарной диктатуры, больше похожей на абсолютную монархию с элементами теократии. Но насколько будет долговечен новоявленный «имамат» и насколько прочен такой режим — тут прогнозы весьма туманны.

Валерий Тишков писал: *«Чеченство стало не просто первичной (примордиальной) идентичностью, но и особой ролью, замешанной на нескольких элементах: а) националистическом нарциссизме, б) комплексе жертвенности (виктимизации) и с) мессианской идее “гробовщиков империи”, “освободителей Кавказа” и “авангарда исламизма”»*.

В период последних чеченских войн стала очевидной гибель чеченской национальной идеи о создании независимого государства, живущего по «традициям предков». Возвращение в Россию было шагом вынужденным. Но возвращение в нее, попадание под пусть формальную, но власть «вечного врага», вражду к которому прививали с детства, — это для чеченского народа страшная психологическая травма. Однако альтернативы пребыванию ее в составе России у Чечни нет (вооруженное подполье, продолжающее вести борьбу, в расчет не берем). Но внутренне на индивидуальном уровне не принимаемое многими чеченцами «единство с объектом низшего порядка» (Россией и русским народом) зачастую порождает стремление на индивидуальном и общественном уровне к различным демонстрационно-компенсаторным действиям. К таким можно отнести в частности танцы рядом с кладбищем жертв бесланского теракта, демонстративное справление нужды на его ограду, публичные надругательства над российским флагом, освистывание всем стадионам российского гим-

на перед футбольным матчем. А также демонстративные убийства русских в центре Москвы, сексуальные домогательства в отношении 13-летних русских девочек, групповое изощренное изнасилование русской женщины (Владивосток).

Подобные компенсаторные действия заменяют отсутствующую «большую войну» индивидуальной «малой войной», «войной из малых дел». Они призваны дать, пользуясь этологическим термином, чувство «альфа-доминирования», что точно передается современной чеченской поговоркой: «Аллах над нами, чушки под нами». С этих позиций понятен и смысл «дела Аракчеева–Худякова». Демонстративное наказание заведомо невиновных, вербализация аргументов вины в виде «узнавания по бровям и по глазам» — все это сделано для снятия психологического напряжения чеченского общества, для пролития «бальзама» на израненные души, уязвленные фактом военного поражения и вынужденного возвращения в презираемое до брезгливости и омерзения государство.

Но признать себя «россиянами» еще не значит отказаться от идеи «вечного врага» и от мессианской идеи о лидерстве в борьбе всех кавказских народов с этим врагом. Комплекс ненависти всегда сопряжен с комплексом жертвы. И в новой кадыровской Чечне вся общественная идеология строится на постоянном педалировании темы якобы «исторической вины России перед чеченским народом». Ненависть к Еромолу, муссирование «геноцида пе-

риода кавказской войны» и особенно депортации 1944 года — все самые главные, самые фундаментальные базисные положения чеченской общественной идеологии периода «независимой Ичкерии» сохраняются и в нынешней «российской» Чечне. «Россия виновата. Россия должна покаяться. Россия должна искупить свою вину». Даже Дудаев и Басаев в открыто продающихся в кадыровском Грозном книгах описываются с симпатией и в ключе героики «борьбы с империей».

По всем признакам, новое «чеченско-российское» руководство пытается — с целью снятия психологическо-травмирующего факта «возвращения в Русню» — заменить в общественном сознании идею о «прямой борьбе с империей» идеей о скрытом «покорении через присоединение» или «подчинении через формальное объединение». Представление же о «мессианской роли чеченского народа» продолжает сохраняться. В сочинениях Хож-Ахмеда Нухаева и в работах Нунуева данная «мессианская» борьба из анти-российской становится глобально-антизападной, России же отводится роль форпоста этой «борьбы против прогнившего аморального нового глобального миропорядка». Само собой, Россия борьбу с «безбожным западным аморализмом» должна вести под мудрым и чутким руководством «хранителя исламо-христианской цивилизации» — великого, духовно чистого, живущего по священным заветам предков чеченского народа.

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

РУССКОЕ ПОДПОЛЬЕ: ГОД СПУСТЯ

Полтора года тому назад я опубликовал на сайте АПН статью «Русское подполье: реальность, миф, перспектива»¹, получившую широкий резонанс и собравшую много откликов. Моей задачей было привлечь внимание общественности и властей к новому политическому фактору — партизанскому движению русских националистов — и попытаться раскрыть его корни, тенденции, потенциал. Начавшаяся полемика в той или иной форме продолжается до сих пор, подогреваемая все новыми участниками — как в виртуале, так и в жизни. Однако я не удовлетворен результатом: массового прозрения пока не наступило, а власть — от Кремля до районной милиции — просто откровенно тупит, не желая в упор видеть проблему и принимать адекватные решения. А поскольку вовсе не реагировать нельзя, то решения принимаются, увы, неадекватные. Настало время вновь вернуться к данной теме, поскольку развитие событий и идей настоятельно к тому призывает, время не терпит.

«Товарищ не понимает...»

Среди многочисленных откликов на мою статью о русском подполье на АПН было несколько таких, ответить на которые следует публично из-за их типичности.

1. Одна из самых умных женщин, кого я только знал, журналистка Елена Токарева, прочитав мою статью, разразилась у себя в «Стрингере» самым глупым, бабским и обывательским комментарием, какой я только читал. Она написала:

«Эти подростки — маньяки. Тяжелые, скорее всего, неизлечимые.

“Почему они это делали?” — задается вопросом Севастьянов. Отвечаю: потому что они наследники Чикатило. У Чикатило тоже были идейные соображения. У всех маньяков есть стройные теории, которые оправдывают их действия. Вот вы, Александр Никитич, тоже националист, любите потрепать языком на тему этнической чистоты расы, почему вы не бегаєте с ножом по вокзалам и не подстерегаете иностранцев, которые сошли с поезда в поисках работы?

Эти так называемые “националисты” — это бешеные собаки, к тому же сбившиеся в стаю».

Свой эмоциональный всхлип она, в лучших традициях 1930-х годов, закончила призывом к прокуратуре закрыть сайт своего конкурента (АПН) после моей публикации.

Близкие по тону отзывы мне пришлось слышать и от других слабонервных читателей. Отвечая Токаревой, я отвечаю им всем сразу.

Смысл моей статьи вообще ускользнул от рецензента, отвлекшегося на эффектные детали одного из дел, вместо того чтобы вдуматься в закономерности процесса, обнимающего уже сотни дел и вовлекающего в себя тысячи убежденных в своей правоте исполнителей. По Токаревой, страна стремительно и неуклонно наполняется тысячами малолетних мясников-маньяков. Какой глупый и недальновидный вывод... Ну давайте и дальше упрощать жизнь и выдавать желаемое за действительное!

Нетушки, это не восстание охотников, а настоящий крестовый по-

¹ <http://www.apn.ru/publications/article21441.htm>

ход детей, которые именно так себя и воспринимают, как своего рода крестоносцев, взявших на себя трудную, грязную и кровавую, но святую, по сути, миссию².

Они заблуждаются? Ну что ж, не все всё всегда видят в правильном свете. Но кто сказал, что правы именно вы? Давайте-ка спуститесь со своего Олимпа на грешную землю, обратитесь с моральной проповедью к «мясникам». Попробуйте-ка, Елена Константиновна, их переубедить душевно. А я на вас посмотрю. Вряд ли у вас что-то получится. Ибо каждый день, прожитый в России, убеждает их в несправедливости русских, а значит — в собственной правоте.

И как вы не чувствуете в происходящем дыхания истории!

Токаревой и иже с нею ответил короткий документальный фильм «Русское сопротивление», прошедший по Интернету. В рецензии на него я писал:

«Неожиданным и очень важным оказался факт наличия немалого скорбного мартиролога: финальные кадры фильма посвящены тем десяткам (уже!) юношей из “русского сопротивления”, которые пали от рук убийц-русофобов, в том числе одетых в милицмейскую форму.

Важными показались мне также боги весть каким способом добытые кадры из-за колючей проволоки, свидетельства тех, кто оказался в местах лишения свободы. Всего ребят-партизан, захваченных в плен на необъявленной войне,

² Характерно выказался один из юных националистов в своем блоге: «Вы слишком много требуете от своих детей. И резать они идут сами, по зову своего горячего юного сердца, которое не может мириться с несправедливостью. А это несправедливо: то, что их родная земля, их город, их улица больше им не принадлежат, а своим поведением мигранты все больше напоминают оккупантов и захватчиков...» (<http://matilda-don.livejournal.com/469565.html>).

в России уже свыше трехсот. Зритель видит не сломленных, подавленных неволей людшек, а стойких духом, сознательных, убежденных в своей правоте, рано повзрослевших русских людей, временно изолированных ратников, научившихся оставаться собой и в бесчеловечных условиях тюрьмы и зоны. Которые еще и консультируют оттуда тех, что пока на свободе, объясняют, как надо вести себя и на воле, и в СИЗО, и в тюрьме, и на зоне.

Все эти кадры вполне убедительно отвечают на многочисленные упреки неосведомленных или злонамеренных лиц в том, что-де русские партизаны могут только нападать из-за угла восьмером на одного, а сами-де ничем при этом не рискуют. Едва ли не главное достоинство фильма в том, что он рассеивает в прах этот злостный вымысел, недобросовестный миф.

Рискуют, еще как рискуют эти юные бойцы необъявленного фронта. И — идут за свои убеждения на смерть и на каторгу один за другим, один за другим.

Да, они не станут подставляться понапрасну, если этого можно избежать. Они не играют в чистоплюев и не строят из себя “благородных разбойников”. Но при этом вполне сознательно приносят свои судьбы в жертву, и что особенно важно понять — за реальное дело, а не за дешевые амбиции какого-нибудь национал-п..добола».

2. Так называемое «Агентство русской информации» (АРИ) заявило, что деятельность скинхедов дурно сказывается на имидже националистов, и предъявило мне претензии с этих позиций. Оно на полном серьезе указало мне: «Нам, как наиболее здравомыслящей группе русских националистов, хотелось бы получить от господина Севастьянова публичный ответ на эти вопросы, чтобы он как-то либо оправдался... Только не делайте вид, господин Севастьянов, что вы нас не знаете и ведать не ведаете».

Пришлось слегка уточнить взаим-

ное расположение корреспондентов: «Я вас действительно неплохо знаю и ведаю, господа. Отслеживаю вашу деструктивную для русского движения работу с самого начала. Почитываю (поскольку как идеолог должен быть в курсе) ваши дилетантские нелепости в области теории. Со своей стороны много раз писал и публично говорил об АРИ как о группе слабомыслящих, плохо информированных и идейно не вооруженных людей, которые смотрят в книгу, но попросту не способны понимать прочитанное. Не говоря уж о происходящем. Высказывал и обоснованное предположение о ваших связях со спецслужбами, о вашей подрывной деятельности по отношению к русскому движению... Мне нет нужды оправдываться: желающий узнать истину просто прочтет мою статью, поймет как ее своевременность и правду, так и вашу всестороннюю мизерабельность».

Однако для читателей привожу все же опровержение благоглупостей «АРИЙцев», данное по горячему следу:

«Русское движение не есть пиаровская акция и развивается не по законам пиара (в чем пытаются убедить нас АРИ, ничего не зрящие далее своего короткого носа). Диалектика национального движения такова, что ни одно крыло его, легальное или подпольное, не имеет смысла и не может достичь успеха само по себе. Таков факт. Я без малого двадцать лет олицетворяю именно легальное крыло (и продолжаю в нем пребывать) и понимаю данный тезис как никто отчетливо.

Мы можем еще сто лет оставаться белыми, пушистыми и привлекательными для масс, а дело между тем не сдвинется и на волос в нашу пользу и постепенно заглохнет, ибо от масс в нашей ситуации не зависит сегодня абсолютно ничего, меня в этом убедили восемь лет партийного руководства. На национальное восстание, национальную революцию, баррикады и т.п.

наш народ, по моему убеждению, уже совершенно не способен. Армия — и подавно³. А без давления снизу власть на существенные уступки не идет (и даже слышать нас не желает) и идти не собирается.

Но Кремль совершил существенную, если не роковую стратегическую ошибку: вытеснив нас начисто из легального политического поля, он своей рукой загнал наиболее молодую и активную часть русского движения в подполье. Это тоже уже факт, я об этом писал подробно. Дальнейшее — лишь дело времени, ибо направление естественного хода событий задано историей. Оно состоит в том, что вектор агрессии постепенно сменится с гастарбайтеров на улицах на кое-кого поважнее, перейдет к тактике индивидуального террора.

И только когда в России невольными стараниями властей будет создан аналог ИРА, тогда станет актуальной и надводная часть национального политического айсберга. Наплевать, что скины отвращают от национализма толпы ничего не стоящих бессильных сторонников: у них неизмеримо более важная историческая функция. У рус-

³ Пусть читатель сам оценит статистику: «В Вооруженных силах РФ и других силовых структурах в 2008 г. число самоубийств среди офицеров увеличилось более чем на 17% и составило 53 человека, сообщил первый заместитель Главного военного прокурора РФ генерал-лейтенант юстиции Александр Мокрицкий. «Особенно тревожит тот факт, что из 292 случаев самоубийств военнослужащих, которые произошли в прошлом году, 53 приходится на офицеров», — сказал Мокрицкий «Интерфаксу». По его словам, доля суицидов от общего числа небоевых потерь (всего небоевые потери в армии и других войсках в 2008 г. составили 604 военнослужащих) составляет более 48%. В Минобороны доля суицидов составила 49%, во Внутренних войсках — 46%, а в МЧС РФ — 50%, уточнил Мокрицкий», — сообщил Интерфакс 2 февраля 2009 года.

ских нет иного пути, кроме ирландского: просто исторически ничего другого не оставлено. И других надежд у русского движения тоже нет.

Если русских ждет провал на данном пути, значит, наш народ обречен на бесславную капитуляцию и гибель по примеру других белых народов Запада».

3. Своеобразная оценка была дана моей статье за рамками дискуссии. Первому заместителю председателя Комитета по безопасности ГД РФ Гришанкову М.И. в ответ на запрос об идеологическом и политическом прикрытии террористических формирований, действующих на территории России, прислал информационно-аналитические материалы заместитель Генерального прокурора РФ В.Я. Гринь. Там говорится:

«Наибольшую опасность для общества представляют радикальные националистически настроенные неформальные объединения, в первую очередь молодежные. Основой идеологии данных группировок является национализм, национал-расизм, превозношение своей (в данном случае — русской) нации выше других. Анализ полученной информации свидетельствует о том, что на территории России действует не менее 3 тыс. участников, причисляющих себя к неонацистскому движению...

В 2009 году пропаганда терроризма со стороны националистов приобретает беспрецедентный характер. Так, националист А. Севастьянов на протяжении ряда лет пропагандирует в качестве наиболее эффективной формы деятельности русских националистов тандем из легальной партии и подпольной организации, исповедующей метод террора. Он также всячески приветствовал террористические действия скинхедов, именуя их «партизанскими действиями». В начале марта 2009 года Севастьянов опубликовал в Интернете статью «Бойня номер шесть, или Крестовый поход детей», в которой

с восторгом писал об осужденных участниках банды Рыно-Скачевского, сравнивая их с партизанами Великой Отечественной войны. Он заявил, что русские «находятся в вынужденной, необходимой обороне, они лишь защищаются, а источник их агрессии следует искать в мигрантах». Далее А. Севастьянов с надеждой заметил, что в дальнейшем такой террор «может оказать критическое воздействие на общую политическую ситуацию, мобилизовать массы и парализовать волю властей к сопротивлению».

В этих условиях особое значение приобретает возможность и способность заинтересованных сил отладить механизмы не только совместной борьбы с терроризмом и экстремизмом, но и ведения эффективной пропагандистской работы, нацеленной на нейтрализацию влияния радикальной идеологии и локализацию деятельности ее проводников.

Управление по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму. *Апрель 2010*».

На самом деле Управление по надзору и т.д. не перетрудило свой мозг, стряпая эту скороспелую страшилку. Она — всего лишь сильно сокращенная копия отчета, написанного Семеновым Чарным для Московского бюро по правам человека (директор Александр Брод), которым прокуроры воспользовались для скорой отписки в Думу. Показательно, однако, из какого источника берут они информацию и кто там у них почитается за мозговой центр. Но уж коли Генпрокуратура взяла на себя малопочтенную роль рупора еврейской правозащитной братии, то отвечать, конечно, следует не рупору, а голове, то есть еврейскому активисту Чарному. Как говаривал Пушкин, лакей, сиди себе в передней, а будет с бариним расчет. Однако, изучив его пустопорожний доклад, я был разочарован: отвечать-то нечему, уровень понимания нулевой, цель одна — указать

репрессивным органом на желаемый объект репрессий, только и всего.

Но в таком случае об эффективной нейтрализации националистической идеологии господ прокурорские пусть даже не мечтают. До тех пор, пока они будут изучать положение вещей по Чарному, а не по Севастьянову, успеха им не видать. Впрочем, в противном случае — и подавно, поскольку нашу правоту ничем не перебить и никак не заглушить.

Умные глупости

Особо удручают своей беспомощностью и слепотой высказывания на тему молодежного экстремизма со стороны профессионалов — юристов, социологов, этнологов, правозащитников. Все они не могут придумать ничего более грамотного, чем закручивание гаек. И все старательно обходят истинные корни изучаемого ими явления.

Правозащитные организации и представители кавказских диаспор, опрошенные корреспондентом Infox.ru, считают, естественно, что остудить пыл противоборствующих сторон можно только усиленным контролем за ними со стороны властей, общественных организаций, московских вузов и следственных органов.

Сторонником ужесточения мер является президент Московской коллегии адвокатов «Антикризисный Центр» Владимир Гаглоев.

Эксперт ИАЦ «Сова» Галина Кожевникова, сама себе противореча, публикует в «Новой газете» такие слова: «Причина всплеска насилия — усилившееся давление прокуратуры, милиции на нацистское подполье. Время упущено, опоздали на несколько лет, поэтому все идет трудно... Но если продолжать это давление систематически и только на законных основаниях, нацистское подполье выдохнется». (Уж кто-кто, а она-то должна знать, что не выдохнется.)

О степени непонимания ситуации даже в экспертном сообществе сви-

детельствует своим текстом Алексей Макаркин — вице-президент Центра политических технологий⁴. Он указывает, как ему кажется, главную причину роста межнационального противостояния: «Снятие табу с жестокости и насилия, которое связано как с влиянием телевидения, так и, особенно, с современными компьютерными играми... Неудивительно, что среди убийц “нового типа” немало “продвинутых” ребят, прекрасно знакомых с компьютерными играми, — у “маргиналов” часто не хватает денег для подобных развлечений. Снятие табу касается не только жестокости как таковой, но и идеологического фактора. Интернационализм советского типа полностью дискредитирован и не воспринимается всерьез даже сторонниками КПРФ, активно обсуждающими “русский вопрос”».

Все это может касаться характера кровавых расправ, их направленности, но отнюдь не раскрывает их мотивации, которая полностью ускользнула от политтехнолога.

Макаркину вторит доклад «Молодежный экстремизм в России: причины и следствия», вывешенный на сайте Студенческого научно-творческого общества «Пурпурный легион» юридического факультета Северо-Кавказского социального института: «С социально-психологической точки зрения несомненно, что экранное насилие и агрессивная эротика вносят свой вклад в криминализацию современной жизни, особенно влияя на детей, подростков и молодежь, которые составляют основную аудиторию кинотеатров и видеосалонов. Как известно, преступность среди них неуклонно продолжает расти. Не случайно в развитых западных странах общественностью созданы организации типа Международной коалиции борьбы против телевизион-

⁴ Новый правый экстремизм — уличные убийцы // <http://www.politcom.ru/article.php?id=7692>

ного насилия (США). Применяются всевозможные возрастные ограничения. В российском обществе этого пока нет»⁵. Отсюда-де и появление «нацистских банд», которые докладчики трактуют как специфическую субкультуру.

Немногом далее продвинулась автор доклада «Политический экстремизм в молодежной среде»⁶ И.В. Васенина: «Можно определить целый ряд факторов, заставляющих российскую молодежь вступать в экстремистские организации и объединения, которые, в целом, и порождают такое явление, как молодежный политический экстремизм. К одному из главных факторов относится ухудшение условий жизни в России, влияющее непосредственным образом на развитие молодежного политического экстремизма любого толка... Другой причиной, повлиявшей на всплеск молодежного экстремизма, прежде всего праворадикального и фашистского толка, можно считать войну в Чечне... Еще одним фактором, обострившим крайние националистические настроения среди молодежи России, является усиление миграционных процессов, связанных с переселением больших групп людей, в первую очередь из регионов Закавказья и Средней Азии. Данные потоки разрушают исторически сложившийся этнический баланс населения и деструктивно влияют на межэтнические отношения... Большой вклад в развитие предпосылок к экстремизму среди российской молодежи оказала так называемая массовая культура, когда распространяются скопированные не с лучших западных стандартов фильмы в жанре отечественной “чернухи”, кровавые боевики и триллеры, воспитывающие у молодежи жестокость, насилие и желание его применить на практике...».

⁵ <http://purlegion.ucoz.ru/publ/1-1-0-10>

⁶ II Всероссийская научная конференция «Сорокинские чтения—2005». Будущее России: стратегии развития. Социологический ф-т МГУ, 14–15 декабря 2005 г.

На таком поверхностном понимании далеко не уедешь.

О прелестной девственности ума в этнополитическом аспекте говорит реплика исполнительного директора центра «Этносфера» Елены Омельченко: «Громкий разговор в общественном транспорте практически всегда раздражает окружающих. Значит, нужно объяснять мигрантам, что в общественных местах принято говорить тише. Наш центр занимается этой работой, но наших скромных возможностей недостаточно, чтобы переломить ситуацию».

Так и встают перед глазами дебелие дамы, ходящие по автобусам и рынкам и уговаривающие кавказцев и азиатов говорить потише на своих странных языках... Вспоминается знаменитый своим прекраснодушием и наивностью призыв императрицы Екатерины Второй: «Сограждане, перестанемте быть злыми!». Но ведь не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел.

Выдающимся по своей глупости показалось мне выступление лидера Евразийского союза молодежи Валерия Коровина: «Я бы хотел отметить такой момент, что и скинхед-движения, и левые экстремистские движения — все они не являются продуктом нашей традиционной культуры. Все эти явления занесены к нам с Запада, представляют собой элементы западной культуры, а их наиболее опасные проявления во многом носят инструментальный характер. Обратите внимание: скинхед, одетый в “бомбер”, ботинки “Доктор Мартинс”, с бритой головой — все это совершенно не является элементами русской национальной культуры. Напротив, русские люди традиционно отращивали бороды, исповедовали православие, ходили в кафтанях и косоворотках и истолковывали идею России — как Империи, а не как европейского государства-нации... Мы знаем, что те же самые скинхеды никогда не отличат дагестанца, представителя коренного этноса, входящего в со-

став России, от, допустим, грузина из Закавказья, армянина от еврея, представителя Израильского государства, или якута, представителя нашего коренного народа, от китайца или монгола. Они абсолютно не разбираются во всем этом этническом, языковом и культурном многообразии... Для того, чтобы быть скинхедом, необходимо сначала пройти курс этносоциологии и изучить труды Германа Вирта»⁷.

Щас! Мысленным взором так и вижу скинхеда с бородой, в косоворотке и с томиной Вирта в сложенной троеперстием руке, которым он оглаживает инородца...

В 2008 г. на юрфаке Омского государственного университета состоялась научно-практическая конференция, посвященная противодействию молодежному экстремизму. В ее работе приняли участие ученые, представители государственных органов, общественных объединений Омска и соседних регионов. Вот основные выступления. Михаил Клейменов, д. ю. н., профессор, замдекана юридического факультета: ситуация обострилась по нескольким причинам — ослабление воспитательного направления работы с молодежью; частое и повсеместное манипулирование сознанием молодежи со стороны СМИ; у государства отсутствует четкая идеология и позитивная внятная стратегия развития молодежи; средства массовой информации транслируют культ насилия и несправедливости. Начальник управления Министерства по делам молодежи, физической культуры и спорта Омской области Михаил Расин сочинил доклад на тему: «Развитие дворового спорта как фактор государственной молодежной политики

против экстремизма». Уровень понимания виден из названия доклада. Декан юридического факультета ОмГУ Максим Фокин: экстремизм является «болезнью молодежи рабочих окраин в периоды социально-экономического и политического кризиса». Причиной криминального всплеска в молодежной среде явилась отмена уголовной ответственности за тунеядство. Необходимо возложить обязанности на образовательные учреждения разного уровня по усилению воспитания молодежи в духе общечеловеческих, гуманистических ценностей, что будет служить верным противоядием экстремизму. Николай Салохин, доцент кафедры социологии, социальной работы и политологии Омского государственного университета: «Корни, которые питают экстремизм как социальное явление, — это мера удовлетворения витальных (жизнеобеспечивающих) потребностей гражданами».

О всех этих откровениях с радостью и гордостью сообщили местные коммунисты⁸. Если ты, читатель, улыбнулся, читая эту галиматью, значит у тебя все в порядке с головой.

Свеженький (16.02.2010) доклад некоей Богуславской В.Ф. «Влияние толерантности на профилактику экстремизма в молодежной среде» тоже доставил мне пару веселых минут. Я узнал, что «в целях разработки и реализации единой государственной политики по формированию толерантности и профилактике экстремизма в российском обществе была создана специальная межведомственная Федеральная программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе»». И тут же вдохновился потрясающими рекомендациями, на которые, надо надеяться, был затрачен весь бюджет программы, ибо они того стоят:

⁷ Выступление на круглом столе в Московской городской думе на тему «Экстремизм в молодежной среде. Как ему противостоять?» // http://www.rossia3.ru/ideolog/nashi/mosgor_duma. А с трудами Вирта я знаком и заверяю, что русский скинхед и без них отлично знает, кто ему свой, а кто чужой.

⁸ Коммунистическая Партия Российской Федерации. Омское областное отделение; <http://www.omsk-kprf.ru/?q=node/1329>

«Огромная роль в борьбе с агрессией и экстремизмом принадлежит формированию у современной молодежи психологии толерантного сознания на основе принципов формирования толерантности. Среди них выделяют следующие: принцип субъектности — опора на активность студента, инициативность, стимулирование его самовоспитания, сознательного поведения и самокоррекции в отношениях с другими людьми; принцип адекватности — соответствие содержания и средств воспитания социальной ситуации, в которой организуется воспитательный процесс; принцип индивидуализации — учет индивидуальных особенностей и уровня сформированности толерантности у обучающегося; принцип рефлексивной позиции — ориентация на формирование у молодежи осознанной устойчивой системы отношений к какой-либо значимой для них проблеме, проявляющейся в соответствующем поведении и поступках; принцип создания толерантной среды — формирование в образовательном заведении гуманистических отношений; воспитание у учащихся и преподавателей чувства взаимной ответственности»⁹.

Учите, голуби, учите...

Можно заранее предсказать: подобные выводы и рекомендации спецопов — как мертвому припарки. Исходя из них, проблемы, угнетающие общество, не решишь и к их пониманию ни на миллиметр не продвинешься.

Но настоящим образцом некомпетентности властных инстанций можно считать методические «Рекомендации по проведению работы по профилактике экстремизма в молодежной среде», обнародованные в октябре 2009 г. Департаментом по делам молодежи Свердловской области. Парадокс в том, что эти разумники хотели сами себя похвалить, а вместо этого себя же

и высекли. Притом так, что даже сами этого не заметили — захватывающее зрелище!

Как выясняется, «по данным правоохранительных органов на сегодняшний день в области существенно возрос количественный состав движения скинхедов. В националистические группировки вовлекаются подростки все более раннего возраста... В 2007–2008 годах на территории Екатеринбурга скинхедами совершено 25 преступлений в отношении лиц, выходцев из Ближнего Зарубежья, в том числе 8 убийств... На территории Орджоникидзевского района была задержана группа “Зиг-88” из 8 человек... Группа в течение полугода совершала преступления в отношении иностранных граждан. В 2008 г. выявлена группа “Патриоты России”, члены которой совершили ряд тяжких преступлений в отношении иностранных граждан... В 2008 г. произошло формирование противоправной группировки “Фолькштурм”... Группировка совершала преступления на территории города в отношении лиц из Ближнего Зарубежья. ГУВД по Свердловской области располагает информацией о деятельности в период с 2004 по 2009 год 7-ми независимых друг от друга молодежных группировок скинхедов общей численностью до 60 человек. По состоянию на 1 августа 2009 года на учете в Центре по противодействию экстремизму, созданном в Свердловской области, состоит 1011 лиц. В базе данных Центра фигурируют 32 общеобразовательных учреждения, 30 средних специальных и 14 вузов Свердловской области».

Ну что ж, вполне приличные показатели, не из последних будет Свердловская область! Но что же делать с этим сложным контингентом, не доставляющим радости Департаменту по делам молодежи?

А далее — пронзительное откровение как результат исследования, проведенного социологами Уральского государ-

⁹ <http://www.scienceport.ru/content/vliyanie-tolerantnosti-profilaktiku-ekstremizma-molodezhnoi-srede>

ственного педагогического университета (интересно, во что оно обошлось казне): «Невысокая толерантность по отношению к мигрантам является серьезным фактором риска развития экстремистских настроений».

Класс! Шедевр грантоедения!

Какова теория, такова и практика. В 2008 г. в Свердловской области была принята «Программа профилактики терроризма и экстремизма на территории Свердловской области на 2008 и 2009 годы». По итогам 2008 г. «все направления Программы были выполнены» — радостно рапортуют ответственные лица. А результат? А как же! Есть: «Отсутствие массовых проявлений экстремистского характера в молодежной среде в Свердловской области — свидетельствует об успешности предпринимаемой профилактической работы».

И тут же (!) приложена диаграмма, из которой ясно видно, что только в первом квартале 2009 г., по сравнению со всем 2006 г., количество выявленных преступлений экстремистского характера выросло в четыре раза, а их раскрываемость упала в полтора раза!

Вот как работать надо, товарищи!

Нет никаких сомнений, что передовой почин свердловчан будет подхвачен со столь же блестящими результатами везде, где понимание останется на том же уровне.

Справедливости ради скажу, что изредка высказываются и более трезвые точки зрения. «В западном демократическом обществе идет целый вал пропаганды толерантности. Однако неонацистские банды там присутствуют в большом количестве. Это доказывает, что такие методы неэффективны и создают виртуальный раскол в обществе» — такое мнение выразил «Росбалту» руководитель Центра стратегических исследований религии и политики современного мира Максим Шевченко.

Абсолютно правильно писал и Васи-

лий Лихачев¹⁰, что подавление радикалов толкает их в террор.

Но таких здравомыслящих голосов я слышу крайне мало.

В целом царят растерянность, зашлакованность рассудка старыми советскими интернационалистскими штампами и новейшими принципами политкорректности и толерантности, а также нежелание видеть в упор очень простые вещи.

Взгляд из зазеркалья

Интересно и поучительно порой почитать, что пишет о русском подполье противная сторона.

Вот передо мной статья Владислава Кагана из Минска «Свастикой по оппозиции. Кто покрывает белорусских скинхедов» (05.02.09). Сей представитель этнических демократов пытается бить дуплетом по двум мишеням сразу: по политическому режиму президента Лукашенко и по русским националистам. Откуда последние в Белоруссии (известно, что Батяка в свое время не дал у себя развиваться РНЕ)? Дело в том, что «по своей идеологии местные скинхеды мало отличаются от российских, они пропагандируют “чистоту славянской расы”. Никакого намека на белорусский национализм в этом нет, наоборот, большинство неофашистов причисляют себя к русским и рассматривают свою страну как составную часть Великой Руси».

Понятно, что каганам такого не надо. Вот поэтому, к примеру, «члены Белорусского хельсинкского комитета обвиняют власти в лояльности к действующим в стране фашиствующим группировкам... А политическая оппозиция пошла дальше, заявив, что официальный Минск фактически сотрудничает с неонацистами».

Врут, конечно, как обычно.

Как следовало ожидать, процесс пошел и в Белоруссии. Ведь уже и здесь

¹⁰ Обширную выдержку из его книги о радикальной молодежи я приводил в своей статье.

скоро не станет продыха от наплыва цветных. В одном только Гомельском медицинском университете учится более трехсот иностранцев. Что же удивляться, если «центром деятельности белорусских наци стал Гомель», где мишенью становятся намозолившие глаз африканские и азиатские студенты. В Гродно ультраправые также провели уже несколько маршей. В Минске они меньше заметны, пока.

Но вот что любопытно: если верить председателю оппозиционной Объединенной гражданской партии Анатолию Лебедько, власть сотрудничает с «нацистами», натравливая их на представителей оппозиции. «Все началось с того, что в 2000 году в самом центре Минска скинхеды жестоко избили экс-главу МИДа, лидера движения “Европейская Белоруссия” Андрея Санникова. В ноябре 2007 года отряд “коричневых” из организации “Белая воля” напал на “социальный марш” оппозиции». И подобных случаев якобы немало. Никакими доказательствами «сотрудничества» властей с новыми белорусскими партизанами Лебедько, разумеется, не располагает.

Скорее всего, никакого сотрудничества и нет. Просто белорусские ребята правильно понимают, кто есть кто и чего стоит в их стране. И Лукашенко это тоже понимает правильно. Вот и действуют в одном направлении, хоть и разными методами. А коли так, то к чему же им еще и друг с другом воевать? Надо мирно уживаться ради общего дела.

Иное дело у нас в России, где противник нации находится на самом вершине и открыто воюет с народом. Никакого «общего дела» с Кремлем у нас нет и быть не может. Возможности сотрудничать с властью мы, увы, лишены даже теоретически из-за неприемлемой цены компромисса, тождественного национальному предательству. Поэтому Кремль нас давит, судит и сажает, а русские правые и левые экстремалы с каждым днем все больше

осознают, что путь подпольной террористической борьбы — это все, что им оставила любезная власть, чтобы не складывать руки в позорной бессилии.

Стоит также отметить, что, к сожалению, при этом русские бритоголовые упускают случай за случаем для выгодного с точки зрения пиара и при этом относительно безопасного действия. Русофоба Подрабиника гнобили «Наши», а химкинскую мэрию громили — и вовсе антифа, хоть и под лозунгами защиты «русского леса». Куда же настоящие *наши* смотрят?! Такие удобные поводы упускать — просто преступление!

«Так закалялась шваль»

Итак, тотальное непонимание происходящего царит во всех кругах, мало-мальски прикосновенных к сферам власти, официоза, «бонтоной» науки и публицистики.

А между тем для внимательного ума поводов задуматься издавна было немало.

Десять лет назад, на фоне чеченской кампании, пламя всероссийской этнической войны еще не горело так ярко, но уже тлело.

К примеру, в 1998 г. органами прокуратуры расследовалось 25 уголовных дел по ст. 282 УК, предусматривающей ответственность за возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды. Времена были идиллические, относительно вегетарианские. Дела носили порой характер почти юмористический, бытовой. Но уже и в те годы разрешение конфликтов на национальной почве происходило, как правило, не в пользу русских. Снисходительное, если не поощрительное отношение к инородцам-конфликтотгенам было характерной чертой судебных процессов того времени.

Так, Ульяновским областным судом рассматривалось дело по заявлению областного прокурора о приостановлении деятельности Симбирской областной организации народно-

демократической партии (СООНДП) «Ватан» (с тюркского: «Родина»). Поясню: эта партия образовалась 13.10.1990 г., на общем собрании москвичей-татар в Центральном Доме Атеизма при содействии сотрудника Дома, известного крымскотатарского националиста Энвера Байрамова¹¹. Говоря протокольным языком, со стороны руководителей и членов партии «Ватан» имели место действия и высказывания, носящие экстремистский и националистический характер, которые способствовали разжиганию межнациональной и религиозной розни, умаляли достоинство русскоязычного населения и лиц, не исповедующих ислам.

В частности, они перепечатали и распространили неслабое обращение Курултая партии (съезда) от 12 декабря 1997 г. под характерным названием: «К народам Поволжья и всем угнетенным народам империи, администрации Ульяновской области и г. Ульяновска, историкам, краеведам, археологам, ученым». В нем государственная власть была обозначена как «коричневые силы» и содержался призыв к «деколонизации плененных народов Москвой, Российской империей». То есть — к расчленению России, которая характеризовалась с наивно-очаровательным радикализмом: «Российская империя — враг всего человечества». Ни много ни мало. При этом российских граждан авторы, с явным намерением оскорбить, именовали «русскоязычными, не помнящими своих прадедов и историко-этнических корней». А «коренные народы» (за исключением русских, понятно) призывались к национально-освободительной борьбе, которую должен был возглавить секретарь СООНДП «Ватан». Ему предлагалось с этой целью «вы-

брать себе команду из испытанных, мужественных, посвященных, стойких людей».

Перед нами — чистой воды призыв к национальной антироссийской революции и антирусской этнической войне. Цели названы совершенно откровенно и недвусмысленно, позиция предельно ясна. «Ватан» — организация не местного пошиба, она имеет общероссийский размах, и созданный ею курултай принял решения, касающиеся не только ульяновских сепаратистов. Угроза была обращена не к области, а ко всей стране. Как же отреагировал Ульяновский суд? Ровно так, как просила прокуратура: приостановил деятельность лишь местного (областного) «Ватана» сроком аж на шесть месяцев!

Ай-яй, как страшно! Однако националы были и этим издевательски нежным решением глубоко обижены и подали кассацию, которую, впрочем, судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ (великого мужества и принципиальности люди!) отклонила.

В то же самое время Якутским городским судом было рассмотрено дело о защите чести и достоинства. В ходе дорожно-транспортного происшествия русская дама-ответчица допустила в адрес долбанувшего ее истца ужасное оскорбление: «Чукча узкоглазый, тебе только на оленях ездить». Суд пришел к выводу, что приведенное высказывание действительно является для истца, являющегося представителем коренных северных народов, оскорбительным, умаляющим его национальное достоинство; иск был удовлетворен. Это происходило в 1997 г., когда Якутия уже ввела визовый режим на въезд в республику и была озабочена созданием собственной таможни, т.е. вела дело напрямую к отделению от России. Понятно, что шутить на тему разреза глаз надо было осторожней.

В таком же духе велось судопроизводство и далее примерно до середины

¹¹ С ним мне довелось схлестнуться в 1998 году на страницах «Независимой газеты», обсуждая предательскую роль крымских татар в Великой Отечественной войне.

2000-х. То есть можно резюмировать: русских мало-помалу доводили до тихого озверения, день за днем помаленьку провоцировали. А когда терпение у них лопнуло и стало расти реальное сопротивление, тут-то на них и были спущены все ищейки, доберманы и бультерьеры режима.

Их позвали — и они пришли

Конечно, постепенное накопление раздражения против инородцев у части русского населения можно в свете сказанного рассматривать как неизбежность.

Но почему общественное сознание в целом не отторгает скинхедов? Почему люди скорее сочувствуют им, чем осуждают? На этот вопрос нам помогает ответить статья социолога Анастасии Леоновой «Неприязнь к мигрантам как форма самозащиты», опубликованная еще в 2004 г. в журнале «Отечественные записки», но не усвоенная кем следовало бы¹². Окажу услугу обществу, сжато перескажу ее.

Все дело в том, что Россия ментально просто-напросто дозрела до той стадии, которую наши бывшие соседи по «коммунальной квартире» СССР прошли давным-давно. Наша страна осознала, наконец, себя национальной страной. Русской, естественно.

Не «многонациональной и многоконфессиональной» (как надоело это навязчивое вранье!), не «коммунальной», не страной «для всех» — а просто русской. Причем, что важно, это осознают не только те, кто сам себя относит к русским, но в значительной мере и те, кто идентифицирует себя как «гражданин России». Таковы выводы опросов: «Характерно, что не только две трети русских респондентов выбирают этнический вариант самоидентификации, но и четверть тех, кто относит себя к другому этносу,

предпочитают называться русскими, а не гражданами России». При этом 57% процентов русских считает себя особым народом, который должен в России иметь определенные преимущества, в то время как ныне он живет хуже других народов страны.

Леонова ссылается на данные опросов Левада-Центра, ВЦИОМа, на специальную литературу и полагает, что приводимые данные репрезентативны для всего взрослого населения России. Она указывает, на мой взгляд, на главную тенденцию: «В основе неприязни к иноэтничным группам лежит “унитарное”, изоляционистское представление о России как о стране, где живут русские. Лишь чуть более четверти опрошенных решительно отказываются видеть какую-либо угрозу безопасности России в многонациональном характере российского государства и возможности приезда в Россию людей разных национальностей. Наиболее “логичным” следствием обостренного восприятия угроз, исходящих от нерусских (граждан или мигрантов), становится стремление к этнической гомогенизации, превращению России в унитарное, мононациональное государство».

Она отмечает, что бывший ранее неприемлемым для большинства населения лозунг «Россия для русских» приобретает «все больше сторонников — не только открытых, чье число за полгода увеличилось на четверть, но и одобряющих его с некоторыми стыдливими оговорками. Националистические, а подчас и просто нацистские идеи или действия все реже встречают отпор».

Интересно, что «на декларативном уровне подавляющее большинство все еще выражает свою приверженность универсалистским принципам, но одновременно выражает лояльность и по отношению к прямо противоположным лозунгам». В цифрах это выглядит весьма комично: считая, что национализм — это «скорее плохо» (81%),

¹² <http://www.strana-oz.ru/?numid=19&article=921>

а толерантность — «скорее хорошо» (92%), люди при этом одобряют стремление к расовой чистоте (53%). Прямо по пословице: «Ненавижу три вещи: расизм, жидов и негров»!

Каждый, кто успел пожить при пролетарском интернационализме, понимает: это очень, очень важные подвижки¹³. Они тем важнее, что происходят на подсознательном уровне, вопреки вбиваемым насильственно установкам, централизованному оболваниванию. Вот только власть не желает с ними считаться, предпочитая, как встарь, ломать нас «через колено».

Играет ли свою роль националистическая пропаганда и агитация в том, что такие подвижки возникли и прогрессируют? Да, несомненно, разъясняя русским их этнические проблемы и права, указывая на их этнические интересы, пробуждая их национальное сознание, память и солидарность, мы очень многого добились в преодолении советского фальшивого наследия. Нас пытались превратить в общечеловеков, приготавливали, чтобы «жить единым человеческим общежитием» в коммунистическом завтра, где нациям — «буржуазным выдумкам», как говаривал Ленин, — не будет места. Не вышло.

Теперь можно с уверенностью добавить: и не выйдет.

Однако не меньшую роль сыграла сама жизнь, правильно расставляющая все акценты и пробуждающая национальные эмоции на уровне биологического инстинкта. Тут нельзя недооценить два мощных фактора: чеченскую войну и неконтролируемую обвальную миграцию. Именно они договорили за нас все самое неполиткорректное. И сделали это убедительней любого агитатора.

И вот уже мы видим, из статьи Леоновой, что:

— «на вопрос, может ли ваш го-

род (район) обойтись без трудовых мигрантов, делающих черную работу (тяжелую и низкооплачиваемую), 39% ответило “определенно да” и только 4% — “определенно нет”; в этой связи 78% требуют упростить процедуру высылки мигрантов в их страны... В целом миграция воспринимается большей частью российского общества как явление скорее вредное и опасное, нежели сулящее какие-либо выгоды России: соотношение положительных и отрицательных отзывов здесь составляет 15:85»;

— 86% русских и 78% «граждан» считают, что Россия страдает от засилья кавказцев. Причем «представление о “засилье кавказцев” разделяет подавляющее большинство обеих групп, а 58% опрошенных требуют вообще запретить кавказцам проживать на территории своего района. Незначительны и различия между этими группами по отношению к идеям “борьбы с нерусскими” и изгнания их из русских городов» (что называется, «достали всех!»);

— на первом месте по общественной неприязни стоят чеченцы, что неудивительно; ведь едва ли не каждый новый день приносит все новые свидетельства нашей взаимной некомплиментарности, да и поджоги лесов и торфяников (в которых мало кто не видит легкий и дешевый вид диверсии) не вдохновляют нас на дружбу с этим народом. Наиболее же приемлемы, комплиментарны для нас вообще оказались не какие-либо народы нашей страны (не считая славян, которые, естественно, ближе всех), а европейцы, с которыми мы, прямо скажем, контактируем не каждый день. Вновь прибегну к пословице: «Теплота отношений между родственниками прямо пропорциональна квадрату расстояний между ними».

За шесть лет, прошедших после во время не замеченной, увы, статьи Леоновой, указанные ею тенденции только усугубились. Сегодня, отыскивая причины роста межнациональной розни

¹³ Для сравнения: в 1986 году 78% русских считали себя советскими и только 15% — русскими.

на фоне растущего же одобрения обществом партизанской активности, я снова обращаюсь к этой статье.

Всех нас, и власть и общество, честно и своевременно предупреждали.

Несмотря на то что лишь небольшая доля опрошенных готова перейти от слов к действиям, чтобы своими руками обеспечить воплощение националистических лозунгов, «снисходительное отношение к тем, кто берет на себя обеспечение этнической чистоты населения, весьма распространено — лишь половина опрошенных заявляет о недопустимости действия таких групп... Лишь треть опрошенных однозначно негативно воспринимает известия о реальных преступлениях националистических и фашиствующих групп. Реакции большинства варьируются от соболезнования жертвам погромов и недовольства беспорядками до злорадного удовлетворения тем, что “черные получили по заслугам”».

В переводе на язык этнополитики это значит, что *минимум половина жителей России рада бы, да не может, по разным обстоятельствам, делать то, что делают за них скинхеды, взвалившие на себя тяжелый груз этнической войны. Поэтому скины негласно пользовались, пользуются и будут пользоваться моральной поддержкой населения.*

Как резюмирует Леонова: «Многие еще не готовы поставить свою подпись под наиболее одиозными лозунгами и идентифицировать себя с открытыми поборниками этнической чистоты. Однако “в разумных пределах” большинство готово согласиться с подобными доктринами».

Таким образом, в целом все наше общество еще шесть лет тому назад дало моральную санкцию бойцам за русскую Россию: вперед, сыны Отчизны!

Этот скрытый, но внятный призыв был услышан.

Все сказанное выше свидетельствует о закономерности такого результата.

Этническая «неправильная» (ирре-

гулярная) война — не только факт, но и фактор нашего бытия, многое в нем определяющий. Имеющий глаза да видит.

Хроника противостояния

Какие новости на подпольном фронте необъявленной этнической войны?

В своем интервью «Комсомольской правде» 09.08.2010 замначальника ГУВД Москвы Иван Глухов высказался оптимистически: «*Смеется.*» Ну, банды — это громко сказано. Появляются время от времени преступные группы, но их быстро ликвидируют. Вот пример: если помните, в начале года было очень много нападений на лиц азиатской внешности? Мы приняли меры и арестовали преступников, и все. Нападения прекратились».

Но статистика не дает особых оснований для веселья и оптимизма. С одной стороны, конечно, количество жертв в последние два года в целом заметно сократилось. Но с другой-то стороны, за счет чего такое сокращение? Снижение накала противостояния? Никак нет: физический отсев акторов (аресты, посадки). Вот цифры: за первые шесть месяцев 2010 г. по делам, отягченным проявлением национальной, расовой ненависти, было вынесено не менее 45 обвинительных приговоров против 159 человек — то есть уже больше, чем за весь 2008 г. (тогда было вынесено 35 приговоров против 118 человек). В том числе: 31 человек — на сроки до 10 лет; 2 человека — на сроки до 15 лет; 8 — на сроки до 20 лет; 3 — на сроки до 23 лет; 1 — на пожизненное заключение.

Среди осужденных есть закаленные бойцы: из 80 человек, получивших в 2010 г. реальные сроки заключения, как минимум шестеро к этому времени имели условные судимости, в том числе и за расистское насилие. Понятно, что им, сидя в тюрьме, вести прежним способом национально-освободительную борьбу не с руки. Должно пройти какое-то время, чтобы подросла сме-

на, появились новые партизаны взамен ушедших в МЛС.

Но ведь кто-то все же действует, продолжает действовать, пока первый, самый боевой эшелон сидит, не так ли? Поэтому не будем обольщаться лукавой цифрой временного снижения количества жертв. Взглянем лучше на общую тенденцию. А она такова.

В целом количество преступлений, совершенных в России на почве национальной ненависти и вражды, за последние 10 лет увеличилось почти в два раза, сообщил председатель Следственного комитета при прокуратуре РФ Александр Бастрыкин.

Важно отметить, как расширилась к нашим дням география русского сопротивления: в 2010 г. «процессы, в которых были вынесены обвинительные приговоры за расистское насилие, прошли в 22 регионах России, в некоторых из них — впервые. Так, в Брянске, где до сих пор, насколько нам известно, таких процессов не было, в первой половине 2010 года было вынесено сразу два приговора за расистское насилие. Первый такой процесс завершился и в Ульяновске: там за убийство по мотиву ненависти и серию других преступлений была осуждена группа “Simbirsk White Power” из 9 человек. В мае 2010 года обвинительный приговор был вынесен человеку, который планировал подрыв стены Новгородского Кремля во время празднования в городе “Танзейских дней Нового Времени”, чтобы “привлечь внимание к проблемам России и русского народа”. Он был приговорен к 5,5 года лишения свободы»¹⁴. И т.д.

В 2009 г., когда вышла моя статья «Русское подполье», в результате нападений и столкновений на почве ксенофобии погибли 82 человека, 326

пострадали, сообщается в докладе экспертной группы по проблемам антисемитизма, подготовленном еврейской общиной России. Это меньше, чем в «урожайном» 2008 г., но тоже немало.

За первое полугодие 2010 г. «от расистского и неонацистски мотивированного насилия пострадало не менее 167 человек, 19 из которых погибли». Плюс «за ксенофобную пропаганду (ст. 282) было вынесено 34 приговора против 43 человек».

Обращу внимание читателя: сами авторы цитируемого доклада не очень-то доверяют собственным цифрам: «Все более и более очевидным становится, что информация о подобных инцидентах часто просто не попадает в публичное пространство — и об инцидентах мы узнаем не в момент совершения преступления, а в момент вынесения приговора нападавшему».

Да ведь и год еще не кончился! К примеру, только в минувшем июле от расистски и неонацистски мотивированного насилия пострадало еще не менее 8 человек — в Москве, Подмоскowie, Владивостоке, Воронеже, Калужской области и Перми. Инциденты были зафиксированы в 34 регионах России. Четырежды (!) в течение того же июля пополнялся Федеральный список экстремистских материалов, расширившись на 64 пункта (до безумной цифры 686, превышающей пресловутый индекс запрещенных книг Ватикана!). И т.д.

Как говорится, цыплят по осени считают.

* * *

В виде отступления от главной темы замечу, что в этом году наметилась действительно новая и важная тенденция, которая не может не тревожить. А именно:

«Если уроженцы Центральной Азии традиционно лидируют в этой печальной статистике (не менее 9 убитых и 28 раненых), то уроженцы Кавказа, долгие годы занимавшие второе ме-

¹⁴ Здесь и ниже я пользуюсь материалами из доклада ИАЦ «Сова», подготовленным Г. Кожевниковой: «Проявления радикального национализма и противодействие ему в России в первой половине 2010 года».

сто в списке жертв, на этот раз занимают лишь четвертое место (2 убитых, 11 раненых), уступив представителям неформальной, в том числе и антифашистски настроенной, молодежи (3 убитых, 33 раненых) и темнокожим (1 убитый, 15 раненых)».

Что это значит? Это значит, увы, что целенаправленные усилия наших главных стратегических противников по смещению этнической войны из внешнего сектора во внутренний близки к успеху. Вместо того чтобы воевать с теми, кого глас народа именует «захватчиками» и «оккупантами» и против кого, собственно, общество ее призвало, русская молодежь ведется на внутреннюю войну — стенка на стенку — с таким же коренным населением России. На наших глазах растет угроза гражданской войны.

Авторы доклада комментируют это так: «Второе место “неформалов”, судя по всему, неслучайно. И даже при всех издержках нашего мониторинга, вероятно, в целом отражает рост напряженности в уличном противостоянии неонацистски и антифашистски настроенных группировок, о котором мы говорим уже несколько лет. Причем, как принято в нашей методике, эта статистика традиционно не включает жертв массовых драк. Более того, подавляющее большинство пострадавших в этой группе не являются “боевыми антифа” — это либо посетители концертов, которые неонацисты считают “антифашистскими”, либо люди, которых просто “приняли за антифа”, и т.д.».

Такой задвиг в русском движении вызывает у меня глубокое отвращение. Правится нам или нет, надо признать, что по каким-то, непонятным пока для меня соображениям в антифашистском движении немало русских ребят и девчат. Это противостоит, но это так. Следовательно, в этом явлении — «антифа» — надо тщательно, научно разобраться. А разобравшись, сделать правильные выводы и, отделив

овец от козлиц (т.е. русских «антифа» от нерусских), сосредоточить на первых всю силу нашей пропаганды. Оставив традиционные методы убеждения только для вторых.

Между тем тенденция скатывания к гражданской войне проявляется с каждым днем все более явно. Как отметили вовсе не дружественные нам авторы доклада: «Явно развивается стремление ультраправых к антигосударственному террору, особенно на волне все возрастающих антимилицейских настроений¹⁵... Подрывы стратегических объектов (как, например, подрыв железнодорожных путей и дрезины под Петербургом в феврале 2010 года), поджоги и подрывы милицейских участков (Пенза, Ростов-на-Дону). Всего за первые полгода было зафиксировано не менее 9 таких преступлений». И это не считая резонансных приморских партизан.

Ниже я подробнее остановлюсь на огромной опасности такого поворота. Здесь замечу лишь, что обострение «уличного противостояния» с «антифа» и антигосударственный террор есть два звена одной цепи, сковывающей нормальное русское национальное движение, лишаящее его перспектив.

* * *

Между тем вынужденное (в связи с репрессиями) сокращение убийств и ранений не привело к сокращению менее опасных для исполнителей проявлений тех же настроений. В частности, «остается активной, хотя и не растет количественно, деятельность вандалов, мотивированных религиозной, этниче-

¹⁵ Не могу не отметить, что рост антимилицейских настроений есть продукт двоякого происхождения. В основе, конечно, реальное поведение многих представителей милиции, но и роль либеральных антиправительственных СМИ — огромна. Правительство, выгораживая милицию и лично Нургалиева, делает гигантскую ошибку; либералы, разжигая ненависть к МВД, — гигантское преступление. Оба хороши...

ской или идеологической ненавистью. За первые 6 месяцев 2010 года нами было зафиксировано не менее 57 актов вандализма (за аналогичный период 2009 года — 53). При этом совершенно очевидно, что тенденция преобладания идеологически мотивированного вандализма не только сохраняется, но и развивается».

О том, что есть еще порох в пороховницах, свидетельствует и самый мощный за свою историю «Русский марш» 4 ноября 2009 года¹⁶, и московский митинг 25 апреля 2010 г. у памятника Грибоедову, в котором приняло участие свыше 400 человек из примерно 20 организаций, в основном ультра-националистических. Митингующие, собравшиеся по инициативе крайне правых организаций, таких как «Русский вердикт» Алексея Барановского, «Сопrotивление» Романа Зенцова и др., требовали отмены ст. 282 УК РФ.

Как считают эксперты «Совы», митинг проявил *главное значение* текущего момента: «Все без исключения участники митинга фактически присоединились к мнению организаторов, что преступники, осужденные за преступления ненависти, в том числе и серийные убийцы и террористы, являются политическими заключенными и “борцами против инородческой оккупации” России».

Казалось бы, что может значить такое невещественное, сугубо моральное действие? Подумаешь, высказали мнение!

На самом деле это действительно архиважно: неудержимое падение царского режима началось когда-то с того, что суд присяжных по моральным основаниям оправдал «террористку» Веру Засулич. Неудивительно, что наши либеральствующие грантоеды¹⁷

в шоке: они-то хорошо понимают, чем все теперь кончится.

И в самом деле: за теорией последовала практика. Как отмечают докладчики, на громком процессе по делу «Белых волков» — «неонацистской группы из 12 человек, обвиняемой в 11 убийствах и одном покушении на убийство», несмотря на все усилия крайне отрицательно настроенного судьи Эдуарда Чувашова, адвокаты из «Русского вердикта», действуя по оригинальной схеме и используя нетривиальные методы, добились успеха. «15 февраля 2010 г. коллегия присяжных вынесла вердикт, в соответствии с которым трое членов банды были оправданы полностью, остальные признаны виновными, но доказанными присяжные посчитали лишь пять эпизодов из двенадцати. Девять членов группировки, признанные виновными, были осуждены на сроки от 6,5 до 23 лет лишения свободы. Такой исход дела был безусловным успехом “Русского вердикта”. Фактически оно стало первым успешным процессом проекта». При этом ни один из подсудимых, даже те, кто не был осужден, не отказался в суде от своих взглядов и убеждений.

Пожалуй, после «дела Иванниковой» это первый громкий судебный успех русских националистов.

* * *

В данной связи нельзя не рассказать о том, что упомянутый выше судья Чувашов, заработавший в ходе процесса репутацию отпетого русофоба (но, очевидно, русский по происхождению), вскоре был застрелен. Я вижу тут прямую аналогию с переадресацией агрессии с инородцев — на «антифа», с иммигрантов — на русских милиционеров и т.д. Все эти факты укладываются в одну схему: кто-то планомерно и сознательно, используя тонкие настройки и тайную агентуру, перековывает русский протест из национально-освободительного движения — в социально-революционную

¹⁶ По самым скромным оценкам — не менее 7 тысяч человек.

¹⁷ Цитируемый мною доклад подготовлен на грант, выделенный российским правительством.

междоусобицу. Готовя тем самым нашему народу окончательную гибель.

Похоже, что противник, в отличие от русских национал-патриотов, штудирует мои труды с карандашом. Он знает, что борьба за национальные интересы и права в принципе не сочетается с социальной, классово-борьбой, раздирающей нацию. Он знает, что агрессию — мощнейший природный инстинкт — нельзя победить, уничтожить, но можно перенаправить. И усиленно действует в обоих направлениях, перенаправляя энергию национального сопротивления на социальные цели, провоцируя братоубийственную бойню в русском стане¹⁸.

Я убежден, что каждый сознательный националист должен препятствовать этой вражеской стратегии изо всех своих сил.

Ах, как хочется ворваться в городок!

В очередь, сукины дети, в очередь!
М. Булгаков. «Собачье сердце»

27 ноября 2009 г. поезд № 166 «Невский экспресс», следовавший из Москвы в Санкт-Петербург, сошел с рельсов в результате взрыва. Погибли 26 человек и около 90 получили ранения.

Следственный комитет при прокуратуре России предъявил обвинения в этом акте терроризма уроженцам Ингушетии: 10 жителям села Экажево, входящим в тейп Кхоартой и носящим фамилию Картоевы, а также их земляку Зелымхану Аушеву. Группа была

перехвачена подразделениями ФСБ в названном селе, в результате восемь боевиков убиты, десять задержаны. В доме, где они укрывались, было найдено большое количество оружия и боеприпасов. Была также обнаружена мастерская, где изготавливались самодельные взрывные устройства. В ходе ее осмотра «найденны вещественные доказательства, свидетельствующие о причастности бандгруппы Т. Картоева к подрыву “Невского экспресса” в 2009 году, а также технические средства, идентичные изъятым с места аналогичного теракта в Тверской области в 2007 году», — сообщает ФСБ.

Напомню, что за аналогичный подрыв того же «Невского экспресса» двумя годами ранее, в 2007 г., на скамье подсудимых оказались также жители Ингушетии Саламбек Дзахкиев и Макшарип Хидриев. Национальная специализация, можно сказать, проявилась вполне. Спор о том, кто лучше, чеченцы или ингуши, явно стал терять академический характер.

Интересно, однако, не это. К спору подключилась третья сторона.

Успешный теракт стал поводом для самопиара одновременно из двух углов ринга.

С одной стороны, очень скоро ответственность за столь популярное действие взяли на себя чеченские террористы во главе с Доку Умаровым. В их заявлении на сайте «Кавказ-центр» сообщалось, что поезд был подорван из-за того, что им «главным образом пользуются руководящие чиновники». Правда, МВД Чечни тут же назвало это заявление чеченских боевиков блефом и желанием лишний раз напомнить о себе.

С другой стороны, такую же ответственность, только еще поспешнее, взяли на себя представители русской ультраправой организации Combat18-Невоград. На сайте «Правые новости» они вывесили следующий текст как визитную карточку:

«Салют, товарищи по борьбе! Наше заявление будет лишь обозначени-

¹⁸ Собственно, перед нами не двух-, а трехходовка: сначала стрелку агрессии перебросили с евреев на кавказцев и азиатов, теперь уже с них — на русских ментов и чиновников. Все как по нотам! И вот уже известный нам эксперт МБПЧ Семен Чарный рапортует о достигнутой цели: «В 2009 году, как и в предыдущие годы, сохранялся “исключительно низкий уровень нападений на евреев и антисемитского вандализма”» (<http://www.newsru.com/russia/12jun2010/ks.html>).

ем нашей боевой независимой ячейки combat18 (далее С18) в городе на Неве. Мы абстрагируемся от официального центра в Москве (Кровь и Честь/С18 Москва) и будем вести независимые боевые действия на захваченной территории Ингерманландии. Формальности нам ни к чему. Никаких компромиссов, легальных путей, белых флагов. RaNoWa — это не толстая задница в кабинете политических проституток. С18 — это террористическая группа белых ребят, которая изначально занималась уличным насилием и террором в отношении врагов белой расы».

А далее на блоге некоего функционера ДПНИ от имени этой же группировки Combat1 было опубликовано: «Мы, боевая автономная группа Combat18, берем на себя ответственность за подрыв “Невского экспресса”. Дальше больше! Время пришло. Мы заявляем, что война затронет каждого обывателя, в этой войне нет безучастных и нет невинных жертв, есть только наши сторонники и наши враги».

Это заявление было живенько подхвачено и раскомментировано теми, кто сделал очернение русского движения своей профессией. Так, замдиректора информационно-аналитического центра «Сова» Галина Кожевникова, выразив сомнение в том, что именно С18 имеет отношение к подрыву «Невского экспресса», не преминула заодно подчеркнуть, что считает возможной причастность к данному теракту какой-либо другой русской националистической группировки. «В реальности взрывы, совершенные ультраправыми, уже исчисляются десятками. Если люди так долго шли к рельсовой войне, почему бы им что-то такое не совершить?» — мудро высказалась она. Напомнив при этом, что в 2007 г. два националиста — Владимир Власов и Михаил Клевачев — были осуждены за подрыв поезда Грозный–Москва 12 июня 2005 г. Тогда пострадали девять пассажиров, сошли с рельсов пять вагонов, было повреждено железнодорожное полотно; Власов и

Клевачев были осуждены за терроризм и покушение на убийство двух и более лиц по мотиву национальной ненависти — данный вполне прозрачный мотив был установлен судом.

Логика Кожевниковой по меньшей мере странна: почему русские националисты подрывают набитый чеченцами поезд, стремящийся в Москву, — понятно даже суду; почему ингушские боевики взрывают экспресс, набитый русским истеблишментом, — тоже всем понятно. Но зачем же путать роли? Впрочем, и это тоже понятно: походя мазнуть черной краской русских, навести тень на плетень — милое дело...

Не станут русские взрывать поезд с русскими. На данном этапе, по крайней мере. Так мне думается. Но вот пропигариться на таком подрыве они уже считают для себя допустимым.

Призрак гражданской войны становится все явственнее.

Во весь свой виртуальный рост он встал в ходе обсуждения приморских партизан.

Вглядимся поближе в опыт Приморья.

Шли лихие эскадроны приамурских партизан

Русский, в русского не стреляй!
Марина Струкова

Во время событий в Приморье я открыто заявил, что убийство русскими партизанами русских милиционеров, какими бы плохими они ни были, считаю огромной ошибкой, вредным действием, от которого можно ждать только большой народной беды. В ответ мне стали возмущенно писать, в том числе — старые товарищи по Движению:

— «Русский мент, издевающийся на русскими ребятами, действует в угоду сионо-фашистских оккупантов...»;

— «1. Для простого народа власть олицетворяют менты. Если он не может дотянуться до министра или гу-

бернатора, не говоря уж о президенте и премьере, то он начинает бить власть там, где контактирует с ней, — на улицах. Это, если угодно, толстовская “дубина народной войны”.

2. А война между чиновниками и народом, буде такая начнется, нам тоже не нужна? Может нам лучше сразу содохнуть, лишь бы войны не началось?

3. Отстрел ментов наиболее эффективен именно сейчас, когда в народе антimentsовские настроения наиболее сильны. Начни они валить чиновников, такого резонанса не было бы. А так — приморских партизан поддержал весь народ. ВЕСЬ.

4. Не Вы ли, Севастьянов, вещали нам о партизанской войне? Что же Вы теперь испугались?

СОВЕТ: не показывайте никому больше того, что прислали мне»;

— «Честно говоря, не ожидал я от тебя такого. Ты что, не понимаешь, что твой снобизм не от сильно большого ума, он давно уже оттолкнул от тебя значительную часть людей, и даже многие правильные слова, идущие от тебя, русские национальные слои не воспринимают, многие дистанцируются от тебя. Мне тебя жалко, так как ты остаешься один, а голова у тебя светлая и могла бы послужить делу русского возрождения, если бы не твой снобизм и попытка примерить на себя маску пророка-вещателя. Ты-то сам хоть дал путь, что и как делать? Я лично не встречал этого в твоих работах, может быть, пропустил?.. То, что ты написал сегодня, я думаю, оттолкнет от тебя последних соратников, которых ты потом тоже причислишь к идиотам».

И т.п.¹⁹

¹⁹ Хочу подчеркнуть, что первые упоминания о том, что приморские инсургенты могут иметь отношение к ультраправым, к националистам, появились на сайте одного из проектов «Северного братства», где они назывались «бойцами сопротивления» и «русскими бойцами». Для профессиональных провокаторов-«хомячков» такая информационная активность не удивительна. Но как могли клонуть

Пришлось отвечать, разъяснять.

1. Да, я предлагал, и не раз, Путь: как и что делать. И о партизанской войне я вещал. Но войны, в том числе партизанские, бывают либо национальными, этническими — либо социальными, гражданскими.

Я всегда считал и по-прежнему считаю, что шанса на социальную гражданскую войну, победоносную для русских, у нас сегодня нет. Не то время, не те люди, не те возможности и условия. Как бы ни хотелось кому-то пометать на эту тему.

Но даже и мечтать о гражданской войне вряд ли стоит. Ведь это всегда — большая, очень большая кровь, причем в основном — кровь невинная. Мне об этом мечтать не хочется. И мне кажется, что пока еще можно обойтись малой кровью, притом отнюдь не невинной. В гражданских войнах гибнет виноватый и правый; при индивидуальном терроре погибают лишь те, кому положено. В гражданской войне гибнут миллионы; для достижения тех же целей через террор достаточно нескольких десятков.

Я вовсе не пропагандирую террор. Я лишь разъясняю положение вещей, пытаюсь взвесить, что ныне положено историей на чаши весов. Ибо выбор между кровавым и бескровным исходом сегодня уже не стоит, и надеяться на это не надо: кровь пролилась в роковом 1993 г., она льется сегодня и будет литься еще до тех пор, пока в стране не наступит национальное примирение.

Выбор стоит только так: большая и невинная кровь — или малая и невинная. Очень надеюсь, чтобы эта простая мысль была понята всеми. И чтобы исторический выбор был сделан правильно.

Больше того, я считаю, что призрак

на эту дезу многие и многие? Сегодня установлено, что публиковавшиеся от имени группы тексты были написаны другими, и в довершение стало ясно, что информация об участии в группе Р. Муромцева была ложной.

большой гражданской войны, даже заведомо невозможной и проигрышной, только консолидирует различные властные группировки, заставляет кремлевские башни заключать между собой перемирия. А пока Кремль консолидирован, пока властные элиты между собой в союзе, у народа шансов нет.

И наоборот, относительное затишье на фронте борьбы с властью как таковой немедленно обостряет ее внутренние противоречия, ведя к гражданской войне... но — верхушечной, внутри-элитной. А вот это обстоятельство как раз нам очень на руку и реально может дать большой шанс добиться многих наших целей.

2. От подполья — к гражданской войне? Не дай бог!

Нам сегодня действительно не нужна война русских с русскими — ни с милиционерами, ни с чиновниками, ни с предпринимателями. Наша война, которую русские обречены вести, — этническая, не гражданская. Это нужно отчетливо понимать.

Когда вместо реального и притом, как на грех, нерусского врага нам подсовывают тупых, злых, корыстных и беспринципных русских чиновников и ментов и говорят: вот они, главные гады, их бейте! — это ведет к двум равно плохим последствиям.

Во-первых, уйдут от ответа, как обычно, истинные виновники нашей беды, подлинные заклятые враги русских, настоящие главные гады. Да еще и посмеются над русскими дурнями, которых в очередной раз обвели вокруг пальца.

Во-вторых, пострадают пусть плохие, но русские люди, усугубится национальный раскол, гражданская война вместо национального, этнического характера приобретет характер братоубийственный, внутринациональный. Ожесточится от угрозы весь государственный аппарат, и русские в итоге получат войну с ненадлежащим противником.

Кто сказал, что у милиционеров

(наемников) нет национальности? У русских милиционеров, как правило, русские папы и мамы, русские жены, русские дети, русские друзья-приятели и собутыльники. Какими бы многие милиционеры ни были гадами, но партизаны сделают сиротами этих русских детей, вдовами этих русских жен, отнимут сыновей у этих русских родителей. Сплотят милицейское сообщество (внутри которого у националистов еще недавно было очень много сочувствующих, но скоро, если так дело пойдет, не останется ни одного). А заодно — эфэсбэшное, прокурорское и судейское. Словом, сыграют на руку режиму, у которого пока еще достаточно денег, чтобы платить силовикам.

И вся информационная машина Кремля преподнесет партизан как братоубийц.

Сегодня большинство русских сочувствует, пусть молча, тем же скинам. Не осуждает. Не вмешивается. Потихому может и поддержать. А в таком случае они это сочувствие потеряют, и эта потеря всему движению будет слишком дорого стоить. И винить в этом придется только самих себя.

Если в результате такого развития событий русский народ и русская (а она такая в большинстве) милиция начнут войну между собой, это не даст ничего, кроме взаимного истребления. Как раз то, что нашим врагам и нужно! Русские просто перебьют друг друга, причем самых смелых и сильных с обеих сторон, а им даже и ручки пачкать не придется. Мечта! Или кто-то думает, что милиция перейдет на сторону народа, который начал ее истреблять? А прокурорские? Судейские? Нет, будет расти только взаимное ожесточение и месть, сведение счетов. Этот путь — тупиковый.

У Кремля хватит денег, чтобы платить ментам и вести войну с народом до последнего русского. А не хватит — так Запад поможет, мировой Сион.

Глупо уничтожать слуг, а хозяина при этом даже пальцем не трогать.

На место уничтоженных прежний хозяин тут же наймет новых, неужели не ясно.

3. Кого-то возмущает власть кучки инородцев? Прекрасно, меня тоже! Но бороться эти революционеры призывают почему-то не с ней, а с русскими наемниками, которые сегодня служат этой кучке, но завтра, в случае нашего прихода во власть, точно так же служили бы нам²⁰.

А между тем, как показала практика, приморские партизаны — это практически те же смертники, варианта выжить у них не было, а значит, они могли бы, зная это и не оглядываясь на мелкие цели, сразу разменять себя не из расчета ферзь на пешку (любой смертник-камикадзе — это ферзь, фигура редкая и сильная), а по крайней мере ферзь на ферзя. А в итоге — «кучку на кучку». И поставленная задача была бы решена. А что произошло вместо этого? Разменяли шестерых героев на пару мелких, мельчайших даже наемных слуг режима? Умно! Что тут скажешь, кроме простого русского мата?! Где же логика? В любом боевике герой мочит подобных слуг (обычно в черном) десятками, а сам остается невредим, пока не доберется до главного гада: закон жанра. А тут?

²⁰ Оцените, к примеру, тон свеженького сообщения от русского имформресурса <http://ruscenter.info>: «В волгоградской больнице партизанами (!) застрелен генерал ФСИН, руководивший местной колонией. Сегодня около 11 часов утра близ больницы №12 в Краснооктябрьском районе Волгограда из пистолета застрелен бывший начальник Управления ГУФСИН России по Омской области генерал-майор Папичев Николай Васильевич (видимо, русский. — А.С.). Как сообщили ИА «Высота 102» в правоохранительных органах, убийца выстрелил в голову генералу. Еще несколько пуль попали в туловище. Всего насчитано порядка пяти огнестрельных ранений». Явная месть, стреляли с чувством! И рассказано со смаком! Хотя стрелять могли и настоящие бандиты.

Я думаю, что если в действиях социального протеста отсутствует национальный акцент, они для русского категорически недопустимы. Предположим, о тех же приморцах прошла бы информация, что ими наказан грузинский вор в законе, или ингушский подрывник... Совсем другой был бы информационный шлейф, другое политическое послевкусие!

Русский партизан не должен мыслить и поступать, как блатной отморозок, для которого дело воровской доблести — «завалить мента». Он делает свой выбор как политически сознательный человек, а не под воздействием эмоций и жажды мести.

Вот такие аргументы я высказал в Интернете.

* * *

В произошедшем есть еще один очень важный момент, на который я могу отреагировать только сегодня, получив кое-какую информацию.

По отзывам в Интернете и СМИ получается, что чуть ли не весь народ — более 90% — поддержал партизан, во всяком случае морально. Не потому, что они так хорошо поступили, а потому, что режим всех достал до предела.

Когда соответствующие службы донесли властям о *такой* реакции общества на события в Приморье, в Кремле началась настоящая паника. Там и раньше подозревали, что их не слишком обожают в народе, но не знали, что почти все ненавидят, и притом настолько! Это вызвало шок.

Как оценить этот факт с точки зрения политтехнологии? Кто в выигрыше?

Хорошо ли для народа, что Кремль шокирован и напуган? Наверное, хорошо. Быть может, верхи начнут хоть немного оглядываться на людей.

Хорошо ли для нас, русских националистов, что Кремль шокирован и напуган? Продвинуло ли нас хоть чуть-чуть к нашим целям? Нет, нисколько.

Надо твердо знать и помнить: национальное и социальное нельзя смешивать.

вать и путать. Это разные зоны влияния, разнонаправленные доктрины, конкурирующие проекты.

Именно потому, что в действиях партизан отсутствовал национальный акцент, но было много социального, политические дивиденды от их порыва достанутся теперь кому угодно — Зюганову, Лимонову, Немцову (то есть реваншистам всех мастей от коммунистов до либералов-ельциноидов) — но только не нам.

А ведь если террор и может быть ценен, то в первую очередь именно политическими последствиями. Кто же и с какой стати предложит националистам после подобных деяний сесть за стол переговоров? Кто и с какой стати попросит у нас совета, начнет политический торг?

Нечего и мечтать.

Но все дело-то в том, что кроме нас о Русском национальном государстве не говорит никто — ни Зюганов, ни Лимонов, ни Немцов. Эта идея им чужда и враждебна. И строить его никто, кроме нас, не станет. И доверить мы это никому не можем. Как и снять с себя этот долг.

Это значит, что успех любой другой политической силы в России есть наш провал, отодвигающий нас от власти и отдаляющий осуществление русской мечты.

Так поддержать или осудить должны были мы, русские националисты, приморские партизанские инициативы?

Осудить. Пусть и скрепя сердце.

Где сердце спрута?

*Бессильный и неумелый,
Опустит он слабые руки,
Не зная, где сердце спрута
И есть ли у спрута сердце.*

А. и Б. Стругацкие.

«Трудно быть богом»

Приведу пример того, как выглядят порой верхки и корешки тех явлений, что мешают нам нормально жить.

Россию усиленно наштаповывают цветным контингентом, набранным со всего мира. В связи с чем хочу представить читателям живую картинку.

Часть детства и юности я прожил в Калининграде (бывшем Кенигсберге), городе лихом и романтическом. И будучи еще школьником, неплохо выиграв на бильярде, пошел поужинать в кабак, где застал дикую драку местных шлюх. Они таскали друг за друга за крашенные волосы, царапались ногтями, плевались друг в друга кровавыми слюнями, норовили пнуть в живот туплей-шпилькой, раскровянили физиономию легавому, пытавшемуся их утихомирить, словом — все по полной программе. Эпизод запомнился.

А тут вот как-то недавно иду я от театра Гоголя мимо Землеустроительного института к туннелю, ведущему в Курское метро, по неширокому проходу, уставленному пивными и всяческими киосками, и что же вижу? Четыре молодые негритянки, черные, как голенище, осыпая друг друга нещадной бранью на каком-то своем непонятном языке (не на французском или английском, как это делают жители более-менее приличных бывших африканских колоний), буквально клубком катаются, вцепившись друг другу кто во что. Одна другую лупцует по голове зонтиком, та отвечает пивной бутылкой, пинаются ногами, плюются кровавыми слюнями, дерут друг друга за войлочные «дреды»-косицы, пытаются ногтем ткнуть в глаз, раскорячать мордуленцию — словом, все как следует. Ярость натуральная, африканская: налитые кровью остервенелые зенки, раздутые ноздри, оскаленные зубы, движения молниеносные, как у разъяренных пантер, крик стоит до небес!

Вот тебе раз, подумалось мне, неужто в стране своих позорных девок не стало, что теперь из Африки приходится завозить?! А кругом люди стоят, любуются, болеют, переживают, причем некоторые — завсегда и с их мест, явно знакомые с комбатантка-

ми. Долго ли, коротко — клубок укатился, развалился, черные девушки, ругаясь непонятно, пошли довыяснять отношения куда-то в другое место, а я возьми да и спроси: что это, мол, тут за чудо в перьях? Оказалось — студентки. Студентки! С чем вас, мой читатель-гуманист, и поздравляю.

Подобных черненьких студентов, чьи лица отличаются таким выражением интеллекта, что хоть сейчас на нары отправляй без суда и следствия, я частенько стал встречать у себя в Коломенском, излюбленной вотчине московских великих князей. Да и вообще в Москве, где до 1991 г. встретить негра было событием, теперь в метро не проедешь, чтобы тебя не осчастливила подобная встреча.

Некоторые мигранты, понятное дело, едут к нам из тех стран, что поближе, в надежде заработать и послать домой денег. От них нам тоже радости мало. Но откуда и зачем в России всяческие цветные беженцы, иммигранты, «студенты» и прочее тому подобное благословение небес из стран Черной Африки? Их ведь явно присылают специально, завозят централизованно. Кто их сюда направляет? Зачем нужно все это нам, русским? Таких вопросов никто не задает.

1. Еще в 1998 г. мне удалось побывать на сессии непростой организации: Независимого научно-консультативного Совета стран СНГ и Балтии по миграции. В специальном «Положении» разъяснялось, что его «деятельность по достижению специфических целей» (каких — не указано) предусматривает «научную экспертизу миграционного законодательства и государственных миграционных программ по отдельным странам с точки зрения их соответствия правам человека и конституционным гарантиям». Кто стоял за этой респектабельной вешской? В состав Научно-консультативного Совета входили ученые и общественные деятели пятнадцати бывших советских республик. Это нормально.

Но вот что касается Международного наблюдательного совета, то в нем было семь человек только иностранцев, причем пятеро — из США. Характерны имена: А. Блум, Х. Злотник, Д. Азраэл, Б. Рубл и пр. Председатель А. Хелтон представлял небезызвестный соросовский Институт «Открытое общество»...

Подобные люди и сегодня держат процесс под контролем и предписывают России, как ей строить свое миграционное законодательство, сопрягают ее миграционную политику с интересами мирового сообщества.

Помимо вышеназванного Совета, за соблюдением прав мигрантов, особенно цветных, в России специально надзирает Региональное представительство Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев. А также специализированная общественная организация «Этилибр солидарность». Недавно в Москве появилась еще одна контора, занимающаяся систематическим сбором информации о расистских проявлениях в отношении темнокожих, — Moscow Protestant Chaplaincy. И т.д. Подобные организации множатся, одни сменяются другими, работа идет непрерывно и только в одном направлении: заселить Россию мигрантами, побольше и побыстрее, желательно цветными, чтобы их присутствие непрерывно фрустрировало хозяев страны, напоминая о том, что они тут больше не хозяева. Не находя законного исхода, фрустрация либо прорвется эксцессами, вызвав встречную волну репрессий, в т.ч. международных санкций, либо просто войдет в привычку, невротизировав массы.

Опорные фигуры в России для мигрантодателей с Запада — российские инородцы. Разве можно считать случайным тот факт, к примеру, что разработчиками «Концепции государственной политики России в отношении миграции» оказались Эмиль Абрамович Паин и Владимир Изевич Мукомель? Представляя ее на одном

из форумов Федеральной миграционной службы, Мукомель признался, не без лукавства, что разработчики принципиально избегали «каких-либо приоритетов». Мне пришлось возразить с трибуны, что без приоритетов любая концепция теряет смысл, ибо приоритеты бывают взаимоисключающими. К примеру, имели ли право албанцы селиться в Косово? С точки зрения Декларации прав человека — безусловно «да». С точки зрения Югославии как государства и сербов как государствообразующего народа — безусловно «нет»: мы видим, чем кончилось это заселение... И т.д. Разве разработчики этого не понимали?

Или взять популярного демографа той же национальности, Анатолия Григорьевича Вишневого, многие годы изо всех сил убеждающего всех, что наше единственное спасение от демографической катастрофы — это миграционный завоз... Не стоит думать, что он на самом деле не знает, что такое лекарство куда страшнее болезни.

Не сами по себе появляются на московских, питерских, воронежских (и всех прочих) улицах в статистическом мильейши чернокожие «студенты» с ухватками блатной публики. Их направляют к нам премудрые люди с авторучками, уверенные в том, что за свою нужную, важную и благородную работу они получают не пулю в затылок, не нож в брюхо или хотя бы кулак в глаз, а деньги и власть.

Как же нам быть и что же делать с этой пятой колонной, разрушающей нашу русскую страну и нашу русскую мечту?

С одной стороны, подобных агентов влияния, работающих не за страх (и даже не за деньги), а за совесть, немало²¹. Напор Запада, диктующего нам их

устами свои принципы миграционной политики, не ослабевает, пропаганда этих принципов ведется в России постоянно всеми способами.

Решать свои проблемы за наш счет — это неизменная в долгих веках установка Европы и США. Западные элиты можно понять: им так нужно, они исходят из своих интересов. Им некуда бежать из несчастных, гибнущих европейских стран, испорченных по их собственной вине, поэтому они все чаще обращают взоры к огромной России, способной вместить колоссальные миграционные потоки с Юга и Востока, чтобы разгрузить Запад. И надо сказать, им это уже вполне успешно удается. Международная организация миграции (МОМ) довольна Россией: для 192 миллионов мигрантов мира Россия, принявшая 8% всей мигрантской массы, т.е. 15,4 млн. чел.²² — вторая по популярности страна после США, куда внедрилось 20% всех мигрантов. Они довольны...

Но нам-то это зачем?!

С другой стороны, подобных агентов и не так уж много, при желании их всех до единого можно было бы выявить и назвать поименно. Включая высокопоставленных чиновников Федеральной миграционной службы. На моей памяти еще не было случая, чтобы кто-то, гласно или негласно, предъявил этим, многое решающим, господам нечто вроде ультиматума. Чтобы кто-то сделал им предложение, от которого они не смогли бы отказаться. Чтобы кто-то заставил их усомниться в своей безнаказанности.

Я привел пример из области наиболее наглядной и раздражающей, аллергенной.

зета, 2002); см. также: <http://www.sevastianov.ru/broshyury/itogi-xx-veka-dlya-rossii.html>

²² http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_4118000/4118268.stm. В докладе генсека ООН чуть другая цифра: 12 миллионов (http://top.rbc.ru/index.shtml?/news/society/2006/04/03/03161831_bod.shtml).

²¹ Обширный материал, раскрывающий, кто, зачем, почему и в каком направлении рулит мировыми миграционными процессами, читатель найдет в моей брошюре «Итоги XX века для России» (М.: Вестник, 2000; Национальная га-

Такие же примеры можно привести из каждой области, где политика властей вступает в противоречие с русскими правами и интересами.

Хочешь справиться со спрутом? Найди, где у него сердце.

Подполье есть и будет есть

Основным тезисом моей статьи-предшественницы было признание факта существования русского национал-патриотического подполья.

Естественно, первый вопрос, напрашивающийся через полтора года: продолжает ли оно существовать после того катка репрессий, что прокатился по нему в 2008–2010 гг.?

Ответ не оставляет сомнений: да.

Вот только несколько фактов и фактиков.

Убийство судьи Эдуарда Чувашова выстрелами в грудь и голову при выходе из своей квартиры на лестничной площадке. Как верно отмечают наблюдатели, убийство носит «демонстративный характер». Судье не раз угрожали, а на интернет-форумах националисты призывали своих сторонников расправиться с судьей, поскольку он всегда выносил им строгие приговоры. Отмечу, что полностью ликвидировать русскую националистическую группу «Белые волки», обвинительный вердикт которой вынес напоследок Чувашов, следователям так и не удалось, поскольку остались не установлены личности пятерых ее членов. Поэтому вариант возмездия исключить никак невозможно. Конечно, на судью могли «иметь зуб» и другие правонарушители. Но кто бы это ни сделал, это почерк подполья.

Попытка организовать всероссийский «День гнева» 5 мая с.г. в память лидера группы «Русская воля» Максима Базылева (Адольфа), который в свое время принимал участие в организации погромов на рынках в Ясенево и Царицыне, а примерно полтора года тому назад погиб при странных обстоятельствах в милицейском изо-

ляторе на Петровке²³. По информации «Московского комсомольца», соратники погибшего призывали: «Убивайте, взрывайте, уничтожайте, крушите, избивайте, калечьте, пишите на стенах призывы, делайте все что угодно, что вы посчитаете нужным, но ради соратников не бездействуйте!!!.. Эти твари у нас недавно отняли одного, а мы за это в один день отнимем тысячи! У нас есть ровно 40 дней, чтобы наточить ножи, выкопать и достать оружие, сделать как можно больше самодельных взрывных устройств, приготовить коктейли Молотова, подготовиться морально и выступить единым флангом за всех соратников! И не надо задумываться о своем будущем... Россия будет Русской или безлюдной!». Одновременно рассылалась инструкция, как нужно выбирать оружие и одежду, как себя вести при задержании и как его избежать. Как прятаться, если тебя объявили в розыск, в каком составе выходить на акцию... По словам авторов послания, это пособие написал Базылев. «Его соратники хотят вывести на улицы всех правых националистов, футбольных фанатов, казаков, “одинок-

²³ Базылев начинал в группе «скинс легион», в 2000 г. организация частично вошла в «Славянский союз», откуда Адольф перешел в НСО (Национал-социалистическое общество) Дмитрия Румянцева, где стал редактором газеты «Русская воля» и создал фонд поддержки русских военнопленных. Его называли «идеологом террора», так как им написано много пособий, в том числе и о том, как вести себя на допросе. Вместе с ним в изоляторе находился его подельник 21-летний студент Высшей школы экономики Роман Железнов (Зухель). Оба входили в группу некоего Льва Молоткова (тоже члена НСО) и проходили в качестве обвиняемых по делу сергиево-посадской и пушкинской националистических группировок. При задержании группы было оказано сопротивление и тяжело ранен сотрудник ФСБ. В квартире были изъяты ножи, гранаты, обрезы и большое количество взрывчатки.

чек автономов и другие НАЦ проекты и группировки”, чтобы таким образом почтить память всех убитых скинхедов и других наци», — повествует «МК»²⁴.

Акция состоялась, хоть и не в том объеме, который планировался, поскольку милиция провела свои контрмеры. Тем не менее это была вполне откровенная попытка подполья выйти наружу, показавшая, что оно есть и действует.

Еще более яркий пример, подтверждающий неистребимость русского подполья, обнаружился в колыбели всех наших революций — Санкт-Петербурге. Здесь в феврале с.г. задержаны четыре члена националистической группировки «Национал-социализм—Белая сила—Невоград» (NS—WP—Невоград). Им инкриминируется солидный букет: взрыв на автобусной остановке на Заневском проспекте, убийство 25-летнего гражданина Ганы Соломона Аттенго Гваджо, причастность к подрыву железной дороги на перегоне Броневая—Лигово, в результате которого легкие ранения получил машинист дрезины. Двоих из них считают причастными к серии более чем из 10 взрывов в местах, где проживали или работали выходцы с Северного Кавказа и из Средней Азии. Все четверо, как пишут СМИ, активно общались через Интернет с другими членами правых радикальных группировок в разных регионах страны. Это, кстати, настолько зримо подтверждает всероссийский размах и сетевой характер русского подполья, что перечень примеров можно прекратить.

Задержанных также называют членами группы «Славянский союз Варяг», выделившейся в свое время из РНЕ, запрещенного судом.

Это обстоятельство наводит на очень важные соображения о принципиальной неистребимости русского подполья. Ведь оно, если так можно

выразиться, «размножается делением».

Сегодня, «раздавив» (т.е. просто запретив по суду и вынеся условный приговор фюреру Дмитрию Румянцеву) Национал-социалистическое общество (НСО) и уготовав такую же участь Славянскому союзу (СС) и его лидеру Дмитрию Демушкину, наши доблестные правоохранители и чуть менее доблестные правозащитники потирают руки.

Зря. Разогнанный ими контингент не исчез с лица земли и не переменял убеждений. По экспертной оценке, в стране насчитывается порядка 70 тысяч человек, причисляющих себя к скинхедам, и 15 тысяч участников национал-радикальных организаций. Оставшись без центров и лидеров, эти люди преобразуются в меньшие, зато многочисленные и неуловимые группы со своими микролидерами, станут самостоятельными ячейками русского подполья. Как это уже происходило и происходит при расколах и делениях тех или иных структур. Того же РНЕ (см. выше) или «Памяти», породившей РНЕ и ДПНИ. Или взять НСО: Максим (Тесак) Марцинкевич, отколовшись в свое время от Румянцева, создал подпольную копию американской расистской организации «Ку-клукс-клан» (в результате был приговорен к трем с половиной годам лишения свободы за «деяния, направленные на разжигание национальной вражды, а также унижение человеческой чести и достоинства»). И т.д.

На очереди под угрозой, после формально ликвидированных НСО и СС, стоит ДПНИ. Но можно не сомневаться: даже если Движение запретят по суду, из его пепла возникнут другие организации.

Русское подполье уже не уничтожить, русское движение уже не остановить.

Свято место пусто не будет.

Племя младое, незнакомое

Что собой представляет русское подполье? Из какого теста слеплено? Как меняется со временем? Каков его мейнстрим?

Я лично в эти закрытые круги не вхож, да и не стремлюсь к тому по принципиальным соображениям (каждый солдат должен знать свой маневр). Но интерес питаю и информацию отслеживаю.

К примеру, «Новая газета», главный орган либеральной оппозиции, разместила в № 4 от 18.01.2010 г. статью Сергея Соколова «Как их брали»²⁵, где рассказ о Никите Тихонове и Евгении Хасис, подозреваемых в убийстве Станислава Маркелова и Анастасии Бабуровой, завершается весьма ценными наблюдениями и обобщениями.

Для начала журналист рисует Никиту как «хорошо подготовленного боевика, специально изучавшего криминалистику, следственное дело, теорию и практику тайных организаций от ассасинов и народовольцев до боевиков Хусейна», на квартире которого хранилось «сумасшедшее количество оружия и боеприпасов», а также «поддельные документы с фотографией Тихонова, выполненные не просто в хорошей полиграфии, а в безупречно профессиональной», который и на прогулку-то шел с двумя стволами сразу.

Это ново для нас, не правда ли? Где же сапоги, черная форма, борода? Хоругвь, склянка со святой водой? Либо кастеты и ножи, бомберы, водка? Нам-то ведь все по старинке рисовали каких-то «погромщиков», не то охотников начала XX века, не то шпану с фабричных окраин, ими пытались пугать... Ан нет, здесь стиль другой. Зорко, мастерски, пусть и не всегда точно, итожит Соколов свой материал:

«Исходя из того, что стало известно «Новой», имеет смысл вообще пере-

смотреть представления о фашистском подполье и разрушить устоявшиеся в общественном сознании мифы.

Первый миф: русские фашисты — это бритые наголо малолетние придурки-пэтэушники в говнодавах и бомберах, нападающие на гастарбайтеров. Такие есть. Но это просто бритые наголо малолетние придурки: без особой идеологии, без целей и без мозгов. Они по существу те же самые обычные гопники²⁶. Среди настоящих фашистов-подпольщиков большинство — молодые (под 30) люди с высоким, как правило гуманитарным, образованием: очень много журналистов (как Хасис), историков (как Тихонов), успешные политпиарщики, политологи, социологи... Есть и те, кто имел опыт боевых действий в Чечне. Они изучают опыт подпольных организаций прошлого (структуру, методы конспирации, технологию совершения террористических актов)²⁷, криминалистику,

²⁶ Этого взгляда я не разделяю; см. ниже.

²⁷ В Интернете сегодня обращается немало интересных материалов, в том числе инструктивного характера, например: Учебник добровольцев Ирландской республиканской армии (<http://zarubezhom.com/irland.htm>); Сущность партизанской борьбы (<http://militera.lib.ru/science/guevara/01.html>); Партизанская война (<http://militera.lib.ru/science/guevara/index.html>); *Симсон Гарфинкель*. Сопrotивление без лидера (сокращенный перевод с английского Константина Орехова, <http://www.ateney.ru/LeaderlessR.htm>; оригинальный текст здесь: <http://www.louisbeam.com/leaderless.htm>). А если вы заглянете на сайт «Русское дело» (<http://www.russkoedelo.org/deistvie/underground/>), то в разделе «Русское действие», предназначенном «в помощь всем будущим мстителям Народа Русского», в рубрике «Партизанская борьба» вы найдете следующие: 1) Распредоточенное сопротивление (http://www.russkoedelo.org/novosti/arch..._08_2004_RA); 2) 18 советов белому воину (http://www.russkoedelo.org/deistvie/und..._ctions.php); 3) Эрнесто Че Гевара. Партизанская война.

²⁵ Читатель может найти ее здесь: <http://www.novayagazeta.ru/data/2010/004/01.html>

холодное и огнестрельное оружие, усиленно занимаются специальной физподготовкой... У них нет проблем с гормонами и дурным воспитанием, они знают, что и зачем делают.

Миф второй. Русские фашисты помещаны на православии и русофилии, а главный враг для них — инородец, придерживающийся другой веры. На самом деле среди российских фашистов можно найти и грузин, и татар, и евреев. На самом деле православие значимо в их среде, но не более чем язычество. (Тихонов, например, родновер.) На самом деле убийства “зверьков” (то есть африканцев, кавказцев, среднеазиатов — по их терминологии) для них — либо пиар-акция, либо способ привлечь сторонников из числа тех самых малолетних придурков. “Зверьки” — не люди, их жизнь, как и смерть, не имеет значения для достижения настоящей цели — создания своего государства и своего общества, состоящего из сверхлюдей...

Для российских фашистов основные враги: журналисты, адвокаты, правозащитники и общественные деятели, антифашисты, сотрудники правоохранительных органов и спецслужб, бизнесмены и государственные чиновники, которые, по их мнению, так или иначе мешают созданию “настоящей России”.

Соответственно избрана тактика — индивидуальный террор. “Враги России” классифицируются по категориям, собираются данные об их образе жизни, месте жительства, друзьях, знакомых и родственниках, иногда устанавливается слежка (если принято решение “устранить”), выбираются приоритетные фигуры для громких

публичных казней. Как Станислав Маркелов и Анастасия Бабурова²⁸, как антифашист Иван Хуторской.

Под прикрытием легальных “патриотических” организаций (как тот же “Русский образ”, журнал которого редактировал Никита Тихонов) создаются подпольные боевые организации. И “легальные патриоты”, общаясь с подпольщиками ежедневно, не знают, например, что финансирование боевых организаций даже не на порядок, а на несколько порядков серьезнее, чем жалкие крохи, отпущенные на публичные мероприятия, журналы и листовки. На конспиративной квартире Тихонова и Хасис, например, нашли несколько десятков тысяч евро.

Члены боевых организаций фашистов прошли хорошую спецподготовку, не испытывают недостатка в оружии и средствах, они многочисленны и хорошо законспирированы, у них достаточно поддельных документов, хорошо налажены связи во властных структурах, СМИ и правоохранительных органах. В их составе есть и элитные бойцы, которые целенаправленно готовят себя к физическому уничтожению “врагов России”. Таких, как Никита Тихонов, только в Москве человек 10. И массовые аресты последнего времени серьезно не ослабили эти боевые организации, о которых, как оказалось, спецслужбам толком ничего не известно».

Блестяще нарисованный групповой портрет! — вот все, что я могу сказать. Насколько он соответствует оригиналу? И что, вообще, перед нами: зарисовка с натуры — или инструкция, руководство к действию? Мне трудно судить. Возможно, и то и другое.

Точно такое же впечатление — не то доноса, не то инструкции — оставляет наблюдение высокоученного исследователя экстремизма В. Ильюшен-

Полезное полевое руководство; 4) *К. Ш.* Эскадроны смерти: хозяева в своем доме. Поучительный опыт борьбы патриотов Латинской Америки; 5) *Рекс Ферал.* HITMAN (Наемный устранитель). Руководство к устраниению людей (на английском языке) и мн. др.: изучай — не хочу.

²⁸ С Бабуровой автор не угадал: даже обвинение признало, что ее сверхплановая гибель — всего лишь «эксцесс исполнителя».

ко: «В настоящее время можно прямо указать на значительную активизацию деятельности как молодежных боевых групп, так и боевых террористических организаций (БТО). Можно также обоснованно предположить, что в дальнейшем члены БТО будут выбирать наиболее резонансные методы политических провокаций террористического толка — убийство наиболее известных в демократической, либеральной, антифашистской среде лиц, совершение дерзких демонстративных актов терроризма, призванных посеять страх и панику у населения, а также существенно дестабилизировать социальную и политическую ситуацию. Кроме того, участниками БТО будут осуществляться различного рода провокации, направленные на обострение межнациональных и межрасовых противоречий и конфликтов. <...> Важно отметить, что все противоправные акции члены таких групп будут стараться не только просто продекларировать, но и осуществить на практике. Однако уровень планирования, подготовки и, главное, уровень осуществления этих акций будет на порядок выше действий сотен разрозненных и аморфных политических объединений радикально-экстремистского толка (например, классических скинхедов-неонацистов). Кроме того, деятельность участников БТО будет усилена общим фанатизмом участников групп, их демонстративным пренебрежением к ценности чужой и своей жизни»²⁹.

Что ж, поживем — увидим. Возможно даже, что какие-либо из особо законспирированных бригад поблагодарят вас, г-н Ильюшенко, за добрый совет. Вашими, как говорится, грантоедскими устами... Но все дело в том, что ни отследить, ни предсказать ни регион, ни локус, где сработает в очередной раз нарисованная вами схема, невозможно.

Как известно, сегодня русское движение есть сеть, многие ячейки которой ничем не связаны и даже не подозревают о существовании друг друга. Если не считать главного: общей цели, которой все служат истово, кому как бог на душу положит. Такой целью, как верно отметил Соколов, является создание Русского национального государства. И поскольку цель одна, то в отдельные моменты ячейки сети начинают играть слаженно и «в одну кассу», как хорошо сыгравшиеся музыканты, которым уже не нужен дирижер.

Вот пример: не успели отгреметь выстрелы на Пречистенке, как в редакцию все той же «Новой газеты» пришло такое электронное письмо:

«19 января в центре Москвы были уничтожены одиозные враги русской нации Станислав Маркелов и Анастасия Бабурова. Прошлогодняя смерть антифашистского лидера Федора Филатова и данная январская акция являются нашим последним предупреждением всем антирусским правозащитникам, журналистам, антифашистам, ментам и чиновникам. <...> В противном случае полетит еще больше голов. Отныне никто из врагов русской нации не находится в безопасности».

И подпись — «Боевая организация Русских националистов (БОРН)».

По общему мнению, БОРН — вполне мифическая организация, от имени которой периодически вещают те, кому это почему-либо удобно. Акт может совершить одна группа или вовсе одиночка, а провещает нечто на сей счет — другая, от имени БОРНА. В каком-то смысле участники русского движения все вместе — это и есть БОРН, даже те, кто никогда в жизни не держал в руках оружия.

Централизованного подполья нет в реальности, но оно есть в виртуале: центром является Интернет как таковой.

Это очень удобно на данном этапе. С одной стороны, никто никем не командует, никого не координирует.

²⁹ Беликов С. Наци-боевики. М., 2008. С. 39–40.

С другой — кто-то все время выражает общее мнение, участвует в выработке вектора движения, в создании равнодействующей.

К примеру, вот всеми заинтересованными лицами изученное выступление ушедшего в бега Владимира Басманова (одного из братьев Поткиных), координатора ДПНИ. Оно и названо характерно: «Все, чего добились силовики РФ — это роста моей ненависти к системе. *Интервью из подполья*».

Басманов пишет, инструктируя:

«Исходные положения такие. Страну превратили в Гондурас, где правит “хунта генерала Мумбы”. Хунта завозит миллионы иностранцев для растворения коренного населения. Вероятно, это делается по причине выполнения договоренности с какими-то зарубежными компаньонами, вероятно, даже не государственного уровня (по тем же причинам, почему идет завоз и в западные белые страны). Недавно Путин прямо сказал, что политика завоза мигрантов будет продолжена несмотря ни на что. Обязательства перед Западом все выполняются — территория контролируется, ресурсы поставляются, националисты к власти не допускаются. Все, кто внизу — это рабы “папаши Дювалье”, центры “Э”. Как выразился про население страны один из идеологов правящей партии — “население России — это не быдло, это звероподобная масса”. Внутренние войска, которые сейчас, в отличие от армии, вооружают и укрепляют, — это тонтон-макуты, жандармы правящего режима Гондураса. Ситуация мало чем отличается в РФ от Кубы времен Батисты. Такой режим может пасть в одночасье, найдутся свои Че Гевары, а может существовать 50 лет, как на Гаити. В общем, ситуация непростая.

Нужно четко разграничить внутри себя тех, кто готов драться за свои идеалы. Тех, кто идеалы поддерживает, но не готов активно их отстаивать. И тех, кто поддерживает, но предпочитает делать это со стороны. О тех,

кому вообще лишь бы пожрать да поспать, — речи вообще не идет. Первые и вторые — должны осознать свою отдельность и особость от остальных русских. Внутри своего круга — братья не на словах, а на деле, вне — десять раз подумаем. Четкая граница. Быть в первом круге должно быть модным и позитивным»³⁰.

Никто и никогда не сможет отследить, какие последствия вызовет подобный текст — «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Но одно ясно: оно-таки отзовется, последствия будут. Не в одной ячейке, так в другой. И так с любым текстом, написанным неглупо и вывешенным в Интернете. Интернет — сеть для сети...

Но вернемся к портрету русского подпольщика.

В отличие от журналиста из «Новой газеты» я не считаю, что русское подполье нынче состоит лишь из высоколобых интеллектуалов, вооруженных по последнему слову террористической науки. И у меня нет снобизма по отношению к несовершеннолетним бритоголовым ребятам, которые, если верить социологии, составляют все же основную опору, социальную базу экстремизма в России. Возможно, у них есть свои недостатки, по простоте душевной, но есть и достоинства, в первую очередь — чистый, не замутненный этнический инстинкт, который уже в ранней юности приводит их к убеждениям, до которых многие люди моего поколения, воспитанные в принудительном интернационализме, приходили путем напряженных раздумий и самоломки.

Этого начисто не понимают не только журналисты массовых изданий, но и большинство так называемых специалистов. Они с удивлением отмечают, что «среди экстремистов немало достаточно “социализированных” молодых людей, обучающихся в престижных

³⁰ <http://www.apn.ru/publications/article22693.htm>

(хотя и не самых элитных)³¹ учебных заведениях». Спецов ставит в тупик мнимый «драматический контраст между внешней “нормальностью” большинства молодых экстремистов и страшной аномальностью их преступных действий»³².

Но все дело именно в том, что инстинкт, помноженный на интеллект, дает несокрушимую и бескомпромиссную жизненную позицию, с которой люди идут на смерть и на каторгу, не дрогнув. Вот почему золотой медалист Павел Скачевский даже на скамье подсудимых назвал себя и своих соратников «русскими солдатами, которые очищали город от оккупантов»...

Пока эта диалектика инстинкта и интеллекта не будет глубоко осознана обществом, никакие грантоедские исследования, никакое кликушество либеральной публики, ни даже глубочайшие раздумья Генпрокуратуры не помогут ни до конца понять явление молодежного экстремизма, ни выработать в его отношении адекватную политику.

Приведу еще один пример полного непонимания человеческого типа подпольщика и феномена подполья из высокотиражной и респектабельной газеты «Известия». Авторы, Антон Заритовский и Виктор Виньков, решили написать о Евгении Жихоревой, 17-летнем руководителе группы т.н. «бирюлевских бомбистов». И — остановились перед непостижимыми для них фактами:

«Признаемся, когда мы шли в школу, где училась Женя Жихорева, ожидали услышать что угодно. О двоечнице, прогуливавшей уроки. О ребенке из неблагополучной семьи, для которой друзья-бритоголовые

заменяли родителей. О некрасивой девочке-подростке, на которую не обращали внимания мальчики. Но действительность не вписывалась ни в одну из выстроенных концепций.

— Женечка хорошо училась, — с ходу огорошила нас ее классная руководительница Валентина Виноградова. — Она очень старательная, никогда не прогуливала, участвовала во всех внеклассных мероприятиях: пела, танцевала.

Неужели эта “комсомолка, спортсменка, красавица” — лидер националистической банды?..

— Мама у Жени была председателем родительского комитета, — разбивает очередную версию классный руководитель. — Активно интересовалась судьбой дочери, по первому же вызову приходила в школу. А знаете, ведь Женя хотела в институт МВД поступать. Даже характеристики собирала. Потом передумала, пошла в Московскую академию водного транспорта. Буквально за несколько дней до задержания Женя звонила мне, рассказала, как ей нравится учиться, как сдала уже почти всю сессию.

Когда и почему Женя превратилась в лидера бомбистов, сказать не может никто»³³.

Ну почему же никто? По-моему, выше уже все сказано.

Завершая эту главку, отмечу еще одну новину. Прошли те времена, когда милиция широко и свободно «гоняла» молодежь, а та разбегалась по дворам, как стайка вспугнутых сайгаков. Выше говорилось, что при задержании Никиты Тихонова у него были изъяты два ствола, которые он просто не успел пустить в ход. Но не всегда все сходит оперативникам так гладко. В июле 2008 г., при задержании Молоткова, Базылева и других, 19-летний Владимир Тамашев нанес тяжелые ножевые ранения сотруднику ФСБ. А в сентя-

³¹ Чем же это ВШЭ, МГУ или МГИМО не элитны?

³² Алексей Макаркин — вице-президент Центра политических технологий. Новый правый экстремизм — уличные убийцы // <http://www.politcom.ru/article.php?id=7692>

³³ «Известия» от 15.04.2009, <http://www.izvestia.ru/investigation/article3127447/>

бре 2009 г. в ходе проверки квартиры члена ультранационалистической организации «Скинс легион» Сергея Маршакова неонацист расстрелял чекиста из револьвера с глушителем, после чего выпрыгнул в окно со второго этажа³⁴. Во время обыска в его квартире был обнаружен целый арсенал — пистолет ТТ с глушителем, револьвер с глушителем, охотничье ружье «Иж», а также множество патронов разного калибра. История с партизанами Приморья позволяет подвести итог: время «свободной охоты» правоохранителей на молодых русских подпольщиков кончилось.

«Эй, не стойте слишком близко: Я — тигренок, а не киска».

Продолжение политики репрессий вместо попытки нормального диалога с русским движением не сулит режиму ничего, кроме сползания к такой же упорной, незатухающей этнической войне, какую ведут с ним чеченцы. Только на этот раз воевать придется с русскими.

Загнанные в угол

Тема молодежного экстремизма касается, как ни странно, не только скинхедов и проявляется не только в партизанских действиях. В 2009 г. сотрудники ВЦИОМ В. Чупров, Ю. Зубок опубликовали исследование на эту тему, сравнив ситуацию в 2002 и 2007 гг.³⁵

Их вывод одновременно неожиданен и ожидаем: «Экстремальность наблюдается во всех сферах жизнедеятельности молодежи. В высокой степени она выражается как в форме нигилизма, так и радикализма, высшим проявлением которого служит

фанатизм. Нигилизм в большей мере присутствует в образовании, в труде, в политической жизни. Радикальные настроения молодежи отмечены в досуге, в бизнесе. Период с 2002 г. по настоящее время отмечен значительным ростом экстремальных настроений практически во всех сферах жизнедеятельности молодых людей, что указывает на неблагоприятное социальное положение молодежи».

Неблагополучие «брошенных котят»? Да, конечно; знаем, видим каждый день. Но вот ведь что интересно. Это неблагоприятие связано вовсе не только с пауперизацией (обнищанием) масс, но с общим чувством духоты и безнадеги, несправедливости жизни, обреченности на ложный, тупиковый путь, ярко характеризующим путинскую эпоху. И вот уже — «за эти годы доля экстремально настроенных молодых бизнесменов выросла в 1,3 раза». Уж этим-то, чего, казалось бы, не хватает? Не с жиру ли бесятся?

Ответ простой: им не хватает воздуха.

Знакомо? Не это ли сознание «лишних людей», не это ли «отсутствие воздуха» в былое время гнало русскую молодежь к кутежам у «Яра» и на дуэль, побуждало играть в рулетку (в том числе «русскую»), проситься под пули на Кавказ, а то — брать в руки наган или бомбу и идти на «экс» и «в революцию»?

На языке науки это формулируется так: «По сравнению с 2002 г. доля молодежи, ориентированной на риск, выросла с 17,4% до 23,5%... Установка на изменение и риск рассматривались в качестве экстремального проявления в выборе жизненных стратегий. Каждый пятый (23,5%) респондент³⁶ выбрал такую экстремальную стратегическую модель социальной активности (радикальной направленности (фанатизма)».

Правительство, лишая высокой

³⁴ Загнанные в угол националисты ответили огнем: <http://www.kommersant.ru/doc-y.aspx?DocsID=1235180>

³⁵ Чупров В., Зубок Ю. Молодежный экстремизм // http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/11434.html?no_cache=1&cHash=136a6a6961

³⁶ Вообще-то скорее каждый четвертый!

цели, перспектив и нормальной, осмысленной и человеческой жизни молодежь (кроме особо прикормленной) и их родных, что колет глаз, быть может, даже сильнее, само «железной рукой» загоняет ее в экстрим...

Исследователи дают нам обобщенный портрет склонных к экстремизму юношей и девушек (их число, между прочим, скоро сравняется): «За период после 2002 г. социальная база экстремальности в данной сфере изменилась следующим образом: по полу — увеличилась доля девушек; по возрасту — существенно увеличилась доля младших юношеских возрастных групп (18–21 год); по типу предприятия — существенно повысилась доля работающих на предприятиях с колхозно-госхозной формой собственности; по типу поселения — заметно увеличилась доля проживающих в мегаполисах... снизилась доля проживающих в крупных и средних городах, повысилась их доля в малых городах и в сельской местности».

Итак: экстремизм сегодня — это уже не спорадические вспышки негодования и ненависти, а скорее, ровный общий агрессивный настрой, неотвратимо нарастающий изнутри жар, который только ждет удобного случая прорваться. Он касается разных форм жизни и ищет выход по самым непредсказуемым поводам. Его объектом может стать и равнодушный, корыстолюбивый чиновник-служащий, кой служит только своему карману; и несправедливо разбогатевший нувориш; и беспредельничавший мент-садист; и обнаглевший инородец, забывший, что Россия — русский дом, в котором есть природный хозяин (именно в такой последовательности ныне распределены

объекты потенциальной ненависти).

Если разбирать именно последний вариант (а он нас интересует, понятное дело, больше остальных), то и тут есть над чем задуматься.

В последние годы, под давлением русофобствующего лобби, правительство предпринимает массированные атаки на неокрепшее сознание юношества, проповедуя толерантность, политкорректность и прочие прелести (в том смысле слова, каким пользовался Аввакум). Однако жизнь учит лучше любых учителей, талдычащих неубедительную чушь в школах на обязательных теперь уроках толерантности. Но люди-то, даже совсем молоденькие, все же не слепые и не такие уж глупые. Они уже вынесли из окружающей реальности твердое представление, что «отрицательные черты, пороки человека связаны с его национальной принадлежностью. Такое убеждение выразили 40,2% молодежи». Причем «сравнительный анализ указывает на рост степени распространенности национальной нетерпимости среди молодежи. В 2002 г. по данному показателю она составляла 36,9%». Не стоим на месте, несмотря на противодействие всей государственной машины...

От теории до практики путь недолог. «В разной степени разделяют взгляды радикальных русских националистов, выступающих против роста численности в России мигрантов, лиц нерусской национальности 21% молодежи... Крайняя степень радикализма проявилась в симпатиях к радикальным националистам и фашистам. Терпимо относятся к ним 19,8% респондентов».

Есть ли при таком раскладе у русского подполья будущее? Тут не может и быть двух мнений: есть. И еще какое!

Юрий Андрейчук

Ирландский национализм в борьбе за независимость Ирландии

Ирландский национализм — один из самых своеобразных и самобытных в Европе. Он развивался как большое и неоднородное общественное движение на протяжении нескольких сотен лет. К сожалению, историки национализма (и прежде всего у нас в стране) по-прежнему склонны объяснять его особые черты по какому-то одному своеобразному признаку. Так, в коллективной монографии «Национализм в мировой истории», выпущенной институтом этнологии и антропологии РАН, Е.Ю. Полякова видит основную особенность развития ирландского национализма в том, что в Ирландии политическая дифференциация шла не по этническому, а по религиозному признаку. И хотя увязка проблемы национализма в Ирландии с противопоставлением «католик» — «протестант» как «ирландец» — «неирландец» и кажется на первый взгляд верной и очевидной, только лишь понимание многоаспектности ирландского национализма в разные моменты истории поможет нам понять его потрясающую для нашего времени живучесть и фактическую популярность среди населения. Большинство населения Ирландии, активно откликаясь на идеи национализма, националистами себя не считает. Формально националистические партии не располагают, например, сейчас большинством в парламенте. Но сами идеи национализма чрезвычайно распространены, и именно потому, что всю

историю страны национализм, принимая то политический, то культурный, то религиозный облик, оставался в разных формах понятным для всего ее населения.

Идеи сохранения и преумножения национальной культуры, религиозного единения, политической самостоятельности, добытой путем реформ или восстания, выражались по-разному католиками или протестантами, богатыми или бедными, левыми социалистами или буржуазными демократами. В зависимости от того, кто в конкретный момент истории выражал эти идеи, менялись средства борьбы. Поэтому в республике (не в Северной Ирландии) *национализм на основе единой ирландской культуры, экономической и политической независимости прочно занял место в сознании ирландцев не просто как политическая идеология, но как культурный и национальный миф*. Религиозные различия, конечно, всегда существовали, но в XVIII–XIX вв. и тем более в начале XX в., когда решался вопрос о построении независимого государства, они отошли на второй план. Североирландский конфликт практически только в последние десятилетия удается с большим напряжением решать экономически, путем окончательной отмены многолетней трудовой дискриминации католиков, что помогает им подняться на новый уровень жизни. Между тем исторически происходит он не только и не

столько из-за конфликта религий, но и из-за существенных различий в мировоззрении, культуре и благосостоянии протестантов и католиков на Севере, которых (в отличие от собственно Ирландии) так устранить и не удалось, и скорее всего не удастся устранить до конца никогда.

Ирландские националисты с религиозных и политических точек зрения никогда не были едины. Поэтому часто терпели поражения в борьбе за независимость. Поэтому же после фактического успеха в войне за независимость между недавними соратниками в начале 1920-х гг. разгорелась кровавая гражданская война. Но тем не менее все они в конечном итоге работали на идею самостоятельного, политически и экономически независимого от Англии и культурно целостного ирландского государства. Для того чтобы понять, почему так случилось, нам нужно обратиться к истории борьбы за независимость Ирландии.

В середине XII в. папа Адриан IV, который сам был по происхождению англичанином, фактически даровал английскому королю Генриху II Плантагенету право захвата Ирландии. В мае 1169 г., воспользовавшись междоусобицей среди королей ирландских племен, английские рыцари начали поход в Ирландию, формально выступив на стороне одного из удельных правителей, которому обещал поддержку английский король. Сам Генрих в 1771 г. прибыл в Ирландию, занял Дублин, принял присягу верности от своих вассалов, начавших поход, но в ту пору область английской колонизации ограничилась небольшой территорией на Востоке. Большая часть ирландских вождей власти англичан не признала, и восстания начались практически сразу. Английские бароны, получившие землю в Ирландии, на протяжении XIV–XV вв. также успешно противостояли королю в попытках ограничить их привилегии. При этом и сами баро-

ны, *«старые англичане»*, и тем более их управляющие охотно входили в контакт с непокорными ирландскими родами, перенимали обычаи, язык. Это не мешало им грабить ирландцев, но сами они были уже не вполне англичанами.

Только с установлением в Ирландии протестантизма в качестве новой религии отлученный от католической церкви Генрих VIII в 1541 г., уже ничего не опасаясь, объявил себя королем всей Ирландии. Это полностью рушило устоявшийся там уклад, позволяло конфисковывать земли католиков, не только церковные, но и крупных ирландских родов и «нелояльных» английских феодалов, а затем постепенно заселять эти земли новыми колонистами. В 60–80-х гг. XVI в. огнем и мечом истреблялись непокорные ирландцы на юге и западе страны. В 1594–1603 гг. в Ольстере разразилась большая война. Войска ирландских графов Тирона и Тирконела, заручившись поддержкой испанцев, их деньгами и оружием, долгое время успешно теснили англичан. Но в конечном итоге потерпели поражение.

В 1605 г. был окончательно сломлен и отменен клановый уклад. В ходе грабительской земельной реформы по всей Ирландии, но особенно в разоренном войнами Ольстере появилось множество *«новых англичан»* — колонистов-протестантов из Англии и Шотландии. Серьезное расслоение произошло и среди этнических ирландцев. *«Древние ирландцы»* — потомки исконных родов и клановой знати — бежали или разорялись, а им на смену приходили *«новые»* — лояльные английской власти.

В XVII в. в Ирландии произошли два мощнейших восстания: в 1641–1652 и в 1689–1690 гг. В первом случае восстание было разгромлено в ходе кровавого похода в Ирландию Кромвеля во главе многотысячной армии. В 1689 г. надежды ирландцев были связаны с фигурой короля-католика Якова. Разбитый войсками Вильгельма Оранско-

го, Яков высадился в Ирландии. Фактически впервые во главе ирландцев стоял сам английский король. Католические войска повели осаду протестантского города Дери в Ольстере, которая кончилась неудачей. Летом 1690 г. Вильгельм вторгся в Ирландию и 12 июля разгромил католические ирландские войска на реке Бойн. И безуспешная осада Дери, и особенно битва на Бойне до сих пор служат лояльным североирландским протестантам в качестве «исторического повода» для демонстрации превосходства над католиками в Ольстере. Итогом этих событий стало подписание «карательных законов». С 1692 г. ирландцам нельзя было заниматься торговлей, получать образование, содержать лошадей. Католические священники лишались свободы передвижения за пределами своего прихода.

В XVIII в. экономическая отсталость и несправедливость Ирландии больно ударили и по интересам протестантов, на деятельность и жизнь которых «карательные законы» формально не распространялись. Среди первых протестов против положения Ирландии вообще следует упомянуть знаменитые памфлеты Джонатана Свифта. Очень важно, что, несмотря на «карательные законы», автономный ирландский парламент не был упразднен. Именно с 50-х годов XVIII в. начинается сближение оппозиционно настроенных членов парламента — протестантов и верхушки католического населения — богатых арендаторов, интеллигенции. Все они чувствуют себя ирландцами, и здесь впервые происходит зарождение ирландского национализма, в том числе на почве изучения наследия общей ирландской культуры. Параллельно с этим оформляется и складывается националистическое движение «снизу» — в виде крестьянских тайных обществ, мелких отрядов бедняков, нападающих на богатых арендаторов-протестантов.

К концу XVIII в. складывается возможность формирования единого на-

ционального движения. Косвенно этому помогла война за независимость в США. Опасаясь эскалации конфликта, английские власти разрешили создание полувоенной легальной организации «Ирландские добровольцы». Формально туда могли входить только протестанты. Но патриоты-протестанты постепенно получили возможность под предлогом нехватки кадров принимать туда и католиков. «Добровольцы» имели большой вес в ирландском парламенте. В конце 1770-х гг. через английский парламент удалось провести законопроект об автономии парламента в Ирландии, позволявший принимать законы самим. Последним шагом должно было быть собрание всеирландского конвента и принятие проекта реформы парламента, означавшего фактическое уравнивание в правах католиков и протестантов. Но проект так и не был принят, а вскоре спохватившаяся английская администрация усилила группировку войск в Ирландии, и влияние «Добровольцев» сошло на нет.

Итогом XVIII в. стало создание единой национальной организации «Объединенные ирландцы», начавшей готовить план восстания. В случае его успеха вся история Ирландии повернулась бы иначе, но заговор был раскрыт, а его лидеры частично арестованы. Восстание все же началось в 1798 г., но отряды католиков (сельские) и протестантов (городские) действовали разрозненно и несогласованно. Несмотря на локальные успехи, единственная попытка объединить всех патриотов снова кончилась неудачей. Завоевания предыдущих лет были утеряны, ирландский парламента упразднен, страна фактически стала жить на военном положении и с 1801 г. была объявлена английской провинцией.

Таким образом, в эпоху становления ирландского национализма как общественного движения ирландские протестанты на Юге были либо окончательно ассимилировавшимися потомками

«старых англичан», в том числе аристократов, либо «выкрестами» в протестантизм, стремившимися избежать последствий «карательных законов». Но все они по своему национальному самосознанию и по культуре являлись ирландцами, что и сделало возможным неудачное восстание 1798 г. В Ольстере же протестанты всегда были по культуре непосредственно англичанами и шотландцами — потомками «новых англичан», которых с этой страной ничего не связывало. Лишь незначительная часть крестьян в Ирландии выкрестилась в протестантизм. Поэтому и на Юге, и на Севере безусловно закрепилось разделение «богатый и более свободный протестант — бедный католик». Национальное угнетение фактически совпало с социальным, а социальное — частично с культурными различиями. Тем не менее значительная часть протестантов по-прежнему продолжала не только видеть свое будущее в экономической свободе от английских лордов, но и чувствовать себя ирландцами.

С конца XVIII в. и на протяжении всего XIX в. характерным для ирландского национализма стало чередование двух традиций: «моральной силы» — борьбы за решение национального вопроса путем реформ, и «физической силы» — создания независимой Ирландии в результате восстания. Эти пути к свободе попеременно становились главенствующими. По мере того как с тем или иным успехом удавалось достичь облегчения положения ирландцев-католиков законодательным путем через действия ирландской партии в английском парламенте, накапливались силы для вооруженной борьбы. Затем, когда парламентский метод становился неэффективным, разгорались восстания. Сторонники силовых и парламентских методов были, безусловно, разными людьми, в том числе до конца не принимавшими методов друг друга. Но объективно они создали единую

стратегию действий в русле национализма, сочетавшую различные способы достижения целей.

В 1801 г. была введена в действие Уния между Великобританией и Ирландией. С этого времени один из важнейших вопросов для ирландских националистов находился в политической плоскости — отмена «карательных законов» и постепенное возвращение законодательной независимости острова через процедуру самоуправления. Первые шаги в этом отношении были связаны с общественными и парламентскими методами борьбы. Адвокат Даниэл О'Конелл сумел сплотить в 1820-е гг. огромное общественное движение — Ассоциацию католиков, согласованно добивавшуюся «эмансипации» последних. В 1829 г. католики получили избирательное право. Уступки католикам были сделаны в обмен на публичное признание унии. Дальнейшая история ирландского национализма в XIX в. — это последовательная смена тактики борьбы за гражданские права и самоуправление попытками локальных, но неудачных восстаний и созданием тайных либо полуполициальных военных организаций.

Особо следует отметить непоправимые для ирландского народа последствия Великого голода 1845–1849 гг., когда систематическое ограбление крестьян-ирландцев совпало с трехлетним неурожаем картофеля — единственной культуры, которая не шла на принудительный экспорт в Англию. Если неудачные восстания XVII–XVIII вв. фактически лишили Ирландию говорящего по-ирландски слоя образованных людей, то голод нанес тяжелейший удар по самим носителям языка и культуры: более миллиона умерших и около полутора миллионов эмигрировавших (в основном в США и Австралию). Но даже в этих условиях планомерное движение за гражданские права продолжалось, а военизированные организации отныне под-

держивались мощной американской диаспорой.

Конец XIX — начало XX в. практически повторили на другом — качественно более высоком уровне ситуацию столетней давности. Движение за Гомруль (проект автономии) сочеталось с активными действиями вооруженных групп, часто во вред парламентской борьбе. В начале 1890-х гг. создается Гэльская лига — всеирландская культурная организация, ставящая целью возрождение ирландского языка, театра, литературы. Причем во главе этой организации стояли в основном патриотически настроенные протестанты. Первым ее президентом стал протестант Дуглас Хайд — будущий президент Ирландского Свободного государства. Своим участием в формировании и работе Лиги протестанты часто доказывали не просто свою любовь к родине, а пытались быть более ирландцами, чем сами ирландцы, что приводило к непониманию и издевкам со стороны крестьян — носителей традиции. Во многом эти различия между носителями языка и фольклора и пропагандирующими их интеллигентами видны и сейчас. Унификация и поверхностное отношение к народной культуре причинили много вреда. Но значение Гэльской лиги для формирования молодого поколения националистов, выигравших через двадцать с небольшим лет войну за независимость, огромно. Именно благодаря ее собирателям сейчас ирландцы получили возможность не только не прерывать свою музыкальную и танцевальную традицию, но и проводить экспансию своей народной культуры по всему миру.

Кроме того, музыка и танец в условиях голода, гонений и беспросветной жизни стала источником надежды, средством внутренней эмиграции для сохранения себя и врачевания своей души. Интересно, что в последние 10–12 лет значительное число русской молодежи постепенно пришло к собственной народной культуре, песням и

танцам, начав с концертов и школ ирландской музыки в России. Именно там они убеждаются, что народная музыка как таковая — это живое средство выражения, часть жизни, которую можно проживать каждый день, а не просто воспринимать как часть официальных праздничных концертов.

Активизация всех слоев населения разной степени радикальности и разных взглядов на будущее привела к тому, что в начале XX в. ирландские националисты имели фактически три разные политические партии. Умеренную Ирландскую парламентскую партию (ИПП); самую массовую националистическую партию «Шинн Фейн», что по-ирландски значит «Мы сами» (крылом которой стала массовая полувойсковая организация «Ирландских добровольцев»), провозгласившую курс на свободное экономическое развитие с опорой на собственные средства; и социалистическое Ирландское революционное братство, взявшее курс на восстание. Парламентское решение вопроса о самоуправлении было отложено в связи с началом Первой мировой войны. Большая часть «Ирландских добровольцев» была мобилизована в армию Англии. На Пасху 1916 г. ИРБ подняло в Дублине последнее в истории легендарное неудачное восстание. В начале восстания официально была провозглашена Свободная Ирландская республика. Восстание было подавлено, но в условиях войны сдержать постепенно нарастающие партизанские действия было невозможно.

Англо-ирландская война началась 21 января 1919 г. В эти же дни в Дублине собрался первый независимый парламент — Доил. Все время до лета 1921 г. отряды республиканцев, впервые получившие название Ирландская Республиканская Армия (ИРА), вели активные партизанские действия против посылаемых в Ирландию мобильных отрядов карателей «Черно-Пегих». Летом 1921 г. численность

ИРА достигла ста тысяч бойцов. 11 июля было заключено перемирие.

Ситуация стала патовой. Английское правительство готовилось к посылке в Ирландию 100 000 солдат, хотя в условиях стачек и общественного протеста сделать это было непросто. Переговоры завершились подписанием 6 декабря 1921 г. Англо-Ирландского Договора, согласно которому Ирландия, под названием Ирландское Свободное Государство, получала фактически статус доминиона с экономической независимостью и собственным правительством при формальном главенстве английского губернатора. Все шесть графств Ольстера с преобладающим протестантским населением оставались в составе Англии.

Последовательные республиканцы не согласились с условиями договора и говорили, что республику нужно завоевать сейчас или никогда, пока Англия не в состоянии вести войну. Сторонники договора считали, что планомерное развитие страны позволит полностью избавиться от экономического диктата Англии и затем, возможно, провозгласить республику без единого выстрела. (Исторически их расчет оправдался после Второй мировой войны), тогда как начало новой войны может обречь страну на гибель. Переговоры зашли в тупик. В итоге это привело к короткой, но кровопролитной борьбе бывших со-

ратников в ходе Гражданской войны 1922–1923 гг. В ней победили фристейтеры — сторонники Договора.

Дальнейшая история ирландского национализма должна рассматриваться через призму Североирландского кризиса. Эта тема достойна отдельной статьи. Но основная, хотя, безусловно, неполная, победа ирландского национального движения в борьбе за независимость была одержана в 1921 г. Именно здесь проявилось характерное для ирландского национализма органичное сочетание всех различных методов борьбы: парламентской деятельности, партизанской войны, общественных кампаний и массового движения за гражданские права, пропаганды экономической независимости, а также планомерного сплачивания разных слоев народа (в том числе разных религиозных конфессий) вокруг живой части общей народной культуры, определяющей самосознание человека. Именно поэтому те составляющие, которые исторически были частью программы ирландского национализма, сейчас в том или ином виде в Ирландии являются частью общественной жизни вне зависимости от декларируемого национализма. Перед национализмом же в последние пятнадцать лет встают новые вопросы в связи с перспективами Ольстера и отношением к глобализации и объединенной Европе.

Сергей Беляков

СЕРБЫ — «ЧУЖАК» № 1

Хорватский национализм и сербофобия в XIX —
первой половине XX века

Роль этноса-чужака, который воспринимается как экзистенциальный враг нации, в становлении и развитии национального самосознания еще недостаточно оценена исследователями. Между тем еще Отто Бауэр отмечал, что предпосылкой национального самосознания является знакомство с чужой национальностью, поэтому оно развивается в первую очередь в пограничных областях¹. История показывает, что наличие этноса-чужака не только провоцирует бытовую ксенофобию, но и способствует сплочению нации.

Многовековое противостояние не только с английской короной, но и с английскими и шотландскими колонистами-протестантами способствовало развитию ирландского национализма и ускорило формирование ирландской нации. Подъем антисемитизма в Европе и России второй половины XIX в. способствовал появлению еврейского политического национализма и развитию сионистского движения. Вторжение Наполеона спровоцировало рост немецкого национализма по всей Германии. Не случайно Фридрих Людвиг Ян заявлял, что Германии нужна война с Францией, чтобы «раскрыться во всей полноте своего национального бытия»². Именно победоносная Франко-прусская война помогла

немцам преодолеть региональный партикуляризм и ускорила объединение Германии.

Складывание хорватской нации происходило в условиях, которые провоцировали ускоренное развитие национального самосознания. Хорватские земли находились в составе Габсбургской империи, причем большая их часть (Хорватия и Славония) относилась к землям венгерской короны, а меньшая часть (Истрия и Далмация) находилась под непосредственным управлением Вены. Важнейшим фактором, повлиявшим на развитие хорватского национализма, была полиэтничность, характерная для значительной части исторических хорватских земель.

Этническая чересполосица еще в Средние века сложилась на территории Военной Границы, отделявшей Габсбургскую империю от Османской. Большая часть Военной Границы приходилась на хорватские земли, однако население их было смешанным, хорвато-сербским. Этническая чересполосица была характерна для Боснии и Герцеговины, которая перешла в 1778 г. из-под власти Османской империи под управление Вены.

Развитие хорватского национализма связано с противопоставлением хорватов трем «врагам» хорватского народа: империи Габсбургов и вообще «швабам» (немцам), Венгрии и сербам. Отношения хорватских националистов с Габсбургской империей были неоднозначны. Они варьировали от открытой враждебности (в период неудачного

¹ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм. М., 2002. С. 91.

² Цит. по: Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М., 2008. С. 350.

Раковицкого восстания 1871 г.) до тесного сотрудничества. Противостояние с Венгрией отличалось большей остротой. Многие десятилетия Хорватия упорно отстаивала свой автономный статус и сопротивлялась политике мадьяризации. После распада Австро-Венгрии и создания Югославии «венгерский вопрос» ушел в прошлое, как и «швабский». Совершенно иной оказалась судьба «сербского вопроса».

Сербофобия стала одной из основных черт хорватского национализма уже в 1860-е гг., когда начала формироваться идеология первой хорватской националистической партии — Партии права. Эта сербофобия сводилась к нескольким идеям, которые станут неотъемлемой частью идеологии хорватского национализма.

1. *Сербский народ или не существует в природе (эта идея останется в XIX в.), или существует, но не имеет прав на хорватские земли.*

2. *Сербь по своей природе народ низкий, «подлый», «неблагодарный», «балканский» (в отличие от хорватов, народа «европейского») и всегда враждебный хорватам.*

3. *Сосуществование с сербами в одном государстве невозможно. В югославском государстве сербь выступали как господствующая нация, угнетавшая и эксплуатировавшая другие народы. В хорватском государстве сербь являются пятой колонной.*

Крупнейший идеолог хорватского национализма, хорватский «Отец Отечества» Анте Старчевич в своем сочинении «Имя серб» доказывал, что никакой сербской нации нет и быть не может. Сербями (от лат. *servus* — раб) называли пленных, рабов и их потомков. Особой национальной идентичностью они не обладали и принимали ту национальность, которая господствовала в той земле, где эти «сербь» оказались: в Греции они греки, в Болгарии — болгары, в Хорватии — хорваты. Собственно же хорваты — «господствующий народ», некогда

завоевавший и ассимилировавший иноэтническое население Хорватии, Славонии, Далмации, Боснии и других «хорватских» земель³. В конце 1870-х гг. издававшаяся правшами⁴ газета «Слобода» («Sloboda») писала, что «православных хорватов» нельзя ни в коем случае называть «позорным сербским именем», что Сербия всего лишь один из краев Хорватии, что за хорватами стоит историческое и государственное право, а за «сербями» только австрийские деньги⁵ (правши обвиняли Вену в том, что она искусственно «конструирует» сербскую идентичность, чтобы расколоть хорватскую нацию).

Помимо слова «сербь», Анте Старчевич использовал в политических дискуссиях и термин собственного сочинения — «славосербь». Термин «славосербь» относился в первую очередь к носителям сербского национального самосознания и к хорватским югославистам (выдающегося хорватского ученого и общественного деятеля, убежденного югослависта епископа Й.Ю. Штросмайера Старчевич называл «вождем славосербов»)⁶. И те и другие, с точки зрения Старчевича, предавали хорватский народ, ибо отказывались от хорватской идентичности в пользу сербской или югославской. Показательна даже расширительная трактовка понятия «славосербь»: те, кто действует в угоду иноземцам и вопреки интересам собственного народа⁷. Для Старчевича «славосербь» были «рабским племенем», «гнусным скотом», недостойным даже имени животных, не то что людей⁸.

³ Цит. по: Gross M. Izvorno pravaštvo: ideologija, agitacija, pokret. Zagreb, 2000. S. 230–232.

⁴ Правши — члены Партии права и ее сторонники.

⁵ Gross M. Op. cit. S. 373–374.

⁶ См.: Gross M. Op. cit. S. 380–381.

⁷ Ibid. S. 258–259.

⁸ Ibid. S. 250–252.

Среди правашей не было единства по сербскому вопросу. Но преобладала все же сербофобская ориентация. Другой видный деятель хорватского национального движения, соратник Старчевича Эуген Кватерник не разделял панхорватства Старчевича. Он считал сербов самостоятельным народом, хотя и «рабским» и «неблагодарным». Кватерник признавал за сербами право на существование вне хорватских земель — в Сербии и Южной Венгрии (Воеводине)⁹. А. Старчевич и Э. Кватерник сходились в главном: оба не признавали за людьми, обладавшими сербским национальным самосознанием, права на жизнь в Хорватии.

Следует отметить, что сербская хорватофобия развивалась практически параллельно с хорватской сербофобией. Сербские националисты в то время, случалось, выдвигали концепции, являвшиеся зеркальным отражением сербофобских идей Старчевича. Например, в 1887 г. газета «Србобран» («Srbobran») неоднократно писала о том, что хорватского народа не существует в природе, а хорваты — всего лишь окатоличенные сербы¹⁰. Эта идея дожила и до наших дней. В современной сербской историографии есть исследования, развивающие мысль об «искусственности» хорватской нации, будто бы созданной руками Ватикана, чтобы расколоть единство сербского народа¹¹.

В 90-е гг. XIX в. на ведущую роль в партии правашей выдвинулся Йосип Франк. Умный, деятельный и богатый человек, великолепный организатор, взявший на себя финансирование партийной газеты «Хрватска», он не претендовал на роль нового «учителя»

или «пророка» (это место навеки осталось за Анте Старчевичем). Франк взял на себя лишь роль толкователя идей Старчевича, придавшего им новое значение.

При Йосипе Франке значительно усилилась сербофобская составляющая идеологии правашей. Дело в том, что большая часть хорватских земель Австро-Венгрии находилась под властью Венгерского королевства. Венгры были в глазах хорватских националистов вторым (после сербов) врагом хорватской нации. При этом ненавистный хорватам режим бана (наместника) Хорватии и Славонии К. Куэна-Хедервари (1883—1903), действовавшего по принципу «разделяй и властвуй», опирался во многом на сербское население. Франк стремился вывести хорватские земли из-под юрисдикции Венгрии и переподчинить их Австрии, превратив хорватов в опору Вены на Балканах. Он хотел увязать интересы хорватов с интересами верхов Габсбургской монархии, показать, что сербы несут угрозу монархии, в то время как хорваты ей верно служат¹². На страницах газеты «Хрватска» все чаще стали появляться антисербские публикации (в этой кампании успел принять участие и Анте Старчевич). В сущности, франковцы¹³ лишь развивали мысль Старчевича и Кватерника о недопустимости существования сербов («славосербов»), то есть людей, обладающих сербским национальным самосознанием, на территории Хорватии, Славонии, Далмации, а желательно также — Боснии и Герцеговины. Депутат-франковец Ерко Павелич даже заявил в Хорватском саборе, что, если бы его партия находилась у власти, «так называемые сербы» за сорок восемь часов превратились бы в «православных хорватов»¹⁴.

⁹ См. *Kvaternik E. Politički spisi*. Zagreb, 1971. S. 541–579.

¹⁰ *Gross M. Op. cit.* S. 574.

¹¹ *Жумић Н.* Римокатоличка црква и хрватство: Од илирске идеје до великохрватске реализације. 1453–1941. Београд, 1997; *Жумић Н.* Срби римокатолици такозвани хрвати. Београд, 2006.

¹² *Gross M. Op. cit.* S. 759.

¹³ Само слово «франковец» стало обозначать радикального хорватского националиста, не обязательно члена партии Й. Франка.

¹⁴ Цит. по: *Крестич В.* О времени настанка,

Не следует демонизировать Йосипа Франка и приписывать ему зловещую роль «разжигателя сербо-хорватской розни» и «прислужника Вены». Идея тактического союза с Венной, направленного против Венгрии и против сербов, существовала и прежде. Еще в 1860 г. Э. Кватерник в письме к влиятельному в венских политических кругах графу Рехбергу предложил союз. По мысли Кватерника, император Франц-Йосиф должен был править в Хорватии только как хорватский король, а не как австрийский император, а хорватские земли следовало объединить в единое целое. В обмен на это хорваты стали бы союзниками Вены в борьбе с венгерским сепаратизмом и с «фанатичным сербизмом», который якобы являлся орудием в руках русского экспансионизма на Балканах¹⁵. Но в то время Кватерник не встретил сочувствия в Вене.

Партия Франка (после раскола Партии права в 1895 г. он основал т.н. Чистую партию права) из-за своего оппортунизма никогда не пользовалась столь широкой популярностью, как прежняя Партия права, кроме того, теперь она не имела статуса единственного защитника интересов хорватской нации. Созданная братьями Степаном и Антуном Радичами Хорватская народная крестьянская партия (ХНКП) и Хорватская партия права Анте Трумбича и Франо Супило также претендовали на роль защитников интересов хорватского народа. В 1908 г. раскол произошел уже в самой Чистой партии права: из нее вышла группа во главе с Миле Старчевичем, которая провозгласила возврат к идеям Анте Старчевича и создала собственную Старчевичеву партию права.

узрочица и циљевима геноцидне политике у Хрватској // Геноцид у 20. веку на просторица Југословенских земаља: Зборник радова са научног скупа (Београд, 22–23 април 2003). Београд, 2005. С. 16.

¹⁵ *Kvaternik E.* Politi ki spisi. S. 98–132.

В декабре 1905 г. оформилась Хорватско-сербская коалиция, объединившая Хорватскую партию права, Сербскую национальную независимую партию и др. Хорватские и сербские политики, вошедшие в коалицию, фактически перешли на югославистские позиции, признав хорватов и сербов «одной нацией с двумя наименованиями». Схожей позиции поначалу придерживалась и не входившая в коалицию ХНКП. Позднее она эволюционировала в сторону радикального хорватского национализма, на время идейно сблизившись с франковцами¹⁶.

Убийство сербом Гаврилой Принципом эрцгерцога Франца-Фердинанда и начавшаяся месяц спустя война вновь обострили хорватско-сербские противоречия. По боснийским городам прокатилась волна антисербских демонстраций, нередко сопровождавшихся погромами. Франковская пресса призывала к мести за гибель эрцгерцога, называла сербов «ядовитыми змеями», с которыми будешь себя чувствовать в безопасности только тогда, когда свернешь им голову¹⁷. В годы Первой мировой войны так называемые «отряды самообороны», набранные главным образом из боснийских хорватов-католиков и мусульман, терроризировали сербское население Боснии и Герцеговины, грабили и убивали сербов, заподозренных в нелояльности к империи¹⁸.

Создание югославского государства (с 1 декабря 1918 г. — Королевства сербов, хорватов, словенцев, с 1929 г. — Югославии) не только не способствовало снятию межнациональ-

¹⁶ *Романенко С.А.* Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств. М., 2000. С. 30–31.

¹⁷ Цит. по: *Čorovi V.* Crna Knjiga: Patnje srba Bosne i Hercegovine za vreme svetskog rata 1914–1918. Beograd, 2002 // <http://www.rastko.org.yu>

¹⁸ *Ibid.*

ной напряженности, существовавшей между сербами и хорватами в землях бывшей Австро-Венгрии, но до предела обострило старые противоречия. Сербо-хорватский антагонизм проявился уже с первых дней существования югославского государства. Создание государства южных славян в глазах многих представителей сербской политической элиты воспринималось как осуществление плана И. Гарашанина¹⁹ по объединению южнославянских народов вокруг Сербии.

Для многих хорватских политических и общественных деятелей, даже югославистски ориентированных, создание такого государства казалось неприемлемым. Вместе с тем восстановление собственно хорватского государства в 1918 г. было практически нереальным. Если бы Хорватия провозгласила независимость, ей тут же пришлось бы столкнуться с территориальными претензиями: Италии — на Далмацию, Сербии — на Боснию и Герцеговину и на часть Славонии. Ни военной силы, ни политического влияния для того, чтобы противостоять двум победоносным державам, претендовавшим на «вознаграждение», у Хорватии не было. Объединение же с Сербией давало возможность собрать практически все хорватские земли в рамках одного государства. Однако такое государство виделось хорватам в виде федерации или даже конфедерации²⁰. Создание Королевства сербов, хорватов и словенцев — унитарного государства со столицей в Белграде, с

сербской династией Карагеоргиевичей во главе и с относительным господством сербов в политической и военной элите — противоречило хорватским интересам.

Главной оппозиционной силой, объединившей вокруг себя значительную часть хорватской нации, стала Хорватская республиканская крестьянская партия (бывшая ХНКП, будущая Хорватская крестьянская партия — ХКП) во главе со Степаном Радичем. Партия Радича стала настоящим массовым движением, фактически возглавив борьбу хорватского народа за обретение собственной государственности. При этом Радич и его сторонники не отрицали самой идеи югославского государства. Они боролись за создание особого государственного образования, Хорватской крестьянской республики, в рамках Югославии.

Убийство 20 июня 1928 г. на заседании Скупщины сербским националистом П. Рачичем двух депутатов ХКП и смертельное ранение лидера партии Степана Радича вызвали всплеск хорватского шовинизма и привели к дальнейшему углублению сербо-хорватских противоречий. В стране ходили слухи о том, что убийство Радича было организовано королем²¹. В этих условиях король Александр пошел на решительные меры, объявив в стране чрезвычайное положение, распустил Скупщину и поставил главой правительства генерала П. Живковича. Многие видные оппозиционеры были брошены в тюрьмы. Другие эмигрировали. Среди последних был и бывший депутат Скупщины Анте Павелич. Вскоре Павеличу удалось создать небольшую националистическую организацию, задачей которой стала вооруженная борьба против югославского государства. Организация, позднее переименованная в «движение»

¹⁹ Сербский политический деятель И. Гарашанин еще в 1844 г. выдвинул идею создания на Балканах сильного сербского государства, которое воскресило бы традиции средневекового сербского царства Стефана Душана. Сербия должна была объединить вокруг себя и ассимилировать другие южнославянские народы.

²⁰ Батаковић Д., Протић М. Ст., Самарџић Н., Фотић А. Нова историја српског народа. Београд, 2002. С. 282.

²¹ Фрейдзон В.И. История Хорватии: Краткий очерк с древнейших времен до образования республики. СПб., 2001. С. 249.

(pokret), получила название усташской (повстанческой), а ее члены стали называться усташами (повстанцами)²². Базировались усташаи преимущественно в Италии и Венгрии.

Весьма показателен региональный состав усташей. По данным югославских спецслужб, в конце 1930-х гг. три пятых усташей, находившихся в Италии, были уроженцами Герцеговины, Юго-Западной Боснии и Далматинского Загорья²³. Все это были полиэтничные территории, а в условиях параллельного развития националистических идеологий у сербов и хорватов полиэтничные районы стали и «кузницей кадров» для националистических движений, и ареной будущих межнациональных столкновений.

Крупнейшим «успехом» усташей стало убийство 9 октября 1934 г. югославского короля Александра. Но стоил он усташам дорого. Под давлением международной общественности итальянские и венгерские власти закрыли усташские лагеря. Усташская организация во второй половине 1930-х гг. была слаба и немногочисленна, она насчитывала всего несколько сотен человек, разоруженных и даже изолированных от своих вождей. Усташаи не представляли бы угрозы для Белграда, не опираясь они на поддержку в хорватских землях Югославии.

В 1930-е гг. продолжался рост националистических настроений в среде хорватского населения Югославии. Сербофобия и ненависть к Югославии, которая воспринималась как сербский проект, была неотъемлемой чертой хорватского национализма, в особенности радикального. По данным югославской военной разведки, в середине

1930-х гг. франковцы в хорватских землях были весьма «многочисленны»²⁴. В ряде районов они вели активную пропаганду: критиковали государственное устройство Югославии, агитировали за создание независимого хорватского государства²⁵. Особенно сильны был антисербские и антиюгославские настроения у хорватской интеллигенции²⁶.

В августе 1939 г. новому лидеру ХКП В. Мачеку удалось добиться фактического осуществления политической программы своего предшественника С. Радича. Был издан «Закон о Хорватской бановине», в соответствии с которым создавалось особое административно-территориальное образование (бановина), которое включало в себя земли с преимущественно хорватским населением. Бановина получала широкие права самоуправления, имела своего правителя (бана) и парламент (сабор), выборы в который, правда, так и не успели провести²⁷. Но многим хорватам создание бановины представлялось уже недопустимой уступкой, граничившей с предательством хорватских национальных интересов.

Не следует причислять всех сторонников идеи создания независимого хорватского национального государства к усташам, считать их сторонниками Павелича. В борьбе против Белграда единым фронтом готовы были выступить хорватские националисты разных мастей. Хорватский исследователь Е. Яреб отмечал, что среди хорватских националистов в 1930-е гг.

²² См.: *Беляков С.* Усташаи: между фашизмом и этническим национализмом. Екатеринбург, 2009.

²³ Архив Србији и Црне Горе (АСЦГ) Фонд 14 (Министарство унутарњих послова, Одељење за државну заштиту), фасцикла. 27. Л. 600–624.

²⁴ Архив Војно-историјског института (АВИИ). Фонд бивше Југославске војске. Кутија. 95. Фасцикла. 5. Број. 48. Л. 1; Кут. 95. Фасц. 5. Бр. 52. Л. 1–2.

²⁵ АВИИ. Фонд бивше Југославске војске. Кут. 95. Фасц. 5. Бр. 30. Л. 1.

²⁶ АСЦГ. Фонд 74 (Канцеларија краља), фасц. 11. Л. 612–617.

²⁷ *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. С. 254.

можно было найти и либералов, сторонников демократического устройства Хорватии, и фашистов, и клерикалов. Объединяло их всех одно — идея создания независимого хорватского государства²⁸.

Независимое государство Хорватия (НГХ) стало реальностью в ходе Апрельской войны 1941 г., когда Германия, Италия, Венгрия и Болгария уничтожили югославское государство. Страны «Оси» нуждались в союзниках, а потому решили опереться на хорватских националистов, чье влияние в хорватских землях Югославии было велико, несмотря на военно-организационную слабость усташей.

Усташам позволили провозгласить 10 апреля 1941 г. создание НГХ, восстановив, таким образом, традицию хорватской государственности, прерванную еще в Средневековье. Во главе нового государства оказался А. Павелич. В состав НГХ вошла не только большая часть исторических хорватских земель, но и вся Босния и Герцеговина. Новое государство было многонациональным. По данным германского МИД, на которые обычно ссылаются историки, весной 1941 г. на территории НГХ проживало 3,3 миллиона хорватов, 1,9 миллиона сербов, 700 тысяч боснийских мусульман, 150 тысяч немцев, 75 тысяч венгров, 40 тысяч евреев²⁹. Такой национальный состав совершенно не соответствовал представлениям усташей о хорватском государстве. Поэтому с провозглашением НГХ борьба за хорватское национальное государство, по мнению усташей, вовсе не была окончена. На повестку дня стал вопрос, как «сделать хорватское государство действительно хорватским».

В «Принципах хорватского усташского движения», основном программ-

ном документе усташей, особо подчеркивалось, что только хорватский народ обладает властью в собственном государстве³⁰. Подобная интерпретация принципа народного суверенитета в условиях НГХ означала необходимость проведения такой национальной политики, которая бы привела либо к изгнанию из страны представителей всех этнических меньшинств, либо к низведению их до статуса неполноправных граждан. Это логически следовало из одиннадцатого пункта «Усташских принципов», по которому нехорватское население Хорватии не могло заниматься «национальными и государственными делами»³¹. В «Уставе» усташского движения говорилось, что после того, как будет достигнута главная цель усташства — создание НГХ, усташа будут «бороться за то, чтобы в хорватском государстве правил только хорватский народ, чтобы он был полным хозяином всех материальных и духовных ценностей в своей стране»³².

Публицист Д. Црлен в комментарии к изданию «Усташских принципов» повторял официально принятую в НГХ трактовку лозунга Анте Старчевича «Бог и хорваты»: «...в Хорватии правят только Бог и хорваты... Нашу судьбу должны решать только мы сами, и тот, кто станет у нас на пути, — враг нашей свободы и самостоятельности, нет с ним примирения... смысл “Усташских принципов” требует того, чтобы Хорватией управляли только те, кто по происхождению и по крови принадлежит к хорватскому народу»³³.

Вместе с тем отношение усташей к этническим меньшинствам определялось не только этими идеологическими

³⁰ Ustaša. 1941. № 1. S. 3.

³¹ Ibid. S. 3.

³² Ibid. S. 4.

³³ Načela Hrvatskog Ustaškog Pokreta / Pripremio D. Crljen // Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu / Priredio P. Požar. Zagreb, 1995. S. 75.

²⁸ Jareb J. Pola stoljeća hrvatske politike 1895–1945. Buenos Aires, 1960. S. 59–60.

²⁹ Jelić-Butić F. Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska. 1941–1945. Zagreb, 1977. S. 106.

постулатами. Некоторые этнические группы находились «на особом положении». Боснийские мусульмане еще со времен А. Старчевича рассматривались хорватскими националистами как часть хорватской нации. Усташская пропаганда все годы существования НГХ пропагандировала идею хорватомусульманского единства, хотя на самом деле взаимоотношения хорватов и боснийских мусульман от идеала «единства хорватов двух вер» были далеки.

Хотя из усташского понимания сущности национального государства вроде бы вытекала необходимость «очищения» Хорватии от всех этнических меньшинств, а не только от сербов, мы не найдем ни в речах усташских лидеров, ни в статьях усташских «золотых перьев» каких-либо конкретных указаний относительно словаков, чехов, венгров, румын. Политика в отношении многочисленной немецкой общины была обусловлена прежде всего внешнеполитическим фактором — зависимостью НГХ от Германии. Немцы получили равные права с хорватами.

В еврейском вопросе усташа шли по стопам нацистов: от издания законов, аналогичных Нюрнбергским, до массового уничтожения евреев в лагерях смерти. Однако многие историки полагают, что антисемитизм, в отличие от сербофобии, не был сущностной чертой хорватского национализма в целом и его усташской формы в частности, а являлся всего лишь средством, с помощью которого усташские власти НГХ пытались доказать свою лояльность нацистской Германии и «новому порядку» в Европе³⁴. Немцы весьма скептически относились к способности усташей самостоятельно решить еврейский вопрос, и уничтожение евре-

ев в НГХ проводилось в значительной мере под германским контролем³⁵.

Главной мишенью усташской ксенофобии стало сербское население НГХ. Еще в середине — конце 1930-х годов в усташской публицистике пропагандировалась идея изгнания сербов с земель, которые усташа считали «хорватскими». В 1933 г. известный хорватский литератор, один из крупнейших идеологов и пропагандистов хорватского национализма, Миле Будак писал о невозможности сосуществования сербов и хорватов на одной земле: «Либо победа, либо гибель! Огонь и вода не могут смешиваться. Они могут лишь уничтожить друг друга»³⁶. Ученый, публицист и политический деятель, занимавший высокие места в правительстве НГХ, Младен Лоркович в своем историко-демографическом исследовании пытался «научно» обосновать необходимость решения «сербского вопроса». Лоркович выделил три источника «сербизма» в хорватских землях: во-первых, влахов (преимущественно православное романоязычное население, мигрировавшее в «хорватские земли» в XVI–XVII вв.). Лоркович считал их смешанным славянско-албанско-румынским населением, которое впоследствии ассимилировали сербы. Вторым источником были собственно сербы, мигрировавшие в XVII в. из Рашки и сербизировавшие влахов. Третьим — хорваты-католики, перешедшие в православие³⁷. После создания НГХ отношение Лорковича к потомкам влахов стало более резким. О влахах, например, он теперь писал, что это «остатки балкано-романских метисов... по расе они не сербы и не

³⁵ *Kisi Kolanovi N.* Podržavljenje imovine Židova u NDH // *Časopis za savremenu povijest*. 1998. Br. 3. S. 432–433.

³⁶ *Budak M.* Hrvatski narod u borbi za samostalnu i nezavisnu hrvatsku državu. [б. м.]. 1933. S. 185.

³⁷ *Lorkovi M.* Narod i zemlja Hrvata. Zagreb, 1939. S. 70–71.

³⁴ *Jelić-Butić F.* Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska. S. 178–179; *Любомирова И.* Национализм и национална политика в Независимата Хърватска Държава (1941–1945). София, 2001. С. 303–322.

хорваты, а непостоянный элемент, который подвержен чужому влиянию»³⁸.

Уже в первые недели существования НГХ сербское население столкнулось с национальной дискриминацией. Сербам запретили служить в армии³⁹, упразднены были все «сербско-конфессиональные народные школы»⁴⁰, запрещена кириллица⁴¹, запрещено даже название «Сербская Православная Церковь», а сама церковь фактически была поставлена вне закона. Уже 7 мая 1941 г. в Загребе для сербов и евреев был введен комендантский час⁴². Сербам в городах должны были носить на рукавах повязки с литерой «Р», то есть «православный»⁴³. В Сараево сербам и евреям особым постановлением было запрещено ношение фески, кроме того, сербы и евреи должны были сдать в полицию все радиоприемники и телефоны⁴⁴. В Мостаре местные власти издали постановление, запрещавшее сербам ходить более чем по двое. Сербам и евреям не должны были ходить вместе, не могли гулять по бульвару, танцевать в общественных заведениях, выходить на улицу после семи вечера⁴⁵.

В конце мая — июне 1941 г. усташские власти предприняли мощную пропагандистскую антисербскую кампанию. В Госпиче, Сисаке, Глине, Новой Градишке, Славонском броде,

Винковцах, Вараждине, Осиеке, Бая-Луке, Карловце, Земуне, Копривнице, Джаково, Санском мосту и ряде других городов НГХ прошли многочисленные собрания, митинги. На этих собраниях усташские лидеры (министры и высшие функционеры усташского движения) пытались разъяснить хорватскому населению смысл и значение национального вопроса. Так, Милован Жанич, возглавлявший законодательный комитет при правительстве НГХ, на усташском собрании, состоявшемся 2 июня 1941 г. в Новой Градишке, сказал: «Усташи! Знайте: я говорю открыто. Это государство, наше Отечество, должно быть хорватским и ничьим больше... события... последних двадцати лет (период существования королевской Югославии. — С.Б.) доказали, что всякий компромисс исключен. Это должна быть земля хорватов... и нет метода, который усташи не употребили бы для того, чтобы сделать хорватскую землю действительно хорватской... Мы этого не скрываем, это политика усташского государства»⁴⁶.

Еще более откровенен и категоричен был стожерник (глава «стожера», крупного территориального подразделения усташского движения) Виктор Гутич. В конце мая он произнес речь в городе Сански мост, где в частности сказал: «Нет больше сербского войска! Нет больше Сербии!.. не стало цыганской (! — С.Б.) династии Карагеоргиевичей... Всякий, кто станет за них [за сербов] заступаться, сам станет врагом хорватской свободы»⁴⁷. Министр юстиции Мирко Пук 6 июня 1941 г. в Крижевнице заявил, что сербов, которых он именовал не иначе как «разбойниками», «подонками» и «отребьем с Балкан», следует выселить с хорватской земли, которую они заняли триста лет назад. Они либо «уйдут

³⁸ Цит. по: *Jelić-Butić F.* Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska. S. 173.

³⁹ Ustaša: Dokumenti o usta kom pokretu. S. 151.

⁴⁰ Narodne novine. 27.07.1941.

⁴¹ Zakonska odredba o zabrani ćirilice // Ustaški zakoni. S. 15.

⁴² Hrvatski narod. 08.05.1941; 10.05.1941.

⁴³ *Домић В.* Усташки злочини над србским свештеницима // <http://www.mitropolija.cg.yu>

⁴⁴ *Ademovi F.* Novinstvo i ustaška propaganda u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj: Stampa i radio u Bosni i Hercegovini (1941–1945). Sarajevo, 2000. S. 348–349.

⁴⁵ *Гојо Р.Д.* Буди католик или умри: Геночида над србима у Независној Држави Хрватској. Београд, 1995. С. 36.

⁴⁶ Цит. по: *Novak V.* Magnum Crimen: Pola vijeka klerikalizma u Hrvatskoj. Zagreb, 1948. S. 606.

⁴⁷ Цит. по: *Novak V.* Op. cit. S. 608, 609.

подобру-поздорову», либо их уничтожат силой⁴⁸. «Сербы в Хорватии — чужеродный элемент, который представляет опасность для существования хорватского народа... Мы знаем, что они [сербы] нам никогда добра не делали и ничего доброго не желали», — заявил тот же Мирко Пук в городке Глина⁴⁹.

Младен Лоркович 28 июня 1941 г., то есть в памятный для всех сербов Видовдан⁵⁰, прямо подстрекал к этническим чисткам: «Хорватский народ должен очиститься от тех элементов, которые приносят ему несчастья, которые чужды ему, которые разлагают здоровые силы этого народа, которые столетиями толкали народ от одного несчастья к другому. Эти элементы — наши сербы и евреи»⁵¹. Настоящей «звездой» этой кампании стал Миле Будак, занимавший тогда пост министра по делам просвещения и религии. «У серба есть Сербия, это и есть его Отечество», — сказал Будак в своем выступлении на митинге в городе Славонски брод, явно указывая на необходимость депортации сербов⁵². Печальную известность приобрела знаменитая фраза Будака, будто бы произнесенная им на митинге в городе Госпич в конце июня 1941 г. Эта фраза раскрывала механизм решения сербского вопроса: одну треть сербов следовало обратить в католицизм и впоследствии ассимилировать, одну треть предстояло выселить в Сербию и, наконец, оставшуюся треть сербского населения необходимо было уничтожить⁵³.

Слова усташей в данном случае не расходились с делом. Массовые депортации (и просто бегство сербского населения) в Сербию, насильственное обращение целых сербских деревень в католицизм и массовый террор, развернутый усташами против сербского народа, стали реальностью уже летом 1941 г. В рамках данной работы мы не станем касаться проблемы усташского террора. Она заслуживает особого изучения. До сих пор не решен вопрос соотношения организованного террора и террора стихийного. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не всегда позволяют судить о том, проводилась ли та или иная акция террора подразделениями Усташской войницы (особой «партийной» армии, хорватского аналога войск СС) или отрядами «диких» усташей⁵⁴, по своей ли инициативе или по инициативе свыше. Слож-

⁵⁴ «Дикие усташе» — отряды так называемой усташской милиции. Они начали формироваться в мае-июне 1941 г., их численность быстро росла. Особенно многочисленны отряды усташской милиции были в тех районах страны, где совместно жили хорваты и сербы или мусульмане и сербы. В этих районах число «диких» усташей росло изо дня в день. Отряды «диких» усташей вступали в сербские села, грабили, убивали сербов. Представители местных отделений усташского движения нередко сами становились вождями «диких» усташей. Размах террора, устроенного «дикими» усташами, был таков, что вызвал беспокойство даже у властей НГХ, начавших терять контроль над страной. 21 августа 1941 г. Павелич подписал указ, запрещающий носить усташскую форму всем, кто не состоит в подразделениях Усташской войницы, в усташском аппарате или в личной охране полковника. Часть отрядов усташской милиции была включена в подразделения Усташской войницы, часть расформирована. Но отряды «диких» усташей не прекратили существования, они продолжали терроризировать сербское население вплоть до 1945 г. См.: *Coli M. Takozvana Nezavisna Država Hrvatska*. 1941. Zagreb, 1973. S. 280, 282.

⁴⁸ Ibid. S. 606.

⁴⁹ Hrvatski narod. 03.06.1941.

⁵⁰ Видовдан — День св. Вита, день памяти битвы на Косовом поле 28 июня 1389 г., когда сербское войско было разбито Османами. Видовдан — священный день для каждого серба, день поминовения сербов, павших за Отечество.

⁵¹ Hrvatski narod. 28.06.1941.

⁵² Hrvatski narod. 16.06.1941.

⁵³ Цит. по: *Novak V.* Op. cit. S. 605.

нейшую проблему представляет собой оценка общего числа жертв усташского геноцида сербского, еврейского и цыганского народов. Она уже стала предметом не только научных исследований, но и политических спекуляций. Во второй половине 1980-х гг. началась дискуссия между хорватскими (Л. Бобаном, В. Жерявичем) и сербскими (В. Крестичем, М. Булаичем, А. Милетичем и др.) историками. Продолжается она и по сей день. При этом сербские историки⁵⁵, как правило, преувеличивают количество жертв (до 1 700 000, хотя сербское население НГХ не достигало и двух миллионов), в то время как их хорватские коллеги⁵⁶ сокращают это количество до нескольких десятков тысяч и даже вовсе отрицают факт геноцида.

Усташская пресса играла в антисербской пропагандистской кампании одну из ведущих ролей. С первых до последних дней существования НГХ антисербские публикации не сходили с газетных страниц. «В Хорватии не может быть ни сербов, ни православных», — утверждала газета «Хрватски народ»⁵⁷, главный печатный орган НГХ. Уже в разгар гражданской и меж-

этнической войны тот же «Хрватски народ» утверждал, что на территории НГХ столкнулись две непримиримые идеи — «империалистическая» сербская и «национальная» хорватская, и что борьба между ними ведется всеми возможными средствами «не на жизнь, а на смерть»⁵⁸. Истребительная война против сербов, таким образом, воспринималась уже как едва ли не единственно возможный способ защиты хорватского государственного суверенитета и как метод созидания хорватского национального государства. «Метла, которая сметает все нехорватское, трудится неутомимо», — с удовлетворением констатировал Д. Црлен⁵⁹.

В 1942–1945 гг. территория НГХ служила основным театром военных действий для Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ). Победы стран антигитлеровской коалиции делали НОАЮ в глазах многих хорватов более привлекательной, нежели усташский режим, которому суждено было разделить с гитлеровской Германией горечь поражения. Понимая, что рост популярности коммунистов в хорватской среде крайне опасен для дальнейшего существования НГХ, усташские власти попытались использовать для дискредитации партизан все то же пугало сербского национализма.

Лучше всего соотношение «сербской угрозы» и «коммунистической угрозы» в глазах усташей разъяснил сам Павелич. В одном из своих последних публичных выступлений на родине, 10 марта 1945 г., он сказал следующее: «Братья и сестры!.. Враг наступает... Наступает, как всегда, из Белграда... [Более двадцати лет назад] Белград хотел подчинить себе хорватский народ... Делалось это во имя лживого югославизма. Теперь Белград идет тем же путем, действует тем же

⁵⁵ См. *Николић К.* Полемике о геноциду у НДХ у југословенској историографији 1985–1989 // Геноцид у 20. веку на просторима Југословенских земаља: Зборник радова са научног скупа (Београд, 22–23 април 2003). Београд, 2005. С. 425–452; *Bulaji М.* Ustaški zločini genocida i suđenje Andriji Artukovića. Beograd, 1986–1988. Knj. 1–4; *Bulaji М.* Jasenovac. Ustaški logori smrti «srpski mit»? Beograd, 1999.

⁵⁶ *Pečari Ј.* Srpski mit o Jasenovcu. Zagreb, 1998; *Žerjavić V.* Gubici stanovništva Jugoslaviji u Drugom svjetskom ratu. Zagreb, 1989; *Žerjavić V.* Opsesije i megalomanije oko Jasenovca i Bleiburga. Gubici stanovništva Jugoslavije u drugome svjetskom ratu. Zagreb, 1992.

⁵⁷ Hrvatski narod. 30.07.1941. См. также антисербские публикации в газете Hrvatski narod. 20.05.1941; 30.05.1941; 27.08.1941; 29.08.1941.

⁵⁸ Hrvatski narod. 09.11.1943.

⁵⁹ Načela Hrvatskog Ustaškog Pokreta / Pripremio D. Crljen // Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu. S. 73.

способом: через коммунистическо-большевистский югославизм»⁶⁰. Зная, что хорватский народ нельзя победить силой оружия, «большевистские правители Белграда» придумали фикцию народного представительства. С точки зрения Павелича, неважно, кто правит в Белграде, коммунисты или «наместники короля», все равно их политика будет проводиться только в соответствии с интересами Сербии, а не хорватского народа⁶¹.

Сербы в глазах усташей оставались, безусловно, главными врагами хорватской нации, и отождествление сербской и коммунистической угрозы в их глазах являлось средством мобилизации народа. Насколько эффективным было это средство, сказать трудно. Популярность усташского режима у хорватского населения НГХ, степень поддержки этим населением политики режима остаются спорными вопросами. Анализ этих проблем потребует проведения специального исследования.

Военно-политическое поражение усташей в 1944—1945 гг. и крах созданного ими НГХ означали конец и усташского движения, но не конец хорватского национализма и хорватской сербофобии.

Образ сербов как исторического врага хорватской нации, развивавшийся со времен Анте Страчевича, окончательно сложился именно в межвоенный период и в годы Второй мировой войны. В Югославии хорватский этнический национализм продолжал жить. Уже с 1960-х гг. руководство страны стало все чаще сталкиваться с его проявлениями, самым заметным из которых стала так называемая «хорватская весна» 1971 г., когда в хорватских землях развернулось массовое движение

за расширение прав Хорватии в югославской федерации (вплоть до отделения от нее и создания собственного хорватского государства), за отделение хорватского языка от сербского и т.д.

Развившийся вскоре после смерти Тито в 1980 г. системный кризис югославского общества привел к обострению многочисленных межнациональных конфликтов. В Хорватии вновь появился «сербский вопрос». На этот раз хорватским националистам, объединенным в Хорватское демократическое содружество во главе с Франьо Туджманом, не только удалось добиться создания в 1991 г. собственного национального государства, но и осуществить то, что не удалось усташам, — решить «сербский вопрос».

Многие эпизоды войны 1991—1992 гг. в Сербской Краине (на территории отделившейся от Югославии Республики Хорватия) напоминали времена усташского геноцида сербов⁶².

В 1995 г. в результате операций «Блеск» и «Буря» хорватская армия ликвидировала созданную хорватскими сербами Республику Сербская Краина и выселила с хорватской территории большую часть сербского населения. Оставшиеся сербы подверглись ассимиляторской политике. Таким образом, современным хорватским националистам удалось в значительной степени достичь тех целей, что ставили перед своими соратниками идеологи усташского движения.

Вопрос о причинах сербофобской направленности хорватского национализма поднимался неоднократно. Определенную роль в формировании сербофобии, несомненно, сыграл опыт многолетней борьбы против югославского государства, когда ненависть к сербскому «гегемонизму» была распространена на весь сербский народ.

⁶⁰ Poglavnikov govor u Hrvatskoj radničkoj komori u Zagrebu (10. ožujka 1945.) // Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu. S. 341.

⁶¹ Ibid. S. 341.

⁶² См.: Гуськова Е.Ю. История Югославского кризиса (1990—2000). М., 2001. С. 127—218.

Относительная сербская гегемония в югославском государстве и борьба хорватских националистов против нее углубляли сербо-хорватские противоречия и способствовали расширению социальной базы национализма. Однако, как мы убедились, сама сербофобия возникла задолго до создания Югославии. В НГХ сербы оказались крупнейшим национальным меньшинством, само наличие которого препятствовало достижению усташского идеала — моноэтничного национального государства. Но главная причина, по всей видимости, в другом, ведь ни одно этническое меньшинство не шельмовалось так последовательно и не подвергалось таким гонениям, как сербское.

Процессы становления национального самосознания сербского и хорватского народов совпали и во времени, и в значительной степени в пространственном отношении. Сербские и хорватские националисты выдвигали претензии на одни и те же земли, оспаривали друг у друга национальную принадлежность населения этих земель. Складывание национального самосознания хорватов и сербов, проживавших на полиэтничных территориях, включало в себя неизбежное противопоставление «своих» «чужим», что также негативно сказывалось на их взаимоотношениях. Так сербский и хорватский национализмы

оказались исторически связаны друг с другом.

Мы уже отмечали, что национальное чувство и национальное самосознание возникают как реакция на контакт с чужаком. В некотором смысле, нация осознает себя, лишь встретившись с другой нацией. Контакты хорватов и сербов были длительными, многосторонними. Вследствие этнической чересполосицы, проживания представителей обоих народов на одной и той же территории именно сербский народ стал для хорватов, если можно так сказать, «чужаком № 1».

Таким образом, в представлении хорватских националистов сербы заняли место «пятой колонны», на лояльность которой рассчитывать не приходится, место главного «врага» хорватской нации. «Врага», само наличие которого в государстве недопустимо.

Многолетняя борьба против «сербского великодержавия» (реального в королевской Югославии, мнимого в Югославии социалистической) сплачивала хорватскую нацию, заставляла на время забыть об идеологических разногласиях и партийных интересах. Впрочем, исследование исторического смысла хорватской сербофобии и ее роли в развитии хорватской нации лишь только начинается. Наши выводы самые предварительные.

АЛЕКСАНДР РОДРИГЕС, ЕЛЕНА ГАЛКИНА

ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА КАК ФАКТОР НАЦИОГЕНЕЗА

У любого этнонационального конфликта есть точка отсчета, зарождения; как правило, это момент, когда некая этническая группа, не имеющая государственности, берет на вооружение идеологию национализма. Пройдя период внутриутробного развития в лоне интеллектуальной элиты, идея обретает реальные очертания и спускается в массы, которые начинают требовать политического признания в качестве нации — от автономии до полной независимости, то есть требовать изменения существующего территориально-государственного устройства. Такая постановка вопроса неизбежно затрагивает интересы других этносов, проживающих в рамках того же государства, что и повстанцы. Далее ситуация может развиваться совершенно по-разному, но этот рубеж присутствует всегда, и определить его нетрудно, ибо интеллектуалы действуют публично и посредством печатного слова. Так называемый арабо-израильский конфликт — пожалуй, самый известный в современном мире, затяжной и давно уже патовый, тоже имеет свою точку отсчета, и не одну, потому что не разменял и действующих лиц, и риторику, и суть. Из юных ростков национально-гуманистической утопии в теле разлагающейся Османской империи он стал терновым кустом, пылающим на пороховой бочке Большого Ближнего Востока. И прогнозировать, сгорит ли куст, взорвав все живое вокруг, или будет глеть вечно, или трансформи-

руется во что-то еще — можно лишь определив эти точки на векторе времени.

Во II тысячелетии до н.э. семитские племена, отдаленные предки евреев, пришли в Палестину с Аравийского полуострова и прочно обосновались на этой земле. Легендарные истоки еврейского народа связаны с именами Авраама, его сына Исаака и внука Иакова, но и история арабов по еврейской версии, изложенной в Библии, ведет свое начало от Исмаила, сына того же Авраама, но от другой матери, следовательно, сводного брата Исаака. Таким образом, согласно преданию, евреи и арабы — «двоюродные братья», они относятся к одной и той же семитской языковой группе. Впрочем, история человечества полна примеров, как именно *братские*, родственные народы истребляли друг друга с особой жестокостью.

В основе арабо-израильского конфликта — вопрос о территории. Состоявшееся в XX в. завоевание евреями Палестины и изгнание местного населения имеет под собой прочный идеолого-методологический фундамент с подробным обоснованием безусловных прав на эту землю и борьбу за нее практически любыми средствами. Евреи заявляют, что эту землю им дал Всевышний, что они пришли сюда четыре тысячи лет тому назад, когда арабов там не было, что римляне изгнали их с земли предков, и они — биологически и ментально прямые потом-

ки изгнанных, особенный, уникальный народ — вернулись¹.

Впрочем, у противника имеются не менее существенные аргументы. Арабы говорят, что времена глубокой древности, с обилием разных народов и постоянными падениями государств и исчезновением целых культур, не могут рассматриваться как обоснование на современный территориальный передел, что они живут в Палестине четырнадцать столетий непрерывно и считают ее частью их большой родины — арабского мира. Кто действительно прав, не имеет значения, поскольку этот вопрос есть часть информационной войны, а не научной дискуссии. Эта война, в свою очередь, является частью арабо-израильского конфликта, разрешения которого в ближайшее время не предвидится. Но уже сейчас можно обозначить некоторые итоги конфликта, которые бы удивили тех, кто вольно или невольно стоял у его истоков. Именно этот конфликт много позже привел к процессу формирования двух новых наций: палестинцев и израильтян. И начался он с рождения новой национальной идеи — сионизма.

Несмотря на более чем два тысячелетия диаспоры, формировавшейся многие столетия как до, так и после разрушения Второго Храма², неболь-

шие еврейские анклавы сохранялись на территории Палестины постоянно. Этот старый *ишув* (букв. «населенное место») пополнялся в основном за счет глубоко религиозных людей, весьма жалкое существование которых поддерживалось подаянием, собранным в общинах по всему остальному миру. В 1299 г. хиджры (1881–1882 гг.), по данным османской статистики, численность старого ишува составляла около 25 тыс. человек (5,3%), мусульман же насчитывалось 403 795 человек (85,5%), христиан — 43 659 (9,2%)³. Массово эмигрировать в Святую землю ни сефардские, ни ашкеназские общины до конца XIX в. не стремились, во многом по религиозным соображениям (диаспора считалась божественным приговором, который не может быть отменен по воле людей)⁴.

Зарождение национальных идеологий и волна национально-освободительных движений в Европе не могли остаться в стороне от еврейских интеллектуалов, которые реагировали на эти процессы по-разному: одни призывали вообще к «эмансипации общества от еврейства» и не видели перспектив в развитии еврейской нации⁵, другие приходили к выводу, что решить еврейский вопрос можно, только избавив евреев от сословно-родового проклятия поклонения Маммоне путем создания этнической социалистической

¹ Анатомия и происхождение этой идеологии с позиций социального конструктивизма подробно разобраны в нашумевшей, во многом спорной книге Шломо Занда (*Занд Ш. Кто и как изобрел еврейский народ / Пер. с ивр. М. Урицкого. М.: Эксмо, 2010*), где показано, что все ее базовые тезисы, включая факт изгнания с Земли Обетованной, являются не более чем мифологемами национального сознания, имеющими отношение к пропаганде, но не к историческим реалиям.

² Как отмечает Б. Динур, «процесс вытеснения народа со своей земли был процессом социально-демографическим <...>. Он был обусловлен, прежде всего, непрерывным проникновением в страну жителей пустыни и их смешением с основ-

ным иноплеменным населением страны, арамеями-сирийцами» (цит. по: *Бартадь Э. Изобретение изобретения // Booknik.Ru — Еврейские темы и тексты / http://booknik.ru/context/?id=32658&print=*). См. также: *Занд Ш. Кто и как изобрел еврейский народ. С. 243–340.*

³ *McCarthy J. The Population of Palestine: Population History and Statistics of the Late Ottoman Period and the Mandate. Institute for Palestine Studies Series. Columbia University Press, 1990. P. 38.*

⁴ *Занд Ш. Указ. соч. С. 253.*

⁵ *Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. М., 1955.*

республики с обобщественной ответственностью⁶. Но катализатором формирования сионизма стали, скорее, социальные причины.

Усиление политики притеснений и гонений на евреев во второй половине XIX в., проводившееся повсеместно в странах Восточной Европы и в России, где в это время проживала основная масса еврейского населения мира, а также разочарование и фактическая дискредитация идеи эмансипации евреев в Западной Европе обусловили тот факт, что необходимость возрождения Эрец-Исраэль как центра мирового еврейства стала многим казаться единственным средством спасения от антисемитизма и полной потери национальной идентификации. Убежденность в этом побудила многих еврейских интеллектуалов открыто отстаивать и пропагандировать идею создания государства для евреев. Так родился сионизм как общественное движение.

Это сейчас Израиль является идеократическим государством, т.е. государством, созданным во имя реализации идеи или ею руководствующимся. Государства такого типа могут исповедовать панисламизм, арабский национализм, догматизированный и вульгаризированный марксизм или, как в данном случае, сионизм. И это сейчас сионизм — крайне националистическая идеология и политическое движение, отталкивающееся от представления о евреях как о богоизбранном народе, облеченном особой миссией. Но начиналось это движение как светское и далеко не сразу приобрело столь бескомпромиссный характер, хотя предпосылки к этому имелись изначально, в силу особенностей иудаизма, диаспоры с ее вынужденным изоляционизмом и истории еврейской мысли, столетиями

законсервированной в средневековую герменевтику и вышедшей оттуда лишь во второй половине XIX века под влиянием национально-освободительных движений Европы, опасности ассимиляции в отрывающем свои двери буржуазно-демократическом обществе и всплеск антисемитизма.

Движение за «возрождение еврейского народа на своей исторической родине» приобрело политически организованный характер в 1897 г., когда по инициативе Т. Герцля (1860–1904) в Базеле (Швейцария) был созван первый конгресс Всемирной сионистской организации (ВСО). На этом конгрессе была принята программа, формулирующая цель сионистского движения:

«Сионизм стремится создать для еврейского народа обеспеченное публичным правом убежище в Палестине. Для достижения этой цели Конгресс рекомендует:

— содействие поселению в Палестине евреев-земледельцев, ремесленников и рабочих;

— организацию и объединение всего еврейства с помощью местных и международных учреждений, в соответствии с законами каждой страны;

— укрепление и развитие еврейского национального чувства и национального самосознания;

— предварительные меры для получения согласия правительств на осуществление целей сионизма⁷.

Один из лидеров сионизма и первый президент Государства Израиль Хаим Вейцман в предисловии к книге «Сионизм и будущее евреев», изданной в 1916 г., писал: «Полвека тому назад некоторые дальновидные русские евреи стали понимать опасность дезинтеграции еврейства в силу того, что евреи усваивают чужие идеи и нравы. Они поняли, что единственное лекарство против этой болезни — это возможность образовать новый центр

⁶ Hess M. Rome and Jerusalem; The Last National Question // http://www.zionismontheweb.org/Moses_Hess_Rome_and_Jerusalem.htm

⁷ Базельская программа // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 1. Кол. 280–281.

для евреев на их исторической родине, где они будут жить свободными, на своей земле, развиваться в русле современной жизни, не утрачивая своей индивидуальности»⁸.

Некоторые идеологи сионизма следующих поколений, например премьер-министр Израиля Менахем Бегин, отталкивались от посылки «человек человеку — волк», которую можно найти у ранних правых сионистов (собственно, так называется одна из наиболее известных работ идеолога движения сионистов-ревизионистов Зеэва Жаботинского). А поскольку «человек есть частица своего народа, а национальная общность высшая форма общности, постольку нации сосуществуют в борьбе друг с другом. Евреи — народ отверженный, и враждебность к нему в мире неискоренима»⁹. Яков Клячкин (Klatzkin) в книге «Кризис и решение», изданной в 1921 г. в Берлине, писал: «Мы чужие среди вас и хотим такими оставаться. Между нами широкая пропасть, через которую невозможно наведение мостов. Ваш дух чужд нам, ваши мифы, легенды, обычаи, привычки, традиции, национальное наследие, религия, святыни... — все нам чуждо»¹⁰.

Приведенные высказывания, как правило, принадлежат деятелям уже «практического» периода сионистского движения; они резки, но отражают этнопсихологические факторы генезиса идеи создания еврейского государства в Палестине, т.е. то, *от чего* шла эмиграция, но не *к чему* она стремилась.

Во второй половине XIX — начале

⁸ *Weizmann Ch.* Introduction // *Zionism And The Jewish Future*. London, 1916. P. 4.

⁹ State and Ideology in the Middle East and Pakistan / Ed. by Fred Halliday and Hamza Alavi, Macmillan, 1988. P. 224; *Peleg I.* Begin's Foreign Policy: Israel's Turn to the Right. Greenwood, 1987. P. 8–18, 59.

¹⁰ Цит. по: *Menubin M.* The decadence of Judaism in our time. Beirut, 1969. P. 482.

XX века, когда сионистское движение только формировалось, его теоретики воспринимали как данность существование еврейского этноса и отсутствие еврейской нации, которую и предстояло построить, когда народ обретет свою землю¹¹.

У идеологов сионизма, как и у любых интеллектуалов, стоявших у истоков национальных движений, было понимание того, что они в своих штудиях не просто сохраняют или воссоздают духовное наследие народа, а в очень большой степени создают его заново, конструируют национальное самосознание, которое понималось как главная характеристика нации¹². Поэтому они весьма свободно писали о необходимости корректировки традиционных ценностей в соответствии с условиями современной реальности, трактовки их сквозь призму этой реальности, в том числе и духовной. Иудаизм был для них отправной точкой, связующей нитью, сохранившей народ в веках, но не незыблемым канонем. Эта свобода давала возможность возводить сияющие небесные замки идеального общества на началах гуманизма, социализма и технологий будущего. Но некоторым удавалось и увидеть проблемы, которые казались периферийными для проектов Теодора Герцля и его последо-

¹¹ Об этом: *Авинери Ш.* Происхождение сионизма: Основные направления в еврейской политической мысли. Иерусалим: Гешарим, 5765; М.: Мосты культуры, 2004. С. 72–77, 128–129, 182.

¹² «Национальное самосознание! Где же его взять? В том-то и заключается великое несчастье нашего племени, что мы не составляем нации, что мы только евреи», — констатировал проблему Лев Пинскер (1821–1891) в очерке «Автоэмансипация» — одном из программных произведений еврейской национальной мысли (Автоэмансипация: Призыв русского еврея к своим соплеменникам // *Герцль Т.* Еврейское государство. Автоэмансипация / *Л. Пинскер*; вступ. ст. Хаима Бен Яакова. М.: Текст, 2008. С. 157).

вателей — политических сионистов, в представлении которых светлое будущее обычно начиналось сразу вслед за провозглашением государственности.

Так, Ахад-ха-Ам¹³, один из крупнейших теоретиков «еврейского вопроса» и родоначальник духовного сионизма, интегрировал в свою концепцию ницшеанскую «волю к жизни» и сверхчеловека, превратив последнего в сверхнарод, для чего была необходима переоценка ценностей еврейства, основанных на «опасно ошибочной идее превосходства духа над материей и подчинении жизни человека абстрактным моральным законам»¹⁴. Эта романтическая идея создания сильной и справедливой суперации на основе симбиоза Книги, ницшеанской морали и теории Дарвина сочеталась у Ахад-ха-Ама со скепсисом в отношении судьбы государства, созданного путем политической игры великих держав, заинтересованных в создании марионеточного режима в стратегически важном месте, а не в формировании нации с единой национальной культурой и новой системой ценностей¹⁵.

Побывав в 1891 и 1893 гг. в Палестине, где тогда проживало ок. 30 тыс. евреев и 450 тыс. арабов¹⁶, Ахад-ха-Ам убедился, что это далеко не пустынная земля с ограниченным числом полудиких аборигенов, которая только и ждет притока квалифицированной рабочей силы и новых технологий,

как считало в конце XIX — начале XX века большинство лидеров политического сионизма¹⁷. Он прогнозировал, что в ближайшей перспективе Палестина станет ареной межнациональных противоречий, источниками которых станет исторически неизбежное развитие арабского национально-освободительного движения, помноженное на неподобающее отношение репатриантов к местным жителям¹⁸.

В двух статьях-отчетах «Правда из Эрец-Исраэль» Ахад-ха-Ам ясно обозначил будущую арабо-израильскую проблему и ее истоки: *«Мы за рубежом обычно считаем, что все арабы — это дикие сыны пустыни... Но это серьезное заблуждение... Арабы — особенно те, что живут в городах, — видят и понимают, что мы делаем в стране и чего хотим... Если со временем жизнь нашего народа в Эрец-Исраэль достигнет такого развития, что более или менее потеснит местное население, оно не столь легко уступит свое место... <...> А что делают наши братья в Эрец-Исраэль?.. Люди, бывшие рабами в изгнании, вдруг попали в положение неограниченной свободы... и вот они обращаются с арабами враждебно и жестоко, вторгаются в их владения, бьют их без причин, да еще похваляются, что так будут делать и дальше»*¹⁹.

Но национальный миф Израиля стал строиться вокруг линии Герцля, которая лежала вообще вне плоскости проблемы нееврейского населения Па-

¹³ Ивр. «Один из народа» — псевдоним Ашера Гирша Гинцберга (1856, г. Сквирок. Киева, Украина, Российская империя — 1927, Тель-Авив, Палестина), еврейского публициста, мыслителя, общественного деятеля.

¹⁴ *Abad ha-'Am. The Transvaluation of Values // Selected Essays by Ahad Ha-'am. Transl. by L. Simon. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1912. P. 218.*

¹⁵ *Achad-Haam. Judenstaat und Judennot // Achad Haam. Am Scheidewege. Bd. 2. Berlin: Judischer Verlag, 1916. S. 7–28.*

¹⁶ *McCarthy J. The Population of Palestine. P. 37–38.*

¹⁷ *Звягельская И.Д. Появление политического сионизма // Государство Израиль. М.: ИВ РАН, 2005. С. 42.*

¹⁸ *Zipperstein S.J. Between Tribalism and Utopia: Ahad Ha'am and the Making of Jewish Cultural Politics // Modern Judaism. 13 (1993). P. 231–247; Douty A. Much Ado about Little: Ahad Ha'am's «Truth from Eretz Yisrael», Zionism, and the Arabs // Israel Studies. Vol. 5. No 2 (Fall 2000). P. 154–181.*

¹⁹ Цит. по: *Авинери Ш. Указ. соч. С. 269, 270.*

лестины. В утопическом романе Герцля «Старая новая земля» (*Altneuland*) арабы становятся органичной и равноправной частью нового общества, благодарные евреям за строительство дорог и городов, бесплатное образование и всеобщее избирательное право. Спор о статусе местных жителей — неевреев ведется только внутри еврейской общины, и побеждает либеральная сторона, выступающая за равноправие и против этнократии²⁰. Таким образом, *Герцль вообще не мыслил о возможности этнонационального конфликта и арабского национального движения как такового*. Следующее поколение сионистских лидеров, будучи уже свидетелями зарождения арабского национального движения, не придавали этой проблеме значения, ибо во время Первой мировой войны начали проступать вполне реальные очертания еврейского государства в Палестине. Хаим Вейцман, во многом благодаря которому появилась знаменитая Декларация Бальфура 1917 г., считал себя учеником Ахад-ха-Ама, но разошелся с ним в оценке декларации, которую тот счел отвечающей скорее британским, а не еврейским интересам²¹.

В 1919 г. Вейцман, возглавив созданную британским правительством Сионистскую комиссию, встретился с одним из вождей Арабского восстания 1917 г. эмиром Фейсалом и договорился с ним о поддержке сионистов в Палестине при условии, что Британия выполнит обещание о независимости арабов (соглашение Фейсала–Вейцмана). Британия обещание не выполнила, и Сирийский националь-

ный конгресс вынудил Фейсала отказаться от поддержки сионистского движения²². Арабы Палестины начали активное сопротивление еврейской иммиграции. Дипломатический путь политического сионизма под покровительством великих держав оказался не так прост и отнюдь не вел в рай светского гуманизма, равноправия и еврейского культуртрегерства.

До декларации Бальфура под влиянием сионистской пропаганды в Палестину приехало около 25 тыс. евреев (так, например, за один 1882 г. из России приехало около 3 тыс. человек). Эта цифра может показаться большой, только если не сравнивать ее с количеством других жителей Палестины: в 1882 г. неевреев насчитывалось 452 789 чел., в 1914 — уже 737 389²³. Ехали в Палестину главным образом романтики-мечтатели, люди, стремившиеся через производительный труд возродить еврейский народ, «оттесненный» в диаспоре в паразитические области торговли и посредничества²⁴. Они планировали «осесть на земле», заняться сельским хозяйством и строить новое общество на началах утопического социализма; основывали кибуцы, сельские коммуны, которые не вызывали большого энтузиазма барона Э.Д. Ротшильда, организатора и главного спонсора поселений в Эрец-Исраэль. Средства на кибуцное движение выделялись крайне скромные, сельскому хозяйству поселенцы обучались, проживая в палатках, плохо питаясь и страдая от различных эпидемий. И предостережения Ахад-ха-Ама казались совершенно неактуальными, по крайней мере в ближайшее столетие, если учитывать динамику роста еврейского и нееврейского населения.

²⁰ См.: *Herzl T. AltNeuLand. Ein utopischer Roman*, hrsg. von David Gall (haGalil). Books on Demand GmbH, 2004 / *Herzl T. Old New Land (Altneuland)* / Transl. by L. Levinsohn. NY: M. Wiener, 1987

²¹ *Halpern B. The Disciple, Chaim Weizmann // At the Crossroads. Essays on Ahad Ha-am*. NY: State Univ. of NY, 1983. P. 167–168.

²² *Smith C. D. Palestine and the Arab-Israeli Conflict* / 4 th ed. NY: Bedford/St. Martin's Press, 2001. P. 111.

²³ *McCarthy J. The Population of Palestine*. P. 38.

²⁴ *Авинери Ш. Указ. соч. С. 335.*

В основном новые иммигранты представляли две сионистские организации: Ховевей Цион (букв. «Любящие Сион») и БИЛУ (аббревиатура на иврите библейских слов «Сыновья Яакова, вставайте и пойдём!»), которые почти полностью влились во Всемирную сионистскую организацию после ее основания. Хотя почти 80% поселенцев, так и не сумев привыкнуть к условиям жизни в Палестине, покинули страну, тем не менее им удалось основать первые еврейские поселения (Зихрон-Яаков, Ришон-ле-Цион, Хадера, Мишмар ха-Ярден, Рош-Пина, Пэтах-Тиква и др.). В 1909 г. рядом с арабской Яффой был заложен еврейский город Тель-Авив. По инициативе знаменитого просветителя Бен Йехуды был возрожден древний язык — иврит, ставший впоследствии официальным языком еврейского государства и заменивший собой идиш, на котором говорили иммигранты из Восточной Европы. Однако слабая социальная база алии²⁵ не позволяла сионистам рассчитывать на быстрое осуществление Базельской программы. В этой связи ВСО в начале XX в. начало уделять особое внимание вопросам иммиграционной политики, и в дополнение к созданным ранее сионистским учреждениям²⁶ в Палестине

было образовано собственное представительство ВСО — «палестинская канцелярия», действовавшая под руководством А. Руппина. Он же получил указание от тогдашнего председателя ВСО Д. Вольфсона собрать данные о состоянии дел в экономике Палестины.

Уже вскоре в Палестине появляются первые сионистские политические партии, которые послужили основой для формирования будущей многопартийной системы государства Израиль. Поколением второй алии были основаны палестинские филиалы социалистических групп Поалей Цион (Рабочие Сиона) и га-Поэль га-цаир (Молодой рабочий). Палестинское отделение «га-Поэль га-цаир» возникло в 1905 г. в результате слияния палестинских кружков молодых еврейских интеллигентов России, идейным вдохновителем которых был марксист Б. Борохов (1881–1917). По его мнению, в Палестине легче будет вести классовую борьбу с буржуазией, чем в странах Европы, поскольку эта отсталая провинция Османской империи не будет привлекать особого внимания зажиточных еврейских слоев и в иммиграционный поток будут вливаться в основном малоимущие пролетарские массы. В основу стратегии и

²⁵ Алия (дословный перевод с иврита — «восхождение») — этот термин применяется для обозначения еврейской иммиграции в Палестину (Израиль). Обычно различают несколько периодов иммиграции, предшествовавших образованию государства Израиль. 1-я алия — 1882–1903 гг., 2-я алия — 1904–1914 гг., 3-я алия — 1919–1923 гг., 4-я алия — 1924–1929 гг., 5-я алия — 1929–1939 гг. Значительная часть иммигрантов 1934–1948 гг. прибывала в Палестину нелегально из-за все больших ограничений, накладываемых Британией, поэтому эта иммиграция обычно называется *алия бет* — «нелегальная алия». Таким путем въехало более 115 тыс. человек. Всего с 1882 по 1948 г. в Палестину прибыло более 600 тыс. евреев.

²⁶ Основными органами финансирования сионистской программы колонизации Палестины были — Еврейский колониальный банк (ЕКБ), основанный по инициативе Герцля в 1899 г. как собственный банк ВСО, и Еврейский национальный фонд (ЕНФ), созданный по решению пятого сионистского конгресса в 1901 г., а также два дочерних предприятия ЕКБ — Англо-палестинский банк (АПБ), открывший свое представительство в Палестине в 1903 г., и Англо-левантийский банк, действовавший в Константинополе с 1906 г. Кроме того, на лондонской конференции ВСО в 1920 г. был создан Палестинский колониационный фонд, более известный как Кенен гаесод (Основной фонд).

тактики обеих организаций легли три практических принципа: «завоевание еврейской земли», «завоевание еврейского труда» и «завоевание еврейского языка». Общность политических установок обусловила последующее слияние этих групп в составе партии Ахдут га-авода (Единение труда).

В начале XX в. в Палестину начинают прибывать сторонники религиозно-сионистской партии МИЗРАХИ (аббревиатура *Мерказ рухани* — «Духовный центр»), основанной в 1902 раввином И.Я. Рейнесом в рамках ВСО. Лидеры МИЗРАХИ, как например, раввины Я. Рейнес и А. Кук, пытались приспособить иудаистскую догматику к сионистской идее еврейской государственности. До Первой мировой войны эта партия имела лишь несколько десятков последователей в Палестине, так как основная масса иммигрантов была индифферентно настроена к религии. Малочисленным было и движение «общих сионистов», основанное в 1907 г. и представлявшее интересы предпринимательских слоев ишува²⁷.

В 1913 г. руководитель БИЛУ И. Белкинд попытался организовать еврейское представительство ишува, однако его план не имел успеха из-за начала Первой мировой войны. Дальнейшее социально-политическое и экономическое развитие ишува напрямую было связано с политикой Великобритании в Палестине, территория которой была оккупирована английскими солдатами в конце 1917 г.

Предвидя поражение Германии и ее союзников, часть сионистского руководства во время войны интенсивно развивало сотрудничество со странами антигерманской коалиции и прежде всего с Великобританией. К 1917 г. Лондон становится общепризнанным центром международного сионизма. Уже в ходе войны лидеры ВСО осознавали, что совпадение их политических

взглядов с ближневосточной политической британских правящих кругов может сыграть положительную роль на будущих переговорах относительно процесса создания еврейского национального очага в Палестине. Именно эти соображения обусловили тот факт, что когда британская колониальная армия во главе с генералом Алленби вошла в Иерусалим, положив тем самым конец четырехсотлетнему господству Османской империи на «святых землях», вместе с английскими солдатами шли три батальона «Еврейского легиона», специально мобилизованного лидерами ВСО для поддержки военных операций британского командования в Палестине.

Со своей стороны, Великобритания поддерживала сионизм главным образом по тактическим соображениям. Во-первых, она стремилась использовать сионистскую мотивацию необходимости создания государства для евреев в ходе переговоров о статусе Палестины, стратегическое значение и положение которой было чрезвычайно велико. Известно, что по соглашению Сайкса–Пико (1916) Палестина попала в так называемую «коричневую зону» совместного управления Англии, Франции и России. После оккупации английскими войсками Палестины это соглашение явно не устраивало Лондон, который стремился после окончания войны присоединить к своим владениям на Арабском Востоке всю территорию Палестины. Во-вторых, английское правительство, принимая на себя обязательство содействовать созданию «еврейского национального очага», рассчитывало уклониться от ранее данного своим арабским союзникам обещания о создании арабского независимого государства, включавшего по соглашению Мак-Магона — Хусейна (1915) всю Палестину. Наконец, руководствуясь в своей политике традиционным принципом «разделяй и властвуй», британские политики предполагали отвести своей колониальной

администрации в Палестине роль арбитра в заранее предугадывавшемся национальном конфликте между прибывавшими еврейскими поселенцами и коренными арабскими жителями страны.

Еще в начале 1917 г. министр иностранных дел Англии лорд Дж. Бальфур отправил на имя лидера британских сионистов лорда У.Л. Ротшильда послание, вошедшее в историю как Декларация Бальфура. В ней, в частности, говорилось: «Правительство Ее Величества относится с благосклонностью к созданию в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все свои усилия для того, чтобы обеспечить достижение этой цели...» 2 ноября 1917 г. Декларация Бальфура была утверждена английским кабинетом министров и представлена на рассмотрение Верховного совета Антанты. Президент США В. Вильсон также дал согласие одобрить этот документ. Положения Декларации Бальфура были полностью включены в текст мандата совета Лиги Наций на управление в Палестине, выданного Великобританией на международной конференции в Сан-Ремо (19 апреля 1920 г.). В параграфе шестом мандата отмечалось, что Англия будет «содействовать еврейской иммиграции и поощрять плотное заселение евреями земель, включая государственные земли и пустующие земли, не являющиеся необходимыми для общественных надобностей, при этом заботясь о том, что права и положение других секторов населения не будут нарушаться»²⁸.

Это был настоящий прорыв, потому

что как только «национальный очаг еврейского народа» был фактически санкционирован великими державами, сионисты получили широкую поддержку со стороны крупной буржуазии с еврейскими корнями. Ведущую роль во Всемирной сионистской организации заняли сторонники Британии. В то же время сложился крупный центр сионизма в США, но в связи с провозглашением Америкой курса на изоляционизм ощутимой поддержки он не получал до Второй мировой войны, т.е. того периода, когда Штаты вытеснили Великобританию с позиций сильнейшей империи мира и начали принимать наследство.

По мнению многих арабских историков, именно с этой декларацией и начались все беды арабов: все дело в интерпретации формулы «national home», которую арабы понимали как «национальный очаг», а сионисты трактовали как «национальное государство». Хаим Вейцман, например, открыто говорил, что целью сионистов является превращение Палестины в еврейское государство с населением 4–5 млн. чел.²⁹. Арабская проблема должна была разрешиться сама собой после создания единого арабского государства Великая Сирия. Однако вместо этого, как известно, в арабских территориях «от берегов Средиземного моря до границ Ирана» было введено мандатное правление.

В апреле 1920 г. территория современного Ливана была выделена в государство «Великий Ливан» во главе с французским губернатором, Сирия же была раздроблена на ряд мелких политических образований с искусственными границами, а в Палестине английская администрация начала активно поддерживать «еврейский очаг». В 1921 г. в британской зоне на пустынных просторах Трансиордан-

²⁸ The Palestine Mandate// // The Avalon Project. Documents in Law, History and Diplomacy. Yale Law School / http://avalon.law.yale.edu/20th_century/palmanda.asP. Англия разрешила еврейским иммигрантам селиться только на одной четвертой части Палестины, а на остальной части ее территории, лежащей к востоку от русла реки Иордан, был создан эмират Трансиордания.

²⁹ Taylor A.R. The Zionist Mind: : the Origins and Development of Zionist Thought. Beirut: The Institute for Palestine Studies, 1974. P. 82.

ского плато был образован эмират Трансиордания, объединив чуть более 200 тысяч кочевников волей арабского эмира Абдаллы бин Хусейна и британского правительства, которое, таким образом, формально отделяло Палестину от Иорданской пустыни и начинало выполнение Декларации Бальфура о создании «очага» в Палестине. То есть Трансиордания становилась своеобразной буферной зоной между Палестиной и остальным арабским миром.

Так или иначе, наиболее прозорливые арабские политики сразу же поняли, чем чревата идея «очага» в таких геополитических реалиях, и немедленно начали борьбу против еврейской иммиграции. Обстановка накалялась. И арабы, и евреи стали создавать вооруженные отряды, начались стычки, временами перераставшие в бои.

Установление британского колониального управления в Палестине открыло широкие возможности для сионистского проникновения в страну и развития социально-экономической инфраструктуры будущего государства Израиль. В 1919–1923 гг. иммиграция в основном шла из России. Почти 35 тыс. репатриантов, прибывших в Палестину в эти годы, заложили основу промышленного и сельскохозяйственного производства в еврейском секторе экономики. Алия 1924–1929 гг. (около 67 тыс. чел.) шла в основном из Польши. Эта волна захватила преимущественно представителей мелкой и средней буржуазии, которые способствовали развитию городского хозяйства и торговли. В 1930-е гг. и вплоть до начала Второй мировой войны Палестина приняла около 165 тыс. чел. Это были в основном немецкие евреи, спасавшиеся от нацистских преследований. Среди этих репатриантов преобладали высококвалифицированные специалисты, составившие культурно-образовательную элиту ишува.

К 1939 г. число евреев дошло уже до 445 тыс. (29,66% всего населения). Ко-

ролевская комиссия по Палестине (комиссия Пиля) в своем отчете в 1937 г. констатировала: *«Не поддающийся усмирению конфликт возник между двумя национальными общинами в рамках одной маленькой страны... У них отсутствует общая почва для понимания... Религия и язык у них различны. Их культурная и социальная жизнь, их образ мыслей и манера поведения так же несовместимы, как и их национальные устремления. Именно последние и являются наибольшей помехой установлению мира. Арабы и евреи могли бы, возможно, научиться совместно жить и работать в Палестине, если бы они сделали искреннюю попытку применить и объединить свои национальные идеалы и со временем создать общую или двойную национальность, но они не могут этого сделать. Война и ее последствия вдохнули в арабов надежду на возрождение традиций арабского золотого века в свободном и объединенном арабском мире. Точно так же и евреев воодушевляет их прошлая история. Они хотят показать, чего может добиться еврейская нация, возвращенная на землю своего рождения. Поэтому ассимиляция между арабами и евреями исключена»³⁰.*

При активном содействии первого верховного комиссара Англии Г. Сэмюэла был принят указ о свободной продаже земель, разрешавший запрещенные в османские времена операции по скупке-продаже земель в Палестине. С одной стороны, эта мера способствовала размыванию устоев общинной жизни палестинских арабов, а с другой — открывала широкие возможности для приобретения земель в стране сионистскими финансовыми учреждениями. В годы британского мандата земельный фонд ишува уве-

³⁰ The Peel Commission Report (July 1937) // Jewish Virtual Library / <http://www.jewish-virtuallibrary.org/jsource/History/peel1.html>

личился почти в три раза³¹, а количество еврейских поселений — в четыре раза; около 25% всего еврейского населения было занято в сельском хозяйстве. Проводившаяся британскими властями политика поощрения предпринимательской деятельности еврейских иммигрантов из-за рубежа способствовала проникновению капитала, что стимулировало создание и развитие всех жизненно важных для существования самостоятельного государства отраслей экономического хозяйства. К концу Второй мировой войны более 80% всей палестинской промышленности составлял еврейский сектор³².

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. позиции ишува настолько окрепли, что тогдашний председатель исполкома ВСО и «Еврейского Агентства» Бен Гурион открыто выступил с призывом о создании на территории Палестины Израиля. Однако стремление еврейской общины страны к национальному и государственному суверенитету натолкнулось на упорное сопротивление палестинских арабов. Лидеры арабских националистов³³ во главе с верховным муфтием Иерусалима Хадж-Амином аль-Хусейни³⁴ категорически отказались обсуждать саму возможность раздела Палестины. Выступал против этой идеи и глава Трансиордании Абдалла бин Хусейн, который в 1930-е гг. обнаружил, что доставшаяся

ему территория совершенно бесплодна, и решил добиваться расширения своих земель за счет Палестины — с ее традиционно развитой торговлей, рынками, капиталами — и священным для всех мусульман городом аль-Кудс — Иерусалимом.

Тем временем приток еврейских иммигрантов, сокращение земельного фонда арабского сектора, бурное экономическое развитие ишува — все это объективно приводило к обезземеливанию арабских крестьян, сокращению их традиционного производства и безработице. Используя недовольство части палестинских арабов, Хадж-Амин, явно рассчитывавший на то, что англичане, действуя по аналогии с соседней Трансиорданией, будут способствовать его выдвижению на палестинский трон, инспирировал в целях демонстрации своего политического авторитета массовые вооруженные выступления арабов против евреев. В августе 1929 г. его речь в Иерусалиме послужила поводом к началу беспорядков и взаимных стычек между представителями двух общин. Только в Хевроне было убито 70 евреев. Еврейские вооруженные формирования также проводили акции против арабов Палестины. Организованные военные отряды появились и в арабской среде. В 1935 г. английские солдаты подавили в горах Кармеля выступление вооруженной группы шейха аль-Касема, который пользовался огромной популярностью среди палестинских арабов. Ответной реакцией на убийство аль-Касема и его сторонников стало проведение общеарабской забастовки, организованной Высшим арабским комитетом, который под председательством Хадж-Амина объединил лидеров всех арабских палестинских партий и движений, работу всех колониальных учреждений, транспорта и всего арабского сектора экономики.

Вместе с тем, если общеарабское неповиновение ни в коей мере не отразилось на состоянии ишува и лишь

³¹ Из 8252,9 кв. км пригодной для земледелия земли в 1947 г. евреи владели 1850 кв. км (Avneri A.L. The claim of dispossession: Jewish land-settlement and the Arabs, 1878–1948. New Brunswick, [N.J.] USA: Transaction Books, 1984. С. 65–66).

³² World Politics. V. 45, 1993, № 4, L.

³³ Об арабском национализме см.: *Родригес Александр*. Национализм и пути исламской демократии // Вопросы национализма. 2010. № 2. С. 159–160.

³⁴ Верховным муфтием его назначил в мае 1921 г. британский верховный комиссар Г. Сэмюэл.

демонстрировало, что он вполне способен существовать автономно в отрыве от арабского хозяйства, то для английских властей забастовка имела серьезные политические и экономические последствия. Палестина стала убыточной как колония; она ничего не давала метрополии и только требовала от нее больших расходов. Кроме того, антибританские настроения арабов могли подорвать позиции Лондона во всех других арабских странах накануне Второй мировой войны. Германская и итальянская пропаганда активно использовала палестинские события для разжигания антибританских настроений на Арабском Востоке. В этих условиях правительство Великобритании предложило в июле 1937 г. план Пиля, предусматривавший раздел Палестины на три сектора — арабский, английский и еврейский. Но план был отвергнут как руководителями ишува, так и арабскими лидерами, летом 1938 г. восстание арабов в Палестине вспыхнуло с новой силой. Опасаясь присоединения арабских националистов к странам германской коалиции, английские власти пошли по пути «умиротворения» арабов. 17 мая 1939 г. Великобритания опубликовала «Белую книгу» министерства по делам колоний, содержащую серьезные уступки арабской общине и в то же время ограничивавшую еврейскую репатриацию в Палестину и продажу земли в стране сионистским учреждениям³⁵.

Решение Англии поставило руководство ишува в очень сложное положение: когда мир вступал в самую кровавую войну XX столетия и нацисты уже начали осуществлять план уничтожения европейского еврейства, они не могли не занять враждебной позиции в отношении Германии. В то

же время Великобритания объективно становилась противником интересов сионизма. Это вынуждало ишув руководствоваться в надвигавшейся войне следующей тактикой, провозглашенной его главой Давидом Бен-Гурионом: «Мы будем вести войну, как будто нет “Белой книги”, и будем воевать против нее, как будто нет войны». Несмотря на то, что около 30 тыс. добровольцев ишува сражались на фронтах войны против нацистов в составе британской армии, политические пути международного сионизма и правительства Англии разошлись, произошла очевидная переориентация сионистского руководства от Великобритании к США. В 1942 г. по инициативе Бен-Гуриона при участии группы влиятельных американских политических деятелей был разработан документ, получивший название «Билтморская программа». Ее основное содержание сводилось к требованию немедленного создания «еврейского государства»³⁶. «Билтморская программа», включенная при прямой протекции сионистских лоббистов в предвыборную платформу Демократической партии, которая пришла к власти после выборов 1944 г., стала важнейшим, если не сказать решающим шагом на пути практического решения сионистского плана создания государства Израиль.

К концу войны английская администрация в Палестине еще больше ужесточила пропускной режим для еврейских репатриантов. Однако эти меры не давали никаких результатов: с 1944 по 1948 г. в страну нелегальным путем переправились почти 200 тыс. евреев Европы. В эти же годы все еврейские вооруженные формирования вступают в открытую конфронтацию с британским военным корпусом в Палестине. Кроме того, английские власти уже не

³⁵ British White Paper of 1939 // The Avalon Project. Documents in Law, History and Diplomacy. Yale Law School / http://avalon.law.yale.edu/20th_century/brwh1939.asp

³⁶ The Biltmore Program (May 11, 1942) // Jewish Virtual Library / <http://www.jewish-virtuallibrary.org/jsourc/Zionism/BiltProg.html>

были способны сдерживать вооруженные столкновения между евреями и арабами, которые к 1947 г. переросли в настоящую войну, охватившую большую часть страны. В такой обстановке британское правительство вынуждено было передать вопрос о будущем статусе Палестины на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН. При этом Англия не теряла надежды сохранить свое колониальное присутствие в стране. Однако при решительной поддержке СССР и США ГА ООН 29 ноября 1947 г. большинством голосов проголосовала за отмену английского мандатного режима в Палестине и создание на ее территории двух независимых государств — арабского и еврейского.

Ишув полностью поддержал решение ГА ООН, но Верховный арабский комитет занял абсолютно непримиримую позицию. Лидеры арабской общины заявили, что палестинские арабы начинают вооруженную борьбу против евреев и будут продолжать ее до тех пор, пока ООН не найдет справедливого решения. Однако к концу 1947 г. после многочисленных столкновений еврейским вооруженным формированиям удалось поставить под свой контроль всю отведенную ООН под Израиль территорию Палестины, одновременно с этим в ишуву велась работа по реорганизации органов политического управления. В октябре 1947 г. исполком «Еврейского Агентства» и Национальный комитет слились в Чрезвычайный комитет, чуть позже переименованный в Моэцет ха-ам (Народный совет). Его исполнительный орган Минхалат ха-ам (Народная администрация) включил представителей всех основных партий ишува.

Ровно в час истечения срока британского мандатного управления в Палестине, в ночь с 14 на 15 мая 1948 г. Народный совет провел свое заседание, на котором Д. Бен-Гурион зачитал Декларацию Независимости, провозглашав-

шую создание государства Израиль. При этом государство Израиль и социалистом Бен-Гурионом, и его соперником, ревизионистом и террористом Менахемом Бегин³⁷ воспринималось как место собирания евреев всего мира, для которых территории, отведенной ООН, явно бы не хватило. Бен-Гурион отмечал, что «государство создано лишь на части Эрец-Исраэль»³⁸. Бегин высказывался более определенно: «Государство Израиль создано, но мы должны помнить, что наша страна еще не полностью освобождена. Борьба продолжается, и вы увидите, что слова бойцов “Иргуна” — не пустые слова: именно еврейское оружие определит границы еврейского государства»³⁹.

Но что бы ни предполагала концепция собирания евреев со всего мира, военные действия начали не сионисты. Сразу после провозглашения Израйля армии соседних арабских стран, ведущую роль среди которых играли Трансиордания, Сирия и Египет, вторглись на его территорию при фактической поддержке Великобритании. Король Трансиордании Абдалла I объявил себя главнокомандующим, что было признано другими странами. В официальном заявлении от 15 мая 1948 г. члены Лиги арабских государств обо-

³⁷ М. Бегин — с 1943 г. руководитель подпольной террористической организации «Иргун» (1931–1948 гг.), проводившей теракты в основном против арабов и англичан. Британские власти называли его террористом № 1. Один из самых известных терактов — взрыв в иерусалимском отеле «Царь Давид» 22.07.1946 г., повлекший гибель 91 человека. Опыт «Иргуна» оказал существенное влияние на методы сепаратистских террористических организаций во многих странах мира (см. об этом: *Bowyer Bell J. Terror Out of Zion: Irgun Zvai Leumi, Lehi, and the Palestine Underground, 1929–1949.* Avon, 1977).

³⁸ *Ben-Gurion D. Rebirth and Destiny of Israel.* NYC: Philosophical Library, 1954. P. 466.

³⁹ *Begin M. The Revolt.* Los Angeles: Nash publishing, 1972. P. 376.

значили, что их целью является создание на всей территории объединенного палестинского государства, т.к. план ООН не учитывал интересы палестинских арабов, представлявших собой большинство населения этой территории.

В военных действиях первого арабо-израильского конфликта армии Израиля не только удалось отразить наступление арабских сил, но и присоединить к своей территории 6,7 тыс. кв. км, отведенных ООН под арабское государство, заняв тем самым более 4/5 всей Палестины, откуда были изгнаны около 900 тыс. арабов. 450 тыс. палестинцев оказались на Западном берегу Иордана (под властью Иордании) и в Секторе Газа (под контролем Египта). 780 тыс. палестинцев стали беженцами в лагерях ООН. В арабском мире эти события получили название *ан-Накба* — «катастрофа». Новые границы Израиля, согласно данным договоренностям, охватывали около 78% бывших подмандатных территорий, исключая вошедшие в Иорданию в 1946 г. Это на 50% больше, чем планировалось по Резолюции о разделе Палестины 29 ноября 1947 г. Сектор Газа и Западный берег р. Иордан были заняты, соответственно, Египтом и Иорданией. Население Иордании в результате этой войны утроилось за счет беженцев. Причем 2/3 составляли уже не иорданские бедуины и полукочевники, а арабы Палестины, значительно более обеспеченные и политически активные.

Фактически потеряв родину, арабы Палестины некоторое время находились в шоке, ожидая, когда же ООН исправит допущенную по отношению к ним тройную несправедливость. Однако время шло, но ничего не менялось. И если весь мир не очень беспокоился по этому поводу, то палестинцы постепенно стали осознавать масштабы постигшей их катастрофы, а вместе с тем стали выделять себя из общеарабской массы, впервые, может быть, ощутив

сквозь призму национальной трагедии свою национальную ущемленность и обиду. К тому же в роли обидчиков выступали иноверцы и «безбожный» Запад. Все это способствовало несопоставимо большему, чем в 1920–1930-е гг., накалу и националистических, и религиозных страстей. После 1949 г. они усилились еще за счет нарастания отчаяния и жесточенности, в первую очередь почти 1,5 млн. беженцев (к середине 1960-х гг.) в лагерях ООН, ввиду неспособности в течение долгого времени добиться удовлетворительно для арабов Палестины урегулирования ближневосточного конфликта.

Палестинская проблема — а именно так лучше называть то явление, что обычно именуется арабо-израильским конфликтом, — со времени своего появления не раз меняла характер. Если точкой отсчета ее первого периода была борьба еврейских националистов за обретение собственного государства на новой территории, то второй стала борьба палестинских арабов за возвращение родины, которая помогла им осознать себя как особую арабскую нацию.

Постоянные срывы непрочного соглашения от 1949 г. о прекращении огня еще в самом начале 50-х гг. были чреваты опасностью новой конфронтации с арабским окружением, прежде всего с Египтом. Пришедшее к власти в этой стране национально-патриотическое руководство во главе с Г. А. Насером (июль 1952 г.) взяло курс на проведение независимых социально-экономических реформ и ликвидацию иностранного присутствия в Египте. По убеждению «свободных офицеров», Израиль и его сионистская практика на Ближнем Востоке — есть не что иное, как продолжение общей политики империалистического давления Запада на страны мусульманского Востока, которые встали после Второй мировой войны на путь национального освобождения и последующего независи-

мого развития. Руководствуясь этими соображениями, египетские власти закрыли в сентябре 1956 г. проход по Суэцкому каналу для израильских судов, а также установили экономическую блокаду Тиранских проливов — единственный выход Израиля к Красному морю.

Одновременно с этим усиливалась напряженность на сирийско-израильской границе. В заявлении некоторых тогдашних арабских лидеров отчетливо звучали призывы к уничтожению Израиля, а в октябре 1956 г. Насер объявил о создании общего военного командования с Сирией и Иорданией.

Обеспокоенность израильского правительства в этой связи вопросами безопасности страны совпала с опасениями Англии и Франции за свои интересы в зоне Суэцкого канала, который был национализирован египетским правительством в июле 1956 г. Совместными усилиями Англия, Франция и Израиль в конце октября 1956 г. предприняли крупную военную операцию, в ходе которой израильская армия оккупировала почти весь Синайский полуостров. Но в результате жесткого политического давления СССР и США Израиль и другие страны, участвовавшие в вооруженном вторжении в Египет, вынуждены были вывести все войска с территорий, занятых во время Синайской кампании. Однако окончание военных действий и снятие Египтом блокады Тиранских проливов отнюдь не стабилизировало обстановку на арабо-израильских границах, которая по-прежнему оставалась крайне взрывоопасной.

Поскольку СССР, страны социалистического лагеря и Движение неприсоединения, одним из лидеров которого был Насер, в 1950–1960-е годы ориентировались на арабские страны, враждебно относившиеся к Израилю, то последний прилагал усилия к укреплению политического, экономического и военно-технического сотрудни-

чества со странами Запада, и прежде всего с США. Начиная с 1962 г. США стали основным поставщиком финансово-экономической и военной помощи Израилю.

За несколько десятилетий своего независимого развития Израиль превратился в страну с необычайно развитым военно-промышленным комплексом, который обеспечивает занятость почти 30% трудового населения. Процент военнослужащих в пересчете на гражданское население составляет от 10 до 15%⁴⁰. Расходы на армию оцениваются в 7,3% ВВП (2006 г.)⁴¹.

Ставка, сделанная еще первыми израильскими правительствами на милитаризацию страны, имела не только военно-политическую, но и экономическую направленность. Создание мощного военно-промышленного комплекса дало импульс развитию других, не связанных с ним отраслей производства, в значительной степени решило проблему занятости многочисленных иммигрантов, увеличило валютные запасы государства за счет продажи за рубежом военной или полувоенной продукции. Милитаризация зачастую способствовала решению проблем, связанных с кризисными явлениями, которые периодически дестабилизировали еще не окрепшее экономическое хозяйство страны. В конце 1960-х гг. Израиль стал обладателем ядерного оружия, хотя до сих пор и не признал этого на официальном уровне⁴². Количество боеголовок на данный момент неизвестно и оценивается от 75 до 400,

⁴⁰ Financial Times. L. 26.07.2000.

⁴¹ Country Comparison: Military Expenditures // The World Factbook. Central Intelligence Agency / <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2034rank.html?countryName=Israel&countryCode=is®ionCode=me&rank=6#is>

⁴² Историю вопроса см.: *Cohen A. Israel and the Bomb*. N. Y.: Columbia University Press, 1998.

в зависимости от мнения и информантов авторов публикаций⁴³.

Вторая арабо-израильская война 1956 г. в целом не внесла изменений в палестинскую ситуацию. Но она дала новым лидерам палестинского уже сопротивления осознание того, что палестинцы должны возлагать надежды в борьбе за освобождение прежде всего на свои силы, а не на арабские государства, которые использовали палестинскую проблему для решения своих задач. Соответственно, основной тактикой была избрана вооруженная борьба. Было решено не рассчитывать на финансовую поддержку арабских государств (но не отклонять ее полностью), чтобы действовать независимо от них. В 1958 или 1959 г. инженер-дорожник Ясир Арафат вместе с двумя старыми друзьями, членами египетской религиозно-политической организации «Братья-мусульмане», основал ФАТХ⁴⁴, крупнейшую организацию, которая стала ядром Палестинского движения сопротивления.

Зато третья война («шестидневная», в июне 1967 г.) изменила палестинскую ситуацию радикальным образом и положила начало катастрофической цепи событий, кульминацией которых стал нынешний кризис. В ходе удачных военных операций Израиль расширил за счет оккупации территорию своего присутствия в 4 раза и аннексировал за очень короткий срок весь Синайский полуостров, Газу, Голанские высоты, Западный берег Иордана, а также поставил под свой контроль Иерусалим, позже провозглашенный израильскими политиками «вечной и неделимой

столицей Израиля». Последнее обстоятельство требует особого внимания. Дело в том, что когда Израиль нанес удар по Сирии и Египту, иорданский король Хусейн не считал возможным остаться в стороне. Он начал военные действия против Израиля, был разбит в течение трех дней и потерял всю западную часть своего королевства, которой овладел в 1948 г. его дед король Абдалла, то есть Западный берег Иордана вместе с контролировавшейся иорданцами частью Иерусалима. Иерусалим стал единым городом под властью Израиля. Он и раньше считался израильянами столицей их государства — ведь Кнессет Израиля еще в 1950 г. принял соответствующее решение. Теперь превращение Иерусалима в столицу стало фактом, хотя и не было признано не только арабами, но и международным сообществом. Еще одним результатом этой войны была новая волна беженцев из Палестины. Если в 1948–1949 гг. из той части Палестины, которая оказалась под властью израильянов, бежало около миллиона арабов, то в 1967 г. к ним прибавились еще 300 тыс. беженцев. Образовалась огромная палестинская диаспора — и совершенно естественно в ее рядах появились люди, взявшие в руки оружие и поклявшиеся силой отвоевать свое право вернуться на отобранные у них земли. Потеря Западного берега чуть не стала для Иордании полным крахом: эти земли давали более 70% сельскохозяйственной продукции страны, там находилась половина промышленных предприятий. Зато взамен Хашимитское королевство приобрело вооруженные формирования палестинцев чуть ли не в каждом населенном пункте.

Основными вехами процесса становления ПДС (Палестинского движения сопротивления) можно считать следующее: образование ФАТХ; создание ООП (Организации освобождения Палестины, 1964 г.); начало военных действий ФАТХ на территориях, окку-

⁴³ Напр.: *Brower K.S. A Propensity for Conflict: Potential Scenarios and Outcomes of War in the Middle East // Jane's Intelligence Review, Special Report no. 14, (February 1997), 14–15.*

⁴⁴ Название ФАТХ образуют поставленные в обратном порядке буквы слов «Харакат ат-тахрир аль-Филястини», что значит «движение освобождения Палестины»; слово «фатх» в арабском языке означает «победа».

пированных Израилем в 1948 г. (начало — 1965 г.); принятие Палестинским национальным советом Палестинской национальной хартии (1968 г.); учреждение центрального комитета ПДС, позднее преобразованного в ЦК ООП, и подчинение ему Армии освобождения Палестины (1970 г.).

Исполком ООП с января 1969 г. возглавил основатель и вождь ФАТХ Ясир Арафат. В целом ООП при всех переменах тактики стояла на светских позициях и, по мнению многих, в том числе и арабских экспертов, «отвергла ислам как руководство к действию»⁴⁵.

Было время, когда палестинские фидаины верили, что они смогут разжечь народную партизанскую войну на оккупированной Израилем территории. Однако эта идея оказалась нереалистичной как ввиду жестких репрессивных мер израильских властей, так и вследствие нежелания мелких собственников города и деревни, составляющих большинство населения Западного берега, идти на войну с оккупантами⁴⁶.

Другая иллюзия палестинцев состояла в том, что любая страна Арабского Востока откроет перед ними двери и будет радостно приветствовать героев войны с мировым сионизмом. В конце 1960-х гг. Арафат заявил, что он хотел бы посмотреть хотя бы на одно арабское правительство, которое посмеет выступить против палестинцев. Борцы палестинского сопротивления агитировали за свержение монархии в Иордании, провели серию покушений на тогдашнего короля Хусейна, который пытался уладить последствия 1967 г. мирными переговорами с Израилем и западными державами. Те оказывали давление на иорданское правитель-

ство, требуя разобраться с палестинскими отрядами. Неравная битва палестинцев и регулярной армии Иордании состоялась в сентябре 1970 г. и получила известность как «черный сентябрь». После этого ООП обязалась соблюдать иорданские законы, были ликвидированы базы сопротивления в населенных пунктах. Через год последние базы ПДС были силой выдвинуты из Иордании.

После этого около 2 тыс. палестинских бойцов передислоцировались в Ливан, ставший вплоть до осени 1982 г. основным центром палестинского сопротивления. Они обосновались на юге Ливана, вблизи границы с Израилем, создав там новую «страну ФАТХ», и фактически поставили под свой контроль часть территории ливанского государства. Израильская армия систематически бомбила и обстреливала этот район, что вызывало недовольство арабского населения Южного Ливана, считавшего присутствие палестинцев в их земле национальным бедствием.

В 1975 г. в Ливане вспыхнула гражданская война, в нее оказались втянутыми и палестинцы, вошедшие в коалицию левомусульманских сил, которой противостояли вооруженные силы христиан-маронитов. Изначально столкновения проходили между христианами и палестинцами, но вскоре на палестинской стороне в противостояние включились общины суннитов и друзов, а также социалистические и коммунистические организации. К началу 1976 г. объединенные силы ООП и НПСЛ контролировали около 80% территории страны, в июне марониты были на грани окончательного разгрома, несмотря на финансовую и военнотехническую поддержку Израиля. Президент Ливана С.К. Франжье, опасаясь победы ООП в масштабах страны, призвал на помощь сирийские войска. В октябре 1976 г. на территории Ливана был размещен сирийский контингент численностью около 40 тыс. военнослужащих.

⁴⁵ Кудрявцев А.В. Исламский мир и палестинская проблема. М., 1990. С. 106–109.

⁴⁶ Мирский Г.И. Израиль и палестинцы: самый длительный конфликт // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 3.

Но настоящая беда обрушилась на палестинцев в 1982 г., когда Израиль предпринял широкомасштабное вторжение в эту страну. Израильская армия захватила юг Ливана, разгромила «Фатхленд» и, преследуя отходящих на север бойцов Арафата, заняла столицу Ливана, второй арабской страны, давшей на время им приют. Держа в руках автоматы, фидаины поднимались на борт кораблей, увозивших их из бейрутского порта в Тунис, туда была перенесена штаб-квартира ООП. К этому же времени относится и резня палестинских беженцев в бейрутских лагерях Сабра и Шатила. По оценке Г.И. Мирского, «это преступление, которое палестинцы не могут забыть и по сей день, совершили фалангисты, маронитские боевики, мстившие за гибель своего лидера Башира Жмайеля, только что избранного президентом Ливана при поддержке израильтян и тут же ставшего жертвой террористического акта. Но большая доля вины лежит и на израильтянах, которые знали о готовившейся расправе и тем не менее пропустили фалангистов в палестинские лагеря. А командовал израильскими военными в Ливане министр обороны Израиля генерал Ариэль Шарон, инициатор вторжения в Ливан, и его имя для палестинцев неразрывно связано с бойней в Сабре и Шатиле. Это позволяет понять, почему спустя восемнадцать лет взрыв возмущения среди палестинцев вызвал именно визит Шарона на Храмовую гору, спровоцировавший «новую интифаду». Есть вещи, которые не забываются и не прощаются никогда»⁴⁷.

Вооруженные силы ООП были изгнаны и из Палестины, и из Ливана, и из Иордании. Поддержка арабских государств заканчивалась там, где начались собственные, весьма противоречивые интересы этих стран, каждая из которых была обременена багажом внутренних противоречий и внешних

территориальных споров, основы которых были заложены еще при создании мандатной системы в 1918–1920 гг. И если Израиль имел за спиной Соединенные Штаты, то ООП не могла в той же мере рассчитывать на другую сверхдержаву, поскольку линия СССР на Ближнем Востоке была менее яркой.

Силы ООП вообще покинули Арабский Восток и потеряли всякую возможность вести борьбу. Арабский мир был занят не столько ливанской трагедией, сколько ирано-иракской войной. Египет после заключения мира с Израилем и возвращения ему Синайского полуострова вышел из борьбы и одно время был даже подвергнут бойкоту со стороны других арабских стран. Советский Союз находился в процессе примирения с Западом (заканчивалась эпоха холодной войны); он все больше терял интерес к ближневосточным делам. На горизонте не было ни малейшего просвета. И тогда, осознав, что ни на арабский мир, ни на СССР, ни на ООН рассчитывать не приходится, Арафат принял единственно верное решение: он сделал ставку на уже стихийно начавшееся народное восстание на оккупированных палестинских землях.

9 декабря 1987 г. толпа палестинцев, вышедшая на улицу с обычным протестом по локальному поводу, не разбежалась, как это всегда бывало, когда израильские солдаты открыли огонь резиновыми пулями, а стала в ответ бросать камни. С этого момента, как лесной пожар, повсюду стали вспыхивать демонстрации и стычки с израильской армией. Вскоре был создан координационный комитет, призванный население к забастовкам, бойкоту израильских товаров и сопротивлению представителям власти. Израильские автомашины забрасывались камнями и бутылками с горючей жидкостью. Вскоре стало ясно, что имеет место подлинное гражданское восстание. Оно получило название интифада

(в переводе с арабского — восстание). Арафат не был инициатором интифады, но быстро оценил ее значение и решил на нее опереться. Это было восстание особого рода, без применения огнестрельного оружия. Во-первых, потому, что вооруженное выступление дало бы Израилю повод для жестких репрессий, и во-вторых, потому, что зрелище палестинских юнцов, забрасывающих камнями израильских солдат и стреляющих из рогаток, неизбежно должно было привлечь самое широкое внимание международных средств массовой информации к проблеме Палестины.

До тех пор Израиль всегда утверждал, что борьбу против статус-кво, существующего на оккупированных территориях (официально они называются в Израиле администрируемыми территориями), ведет лишь кучка арафатовских фанатиков-террористов, а основная масса населения примирилась со своим положением. Интифада должна была показать всему миру, что это не так, что значительная часть палестинцев готова выступить против оккупации, пусть даже не в «форме вооруженной борьбы, а действуя полунасильственными методами. И израильские власти оказались в замешательстве: они не могли дать приказ расстреливать мальчишек, кидающих камни, но и не могли игнорировать массовые выступления палестинцев. Был избран средний путь: сдерживать интифаду, не подавляя ее. Конечно, жертвы все равно неизбежны: с декабря 1987 г. по февраль 1991 г. было убито 787 палестинцев. Число раненых палестинцев за первую тысячу дней интифады (до сентября 1990 г.) составило 13 100 человек; раненых израильских солдат — 2500, израильских гражданских лиц — 1100⁴⁸.

С началом интифады все перевернулось: палестинцы выступили как самостоятельная сила, требовавшая

создания собственного государства, а не возвращения в лоно иорданского королевства. И Арафат в полной мере использовал новую ситуацию: 12 ноября 1988 г. в Алжире открылась чрезвычайная сессия Палестинского национального совета, на котором была принята Декларация независимости. В заключительный день сессии, 15 ноября, Арафат заявил о предстоящем провозглашении Палестинского государства со столицей в Иерусалиме.

В этот же тяжелый период (1950–1980-е гг.) палестинцы как народ пережили заметную социальную, культурную и политическую эволюцию. В лагерях ООН были открыты 452 школы и 10 профессионально-учебных центров. Получившие в них образование или овладевшие той или иной квалификацией рабочие, ремесленники, мастера, техники, учителя устремлялись в города (прежде всего в Иорданию, но и в других странах), где и обосновывались, юридически сохраняя статус беженцев. Уже в 1970 г. комиссия ООН по социальному развитию отметила, что «палестинские беженцы и перемещенные лица» наряду с местной интеллигенцией являются силой, «которая постепенно начинает влиять на существующую структуру власти в арабских странах региона»⁴⁹.

На деле лагеря ООН стали гигантским социальным котлом, в котором плавилась традиционные патриархальные и полуфеодальные отношения, утрачивались старые социальные связи, и наряду с маргинализацией части обитателей лагерей другая их часть приобретала новые социальные качества, пополняя ряды фабричных и вообще городских тружеников, интеллигенции, служащих, специалистов новых отраслей экономики. Среди палестинцев резко возрос, особенно по сравнению с другими арабами, процент

⁴⁸ World Politics. L. V. 45, 1993. № 4. P. 566.

⁴⁹ Документ ООН E/c № 5/456, Add. 4. September 1970. C. 5, 27.

грамотных лиц, появились финансисты, крупные коммерсанты и предприниматели, обладатели миллионных состояний. Уже в 1969 г. эксперт из США Майкл Хадсон назвал палестинцев «элитой арабского мира» и подсчитал, что 20% из них принадлежат к высшим и средним слоям общества⁵⁰. Иными словами, *на глазах у всего мира родилась арабо-палестинская нация, сплоченная, помимо общности языка, истории и культуры, еще и сознанием единства своей идентичности и трагической судьбы.*

С другой стороны, права и Голда Меир, заявившая в том же 1969 г.: «Нельзя сказать, что палестинский народ был, когда мы пришли, и что мы его изгнали, захватив его страну. Его не существовало!»⁵¹.

Зато через двадцать лет после возникновения Израиля, в конце 1960-х гг., палестинский народ уже существовал, о чем свидетельствовал не только подъем чисто военной активности ПДС после поражения арабов в июньской войне 1967 г., но и деятельность политических партий, общественных организаций и фондов внутри ООП, координация их действий Палестинским национальным советом, а особенно — рост престижа палестинцев в арабском мире.

Палестинцы дали немало предпринимателей, инженеров, менеджеров и лиц свободных профессий, пользующихся значительным влиянием не только в Иордании, где они составляют большинство, но и в других арабских странах — от Ливии и Египта до Ливана и Кувейта. Их общая численность за 40 лет после 1948 г. увеличилась почти в 4 раза, достигнув примерно 5 млн. чел. Их голос стал слышен не только в Азии и Африке, но также в Европе и Америке. Первая интифада,

начавшись в декабре 1987 г., грозила распространиться на собственно Израиль, где местные арабы тогда составляли около 18% населения (778 тыс. чел. на конец 1987 г.) и тоже стали вспоминать о своей принадлежности к палестинскому народу. Именно среди них с 1979 г. успешно действовали мусульманские фундаменталисты из группировок «Усрат ад-дин» (Семейство веры) и «Усрат аль-джихад» (Семейство священной войны). Они на сильно навязывали населению запрет спиртного и ношение чадры, пропагандировали неукоснительное соблюдение норм шариата, распространяли свою литературу. Израильские власти сами способствовали их усилению, ибо все время старались противопоставить их коммунистам, которых считали «ведущей силой оппозиции». Это было опасно, так как понемногу исламисты завоевали серьезные позиции среди населения. А на оккупированных территориях часть их пошла на союз с ООП, тем более что большинство лидеров ООП, включая Арафата, во время учебы в Каире были связаны с Ассоциацией «Братья-мусульмане» (АБМ) Египта. В целом на Западном берегу Иордана, в Секторе Газа и в самом Израиле действовали около 10 группировок исламских фундаменталистов⁵².

Именно тогда, в декабре 1987 г., и возникла созданная лидером АБМ в Газе шейхом Ахмедом Ясином организация ХАМАС (Харакат аль-мукавама аль-исламийя, т.е. Движение исламского сопротивления), родившаяся одновременно с интифадой, вследствие желания палестинских «Братьев-мусульман» иметь орудие политической мобилизации, более всеохватывающее, нежели только одна их ассоциация. Основой ХАМАС стала зарегистрированная в Газе в 1977 г.

⁵⁰ The Middle East Journal. Washington, 1969, № 3. С. 296.

⁵¹ Jeune Afrique. Paris, 1970, № 488. С. 14.

⁵² Барковский Л.А. Арабское население Израиля, М., 1988. С. 11; Monde Diplomatique. P., 1983, № 353. С. 6; The Middle East. Washington, 1990. С. 178.

«Мусульманская ассоциация», формально интересовавшаяся лишь вопросами образования, здравоохранения, благотворительности, нравственного воспитания. Однако разрешившие ее деятельность израильские власти, конечно, понимали ее истинный политический характер, но видели в ней орудие противостояния влиянию объединенных в ООП групп национального действия, поэтому, возможно, оказывали на первых порах помощь⁵³. Внешнюю поддержку ХАМАС, по некоторым сведениям, оказывали также Иран и Саудовская Аравия.

Но палестинские активисты АБМ, старавшиеся отмежеваться от тогдашнего президента Египта Анвара Садата, который, по словам Арафата, «продал Иерусалим... за горсть синайского песка», еще менее собирались подыгрывать Израилю. Их задачей было, временно не раздражая израильтян, идейно подчинить себе основную часть палестинцев, пользуясь попустительством властей Израиля. И они многого добились, особенно в Секторе Газа. Только в 1967–1986 гг. количество мечетей в секторе возросло с 77 до 150. Постепенно вытесняя, особенно в переполненных обездоленными людьми лагерях беженцев, влияние и ООП, и коммунистов (тогда — союзников ООП), «Мусульманская ассоциация» превратилась в весьма внушительную политическую силу.

Выход на политическую арену движения ХАМАС, его активное участие в «первой интифаде», создание им своего военного филиала «Изз ад-Дин аль-Кассам» (по имени общественного деятеля, боровшегося против британского владычества в Палестине и погибшего в 1935 г.) и провозглашение в августе 1988 г. Исламской Хартии, в которой вся территория Палестины «от реки до моря», т.е. от Иордана до Средиземно-

морья, объявлялась «вакфом» — религиозной собственностью «будущих поколений мусульман», резко обозначили новый этап в политическом развитии ПДС, его переход от идеологии умеренного светского национализма к исламизму. Это уже было серьезным предупреждением и ООП, и заинтересованным арабским режимам, и США, и Израилю, ибо означало лишь одно — наследие «светских» арабских националистов, «проваливших свои обещания», переходит к исламистам. Иными словами, «фидаи» (т.е. палестинские партизаны, буквально — «жертвующие собой») уступают место «муджахидам» (буквально — «участники джихада», «борцы за веру»). А последние были не только «приверженцами насилия», но и «противниками мирного решения». Основатель организации ХАМАС шейх Ахмед Ясин сразу провозгласил: «Освобождение всей Палестины от моря и до Иордана — наша стратегическая цель»⁵⁴.

Безрезультатность наметившихся еще в 1989 г. израильско-палестинских контактов грозила перерастанием «интифады» в вооруженную борьбу. В то время подобная перспектива казалась маловероятной, ибо фундаменталисты, как многие думали, призывали к джихаду скорее для усиления своего влияния в массах и их «реисламизации» с целью подрыва широко распространившегося секуляризма. Однако последующий ход событий показал, что дело обстоит гораздо серьезнее. Поддержка Арафатом в 1990–1991 гг. Саддама Хусейна в Ираке оттолкнула от ООП почти весь арабский мир, что объективно усилило палестинских исламистов, прежде всего ХАМАС и палестинский филиал общерабской ор-

⁵³ О связях ХАМАС и официального Израиля см.: *Higgins A.* How Israel Helped to Spawn Hamas // *The Wall Street Journal.* 24.01.09.

⁵⁴ *Видясова М.Ф., Орлов В.В.* Политический ислам в странах Северной Африки. М., 2008. С. 375; Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке. М., 2001. С. 112–114; Независимая газета, 02.10.2000; *Burgat F.* L'islamisme en face. P., 1995. С. 176–177.

ганизации «Аль-Джихада аль-ислами», а также их союзника — группировку «Хизбалла» в Ливане. В результате возникли условия, с одной стороны, осложнившие ситуацию, с другой — подтолкнувшие и ООП, и Израиль к более активным поискам компромисса. 13 сентября 1993 г. между ними было подписано соглашение в Вашингтоне, к которому обе стороны долго шли в ходе секретных переговоров в Осло. Переезд руководства ООП в Газу летом 1994 г. положил начало формированию структур Палестинской национальной администрации (ПНА).

Последовавшие в середине 1990-х годов опросы палестинцев Газы и Западного берега Иордана показали, что исламистам, несмотря на все их попытки перехватить инициативу у ООП, в целом сделать это тогда не удавалось: их (прежде всего ХАМАС и «Аль-Джихад») поддержало 28% голосовавших против 43%, выступивших за ФАТХ, т.е. за светскую националистическую партию, составлявшую основу ООП. «Марксистов», т.е. всех левых внутри ООП, поддержали 8%, а 15% не поддержали никого. Выборы 1996 г. подтвердили эту расстановку сил: Арафат как лидер ООП и ФАТХ получил 87%, баллотировавшись на пост главы ПНА, а в Палестинском совете (парламенте) 51 депутат из 88 представлял ФАТХ. Дальнейшие шаги ООП были направлены на превращение исламистов в умеренную и лояльную «системную оппозицию» путем, в частности, включения сторонников ХАМАС в марте 1998 г. в кабинет министров ПНА. [«Вторую интифаду» назвали «интифадой Аль-Акса», поскольку она началась как протест палестинцев против визита Шарона к мечети Аль-Акса в Иерусалиме в явно провокационных целях. Тактически Шарон выиграл, став после этого премьером. Но стратегически — породил то, что мы наблюдаем сегодня].

Однако после убийства в 1995 г. премьер-министра Израиля И. Рабина

еврейским фанатиком-террористом вновь начался откат назад, свидетельствовавший о том, что ни Израиль, ни ООП еще не готовы к полноценному компромиссу. Этим, естественно, воспользовались исламисты, особенно после срыва переговоров ООП с правительством Эхуда Барака в 1999–2000 гг., в ходе которых, казалось, было достигнуто согласие почти по всем вопросам⁵⁵. Приход к власти в Израиле вскоре после этого Ариэля Шарона стал началом нового витка напряженности и «второй интифады», ХАМАС (да и его светские конкуренты из ФАТХ, создавшие «бригады мучеников Аль-Аксы»), и израильские власти все чаще переходили к методам вооруженного насилия, а в самом Израиле депутаты от арабского населения стали открыто осуждать израильскую политику «оккупации и колонизации», призывая палестинцев «усилить сопротивление». С этого времени стали намечаться и другие тенденции, получившие в дальнейшем развитие. Это — нависающая над Израилем с севера угроза постоянных нападений боевиков «Хизбаллы», базирующихся на юге Ливана после вывода оттуда израильских войск в 2000 г., а также все нараставший прогресс дальнейшей исламизации общественного мнения и настроений палестинцев.

В этих условиях Арафат, допуская выпады против Бен Ладена («Бен Ладен никогда не помогал нам. Почему это он вдруг заговорил о Палестине?» — сказал он в декабре 2002 г.), не рисковал выступать против «своих» исламистов⁵⁶. Положение не изменилось и после гибели лидеров движения ХАМАС Ахмеда Ясина и Абд аль-Азиза Рантиси (Абу Мухаммада), убитых весной 2004 г. в ходе контртеррористических операций («точечных ударов») израильтян. Наоборот, это лишь вызвало

⁵⁵ Monde Diplomatique. 2001. № 570. С. 1–2, 13–15.

⁵⁶ Известия, 16.12.2002.

ярость приверженцев группировки и привело к значительному росту влияния исламистов среди палестинцев. Об этом же, в частности, говорило и поведение Арафата, как всегда тонко чувствовавшего ситуацию и фактически шедшего на уступки исламистам, хотя это ни в политическом, ни в личном плане не сулило ничего хорошего.

29 октября 2004 г. Арафат с разрешения властей Израиля был перемещен в военный госпиталь Percy de Clamart в Париже с подозрением на отравление или рак. 11 ноября он скончался. Окончательно причина смерти так и не была названа, что породило слухи о его отравлении, возможность которого не отрицает, например, и Е.М. Примаков⁵⁷.

Однако тот факт, что за один год палестинское сопротивление оказалось полностью лишено своих многолетних духовных лидеров, ни на шаг не приблизил Израиль к решению палестинской проблемы. Этому не способствовала и инициатива А. Шарона под названием «одностороннее размежевание» по эвакуации еврейских поселений из Сектора Газа, и возведение бетонной стены вокруг Западного берега и Восточного Иерусалима, и учреждение новой центристской партии «Кадима», которая одержала победы на выборах 2006 и 2009 гг. Эти центристы, выделившись из правой партии «Ликуд», фактически усилили правый лагерь и нанесли существенный удар по левому, успешно конкурируя за центристски настроенную часть электората. Все эти изменения привели к утрате израильянами чувства актуальности палестинской проблемы, чему немало способствует и официальная пропаганда. Это отдельная большая тема, но можно привести один весьма показательный пример. «Литой свинец», операция в Газе (27.12.2008 —

18.01.2009), названа так по мотивам детской песенки, в которой ритуальный волчок (дрейдл) неизменно падает на нужную сторону, ибо в него налит свинец. Это объяснение, содержащее очевидную пропаганду шулерских приемов и философии «цель оправдывает средства», транслировалось официальными СМИ и было восторженно воспринято многими израильянами⁵⁸. Названия предыдущих операций прошли следующую эволюцию: Ливанская война, июнь — сентябрь 1982 г. — «Мир Галилее» (погибших со стороны Израиля — 675/ со стороны противника — 27 623), 25–31.07.1993 — «Сведение счетов» (5/ около 150), 11–27.04.1996 — «Гроздь гнева» (в иудаистской традиции — наказание за грехи Содому и Гоморре; 3/ от 169 до 185), 29.03–03.05.2002 — «Защитная стена» (30/ 240), 18–23.05.2004 — «Радуга» (0/53), 30.09–16.10.2004 — «Дни покаяния» (5/ от 104 до 133), июнь — ноябрь 2006 г. — «Летние дожди» (7/ 394), 29.02–03.03.2008 — «Горячая зима» (2/112). То есть мотив справедливого воздаяния в последнее десятилетие уже наполовину разбавлен броскими оптимистичными названиями, вызывающими ассоциации, имеющие отношение скорее не к войне, а к аграрным работам по уничтожению сорняков и вредителей. «Литой свинец» вписывается в этот новый образ, где ХАМАС и палестинцы представлены как противник, в борьбе с которым допустимы любые средства.

В то же время в стенах университетов, где левые настроения остаются сильны, и за пределами Израиля все более актуальным становится постсионизм, призывающий отказаться от концепции еврейского государства, дискриминирующего палестинцев и иных неевреев, и прийти к Израилю

⁵⁷ Примаков Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). М., 2006. С.255.

⁵⁸ Дорфман М. Приемчик шулерский, литой свинец // Michael Dorfman's Essentials / <http://lamerkhav.wordpress.com/еврейский-словарь/литой-свинец/>

как гуманистическому государству для всех граждан⁵⁹. Борьба с постсионизмом идет силами таких авторов, как, к примеру, Ави Бекер, бывший генеральный секретарь Всемирного еврейского конгресса⁶⁰.

Интересны методы борьбы правых проправительственных организаций против сторонников диалога с палестинцами. Так, молодежное движение «Им Тирцу» потребовала от руководства университета им. Бен-Гуриона в Негеве уволить преподавателей левых и антиссионистских взглядов, обещав в противном случае обратиться к зарубежным спонсорам университета с просьбой прекратить финансирование⁶¹. В представлении современных сионистов, сторонники палестинской государственности и «леваки», между которыми пропагандой ставится знак равенства, являются апологетами исламского терроризма, отрицающими право Израиля на существование⁶².

Но значительно важнее события за пределами Израиля. В регионе усилилась напряженность, осложнилась борьба между многими течениями в

ПДС — левыми, правыми, националистами, исламистами, между разными лидерами и концепциями выхода из тупика, а также — между «мува-тынун», постоянными жителями Западного берега и Сектора Газы, не покидавшими родины, и «айдун», т.е. «возвращающимися» из изгнания, в основном обитателями лагерей беженцев на территории Иордании, Сирии, Ливана, Египта, Ирака и других арабских стран. Снизилась роль светского националистического ФАТХ, который сейчас в основном поддерживают флагманы Евросоюза и палестинские эмигранты на Западе, и пустота быстро начала заполняться движением ХАМАС, которое выиграло парламентские выборы 2006 г., после чего произошел конфликт между ХАМАС и ФАТХ, и Палестинская автономия раскололась на две территории: Западный берег р. Иордан (ФАТХ) и Сектор Газа (ХАМАС). За этим последовала экономическая блокада Газы со стороны Израиля, не прекращенная до сих пор. Но у ХАМАС, как признает Израиль, есть союзник, играющий сейчас на Ближнем Востоке более значительную роль, чем европейские правозащитные организации. Это Исламская Республика Иран.

В очередной раз палестинская проблема меняет основных действующих лиц. Палестинская нация продолжит играть в нем одну из ведущих ролей, но целью ХАМАС является не национальное палестинское государство как таковое, а независимая исламская теократия на территории в том числе и современного Израиля. Эта идеология выводит конфликт за рамки этнонационального, хотя данный фактор все равно остается. Скажем, в соседней Иордании палестинцы составляют 65%, из которых лишь одна пятая обладает равными правами с «коренными жителями» — иорданскими арабами. Но зато почти весь частный сектор экономики находится в руках палестинцев. Власть нынешней династии и

⁵⁹ Если большинство СМИ единодушны в оценке основных пунктов палестинской проблемы, то интеллектуальная элита Израиля глубоко расколота на примерно равные половины, обвиняющие друг друга во лжи и мифотворчестве. Настоящей бомбой стала упомянутая книга Шломо Занда, профессора истории из Тель-Авивского университета.

⁶⁰ *Beker A. Exposing How Post-Zionists Manipulate History // Jerusalem Center for Public Affairs. Post Holocaust Anti-Semitism. No. 100, 1 August 2010 / 21 Av 5770 / <http://www.jcpa.org/JCPA/Templates/ShowPage.asp?DBID=1&TMID=111&LNGID=1&FID=381&PID=0&IID=4380>*

⁶¹ *Керизл И.* Если не уволите левых профессоров, перекроем спонсирование (на иврите) // YNET / <http://www.ynet.co.il/articles/0,7340,L-3938042,00.html>

⁶² Некоторые высказывания израильских антиссионистов действительно дают основания для таких утверждений.

экономика Иордании поддерживается огромными финансовыми вливаниями США и подконтрольных международных организаций типа МБРР и МВФ. Но хрупкий мир в стране сохраняется не только с помощью кредитов, которые не позволяют уровню жизни совершить падение ниже определенной черты. Важное значение имеет легализация палестинской пропаганды (в том числе с поддержкой ХАМАС), в которой находит отдушину большая часть населения. В книгах и телепередачах для детей младшего школьного возраста основной темой является борьба с оккупантами за историческую территорию Палестины со столицей в городе аль-Кудс (Иерусалиме). Полки книжных магазинов ломятся от публицистики и научных трудов, посвященных обличению человеконенавистнической, расистской идеологии сионизма и влиянию сионистов на политику западных держав. Эта пропаганда не стремится сотворить миф о древнем расово однородном народе, жившем в Палестине всегда. Палестинцами, согласно хартии, принятой ООП в 1968 г., являются все арабы и евреи, проживавшие там «до 1947 года, вне зависимости от того, были они выселены или остались там», и их потомки. Как нация палестинцы формировались на идее возвращения родины, которую помнят ныне живущие поколения, а не на поисках общих прародителей в глубине нескольких тысячелетий. И в случае дестабилизации ситуации в регионе эта идея даст прямой эффект, на который и была рассчитана создателями.

Палестинская нация сейчас наполовину состоит из беженцев и их потомков, причем демографическая динамика такова, что провозглаше-

ние государства в границах 1967 или 1948 г., с учетом инфраструктуры и экономических возможностей территории, вряд ли сделает возможным их возвращение.

2 сентября 2010 г. в США начались очередные мирные переговоры между Израилем и Палестинской национальной администрацией, которую представляет нынешний лидер ФАТХ и официальный глава ПНА Махмуд Аббас. Разрешения конфликта от этих переговоров никто не ждет. Аббас готов не обсуждать проблему возвращения беженцев и сосредоточиться на возвращении к границам 1967 г. Премьер-министр Израиля Б. Нетаньягу готов биться за каждый клочок земли, представляющей для Израиля стратегический интерес. ХАМАС обвиняет ПНА в сотрудничестве с Израилем и обещает продолжить сопротивление. Парламентеры из Аммана предлагают вернуться к обсуждению палестино-иордано-израильского решения территориального конфликта. А тем временем источник в «европейских военных кругах» сообщает, что в районе израильских границ с Сирией и Ливаном отмечается повышенная активность беспилотных летательных аппаратов, что обычно свидетельствует о готовящейся военной операции⁶³, которая, если состоится, не будет иметь прямого отношения к палестинской проблеме. Просто еще одно эхо Мандатной системы.

⁶³ Израиль готовится бомбить Сирию // Израильские новости. 28.06.2010 / <http://news.israelinfo.ru/law/34225>

Александр Горянин

СВОИМИ ПУТЯМИ

РУССКИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ. СТАТЬЯ ВТОРАЯ*

«Совет всенародных человек»

В допетровской Руси имелся сословный и при этом выборный представительный орган, имелись низовые выборные демократические учреждения. Речь о Земских Соборах и о земском управлении.

Собственно, *«совещания, в которых правительственный элемент сходился с земским»* (С.Ф. Платонов), имели место уже в Древней Руси, а под 1211 г. некоторые исследователи, начиная с И.Е. Забелина, помещают уже первый настоящий Земский Собор¹. Имеется в виду созыв Всеволодом Большое Гнездо *«всех бояр своих с городов и с волостей, и епископа Иоана, и игумены, и попы, и купцы, и дворяне, и вси люди»* во Владимире на Клязьме. Вероятно, от «попов, купцов, дворян и всех людей» в соборе участвовали делегированные представители — предположить что-то иное сложно. Особенно историков интригуют «вси люди» и то, что купцы названы раньше дворян. (Правда, для начала XIII века слово «дворянин» было новое и могло означать не совсем то, что позже.)

После собора во Владимире ясные указания в летописях на сословно-представительные совещания надолго пропадают. Это объясняют как случившимся вскоре ордынским завоеванием большинства русских княжеств, так и углублением в княжествах, из-

бежавших этой участи, другой формы демократии — вечевой. Есть авторы, считающие, что споры о дате, от которой следует отсчитывать историю Земских Соборов, вообще беспредметны: Дума, сколько она существует (напомним, княжеские думы состояли из «княжьих мужей», т.е. дружины, духовенства и «старцев градских»), во всех чрезвычайных случаях усиливалась выборными от земств и превращалась в Собор. Один из самых известных случаев: чтобы определиться с политикой по отношению к Новгороду, Иван III послал в 1471 году *«по вся епископы земли своя и по князи и по бояря свои и по воеводы, и по вся воя»* (служилые люди) *свои*. Благодаря участию духовенства, провинциальной знати и служилых людей, данный собор было много представительнее Думы, состоявшей из московских бояр и окольничих. Правда, о решении почтенного ареопага не хочется и вспоминать: *«мыслившие... не мало»*, он постановил идти войной на Новгород.

Показательно, что в русской общественной мысли тема общерусского «вселенского совета» возникает вслед за упразднением в конце XV — начале XVI в. вечевого управления в Новгороде, Вятке и Пскове. Можно предположить даже прямую связь между этими событиями. Дело в том, что из вечевых городов было переселено на московские земли множество «неблагонадежных». Части высланных, двум с лишним сотням наиболее знатных и влиятельных семей новгородцев и псковичей, определили жить в Москве. Поселившись компактно, новгородцы

* Статью первую см.: Вопросы национализма. 2010. № 2.

¹ *Забелин И.Е.* Взгляд на развитие московского единогодержавия // Исторический вестник. 1881. Февраль.

перенесли сюда название родной улицы Лубяницы, отсюда московская Лубянка. Церковь, построенная в 1514–1518 гг. итальянцем Алевизом Новым на углу Большой Лубянки и Кузнецкого Моста, называлась Храм Введения Пресвятой Богородицы во Псковичах (уничтожена в 1924 г.). Кроме названий, эти люди не могли не перенести в Москву свое мировосприятие и даже особенности своего языка.

Да, именно языка. Поразительно озарение Вильгельма Кюхельбекера (в «Лекции о русском языке») на эту тему: *«Русский московский язык является языком новгородских республиканцев. Александр Невский, победоносный, любимый, счастливый, когда он был вождем Великого города, а затем, удрученный неудачами и унижениями на троне своего отца — перенес на свою родину это славянское наречие, более мощное и мужественное, чем славянское наречие Киева, которым пользовались доселе в Великом княжестве, и от которого ныне происходит малоросский язык, более мягкий и более мелодичный, но также и менее богатый и менее чистый, чем язык Великороссии. Таким образом, древний славянский язык превратился в русский в свободной стране; в городе торговом, богатом, демократическом, любимом, грозном для своих соседей. Этот язык усвоил свои смелые формы, инверсии, силу — качества, которые никогда бы не могли развиться в порабощенной стране. И никогда этот язык не терял и не теряет память о свободе, о верховной власти народа, говорящего на нем».*

Публицистов-современников Василия III и Ивана IV вдруг начинает заботить проблема смягчения монаршего «презельства» (высокомерного своенравия). Они уповают при этом не только на силу закона (царь *«ходит в законах и правдах»*), что вполне в русской традиции, но и на созыв совета сословий. Они убеждены, что боярская монополия на власть не к добру, им

хочется, чтобы вселенский совет был постоянным собранием, «погодно» обновляемым, а не созывался только в особых случаях. При всем своем несходстве, они подготовили идейное обоснование реформаторской политики «Избранной рады».

«Избранная рада» во главе с членом Думы Алексеем Адашевым сложилась около 1547 г. вокруг молодого царя Ивана IV (будущего Ивана Грозного) и фактически управляла Россией почти 13 лет. Адашев, выходец из бедного и незнатного костромского дворянства, неспроста был начальником Челобитного приказа и государственного архива: он уже поэтому отлично знал нужды и настроения страны. Рада учредила выборное сословное представительство в форме Земских Соборов и выборное земское представительство. Рада опиралась в своей политике на Думу (о ней позже) и Земские соборы, на чиновников и служилое сословие, она стремились ограничить могущество Церкви, особенно ее земельные владения, но всегда шла на разумный компромисс с высшим духовенством.

Собственно, выражение «Земские Соборы» появилось лишь у историков XIX в. В документах своего времени их называют то «Всею Землею», то «Советом всея Земли», то «Общим всея Руси градов людским советом». Курбский говорит про «совет всенародных человек». На появление традиции земских соборов, без сомнения, повлияли церковные соборы, издавна собиравшиеся на Руси.

Академик А.В. Черепнин в своей книге «Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв.» перечисляет в хронологическом порядке 57 соборов, из них 11 соборов в XVI в. и 46 соборов — в XVII. Но и сам Черепнин, и такие видные историки, как М.Н. Тихомиров, Н.И. Павленко, С.О. Шмидт допускают, что соборов могло быть и больше и что в ходе изучения архивов возможны новые открытия. Иногда ставят под вопрос собор 1682 г., про-

возгласивший царями-соправителями несовершеннолетних братьев Ивана и Петра Алексеевичей и регентство «правительницы» Софьи. Собор 1683 г. по вопросу о «вечном мире» с Польшей нередко называют последним земским собором. О соборе 1698 г., окончательно устранившем царицу Софью, сообщает лишь один автор, да и тот иностранец — Иоганн Корб, секретарь австрийского посольства (в своем «Дневнике путешествия в Московию»), но с подробностями, которые иностранец придумать не мог.

Первый достоверный собор открылся 27 февраля 1549 г. В нем приняли участие, наряду с Думой и «Освященным собором», воеводы, «дети боярские» (мелкие феодалы на военной службе у князей, бояр, церкви) и «большие» дворяне (очевидно, московские). Его назвали «Собором примирения». Мысль собрать такой собор принадлежала, видимо, Сильвестру, одному из самых просвещенных и мудрых людей своего времени, автору «Домостроя». Восстания, пожары, политические распри, последовавшие за венчанием Ивана IV на царство, навели Сильвестра на эту идею: «Избранная рада» вынуждена была изыскивать меры по прекращению распрей между боярскими группировками, старалась привести могущественных соперников к компромиссу.

Царь на Соборе каялся и просил у бояр, дворян и черных людей прощения за те обиды, которые он им успел нанести (никто тогда не знал, что главные обиды впереди). Собор 1549 г. знаменовал собой создание центрального сословно-представительного учреждения, превращение Русского государства в сословно-представительную монархию. Важнейшие государственные решения отныне начинают приниматься с санкции не только бояр, но и других набирающих силу сословий, в первую очередь дворянства. Боярам, т.е. феодальной аристократии, предстояло поступиться рядом привилегий в поль-

зу служилого класса, а какие-то привилегии просто утратить. Достаточно сказать, что было решено «давать суд», если человек обратился с челобитной на бояр, казначеев и дворецких (обладателей дворцовых чинов). Другой формой защиты людей невысокого звания стала неподсудность, кроме как по крупным уголовным делам, «детей боярских» суду наместников.

Церковно-земский собор, работавший в январе–мае 1551 г., принял «Стоглав» — исключительно важный документ из ста, для ровного счета, глав (на самом деле из ста одной). Каждая глава «Стоглава» — это царский вопрос и соборный ответ. Вот названия некоторых глав: «О наказании чад своих», «О втором браке и троеженцах», «О пьянственном питии», «О стриженни брад», «О живописцах и о честных иконах», «О искуплении (выкупе) пленных» и т.д. Это очень любопытное чтение для современного читателя.

Земский Собор 1566 г. был созван правительством с целью совещания с «Землей» по поводу войны с Польшей за Ливонию и полоцкие земли. Члены Собора подавали свои мнения по группам. Группы были следующие: «Освященный Собор», Дума, две дворянские, две помещичьи, чиновническая, купеческая. Было на удивление много купцов: на 374 «гласных» их оказалось 75 человек. Сохранилась соборная грамота — подробная запись «деяний» Собора. Видно, что все группы владеют темой, входят в международные, политические, географические и стратегические подробности. Член Думы Висковатов (иностранцы называют его «канцлером»), не согласившись с прочими думными людьми, подал «особое мнение», а смоленская гильдия внесла дополнительное замечание к согласованному мнению купечества. Но в целом все сходится в том, что польским послам следует отказать. Собор заявил, что, если не воевать, то государству будет «теснота» от Польши.

Решение и впрямь было трудное:

шла затяжная война за выход к Балтике (за 150 лет до Петра I). Несколькими годами ранее русская сторона, взяв Нарву, упустила возможность остановиться на достигнутом (Адашев призывал царя именно к этому). С тех пор изнурительная война шла с переменным успехом и за победу никто не поручился бы. Участники Собора ясно это видят, но предложение закончить войну после стольких жертв, по сути, вничью они отвергают.

Не надо думать, что «Земля» высказалась за продолжение войны из желания угодить царю, он принял бы любое решение Собора. Ответ «продолжать войну» был ответом свободных людей. Некоторым из них предстояло погибнуть на этой войне (она, кстати, длилась еще 15 лет), и они не могли это не понимать.

В сходном случае три четверти века спустя собор 1642 г. рассудил иначе. Он был созван для ответа на вопрос: *«Азов от казаков принимати ли? И войну с Турцией и Крымом начинати ли?»*. Группам выборных было предложено «крепко помыслить» и дать мотивированный письменный ответ («сказку»). Однако в «сказках» больше говорилось о засилье зарождающейся бюрократии — приказных чиновников. Купцы ясно дали понять царю, что будет разумнее, если в пользу государства раскошелятся (а требовалось, по смете, 221 тысяча рублей) привилегированные сословия, *«за которыми твое государево жалованье, вотчины многие и поместья есть»*. Царь понял намек и отказался от мысли начинать войну. Казаки были вынуждены прервать пятилетнее «Азовское сидение» и, проклиная купчин, вернуться на Дон.

О том, насколько государственная власть нуждалась в соборах «всей Земли», говорит тот факт, что в первые десять лет правления Михаила Федоровича Романова соборы заседали почти непрерывно. Это легко понять. Царя в 1613 г. выбрали, по словам В.О. Ключ-

чевского, *«не способнейшего, а удобнейшего»*. Михаил не имел никакого собственного плана по выводу страны из тяжелого состояния, порожденного Смутой. И хотя он опирался на мнение Думы и патриарха, ему обязательно нужен был голос «Земли».

Можно ли предположить, что в Смутное время и в царствование Михаила Федоровича земские соборы имели шанс превратиться в постоянно действующие? Видимо, да — настолько регулярно они созывались. Участник нескольких соборов, московский судья (или стряпчий) Никита Михайлович Беклемишев подавал проект превращения Земского Собора в постоянное собрание, избираемое на год, но не нашел поддержки.

Поразительные альтернативы 1610–1613 годов

Интересен взгляд свидетеля событий Смутного времени, дьяка приказа Большого прихода Ивана Тимофеева (ок. 1555–1631). В своем обширном «Временнике», начатом в 1608 г. в занятом шведами Новгороде и законченном около 1630 г., он объясняет наступление Смуты непочтением к *«древних царей уставным законом»*. По мнению Н.М. Золотухиной, воззрения Тимофеева являются кульминацией идеи сословного представительства своего времени. Она суммирует их следующим образом: автор «Временника» желает видеть в стране монархию, ограниченную «всеобщим единомысленным собранием»; обязательным органом в предполагаемой структуре верховной власти должен быть «Совет всех городов», который утверждает власть монарха и обеспечивает участие во власти людей «всей Земли». *«Тимофеев говорит о “всенародном множестве”, “народном голосовании”, “вселюдском соборе” и т.п., утверждая право широкого сословного представительства с участием сословных группировок класса феодалов, а также посадских людей и черносозинных крестьян,*

он обосновывает уже сложившиеся порядки [т.е. практику созыва Земских Соборов], которые являли собой расцвет сословного представительства в России»².

Справедливости ради заметим, что идея постоянно работающего представительного органа не победила в это время еще нигде в мире. Современником царя Михаила был английский король Яков I, который не созывал парламент по семь лет. Он даже писал, что хочет упразднить его вовсе. У его преемника Карла I период беспарламентского правления длился еще дольше, 11 лет, и многим тогда казалось, что этот орган уже не воскреснет.

Самые четкие формулировки, как известно, в энциклопедиях. Именно там можно прочесть, что Карл I «распустил парламенты» 1625, 1629, 1640 гг. Множественное число здесь не случайно. Речь не о «парламенте» как о непрерывном явлении, а о «парламентах», которые можно созывать, а можно и не созывать. Короче говоря, родина современного парламентаризма не могла бы служить образцом для России первой половины XVII в.

Более того, если сравнить три десятилетия в России и Англии между 1610 и 1642³ гг., увидев их глазами современников, вне схем позднейших учебников истории (от которых нам так трудно отвлечься), то 29 соборов, созданных за этот период в Москве и под Москвой, отражают более напряженную парламентскую деятельность в России по сравнению с Англией. Русские парламенты (употребим и мы множественное число) были двухпалатными. Дума, как и палата лордов, была невыборной аристократической палатой, а Ответная Палата («Собор Земли», «Общий

всей Руси градов людской совет», «Совет всенародных человек» и т.д.)⁴ — палатой сословно-представительной, выборной.

Полномочия и функции Соборов были вполне парламентские. На первом месте стояли вопросы налогообложения (о сборе пятинных, даточных, запросных и т.д. денег) и законотворчество. Соборы принимают важнейшие законодательные документы в истории России XVI–XVII вв.: Судебник 1550 г., «Приговор» Собора первого ополчения 1611 г., Соборное уложение 1649 г., «Соборное деяние» об упразднении местничества 1682 г. и другие основополагающие акты.

Следующей по значению функцией Земских Соборов было избрание царя. Первым выборным царем стал Федор Иоаннович. Вслед за ним в этом списке Борис Годунов, Василий Шуйский, Михаил Романов. В 1682 г. были выбраны царями-соправителями малолетние Иван и Петр, сыновья царя Алексея Михайловича.

Земские соборы могли отрешить царя от власти, в 1610 г. это испытал на себе царь Василий Шуйский. Во время «безцарствия» именно Собор брал на себя полноту верховной власти в стране. После Смутного времени соборы занимались «устроением» государства.

Земские соборы имели право законодательной инициативы, решали вопросы церковного устройства, внутреннего управления, торговли и промышленности. Во время «безцарствия» именно Собор несколько раз брал на себя полноту верховной власти в стране. После Смутного времени соборы занимались «устроением» государства.

По способу созыва земские соборы делились на: 1) созванные царем; 2) созванные царем по инициативе

² Золотухина Н.М. Концепция сословно-представительной монархии в русской средневековой политической теории // Правоведение. 1988. № 1.

³ 1642-й — год начала гражданской войны в Англии.

⁴ Похоже, название палаты окончательно не устоялось, и этот факт снизил шансы на ее выживание. Твердо обозначенное явление находится в зоне меньшего риска.

населения; 3) созванные сословиями или по инициативе сословий в отсутствие царя; 4) избирательные на царство. Роль сословий то усиливалась, то слабела. На Земском Соборе 1566 г., решавшем вопрос о войне с Польшей, сложилось целых пять сословных курий: духовная, боярская, чиновническая, дворянская, купеческая. Вообще соборы о войнах с Польшей (актуальная тема на протяжении нескольких веков!) обычно входили в число всесословных. Таковы были соборы 1621 г. (казаки участвовали в нем в качестве отдельного сословия) и собор 1653 г.

Совершенно особое место в истории соборов занимает Земский Собор «Первого ополчения» 1611 г. и его «Приговор». Это ополчение сложилось для противостояния польским войскам, вошедшим в сентябре 1610 г. в Москву. Пригласило их туда «Временное в государстве правительство» во главе с князем Федором Мстиславским. Формировать ополчение начал воевода Прокопий Ляпунов в Рязани. К марту 1611 г. ополчение, необыкновенно пестрое по составу, было в Коломне. Это еще не народное ополчение Минина и Пожарского. Не меньше, чем справедливое устройство страны, людей Ляпунова волнуют земельные пожалования и дележ собственности предателей, сторонников Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, «нетчиков» (не явившихся по призыву) и дезертиров.

На подступах к Москве был проведен Земский Собор. Вводная часть его решения, принятого 30 июня 1611 г., гласила: *«Московского Государства разных Земель царевичи и бояре, и окольные, и чашники и стольники, и дворяне, и стряпчие, и жильцы, и приказные люди, и князи, и мурзы, и дворяне из городов, и дети боярские всех городов, и атаманы, и казаки, и всякие служилые люди, и дворовые, которые состоят за Дом пресвятыя Богородицы и за Православную Христианскую веру против раззорителей веры Хри-*

стианские, польских и литовских людей, под Москвою».

Как видим, состав Собора необычен. С одной стороны, в нем участвуют представители феодальной знати родов России («разных земель царевичи, князи и мурзы»), а также атаманы и казаки, с другой — отсутствуют купцы, посадские люди, духовенство. Преобладали мелкие служилые люди.

Хотя вопрос о земельных пожалованиях и был основным, в решениях Собора есть важные демократические вехи. Это выборность должностных лиц, избираемость Поместного приказа, ограничение законодательных и судебных полномочий боярства, введение «суда равных». Предусматривалось, что вместо приказных людей (т.е. чиновников) налоги будут собирать выборные целовальники, что любой приговор к смертной казни должен утверждаться Земским Собором.

Но самое главное в «приговоре» Собора — это его 24-я статья. «Земля», т.е. Земский Собор, выбирает правительство (употреблено именно это слово) из бояр, оно подотчетно «Земле», и если его деятельность окажется неудовлетворительной, *«нам всею Землею вольно бояр и воевод переменить, и в то место vybrати иных... хто будет более к земскому делу пригодится».* Собору Земли, таким образом, предстояло стать регулярно собираемым или даже постоянно действующим органом, без этого никакая подотчетность невозможна. Всем городам отправлен были призыв прислать *«изо всяких людей человека по два, и с ними совет свой отписать».*

Речь шла о переменах даже более глубоких, чем сулила «конституция Салтыкова» — по сути, о новом государственном устройстве. Составители капитального 9-томного сборника документов «Российское законодательство X–XX веков», характеризуя акт 30 июня 1611 г., подчеркивают: *«Здесь налицо республиканская форма правления, причем поскольку главную роль*

играет не феодальная аристократия, а масса служилого населения, можно говорить о зарождении феодальной демократической республики».

Пятнадцать кандидатов на должность царя

Данная политическая альтернатива оставалась для России открытой на протяжении следующих двадцати месяцев — до избрания царя Михаила Романова на Земском Соборе 1613 г. Вероятно, по зрелому размышлению, люди XVII века сочли ее рискованной, а потому не воплотили в жизнь. Но показательно, что идея была не просто выдвинута, но и какое-то время подерживалась большинством.

Н.В. Соколов в серии статей «Родословие русской свободы» на сайте <http://www.ej.ru> напоминает об оставшемся в тени аспекте событий 1612–1613 гг.: *«Важнейшим требованием второго ополчения была защита собственности. Первое ополчение в немалой степени потерпело неудачу из-за наличия в его составе значительного числа “вольных казаков”, отстаивавших “социалистический” идеал в его самой доступной форме»,* т.е. не видевших причин не отнять и не поделить боярское добро. Но *«земские люди, зарабатывавшие копейку упорными трудами, гарантии частной собственности ценили и понимали».* А еще лучше они понимали, что на боярах «вольные казаки», дай им волю, не останутся. Поэтому растерзания бояр Земля не допустила. В отношении же *«поместных раздач эпохи смуты (по беспорядочности — аналог недавней российской приватизации) ради прекращения распрей постановлен был “нулевой” вариант, законными признавались все пожалованные служилым людям земли, от какого бы самозванца ни исходило это пожалование».*

Настоящим торжеством сословного представительства стали всесословные выборы царя Михаила Федоровича Романова на Земском Соборе 1613 г.

В нем, по подсчетам С.Ф. Платонова, участвовало не менее 700 человек. Избрание царя заняло 46 дней. Собор, по сути, был коллегией выборщиков, рассматривалось до 15 кандидатур. В их число входили как участники освободительной войны князь Дмитрий Пожарский, Дмитрий Трубецкой, рязанец князь Петр Пронский, так и их вчерашние неприятели — боярин Федор Шереметев, князь Василий Голицын (находившийся в польском плену), Иван и Дмитрий Черкасские, а также принц Карл Филипп (брат шведского короля Густава Адольфа), польский королевич Владислав, едва не ставший русским царем еще в 1610 г., и даже «царевич Иван Дмитриевич», малолетний сын Лжедмитрия II и Марины Мнишек. С самого начала было много сторонников юного «Миши Романова». *«Нам с ним будет повадно»,* — объяснял Федор Шереметев, понявший незначительность собственных шансов.

Приемы предвыборной борьбы не меняются с веками. Поскольку казаки, во множестве остававшиеся в Москве дожидаться избрания царя, представляли собой идеальную «группу давления», некоторые из претендентов старались завоевать их благосклонность. Как сообщает насмешливый (хотя, увы, безымянный) современник-москвич, *«князь же Дмитрей Тимофиевич Трубецкой учрежаше столы честныя и пиры многая на казаков и в полтора месяца... по вся дни, чествуя, кормя и поя честно и моля их, чтоб быти ему на Росии [правописание того времени] царем и от них бы казаков похвален [поддержан представителями казаков на Соборе] же был. Казаки же честь от него приимающе, ядяще и пиюще и хваляще его лестию, а прочь от него отходяще в свои полки и браняще его и смеющеся его безумию такову»⁵.*

Какие-то усилия предпринимал и Дмитрий Пожарский. Дворянин Ла-

⁵ Повесть о земском соборе 1613 года // Вопросы истории. 1985. № 5.

рион Сумин в 1635 г. в пылу ссоры сказал, что *«Дмитрий Пожарский воцарялся, и стало ему в двадцать тысяч [рублей]»*⁶. Хотя Д.Т. Трубецкой и Д.М. Пожарский являлись во время проведения Собора формальными правителями страны, это не создало для них электоральных преимуществ.

Соискатели отсеивались в ходе жесткой политической борьбы. На заседании 7 января 1613 г. «казачья партия» выдвинула кандидатуру юного боярина Михаила Романова, но без успеха. Кроме того, казаки последовательно выдвигали князя Д.Т. Трубецкого и князя Д.М. Черкасского, но не прошли и они. По шведским данным, первоначально на Соборе большинство голосов получили князья Василий Голицын, Иван Шуйский и Иван Воротынский. Это большинство не было решающим и постепенно Земский Собор стал склоняться в пользу Карла Филиппа, как лица беспристрастного и не имеющего причин для недоброжелательства ни к одной партии и ни к одному лицу. Впрочем, шансы оставались и у нескольких бояр.

«Казачья партия» была с этим не согласна: *«Литовского и Свейского короля и их детей, за их многие неправды, и иных ни из которых земель людей на московское государство не обирать, и Маринки с сыном не хотеть»*. Назревал тупик. Когда прошел слух, что выборщики решают в пользу Карла Филиппа, это накалило обстановку в Москве. Дело в том, что в договоре об условиях избрания шведского принца русским царем (заключенном в Новгороде годом ранее) отсутствовала статья о его переходе в православие. Казалось странным и то, что принц до сих пор не прибыл на русскую границу.

⁶ *Забелин И.Е.* Дело о ссоре межевых судей стольника князя Василия Большого Романовского и дворянина Лариона Сумина // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Вып. 7. 1848.

Правда, у него еще было время: Карл Филипп ожидался в Выборге до конца февраля.

Делались попытки отложить решение в связи с тем, что делегации некоторых важных городов, в том числе Казани и Нижнего Новгорода, и первый по рангу иерарх Русской Церкви казанский митрополит Ефрем не успели прибыть на Собор. Еще один выход из положения — тянуть жребий, чтобы сам Бог указал, кому занять престол, — Собором поддержан не был. Как гласит «Утвержденная грамота», участники Собора совещались *«по многие дни»*, *«не обинуясь говорили... с великим шумом и плачем»*.

Единодушие в вопросе о кандидате на царство у участников Земского Собора не было до самого конца⁷. На Михаиле Романове сошлись, видимо, только 7 февраля, да и то под давлением казаков и посадских. Хотя выборщики имели все полномочия, но с учетом важности вопроса они после предварительного избрания Михаила на царство объявили двухнедельный перерыв и *«для большого укрепления»* срочно послали в свои города и уезды (*«опричь далних городов»*) доверенных лиц для подтверждения своего выбора. Окончательное избрание Михаила состоялось 21 февраля.

Уже цитировавшийся ироничный современник записывает: *«Князь же Дмитрей Трубецкой, лицо у него ту с кручины почерне, и паде в недуг, и лежа три месяца, не выходя из двора своего»*.

До мая, т.е. вплоть до приезда Михаила в Москву из Костромы, Собор оставался верховным органом государства, от его имени производились служебные назначения, давались земельные пожалования. Собор наблюдал за поступлениями в казну, ведал сыском

⁷ *Замятин Г.А.* К истории Земского Собора 1613 года // Труды Воронежского университета. Педагогический факультет. Т. 3. Воронеж, 1926.

«татев и разбойников», внешней политикой и обороной.

Избирательные кампании XVII века

Выборность соборов была для своего времени их самой замечательной чертой. Развитию выборного начала способствовало Смутное время, когда города взаимно «пересылались» грамотами и представителями и вопросы решались *«сослався с города»*. На этой основе и возник выборный «Совет всея земли», особенно проявившийся на Соборе 1613 г. Сложилась разработанная система выборов — с избирательными округами, институтом выборщиков, наказами избирателей. Избирательным округом считался каждый город со своим уездом. Выборы проходили в форме избирательных собраний. Выбирать имели право выборщики — полные налогоплательщики или люди, несшие службу. Составлялся протокол собрания, он именовался «выбор за руками»⁸, который заверяли все участники и по прибытии выборного в Москву служил ему верительной грамотой, подтверждавшей его избрание на Собор. Местные власти не имели права вмешиваться в выборы. Имущественного ценза для выборных, что замечательно, не было. Однако Соборы могли длиться, случалось, годами, а жалованье выборным хоть и полагалось, но было невелико (в 1648–1649 гг. по 14 рублей). Возможно, это играло роль барьера для большинства неимущих.

Все происходящее на Соборе записывалось дьяками, а затем скреплялось печатями царя, патриарха и высших чинов, а низшие чины «заверяли» его крестным целованием; кроме того, соборный акт подписывали участники Собора. Соборный приговор приводился исполнительной властью в действие, для чего на места рассылались нарочитые грамоты.

Собор имел компетенцию в вопросах кодификации права: Судебник 1550 г. и Уложение 1649 г. были не просто утверждены Соборами, как может подумать кто-то, — Соборы по многу месяцев занимались кодификационной работой.

Как появилось на свет Уложение 1649 года? В рассказе о его происхождении история Земских Соборов соединяется с историей Думы, вполне наглядно освещая русский XVII век. Появление этого кодекса было вызвано настойчивыми требованиями дворянства. Еще в челобитной 1637 г. дворяне ставили вопрос об упорядочении законодательства, но тогда правительство заволоклито дело. В первых числах июня 1648 г. дворяне и «дети боярские», собравшиеся в Коломенском по пути на Дон для несения сторожевой службы, воспользовались ситуацией «соляного бунта» и совместно с верхушкой посада взяли в свои руки переговоры с царем. Они предъявили целый список своих сословных притязаний, потребовали удаления правительства Бориса Ивановича Морозова, а главное — созыва Земского Собора для принятия нового Уложения и изменения, в его рамках, всей судебной системы. Петиция «блока дворян и купцов» (Л.В. Черепнин) содержала, среди прочего, прямые обвинения молодому царю в том, что он не борется с мздоимством и терпим к «разорителям»: *«...и ты, великий же государь, долго же терпиши и щадиши, и милуеш, не хочеш своего царского суда и гневу пролити на них...»*. Царю ставится в вину то, что в государстве процветает *«всяких приказных людей продажа»* [сегодня мы бы употребили иностранное слово «коррупция»] *«болшая, а все плачутся на государя, что государь де за нас бедных и малородных и беспомощных не вступается...»*. Авторы петиции предлагают, чтобы *«всяких чинов мирским людем... выбрать в суды меж себя праведных и расудительных великих людем, и ему государя»*

⁸ Вплоть до XIX века избирательные бюллетени назывались в России «заручными записями».

рю будет покой ото всякия мирския доуки, ведати о своем царском венце». То есть предлагалось устранить царя от верховного суда⁹. Возможно, это был способ давления: ценой сохранения судебной прерогативы заставить царя уступить в чем-то другом. Патриарх Никон (в 1649 г. — еще митрополит в Новгороде) даже утверждал впоследствии: «Всем ведомо, что Зборъ был не по воли — боязни ради и междоусобия от всех черных людей».

16 июля спешно созванный Земский Собор создает временный «Уложенный приказ» из членов Думы — бояр Никиты Ивановича Одоевского (руководитель) и Семена Васильевича Прозоровского, окольного Федора Федоровича Волконского, дьяков Гаврилы Леонтьева и Федора Грибоедова для подготовки Уложения.

Работать эти люди, прямо скажем, умели. Проект огромного, но внутренне со всем тщанием согласованного Уложения (в нем 25 глав, число статей в некоторых главах превышает 100, а в главе «О суде» 287 статей) они впятером — писцы и подручные не в счет — составили за 11 недель: уже 3 октября 1648 г. началось чтение и утверждение готового текста. При всех чудесах современной оргтехники и информатики такую скорость в наши дни представить трудно, куда менее сложные документы готовятся большими коллективами несоизмеримо дольше.

Выборные на «Уложенный Собор» съехались из 116 городов. Заседали две палаты, Л.В. Черепнин называет их Боярской и Дворянско-Посадской (в документе XVII в. эта палата, повторюсь, именуется Ответной). У бояр председательствовал царь, у выборных — князь Юрий Алексеевич Долгорукий. Собор длился почти полгода. Таким долгим он был потому, что проект Уложения утверждался постатейно и в него было внесено 80 новых ста-

тей на основе предложений, поданных выборными. Усилия оказались не напрасны — в большинстве случаев был найден компромисс, устроивший почти всех. Но все же не всех: по подсчетам историка А.Н. Зерцалова, Уложение подписали 315 участников Собора, а около 30 не подписали. Наиболее видной фигурой среди отказавшихся ставить подпись был популярный среди москвичей боярин Никита Иванович Романов, двоюродный дядя царя. Годы спустя, отражая эти оппозиционные мнения, патриарх Никон называл Уложение «беззаконной книгой».

Отпечатанное в течение 1649 г. дважды, по 1200 экземпляров в каждом тираже, что очень много для того времени, Уложение было доведено до самого глухого угла России. Не зря этот кодекс законов прослужил, с обновлениями, два века, до 1845 года. Достаточно сказать, что он действовал на протяжении всей жизни Пушкина.

Список тех, кто принимал участие в выработке Уложения и скрепил его своими подписями, поражает своим демократизмом. Первые 13 мест отданы высшему духовенству страны, начиная с патриарха Иосифа. За ними следуют 15 бояр, 10 окольных, казначей, думный дворянин, печатник (хранитель печати), думный дьяк, протопоп кремлевского Благовещенского собора, «просто» князь Федор Оболенский. А далее — разгул демократии: 155 представителей от городов (среди них только двое титулованных) и 116 — от слобод, посадов, пригородов, «сотен» (Суконной, Гостиной и т.д.) и приказов (ведомств). Вот наугад семеро из 315 подписантов (а из семерых трое по доверенности): «По выбору Лучан и Пустожерцов Микита Сумороков р.п. [руку приложил]», «Кодашевец выборной человек Афонасей Карпов р.п.», «Выборной Болахонец посадской человек Ефимко Милютин р.п.», «Суконные сотни Михайло Футин р.п.», «Петрова Приказу Лаврова вместо пятидесятников и десятников и

⁹ Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 282.

всех рядовых стрельцов пятисотной дьячок Стенка Марков р.п.», *«Алексеева Приказу Философова стрелец пятисотной дьячок Гришка Гвоздев вместо тогож Приказу стрелца выборного Меркуля Иванова по его веленью р.п.*», *«Артемонова Приказу Матвеева пятисотной дьячок Родка Семенов вместо выборного пятидесятника Ивана Семенова старика по его веленью р.п.*». Отнесемся с почтением к этим именам.

Известны забавные случаи, когда выборные по окончании Собора опасались возвращаться домой: наказ избирательного собрания оказался не выполненным в силу того, что Собор принял какое-то иное решение, и они опасались, что их сочтут виновными в этом. Курские служилые люди вручили своему выборному на собор 1648–1649 гг. Гавриле Малышеву наказ с изложением своих желаний и по окончании собора *«шумели»* на Малышева за то, что *«он на Москве разных их прихотей в Уложенье не исполнил»*. Ожидая за то неприятностей от своих избирателей, злополучный выборный просил у государя выдачи ему *«береженной грамоты»*.

Понятно, что выборы не могли везде проходить гладко и умильно, такого не было и не будет нигде в мире. Документы доносят до нас то драматические, то смешные эпизоды. При выборах на собор 1651 г. в Крапивне (ныне в Тульской области) воевода Василий Астафьев самовольно заменил двух выборных посадских людей своими ставленниками, один из них был боярский сын Федосий Богданов. Избиратели энергично взялись защищать свое правое дело и подали царю челобитную: *«вместо посадских людей приехал к тебе, государю, к Москве тот Федоска по отписке (воеводы), будто в выборных, а мы... такова ворюшка, и сставщика, и пономаренка к твоему государеву великому делу не выбидали и выбору не давали и твоего государева царственного дела*

быть нельзя». Вследствие этой жалобы царь велел исключить Богданова из числа соборных членов; воевода же был вскоре смещен.

Не было парламента или не было слова «парламент»?

Иностранцы хорошо понимали значение Соборов. Так, польский претендент на русский престол королевич Владислав всячески обещал ограничить свою власть не только аристократической боярской Думой, но и собором «Земли». Свое обязательство не менять русские законы и не налагать новые подати он также отдавал под контроль Собора.

Если иностранец приезжал в Москву из страны, имевшей представительный орган, он не просил объяснить, что такое Собор. Для польского подданного Филона Кмиты Собор 1580 г. — сейм¹⁰, англичанин Джером Горсей опознает Собор 1584 г. как парламент, ливонский дворянин Георг Брюнно называет Собор 1613 г. риксдагом, а немец И.-Г. Фоккеродт пришел к выводу, что это был «род сената». Вполне симметрично видит английский парламент Герасим Дохтуров, русский посланник в Англии в 1646 г.: *«Изо всяких чинов выбраны думные люди... сидят в двух палатах; в одной палате сидят бояре, в другой — выборные из мирских людей»*. Единственное, что его смутило: *«сидят с пять сот человек, а говорит за всех один речник»* (ударение на первый слог). Английские бояре, о которых говорит Дохтуров, сидели в Палате лордов. Ее русским аналогом, напомним, была Дума, не пережившая петровских реформ.

¹⁰ В донесении от 8 января 1581 года он сообщает Стефану Баторию важнейшую новость: *«Великий князь имел у себя сейм, желая знать волю всех людей, своих подданных, вести ли войну или заключить мир с вашим королевским величеством... Вся земля просила великого князя, чтобы заключил мир»* (цит. по: Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999).

Соборы решали вопросы войны и мира, в те времена неразрывно связанные с территориальными спорами. О том, как соборы решали вопросы о Ливонии и Азове, речь у нас уже шла. В 1651 г. Земский Собор, пойдя против воли патриарха Иосифа, не дал прямого согласия на принятие в подданство гетмана Богдана Хмельницкого «со всем войском козацким» (точнее, возможность положительного решения была поставлена в зависимость от действий Речи Посполитой, но это, в контексте ситуации, был отказ), а в 1653 г. согласился безоговорочно.

Вот как это было. 1 октября 1653 г. царь Алексей Михайлович созывает в Грановитой палате земский «Собор всех чинов». Участники собора должны были дать ответ на вопрос: удовлетворить ли просьбу гетмана, принять ли православных братьев «под высокую царскую руку»? Положительное решение означало две неизбежные войны с государствами, одно из которых (Польша) считало казацкие земли своими, а другое (Крымское ханство) имело на них собственные виды, причем получили в итоге и третью — со Швецией. Однако отрицательный ответ воспринимался собором как отдача единоверцев на растерзание еретикам (Польше) и «басурманам». Высказывались по куриям: «Освященный собор» (патриарх и духовенство) дал благословение, Дума ответила положительно, служилые люди обещали биться, не щадя головы, купечество вызвалось жертвовать деньги на предстоящую войну.

Приняли во внимание даже мнение «площадных людей» — не участников Собора, а народ, что толпился (речь об этом у нас уже шла) на Ивановской площади Кремля в ожидании, что решит Собор. Но вообще-то решение стало возможным благодаря именно голосам купечества, без их денег предприятие было бы обречено: но торговые люди, как один, вызвались оплатить расходы. Не «бюджетными» деньгами, своими!

Алексей Михайлович, которому шел всего лишь двадцать пятый год, не скрывал радости, считая происходящее началом долгожданного торжества православия и Православного царства. В эти годы он даже называл себя государем Святой Руси.

В Москве были и противники такого решения. Западник и сторонник союза с Польшей, влиятельный дипломат Афанасий Ордин-Нащокин (боярин и член Думы) отговаривал царя вплоть до самого Собора. Против соединения с Малой Россией были все Милославские, родственники жены царя. Но никто не сумел ослабить его решимость и благочестивое рвение. Впрочем, дело решилось во многом благодаря голосам купечества: без их денег предприятие едва ли было бы возможно.

Не все решения Соборов сохранились, но когда известен обсуждавшийся вопрос и последовавшие действия, можно составить представление и о соборном «приговоре». К примеру, в 1650 г. царь постановил *«быть собору на псковском воровском заводе»* (т.е. о псковском преступном деле). Речь шла об упорном мятеже в Пскове, начавшемся в феврале. Горожане упразднили власть московского воеводы и, вспомнив вечевые времена, стали решать дела мирским сходом, куда собиралось до 4–5 тысяч человек, а исполнительную власть передали «земской избе». Войско князя Ивана Хованского перекрыло пути к городу, но взять его не решалось. В июле горожанам начали выдавать хлеб из боярских житниц. Тогда Алексей Михайлович решил отправить в Псков Рафаила, епископа Коломенского, и созвать Земский Собор. Помимо Думы, были созваны выборные от городских дворян, детей боярских, московских гостей, торговых людей Гостиной, Суконной и Черной сотни.

Когда выборные съехались, им подробно изложили дело и поставили вопрос: *«Если Псковичи Рафаила епископа и выборных людей не послушают,*

то с ними что делать?» Ответ Собора не сохранился, но меры усмирения в итоге оказались «кроткими», решено было не требовать выдачи зачинщиков, а стараться всячески успокоить бунт. В августе Псков успокоился. (Позже, в октябре, вожаков восстания все же взяли под стражу и увезли в Новгород — власть не любила расписываться в слабости.)

В конце 1681 г. бояре созвали служилых людей совещаться о войске, отдельно от них с представителями посадских людей обсуждались подати. Затем служилые люди (но не посадские, их это никак не затрагивало) соединились с «Освященным собором» и Думой для решения об отмене местничества. 12 января 1682 г. «враждотворное» местничество — занятие должностей в зависимости от знатности и служебного положения предков — было уничтожено. Это одно из самых замечательных достижений Соборов за всю их историю. «Разрядные книги», в которых фиксировались родословие и назначение на должности, были торжественно сожжены (о чем историки, конечно, горько сожалеют), во главу угла легло служебное соответствие.

Вот как это было: *«Святейший патриарх со всем Освященным собором и весь его государской синклит вси с великим усердием Бога благодариша, глаголюще: «Да погибнет во огни оное, Богом ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество и впредь да не воспомянется во веки!» И того ж числа те книги преданы огню государския передняя полаты в сенях. А при том стояли от великого государя Царя и великого князя Феодора Алексеевича, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержца, боярин князь Михайло Юрьевич Долгорукой да думный дьяк Василий Семенов; а от великого господина святейшего Иоакима, патриарха московского и всея России, все преосвященные митрополиты и*

архиепископы до тех мест, покамест те книги совершенно все сгорели».

Созыв соборов не стал предписанной законом процедурой, он остался обычаем. Отменить закон можно лишь с соблюдением других связанных с ним законов, а обычай может отмереть и сам либо по прихоти власти, когда он ей неудобен. Население понимало значение земских соборов и не раз напоминало о необходимости их созыва, что достоверно зафиксировано, в частности, в 1662 г. Это был год «медного бунта», вызванного тем, что правительство для покрытия военных расходов приравняло за несколько лет до того новую медную монету к серебряной. Следствием стал непрерывный рост цен и появление большого количества подделок. Призванные московские «гости» и другие торгово-промышленные люди сошлись в том, что мнением одной Москвы не обойтись, и дали такой совет: *«то дело всего государства, всех городов и всех чинов и о том у великого государя просим, чтобы взять изо всех чинов на Москве и из городов лучших людей по 5 человек, а без них нам одним того великого дела на мере поставитъ невозможно».*

Иногда члены Собора, не довольствуясь ответами на царские вопросы, проявляли инициативу сами. Так, на Соборе 1621 г., созванном по поводу очередной войны с Польшей, служилые попросили царя «разобрать службу», чтобы тяготы служб распределялись бы правильнее. В 1642 г. члены Собора жаловались на злоупотребления администрации, а на «Долгом» Соборе 1648–1649 гг. подавали челобитные для разрешения самых разных вопросов — например, о необходимости выделения самостоятельного Монастырского приказа, что и было сделано.

Абсолютизм и его преодоление. Своими и общими путями

Россия, при всем отличавшем ее своеобразие, типологически укладывается в важную общеевропейскую

схему. В зависимости от страны, каждый этап внутри этой схемы занимал от одного века до нескольких. Упрощенно схема выглядит так: сословное представительство (в интервале XII–XVII вв.), абсолютизм (в интервале XV–XVIII вв.), эволюция к парламентаризму и конституции (XIX век; в России — 1810–1906).

Эта (относительная) синхронность вовсе не накладывает на нас унылое обязательство во что бы то ни стало ее детализировать, подгоняя под более мелкие закономерности социально-исторического развития Западной Европы. Будучи частью Европы и христианского мира, Россия в то же время отличается от своих христианских сестер примерно так же, как большой палец — от прочих пальцев кисти. Это не недостаток нашей истории, а ее замечательное достоинство. Это подтверждение того, что можно двигаться в совпадающем направлении разными путями.

Тем не менее сравнения полезны. Начнем с сословно-представительных собраний. Об их русской версии речь у нас уже шла. Во Франции Генеральные Штаты (*Etats Generaux*) созывались в период с 1302 до 1615 год. Французские короли созывали их от случая к случаю, а точнее — когда им позарез была нужна поддержка в сословиях (*etats* — сословия). Хотя первый созыв отделен от последнего тремя с лишним веками, общее число созывов на удивление невелико. К примеру, Людовик XII (правил в 1498–1515) собрал Генеральные штаты лишь однажды, в 150 г.; Франциск I (правил в 1515–1547) не собирал совсем; Генрих II (1547–1559) сделал это один раз, в 1548 г., причем многих депутатов назначил сам. Генеральные штаты были созваны последний раз в 1615 г., после чего французская монархия о них, по ненадобности, просто забывает, вспоминая (на свою голову) лишь 174 года спустя.

Английский парламент, прежде чем стать парламентом, тоже был сословно-представительным собра-

нием. Но даже им он стал не сразу, а начиная с 1343 г., обзаведясь Палатой общин (см. статью первую).

Испанские кортесы поначалу опережали английский парламент в своем развитии, но стоило им проштамповать в 1348 г. законодательство, укрепившее королевскую власть, как начался их закат. Их созывали все реже, лишили тайны прений (тем повысив уровень осторожности дебатов). Впрочем, короли хоть и считались с кортесами все меньше, на всякий случай настояли на принятии последними (в 1445 и 1469 гг.) деклараций о божественном происхождении королевской власти. Кортесам, пусть и хиревшим, нельзя не отдать должное за то, что в 1510–1522 гг. они постарались смягчить свирепство инквизиции и ограничить привилегии иностранцев, а во второй половине того же века даже предприняли попытки умерить произвол Филиппа II. Потерпев этом неудачу, они превратились во вполне бессильный институт, опасавшийся своего упразднения.

Показательна и судьба португальских кортесов. Они учреждены в 1254 г., просуществовали 444 года и за это время их собирали 122 раза на период от двух недель до нескольких месяцев. Кортесы состояли из трех сословий: духовенства, знати и горожан. В период расцвета городов от последних зависело, принять или отвергнуть королевскую просьбу о субсидии на войну, на королевское бракосочетание или об изменении содержания драгоценного металла в монетах. Это был уже почти парламент, но с усилением королевской власти их значение, как и в Испании, падает. За весь XVI в. кортесы собирались десять раз. Португальские кортесы XIX в. — вновь учрежденный орган, получивший старое название.

Судьбы названных сословно-представительных органов типологически схожи с судьбами шведского риксдага (основан в 1435 г.), датского ригсдага (основан в 1468), сейма Речи Посполитой (основан в 1493) и т.д.

На протяжении двухсот лет между концом XV в. и концом XVII в. почти во всей Европе (заметные исключения: Нидерланды, Швейцарский союз, Польша, Венецианская и Генуэзская республики) постепенно побеждает абсолютизм, то есть неограниченная монархия.

Каковы признаки абсолютизма? Абсолютизм всегда и везде резко усиливал бюрократию и командные методы управления, порождая, по сути, бюрократические монархии (термин М.Н. Покровского). Устраняются либо делаются бутафорскими институты сословного представительства — зачаточные (по нынешним меркам) парламенты: кортесы, земские соборы, риксдаги, сеймы. Верховная государственная власть становится безраздельной прерогативой монарха — императора, царя, короля. Вместе с тем высшим критерием в политике для монарха становятся государственные, а не династические (или какие-либо еще) интересы, крупные монархии стремятся стать империями. Государство деспотично подчиняет себе церковь, феодальная аристократия превращается в придворную, совершенствуется аппарат насилия (полиция), укрепляется налоговая и фискальная системы, высшая бюрократия формируется из нового дворянства. Ликвидируются привилегии старой феодальной аристократии (в российском случае — боярские), большинство населения становится налогооблагаемым (податным). В таких странах, как Дания, Австрия, Венгрия, Польша, Чехия, Ливония, Пруссия, Мекленбург, Померания, Вестфалия, Бранденбург, Силезия, Ганновер наблюдается «второе издание крепостного права» (а в России — по сути, первое) — т.е. усиленное прикрепление крестьян к земле и распространение суровых форм крепостничества. Переход к абсолютистской форме правления везде был постепенным, занимая, как правило, около столетия.

Обоснование своей власти монархи находили в норме римского права из

Кодекса византийского императора Юстиниана (VI в.) — кодекса, увенчанного двенадцатью римскими веками: «Воля императора имеет силу закона». Можно сказать, что если Западная Европа приняла эту норму как наследница Рима, то Россия с тем же основанием приняла ее как наследница Византии и ее двуглавого орла.

В российском случае вышеназванные признаки абсолютизма мы видим в более или менее полном виде при Петре I, но многое появилось и раньше. Земские соборы утрачивают былую роль уже при Алексее Михайловиче, а некоторые их решения приближают полное закрепощение крестьян. Особенно это относится к Соборному Уложению 1649 г., отменившему право ухода от феодала в Юрьев день. Ключевский высказывает исключительно важную, но почти не услышанную мысль: *«Едва Земский Собор стал складываться в выборное всенародное представительное собрание, как из состава его выпало почти все сельское земледельческое население. Земский Собор потерял под собою земскую почву, стал представлять собою только службу и посадское тягло с их узкими сословными интересами. Принося к престолу мысль лишь немногих классов, он не мог привлечь к себе ни должного внимания сверху, ни широкого доверия снизу»*. Речь идет о Земских Соборах периода 1630–1650-х гг., когда по всем признакам складывалось именно то, что Ключевский называет (тут важны все четыре слова) *выборным всенародным представительным собранием*.

В России ушли в небытие не только Земские соборы. Не будучи формально упраздненной, сошла на нет около 1711 г. Дума — важнейший орган коллективного принятия решений, коллегиальное руководство страны. В Западной Европе сходная судьба постигла разного рода «королевские советы».

Но ничто не вечно. Во всех странах, прошедших стадию абсолютизма, он

рано или поздно сменялся поворотом к конституции и парламенту. Что-то, какой-то встроенный механизм, заставлял большие и малые нации следовать этим путем. Еще ждет объяснения феномен «Большого XIX века», прихватившего по 11 лет у смежных веков. За 122 года между Французской революцией 1789 г. и Китайской 1911 г. (для истории срок, конечно, немалый, но и не громадный) в мире произошли десятки революций с одним и тем же итогом: в стране появлялись (иногда после долгой кровавой борьбы, иногда без) конституция и парламент. В этом списке и латиноамериканские революции, начатые Симоном Боливаром, и греческая революция 1821–1829 гг., и охватившая десяток стран европейская «Весна народов» 1848–1849 гг., и революция Гарибальди в Италии, и японская «революция Мэйдзи» против деспотизма сегуна, и русский 1905 год, завершившийся появлением Государственной Думы и Основных Законов, и младотурецкая революция 1908–1909 гг. — этот список не полон.

Что заставило самые разные нации на протяжении считанных десятилетий поменять системы правления в своих странах и даже свой образ жизни, что толкало их на восстание против веками привычного устройства жизни? В силу какого неумолимого процесса люди вдруг отказываются жить так, как жили их отцы и деды? Почему они начинают отрицать монархию и другие виды самовластного правления, откуда этот прорыв к демократии — то есть к выборному представительству?

Нередко уверяют, что череда революций XIX столетия — следствие примера Великой французской революции. Это объяснение более позднего времени. Отдаленные последствия французской революции ее современникам не могли быть известны, а ее непосредственная кровавая практика — с гильотинами, террором, войнами сразу против всех соседей, была способна

вдохновить лишь ограниченное число верхушечных романтиков. Власть Наполеона, коронованного императором, была куда более абсолютистской, чем правление двух предшествовавших Людовиков. «Революционеры», ставшие королями завоеванных стран, графами, герцогами и принцами, оттолкнули почти всех первоначальных поклонников французской революции. После разгрома французских завоевательных армий приверженцы республиканской формы правления были бесконечно разочарованы реставрацией старой королевской монархии. Франции образца 1815 г. еще предстояла долгая борьба за демократическую конституцию и настоящий парламент.

Еще менее могла служить примером для европейских наций Американская революция 1776 г. Это было, как показало время, выдающееся событие, но в Европе на него просто мало кто обратил внимание. Несколько английских колоний, с совокупным населением менее трех миллионов человек и экономически совершенно незначительных, решив зажить своей жизнью, освободились от английского владычества — сюжет, важный для Англии, но не для остальной Европы. Интерес Старого Света к политическому устройству Соединенных Штатов проснулся лишь с появлением в 1840 г. книги французского мыслителя и государственного деятеля Алексиса де Токвиля «О демократии в Америке».

В большинстве случаев революции «Длинного века» опрокидывали абсолютизм как форму позднефеодального государства. Тот абсолютизм, который до перехода в стадию «просвещенного» начинал со свирепых жестокостей. В Англии расцвет абсолютизма был отмечен кровавыми правлениями Генриха VIII и Елизаветы I, в Испании он пришелся на царствование уже упомянутого Филиппа II, любителя поджаривать еретиков и мужа Марии Кровавой, в России олицетворением абсолютизма стал Петр I.

Даже самый стойкий и развитый из всех — английский парламент при тирании Генриха VIII вел себя крайне послушно и только поэтому уцелел¹¹. В любом случае Англия, как некая островная аномалия, прошла свою стадию абсолютизма раньше других, задолго до наступления «Длинного века». В этой стране судьба парламентаризма оставалась неопределенной лишь до второй половины XVII в. Большой удачей для Англии стала своевременная смерть в 1658 г. военного диктатора, «лорда-протектора» Оливера Кромвеля. Случись она на 10–15 лет позже, все могло кончиться для английской государственной системы куда печальнее. Правда, должность отца тут же унаследовал сын, Ричард Кромвель, но его, лишённого отцовской хватки и не совладавшего с войском, принудили к отречению через неполные 9 месяцев. Наследственная диктатура в Англии не сложилась, а вполне могла, страна прошла по лезвию ножа. Всем же остальным странам пришлось конструировать свои парламенты заново — на совершенно новых основаниях, хотя порой и под прежними вывесками.

¹¹ В.А. Махнач в своем «Историко-культурном введении в политологию» пишет об этом самом колоритном из Тюдоров, правившем Англией почти сорок лет: «*Генрих VIII, старший современник нашего Ивана Грозного, был типичным тираном эпохи Возрождения. При нем даже действовал парламент, но он послушнее любого Верховного Совета единодушно голосовал за все предложения тирана*». (Слово «послушнее» надо понимать как метафору, представить себе что-то послушнее советского Верховного Совета трудно.) Я бы добавил к этому следующее: при Генрихе VIII действовал еще и узкий совет «Privy Council», на заседании которого Генрих VIII простым высказыванием вслух вводил новый закон. На первый взгляд этот совет напоминает «Ближнюю думу» русских царей, но последняя не вводила законы «с голоса», даже царского.

В 2006 г., в связи со столетием Государственной Думы, несколько примелькавшихся телевизионных неучей, знакомых с историей из пятых рук, пытались высмеять этот юбилей: и опоздали мы, оказывается, навсегда, и парламент был не тот, и срок пустяковый, и преемственность не возникла. То ли дело тысячелетняя европейская преемственность! Не хочется никого огорчать, но, повторим еще раз¹², все демократические режимы современного образца относительно молоды, и это не укор.

Слом всей допетровской системы представительства, самоуправления и судебной оказался трагической вехой русской истории, за этим сломом последовало «двухсотлетнее испытание» XVIII–XIX вв. Тем не менее наш выдающийся историк, автор монументальной «Социальной истории России» Борис Николаевич Миронов не считает это слом однозначно негативным событием. Его вывод принципиально важен и знаменует собой прорыв в понимании русской государственности. Б.Н. Миронов уточняет: со смертью Ивана Грозного в 1584 г. монархия из наследственной превратилась в избирательную и в такой форме существовала до XVIII в.; Россию XVII в. следует охарактеризовать как народную (патриархальную) монархию; петровские реформы превратили ее в дворянскую патерналистскую монархию XVIII в., которая затем переросла в правомерную бюрократическую монархию первой половины XIX в. и всесловную правомерную монархию пореформенного периода; в 1906 — феврале 1917 г. в России существовала дуалистическая правовая монархия и, наконец, в феврале 1917 г. (всего на восемь месяцев) возникла демократическая республика.

Обобщающий вывод таков: между XVII и началом XX в. русская государственность находилась в состоянии непрерывного и быстрого развития. Что

¹² См. статью первую.

же до отечественной версии абсолютизма, Россия преодолела его, согласно Б.Н. Миронову, в два этапа (бюрократический и всесословный), причем, с учетом всех привходящих факторов, на удивление динамично.

Из российской партийной истории

Одним из видов представительства являются партии. Партии существуют столько, сколько существуют совпадающие коллективные интересы. В организации с членскими взносами и членскими билетами они превратились исторически вчера — да и то не все. Но всегда существовали люди, считающие правильным то и неправильным это, приверженцы тех или иных умонастроений (т.е. идеологий), группировки сторонников той или иной власти или политики и даже клики того или иного лидера. Они солидарно отстаивали то, что считали верным (справедливым, нужным, правильным, выгодным и т.д.) для государства, города, сословия, корпорации — либо, наконец, для себя лично. А это и есть партии — так, как это слово понималось минимум до начала XX века.

С.Ф. Платонов, один из крупнейших русских историков, видит вполне отчетливые партии (союзы) на русской почве уже 900 лет назад. Согласно его описанию, Новгород XII в. делился *«на случайные толпы враждебных лиц, а на определенные организации или корпорации, из которых слагался город в целом или его отдельные концы»*... Отдельное лицо, даже значительное, *«поглощено той средой, к которой принадлежит, тем общественным союзом, который определяет положение его в городе. Ссорятся не лица, а союзы, — и на вече идут не лица, а союзы; голосуют там не лица, а союзы»*. Новгородское Вече *«слагается не из отдельных лиц, а представляет собою сумму организаций, составляющих политическую общину»*¹³.

Другой пример из русской истории, чуть более близкий, XV–XVI вв. При Иване III началась борьба партии «нестяжателей», руководимой сперва Нилом Сорским (в миру Николай Майков), после его смерти — Вассианом Патрикеевым, а позже — духовником царя Сильвестром, против партии «иосифлян» во главе с Иосифом Волоцким (в миру Иван Санин) и его последователями. Победили в этой борьбе, длившейся не менее семидесяти лет (начиная с 1489 г.), иосифляне. Сперва они блокировались с удельно-княжеской оппозицией и выступали против царской власти, чьей целью было присвоение (по-научному — секуляризация) церковных земель. Они не дали царям (великим князьям) Ивану III, Василию III, Ивану IV Грозному провести «нестяжательские» решения на соборах 1503, 1531 и 1551 (Стоглавом) годов. При этом, умело используя стремление московских государей соблюсти видимость нейтралитета по отношению к борьбе двух партий, иосифляне сумели не рассориться с властью. Более того, предложив ей помощь в борьбе со светскими феодалами, иосифляне добились ее поддержки и уступок.

Понятно, что Кремлю были идейно ближе нестяжатели, но им мешала собственная принципиальность. Так, Вассиан Патрикеев, воспротивившись разводу и второму браку Василия III, тем самым упустил политическую выгоду для своей партии. Сильвестр в 1547 г., во время пожара Москвы, произнес обличительную («кусательную») речь против молодого Ивана IV, будущего Ивана Грозного, обвинив того в буйстве и иных грехах. Правда, вслед за этим он был, против ожидания, приближен к царю, однако не воспользовался случаем: после поражения нестяжателей (и царя!) на Стоглавом соборе сблизился с бояр-

¹³ Цит. по: Петров А.В. Социально-политическая борьба в Новгороде в середине

и второй половине XII века // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1988. С. 40.

ской оппозицией, а в 1560 г. удалился от двора.

Итак: трем царям подряд не удастся провести на соборах угодные им решения, постоянно налицо княжеская оппозиция Кремлю, не дремлет и Дума (именуемая в литературе Боярской), важнейший орган управления страной, история которого не прерывалась с X в. до Петра I, соперничали идеолог дворянства Иван Пересветов и боярства — Андрей Курбский. Могла ли политическая борьба такого накала происходить без партий, пусть неформализованных? А где они были формализованы в былые века? Может быть, партии Тюдоров и Стюартов выдавали членские билеты и имели парторганизации? Или шведские «колпаки» и «шляпы»?

Разнообразие политических и социальных воззрений — это не что иное, как разное видение будущего. Для русской публицистики XV–XVI вв. характерны и геополитические проекты («Третий Рим»), и конкурирующие предложения о развитии страны.

Автор одного из таких предложений — Ермолай Прегрешный, священник церкви Спаса на Бору, выдающийся писатель своего времени, автор трактатов «Книга о Троице», «Зрячая пасхалия», а главное — «Повести о Петре и Февронии» («*новых чудотворець муромских*»), истории любви князя и крестьянки. В своем трактате «Правительница» о. Ермолай предложил большую программу преобразований в экономике, податной системе, военной службе, особенно настаивая на свободе беспошлинной торговли. Стремясь облегчить положение крестьян, он убеждал оградить их от произвола землемеров и сборщиков, призывал заменить денежные подати натуральными (в размере пятой части производимого), освободить крестьян от выполнения ямской повинности, переложив ее на города. Дворяне должны были стать ратными служащими государства, кормящимися от землевладения, но жить в

городах для быстрой мобилизации в случае необходимости.

Ермолай Прегрешного отличало то, что он стремился победить зло ненасильственными способами, путем постепенных преобразований. Совсем не таков его современник Иван Пересветов. Много лет он провел в качестве наемника, служа то венгерскому королю Яну Заполе, то императору Фердинанду I Габсбургу. Из Европы он привез убеждение в том, что самый идеальный строй — военная монархия. 8 сентября 1549 г. он подает царю свои трактаты. В них он рассуждает, среди прочего, о причинах падения Греческого царства (на языке современных историков — Византии), и главную из них видит в возвышении «вельмож». *«Исполнившие казны свои великим богатством... почали о том мыслить, как бы царя [т.е. василевса] укротити от воинства, а самим бы со упокоем пожити»*. Царь же *«велможам своим волю дал и сердце им веселил... а земля и царство плакало и в бедах купалось»*. Рабство стало массовым явлением, а *«в котором царстве люди порабощены, в том царстве люди и не храбры и к бою против недруга не смелы: порабощенный бо человек срама не боится, а чти [чести] себе не добывает...»*. Переходя к русской действительности, Пересветов пишет об отсутствии «правды», т.е. справедливого закона. Отстаивая, как и Ермолай Прегрешный, интересы дворянства, Пересветов уповает не на реформы, а на царя, грозного и мудрого. *«Не мочно царю без грозы быти; как конь под царем без узды, тако и царство без грозы»*. Пересветов повествует о «турецком царе» и на его примере доказывает, что без сильного войска невозможно ввести правду в государстве. Известно, к какому из двух советов склонился Иван Грозный. И, что характерно, советчиком был человек с европейским опытом.

Присутствие партий, отстаивающих те или иные интересы длительного действия, несомненно на любом отрез-

ке российской истории. Деятельность этих партий определяла развитие страны, но, как и национальная история России вообще, партийная история России до сих пор не написана. Переступить рамки истории общественной мысли отечественные исследователи пока не решились.

Автор 29-томной «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьев констатирует, что к моменту прихода к власти Петра I русское общество было уже длительное время расколото между тремя партиями: партией старообрядцев, партией западников-реформаторов («Софьиной партией») и старомосковской партией. Последняя, во главе с патриархом Иоакимом, стремилась законсервировать официальное православие и московскую, к этому времени уже имперскую, тради-

цию, надежно отгородиться от любых внешних влияний.

В.Л. Махнач ясно видит четвертую партию, партию этактистов, т.е. проводников идеи бюрократического государства во главе с Нарышкиными. *«Видимо, изначально они не были западниками, но стали ими в силу этактистского мышления, в силу того, что именно Запад предлагал образцы бюрократического правления»*, совершенно несвойственные России, утверждает историк. Несвойственные, и потому еще более соблазнительные. Тирания Петра (его мать Наталья была урожденная Нарышкина) не была классической тиранией, продолжает Махнач, *«ибо исходила не из эгоистической тиранической воли, а из примата государства»*.

Дмитрий Крылов

Азбука этнопсихологии

Понять русскую этнопсихологию и межнациональные отношения в России было бы проще, если бы поле обсуждения этих вопросов не страдало от предвзятого подбора авторов, которым «дан эфир», и ангажированности высказываемых ими мнений.

Такое положение дел привело к отсутствию базовых понятий в наших представлениях об этничности и своеобразной иррациональной «логике», которая связывает наши представления. В результате уровень наших познаний и понимания этничности можно сравнить с представлениями о Солнечной системе до Коперника, с тем, пожалуй, исключением, что в них нет стройности птолемеевой системы. Между тем сами межэтнические отношения, в отличие от устройства космоса для средневековых людей, вполне доступны нам для непосредственного наблюдения. Понять их на самом деле не так сложно, если выключить «глушилки», которыми полно наше информационное пространство.

Для этого необходимы, как представляется, только два условия: умение наблюдать и некоторые базовые понятия. Последнее облегчит понимание: зачем изобретать велосипед?

В этой публикации — вторая глава книги, которая посвящена некоторым вопросам социальной психологии. Они дают знание о группах людей, не только этнических, которые базируются непосредственно на экспериментальных данных социальных психологов. Освоить этот аппарат — значит вооружить себя против манипуляции и непрофессионализма, закрывающих нам путь к пониманию себя и других народов.

Теория социальной идентичности

Среди экспериментов, проделанных в рамках развития теории социальной идентичности (ТСИ), встречаются поистине удивительные¹. Людей разделяли на группы случайным образом, например, подбрасывая монетку. Если выпадал орел — отправляли в одну группу, если решка — в другую. Никто из участвовавших в эксперименте друг с другом знаком не был, более того, в условиях эксперимента поддерживалась анонимность участников относительно друг друга. Исследователи пытались узнать, будут ли оценки людей относительно друг друга зависеть от того, к какой группе они были случайным образом приписаны. Так вот, оказалось, что анонимные участники эксперимента дискриминировали членов не своей группы — и, наоборот, оказывали предпочтение в оценках для тех, кто, так же как и они сами, случайным образом попал в их группу.

Более того, в других экспериментах² было показано, что принадлежность к группе, сколь угодно искусственной и случайной, превосходит в иерархии факторов личные отношения между людьми. Если два человека, например, до эксперимента установили друг с другом контакт и нашли точки соприкосновения — но как только их разделяли на две разные группы, они как бы забывали, что знакомы, и действовали

¹ Turner J. C. (1981). The experimental social psychology of intergroup behavior. In J. C. Turner & H. I. (Eds.), *Intergroup behavior*. Oxford: Basil Blackwell.

² Taffel H. (1982) Social psychology of intergroup relations *Ann. Rev. Psychol.* 1982. 31:1–39.

исходя из принадлежности к группе, даже если это шло вразрез с личными привязанностями. Эти эксперименты вошли в историю психологии групп под названием «минимальной дифференциации».

О чем это говорит?

Прежде всего — о том, что *любой человек устроен так, что его принадлежность к группе (социальная идентичность) имеет первостепенное значение*. Психологические механизмы срабатывают таким образом, что сам факт принадлежности к группе по своему весу *превосходит многие, если не все другие социальные связи и личные интересы*. Если в экспериментах группы создавались непосредственно перед изучением совершенно случайным образом, то что же говорить о таких группах, как родственники или свой народ? Они прописаны в психологической конституции человека с момента рождения, более того, традициям родственных и племенных единств, с ними связанным, столько же лет, сколько человечеству.

Так, значит, принадлежность к этим группам должна иметь абсолютное превосходство над всем остальным в жизни человека. Почему же мы на деле не видим это только у некоторых народов и совсем не наблюдаем у других? Почему люди, собранные в группу за несколько минут до эксперимента случайным образом, выделяли своих в лучшую сторону и хуже отзывались о чужих, в то время как русские, народ с тысячелетней письменной историей, не делает этого?

Прежде чем ответить на этот вопрос, разберемся более подробно в групповой идентичности.

Для начала я хотел бы коснуться еще одной проблемы, связанной с этими удивительными экспериментальными данными. Очень часто можно слышать и читать, что русские, якобы, это народ, в котором смешаны разные национальности. В частности, указывают на большой процент монгольских, финно-

угорских и других генов у русских.

Во-первых, это не так. По данным масштабного исследования русского генотипа, русские в высшей степени однородная этническая группа. В частности, русский человек на Дальнем Востоке гораздо ближе генетически москвичу или петербуржцу, чем европейцы, принадлежащие к так называемым «европейским нациям». Так что наветы на якобы присущую русским генетическую неоднородность (несмотря на общеизвестный факт того, что татары в захваченной ими Руси не жили, а лишь собирали дань с нее) — это чистая ложь, и нужна она, чтобы разрушить русских как группу.

Но главное даже не в этом. Главное заключается в том, что *принадлежность к народу не зависит от того, как сформирован его генотип*. Относительно неоднородные в генетическом смысле европейцы, например, проявляют удивительную сплоченность, когда речь идет о принадлежности к той или иной «европейской нации», то же самое и у американцев, практически каждый из которых достоверно знает, что у него в предках несколько европейских национальностей, а зачастую — индейцы или негры. То же можно сказать и о китайцах, которых разделяет не только генетика, но и взаимно непонятные диалекты и значительные культурные особенности регионов.

Вернусь теперь к социальной идентичности. Вот как определяют ее классики³.

«1. Индивиды стремятся поддерживать или повысить самоуважение, они стремятся к положительному представлению о себе.

2. Социальные группы или категории и их члены связываются с положитель-

³ *Tajfel H. and Turner J. C. (1986). The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In S. Worchel and W.G. Austin (Eds) Psychology of Intergroup Relations Nelson-Hall Publishers. Chicago, 1986.*

ными или негативными ценностными смыслами. Социальная идентичность, таким образом, может быть положительной или негативной в зависимости от оценок (которые имеют тенденцию определяться социальным консенсусом либо внутри, либо между группами) тех групп, которые вносят вклад в социальную идентичность индивида.

3. Оценка своей группы определяется в отношении к другим конкретным группам путем социальных сравнений в терминах описаний и характеристик, несущих ценностную нагрузку. Сравнения с положительной разницей между своей группой и чужой обуславливают высокий престиж, сравнения с негативной разницей между своей и чужой группой обуславливают низкий престиж.

Из этих предположений можно вывести некоторые относящиеся к ним теоретические принципы:

1) Индивиды стремятся достичь или поддержать положительную социальную идентичность.

2) Положительная социальная идентичность основана в значительной степени на благоприятных сравнениях, которые можно сделать между своей группой и релевантной чужой группой: своя группа должна восприниматься как положительно дифференцированная или отличная от релевантной чужой группы.

3) Когда социальная идентичность неудовлетворительна, индивиды будут стремиться выйти из существующей своей группы и вступить в более позитивно отличную группу и/или сделать существующую свою группу более положительно отличной».

Вводя эти определения, авторы договариваются считать группой совокупность индивидуумов, которые считают себя членами одной и той же социальной категории, разделяют эмоциональную нагрузку в отношении определения этой социальной категории и достигают какой-то степени

согласия в отношении оценки данной группы и самих себя в ней. Таджфель и Тюрнер, кроме того, считают, что социальная идентичность затрагивает не только группы, но и индивида и позволяет ему обрести место в обществе и определить себя через социальные связи. Авторы подчеркивают, что социальная идентичность в их понимании прежде всего сравнительна, она дает оценку типа «хуже»–«лучше» по отношению к другим группам.

Как видно сразу, эти определения и предпосылки направлены на то, чтобы объяснить поведение людей относительно групп, с которыми они себя отождествляют. Для этого авторы вводят стремление человека к положительной самооценке и именно его кладут в основу своей теории. В их понимании именно стремление к позитивной самооценке движет людьми в их групповом поведении.

Сильной стороной этой теории следует считать то, что она действительно неплохо объясняет поведение людей. Более того, следствия из этой теории обладают предсказательной силой, что особенно важно для подтверждения правильности теории. Однако у этой теории есть и слабые стороны. Она, в частности, закладывает в фундамент тягу к положительной самооценке. Такая тяга, конечно, есть, в предыдущей главе⁴ мы отчетливо видели ее у детей, но можно ли ее считать основным фактором в групповом поведении? Представим себе несколько групп, выстроенных в иерархию: одна более привлекательна, чем все остальные, другая уступает этой первой группе и никому больше, третья — только эти двум и так далее. Дальше предположим, что людьми в этих группах движет в основном тяга к позитивной самооценке, причем достигнута она может быть через принадлежность к группе с высоким относительным статусом. К этому остается добавить еще одно условие,

⁴ Вопросы национализма. 2010. №1.

открытость границ между группами, чтобы получить довольно странную картину. Стоит позволить такой модели уравновеситься, как все члены тут же начнут переходить в группы с более высоким статусом до тех пор, пока не останется ни одной группы, кроме первой. После этого все окажутся в одной группе, которая перестанет быть таковой, потому что теперь будет включать в себя всех, и кроме того, утратит всякий смысл понятие статуса, так как статус этой над-группы не с чем будет сравнивать. А статус — понятие относительное, согласно авторам теории. Можно, конечно, сказать, что на деле границы групп никогда не бывают открыты, но и это не объясняет реальное поведение людей в группах.

Вот некоторые любопытные эксперименты социальных психологов на эту тему⁵. Студентам голландского университета говорили в эксперименте, что они разделяются на две группы по «типу мышления». На самом деле их усаживали перед компьютерами и всем выводили на экран одну и ту же картинку. Никакой «второй группы» в эксперименте на деле не было. В эксперименте их просили пройти некоторые тесты, в то время как к их рукам подключался «электрод» для «измерения» гальванического потенциала на коже. По этим данным якобы измерялась степень принадлежности каждого к группе. На самом же деле подопытным студентам подсовывали различные значения этой «принадлежности». Делалось это так: им говорили, что в среднем степень принадлежности выражается оценкой в 40 очков. Некоторым приписывали 27, а другим 53 очка, убеждая таким образом, что они в первом случае плохо вписываются в груп-

пу, а во втором — хорошо. Никаких реальных различий в принадлежности к «группе» не было и быть не могло, потому что сама «группа» существовала только в представлениях студентов.

Тут, кстати, я сделаю небольшое отступление и замечу, что эта методика обладает огромным пропагандистским потенциалом. Иллюзия группы и реальное существование группы — это на практике одно и то же. Из этого следует, что достаточно разрушить иллюзию, чтобы разрушить и группу. Случайно ли русским так настойчиво навязывают чужие гены?

Исследователи в эксперименте далее удостоверились, что студенты действительно воспринимали сильную или слабую принадлежность группе. Они проводили после «оценки принадлежности» опрос, и в нем было ясно видно, что те, кто получил 27 (случайных!) очков, чувствовали слабую идентификацию с группой, а те что (в равной мере случайных!) 53 очка, начинали ощущать сильную групповую идентичность. Все дело здесь в авторитете «научных» тестов. Студенты полностью полагались на этот авторитет, даже если у них не было абсолютно никаких доказательств, что то, что им говорят, хоть как-то соответствует действительности.

Теперь вспомним, что все СМИ, школьные учебники и так называемые эксперты в России утверждают, что русских как народа нет и что ни один человек по-настоящему русским не является. И что так продолжается не полтора часа, как в эксперименте с голландскими студентами, а годами и десятилетиями. Не удивительно ли, что от русской национальной идентичности вообще что-то осталось!

Вернемся к эксперименту: психологи далее давали студентам задачи и после их выполнения заставляли студентов думать, что они справились хуже, чем другая «группа». Еще раз напомним, что никакой другой группы в эксперименте не было, и все студенты получали оди-

⁵ *Ellemers N., Spears R., Doosje B. (1997) Sticking Together of Falling Apart: In-Group Identification as a Psychological Determinant of Group Commitment Versus Individual Mobility // Journal of Personality and Social Psychology. 1997. Vol. 72. № 3. С. 617–626.*

наковые ответы о том, что они плохо справились с заданием по сравнению с другой «группой». Это вызывало у них чувство слабости по отношению к другой «группе» и конструировало между ними статусные различия. «Другая группа» всегда была лучше (еще одно краткое отступление — не это ли делают наши СМИ относительно русских постоянно) и, соответственно, выше статусом. Теперь наступало самое интересное. Студентам говорили в части экспериментов, что их принадлежность к «группе» в ходе эксперимента можно изменить. (В другой части эксперимента считалось, что принадлежность к группе изменить нельзя.) В обоих случаях измеряли с помощью тестов, кто и насколько хотел бы перейти в другую «группу», и всякий раз оказывалось, что это были в основном те люди, которые получили 27 очков. То есть те, которых заставили думать, что они плохо вписываются в группу!

Дальше — больше. В другой серии экспериментов студентам не сообщали ранг их группы относительно другой. Ранг был невыяснен, и в этом случае так же точно измеряли с помощью опросов, кто хотел бы перейти в другую группу. Оказалось, что и в этом случае те, кто слабо ассоциирует себя со своей группой (27 очков), тоже более склонны к переходу. Хотя никакой разницы в статусе между группами известно не было! Это и есть самый важный результат относительно ТСИ для нас. Переход в другую группу в основном определяется тем, с какой силой человек отождествляет себя со своей группой: если отождествление слабое, то человек будет склонен к переходу, если оно сильно, то даже при низком статусе своей группы и высоком статусе другой, при открытости границ, люди редко захотят перейти в другую группу! В этих экспериментах, кроме того, оказалось, что открытость границ на готовность к переходу в другую группу не влияет. Наверняка у каждого найдется огромное количе-

ство примеров таких переходов или, наоборот, нежелания переходить из русских в другую этническую (или над-этническую) группу.

С другой стороны, существуют данные, говорящие в пользу того, что люди склонны переходить в другие группы, если их собственная группа имеет низкий статус и границы групп открыты⁶. Однако эти данные были получены в экспериментах с минимальной идентификацией, то есть в таких, которые распределяли людей в группы случайным образом, и при этом люди *знали*, что распределены случайно. Отличие от описанного выше эксперимента заключается в том, что в нем студентов заставили думать, что они разделены «по типу мышления», то есть что между двумя группами существует какое-то реальное отличие. Это, несомненно, должно было усилить их идентификацию со своей группой и оттолкнуть от чужой. При таких условиях, как мы видели, группа в целом оказывается достаточно прочной, чтобы выдержать проверку низким статусом.

Схожие результаты получаются и при исследовании естественных групп. Психологи, изучавшие студентов-

⁶ *Ellemers N., van Knippenberg A., de Vries N., & Wilke H.* (1988). Social identification and permeability of group boundaries. *European Journal of Social Psychology*, 18, 497–513.

Ellemers N., van Knippenberg A., & Wilke H. (1990). The influence of permeability of group boundaries and stability of group status on strategies of individual mobility and social change. *British Journal of Social Psychology*, 29, 233–246.

Lalonde R. N., & Silverman R. A. (1994). Behavioral preferences in response to social injustice: The effects of group permeability and social identity salience // *Journal of Personality and Social Psychology*, 66, 78–85.

Wright S. C., Taylor D. M., & Moghaddam F. M. (1990). Responding to membership in a disadvantaged group: From acceptance to collective protest // *Journal of Personality and Social Psychology*, 58, 994–1003.

латиноамериканцев в англоязычных университетах⁷, обнаружили, что такие студенты выбирают одну из двух стратегий относительно их национальной идентичности. Одни начинают действовать: участвуют в тех делах, которые позволяют им поддерживать свою групповую латиноамериканскую идентичность. Их идентификация в результате крепла, несмотря на то что они находились в англоязычной среде. Другие действий не предпринимали и ощущали угрозу своей идентичности со стороны англоязычной среды. Их самооценка падала, причем она и до этого была у этой части студентов ниже. Идентификация как латиноамериканцев у этих студентов в результате ослабла. Разница между первыми и вторыми заключалась в том, что у первых сила идентификации изначально была выше, чем у вторых. Под силой идентификации исследователи понимают здесь место рождения родителей, язык, на котором говорили дома, процент латиносов во дворе и процент друзей-латиносов в старших классах школы.

Исправим ошибки в теории социальной идентичности, происходящие оттого, что в ее основу положено стремление индивида к позитивной идентичности. В рамках сформулированной Таджфель и Тернером теории никакого объяснения не находит поведение группы в случае негативной социальной идентичности и низкого статуса группы (это относится в значительной мере к русским). Члены такой группы в большинстве не стремятся перейти в другую группу и, при определенных условиях, не пытаются повысить статус своей группы. Они передают негативную этническую идентичность своим детям из поколения в поколение и дорожат ею ничуть не меньше, чем дорожат позитивной идентичностью более успешные группы. Выходит, что *правильнее говорить не о стремлении к позитивной идентичности, а о фундаментальном свойстве группы сохранять и транслировать в будущее свою идентичность, какая бы она ни была. Групповая идентичность устроена прежде всего так, чтобы сохранять группу, ее главное свойство — консерватизм.* Таджфель и Тернер не поняли этого, возможно потому, что основы их мышления составлял редуционизм и детерминизм, а может быть потому, что их экспериментальная база не включала того разнообразия, которое появилось в этой области после начала 80-х.

Таджфель и Тернер, однако, правы в том, что *естественным* стремлением человека нужно считать стремление к позитивной социальной идентичности. В главе об этических системах этносов мы увидим, что в результате взаимодействий этносов это стремление может уступить место своей прямой противоположности, стремлению к самоунижению или, говоря более сухим языком, к негативной идентичности. Такая негативная идентичность пронизывает все культурные механизмы этноса и начинает самовоспроизводиться. В частности, путем практики, прежде всего педагогической, обращения вины на себя или превратно понятому покаянию. По моим наблюдениям, этносы и вообще группы с устоявшейся негативной идентичностью легко опознать по частоте употребления понятия «вины» и готовностью ее принимать.

Таджфель и Тернер, однако, правы в том, что *естественным* стремлением человека нужно считать стремление к позитивной социальной идентичности. В главе об этических системах этносов мы увидим, что в результате взаимодействий этносов это стремление может уступить место своей противоположности, стремлению к самоунижению или, говоря более сухим языком, к негативной идентичности. Такая негативная идентичность пронизывает все культурные механизмы этноса и начинает самовоспроизводиться. В частности, путем практики, прежде всего педагогической, обращения вины на себя или превратно понятому покаянию. По моим наблюдениям, этносы и вообще группы с устоявшейся негативной идентичностью легко опознать по частоте употребления понятия «вины» и готовностью ее принимать.

Реакции на негативную групповую идентичность

Таджфель и Тернер попытались обобщить накопленные к середине 80-х данные экспериментальной психологии в рамках своей теории (ТСИ) и выделить различные типы реакций на негативную или угрожаемую групповую идентичность. Знакомясь с их типизацией, не помешает иметь в виду, что конфликт между группами — это динамический

⁷ *Etbier K. and Deaux K. Negotiating Social Identity When Contexts Change: Maintaining Identification and Responding to Threat // Journal of Personality and Social Psychology. 1994. Vol. 67, No. 2, 243–251.*

процесс. Он проходит различные стадии, и в процессе этого конфликта могут меняться особенности групповой идентичности. В частности группа, чей статус в результате конфликта падает, может вначале избирать одни стратегии реакции, а при затяжном конфликте, в котором не удается достичь перевеса в свою сторону, — другие. Вот что пишут классики ТСИ⁸:

«**I. Индивидуальная мобильность.** Индивидумы могут попытаться покинуть или отделить себя от их первоначальной группы.... Эта стратегия обычно подразумевает попытки, осуществляющиеся на личном уровне, достичь продвижения вверх в обществе, перейти от группы с более низким статусом в группу с более высоким. В иерархии из четырех групп Росс обнаружил прямую линейную зависимость между низким статусом и желанием пробиться наверх в другую группу. Многие более ранние исследования сообщают о существовании сильных импульсов к движению наверх в иерархиях со статусом. Тенденции отделять себя психологически от членов своей группы с низким престижем известны многим из нас из повседневного опыта: они были отмечены более систематически Ягодой, Клинбергом и Завалони, среди прочих, и опосредованно всей литературой по расовой идентификации и предпочтениям. Наиболее существенной особенностью индивидуальной мобильности является то, что низкий статус своей группы не меняется — это индивидуалистский подход, направленный, по крайней мере в ближней перспективе, на достижение личного, а не группового решения вопроса. Индивидуальная мобильность, таким образом, подразумевает деидентификацию с изначальной группой».

⁸ *Tajfel H. and Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In S. Worchel and W.G. Austin (Eds) Psychology of Intergroup Relations Nelson-Hall Publishers. Chicago, 1986.*

Индивидуальная мобильность совершенно справедливо выделена авторами в отдельный тип реакций, однако выше я уже показал на основе данных Ellemers и др., что такая реакция на низкий ранг или угрозу идентичности характерна прежде всего для тех, кто слабо отождествляет себя с группой. Есть большой соблазн считать, что индивидуальная мобильность тем больше, чем ниже падает ранг группы, и этому соблазну Таджфель и Тернер, похоже, поддались, описав индивидуальную мобильность как первый тип реакции. Между тем следует иметь в виду, что этот тип реакции не так уж часто встречается, и вызывает его не низкий ранг, а слабая отождествляемость с группой — нелишне это подчеркнуть еще и еще раз. Можно предположить, что гораздо чаще индивидуальную мобильность можно наблюдать в условиях угрожаемой или уже разрушенной идентичности. Поскольку она зависит, как я показал выше, от степени отождествленности с группой, она зависит, в силу этого самого, от емкости групповой идентичности. Снижающаяся емкость должна заставлять все большее число членов группы прибегать к индивидуальной мобильности. На практике это означает, что размывание границ группы и направленная атака на ту систему понятий, которая служит несущей конструкцией этой группы, должны повышать частоту индивидуальной мобильности. Так называемые «общечеловеческие ценности» этой цели и служат, и, надо добавить, внедрявшие их в русское сознание всегда добивались своей цели: от начала имперской эпохи при Петре Алексеевиче и до современного колонизированного положения русских можно наблюдать, как русская идентичность неизменно ослаблялась под воздействием этих идеологий. При распаде СССР, кроме того, был проведен ряд атак на советскую идентичность, и она, изначально чрезвычайно слабая и искусственная, обвалилась почти полностью.

Далее:

«2. **Социальное творчество.** Члены группы могут искать положительно-отличия своей группы через переопределение или изменение элементов ситуации, в которой происходит сравнение. Это не требует каких-либо изменений в реальной социальной позиции группы или доступа к реальным ресурсам относительно чужой группы. Это групповая, а не индивидуальная стратегия, которая может концентрироваться на:

(а) Сравнении своей группы с чужой группой по какому-нибудь новому измерению. Лемайне обнаружил, например, что группы детей, которые не могли выгодно сравнить себя с другими с точки зрения строительства хижины, потому что им выдали строительные материалы хуже тех, что получила чужая группа, стремились найти другие измерения для сравнения, включавшие в себя строительство рядом с хижинной. Проблемы, возникающие в этом случае, представляют собой проблемы легитимизации ценности, приписываемой новым социальным продуктам, сначала в своей группе, а затем и других участвующих группах. Усиление трений между группами, можно предсказать, будет иметь место в той степени, в какой легитимизация может поставить под угрозу превосходящую позицию чужой группы».

Не случайно здесь в качестве примера приведена реакция детей. Закономерность тут вот такая: ребенок не представляет себе целиком матрицы идентичности и не в состоянии оценивать сравнительную важность тех или иных признаков, по которым происходит сравнение групп. Гибкость психики у ребенка высокая, а умение видеть цельную картину практически на нуле. Не стоит думать, однако, что такая стратегия характерна только для детей. Ей пользуются все *инфантильные группы*, то есть те, которым свойственен откат к детской психологии или, если угодно «бегство из реальности».

Этот тип реакции очень важен для понимания многих явлений в русском обществе. Под него, видимо, подпадают самые разнообразные формы чудачества, духовных исканий и юродства. Это, конечно, не означает, что все они порождены только лишь негативной русской идентичностью, но все они, несомненно, привлекают внимание и занимают видное место в русской культуре последних трех веков в немалой степени благодаря насильственной инфантилизации русских и невозможности добиться позитивной этнической идентичности в реальном мире.

«(б) Изменение ценностей, приписываемых качествам группы, таким образом, что сравнения, которые ранее были негативными, теперь воспринимаются как положительные. Классический пример “черный значит красивый”⁹. Значимое измерение — цвет кожи — остается прежним, но превалирующая система ценностей, относящаяся к нему, отвергается и переворачивается. Этот же процесс может лежать в основе открытия Пидоби о том, что даже если разные группы согласны в соответствующих им описаниях, признак оценивается более положительно той группой, которой он принадлежит».

Тут речь идет о любопытнейшем явлении, к которому я еще вернусь более подробно, однако здесь нужно упомянуть разнообразную романтизацию того, что постоянно вменяют русским в вину. Хриплый от «Беломора» голос Высоцкого пел именно об этом: пьянство и глупость в его песнях подняты до уровня искусства и удивительным образом оборачиваются привлекательными и желанными для подражания. Мне, например, запомнилась история о некоем советском офицере, который после смерти Высоцкого приходил на лестницу его квартиры и «пил с Володей» под

⁹ Один из слоганов, под которыми в американском обществе неграм давали особые права.

магнитофон. Какой силы должна быть харизма, чтобы подвинуть человека на такие нелепые, казалось бы, действия. Я предполагаю, что вся сила этого притяжения черпалась из одного и того же обращения: русские, измученные бесконечными упреками в пьянстве, безделье, глупости, неспособности действовать и т.п. лжи, веками воздвигаемой на русских, в конце концов начинали находить удовольствие именно в этих качествах. Сюда же относится и вся «блатная романтика», и вообще романтизация негативного alter ego, всего того, что в обычных представлениях находится под запретом. Это было своего рода раскрепощение от лжи, поза «да, мы такие!». И не только было, но и есть. Сергей Шнуров удачно копирует манеру Высоцкого, а песни группы «Ленинград» отличаются от его репертуара только современными мотивами, но не сутью того самого обращения. «Ну а мы, пидорасы, наркоманы, фашисты, шпана» — описывает себя и свою группу Шнур, в то время как Высоцкий пел «зачат я был ночью порочно... и дразнили меня недоноском» и «променял я на жизнь беспросветную несусветную глупость свою». Все закономерно: у каждого поколения свои противопоставляемые негативные и позитивные качества, и всякое поколение пытается выйти из-под пресса негативной идентичности их решительным и полным обращением: то, что считается черным, объявляется белым. У одного современного русского писателя-почвенника, насколько одаренного, к слову, настолько же и безмозглого, читаем «не пил и не курил, как будто не русский».

Такой путь повысить статус, должно быть, лучше индивидуальной мобильности, так как при нем сохраняется группа, а значит, и надежда на то, что в будущем она все-таки добьется более высокого ранга. В то же время обращает на себя внимание то, что группа при таком обращении не выходит из системы навязанных ей другими группами оценок. То есть это в лучшем случае вре-

менное улучшение самооценки, причем добытое довольно дорогой ценой принятия саморазрушительных элементов в свою матрицу идентичности.

Далее:

«(в) Изменение чужой группы (или выбор чужой группы), с которой сравнивается своя группа, в особенности прекращение или избегание чужой группы с высоким статусом в качестве сравнительных рамок оценки. В тех случаях, когда сравнения не делаются с чужой группой с высоким статусом, соответствующая ущемленность должна упасть в важности и самооценка должна поправиться. Классическая работа Хаймана по психологии статуса предполагает, что недовольство среди членов группы с низким статусом уменьшается в той степени, в какой делаются сравнения внутри класса, а не в между группами. Недавно Розенберг и Симмонз обнаружили, что самооценка была выше среди черных, которые сравнивали себя с другими черными, чем с белыми. Другие работы также предполагают, что, при некоторых обстоятельствах, на успехи черных отрицательно влияла низкая самооценка, вызванная присутствием членов доминантной чужой группы. Из этого следует, что самооценку можно повысить, сравнивая с другими группами низкого статуса, а не с теми, у кого статус высокий. Это не противоречит тому факту, что соревнование между подчиненными группами иногда более интенсивно, чем между подчиненными и доминантными группами, отсюда, к примеру, возникает расизм у низших классов и у бедных белых».

Описывая этот тип реакции, Таджфель и Тернер многого не договаривают. Во-первых, избежать сравнения с группой более высокого статуса в большинстве случаев не просто. Одно то, что между группами установилась иерархия и одна из них осознает себя подчиненной другой, говорит о том, что группы пребывают в контакте. В случае этнических групп речь чаще всего идет

о проживании на одной территории и необходимости, таким образом, делить властные и другие ресурсы. Избежать сравнения с более успешной группой в этой ситуации можно, только если группа с низким рангом признала законность такого положения дел. Как это может произойти, станет ясно из других глав, а здесь я хочу обратить внимание вот на что. Цитируемые авторами экспериментальные работы говорят о том, что сама потребность делать сравнения никуда не исчезает, даже если группа признала легитимность своего подчиненного положения. Сравнение и оценка себя в таких случаях просто замыкается на собственной группе. Система распознавания «свой — чужой» дает в этом случае сбой и начинает обращаться с членами своей группы так, как обычно обращается с чужой. Такие явления характерны для подчиненных этнических групп. Они, так же как и доминирующие группы, продолжают искать тех, с кем можно было бы провести выгодное для себя сравнение и, не находя такой группы или встречая запрет на сравнение с доминирующей группой, обращаются к своей группе. Тут и происходит часто деление этнической группы в другой плоскости, например, классовой или религиозной и на месте вчера еще монолитного народа возникает разобщенная в себе масса людей, занятых самоунижением и самоуничтожением. Для таких этносов характерны описанные выше особенности детского воспитания, при которых человек не научается выносить недостатки за пределы своей группы.

Далее:

«3. Социальное соревнование. Члены группы могут искать положительного отличия путем прямого соревнования с чужой группой. Они могут пробовать перевернуть положение своей и чужой группы по существенным измерениям. В той степени, в какой это может включать в себя сравнения, относящиеся к социальной структуре, это подразумевает изменение реального положения

группы в обществе. Можно выдвинуть гипотезу, следуя Теории Референтных Категорий, что эта стратегия приведет к конфликту и антагонизму между подчиненными и доминантными группами в той степени, в какой она подразумевает распределение ограниченных ресурсов».

Удивительно, что этот тип реакции авторы приводят последним. Он-то как раз и есть тот самый, который позволяет достичь истинного баланса интересов между группами в пропорции к их способности к борьбе. Надо полагать, что на протяжении большей части человеческой истории именно этот тип реакции встречался чаще всего, причем конфликт принимал форму войны, а не социального соревнования, по крайней мере, если речь идет об этнических группах. Нет оснований считать, кроме того, что антагонизм возникает лишь в случае распределения ограниченных ресурсов. Данные минимальной дифференциации говорят в пользу того, что конфликт — простое следствие контакта между группами, а борьба за ресурсы не причина, а следствие такого конфликта. В современной западной литературе, тем не менее, отношение к такой борьбе, особенно если речь идет о войне, за редким исключением стыдливое, как будто бы она приличествует только дикарям, а цивилизованным народам ни в коей мере. На деле это, конечно, не так, и борьба эта никогда не прекращалась, она лишь приняла новые формы. Одной из них следует считать сокрытие самого факта, что существует иерархия народов и что за место в ней велась и ведется борьба.

Возможные реакции на негативную или угрожаемую идентичность можно дополнить. «Социальное соревнование» Таджфеля и Тернера, в частности, можно разделить на два класса. Здесь и далее мои определения:

3 (а). Стратегия догоняющего. Она характеризуется тем, что группа с низким статусом делает попытку улучшить свое положение путем объек-

тивного изменения в тех измерениях, по которым ведется сравнение с другими группами и которые обрекают эту группу на низкий или угрожаемый статус. Например, русским часто ставят в вину пьянство и плохие дороги и по этой причине отказывают в благоприятном сравнении с западными европейцам. Если бы русские отвечали на свой низкий ранг в сравнении с европейцами по типу стратегии догоняющего, то можно было бы ожидать, что в России начали бы меньше пить и построили бы безупречные дороги. Однако настоящей причиной низкого ранга может оказаться вовсе не то, что заявляется. Например, известно, что в нескольких странах Западной Европы, включая Францию, пьют в среднем значительно больше, чем в России, а дороги, учитывая их протяженность, погодные условия и экономические реалии, также не лучше среднего. Другое дело, если на самом деле низкий ранг связан, например, с числом ядерных боеголовок и готовностью пустить их в ход или с концентрацией финансовых ресурсов. Стратегия догоняющего может быть успешна, если речь идет о *стратегическом ресурсе*. Такими, видимо, нужно считать те и только те, которые позволяют в случае эскалации конфликта нанести урон противнику, самому его избежав. Но даже и в этом случае высокий ранг не гарантирован. Есть определенные свойства этнических групп, которые перевешивают все другие преимущества. О них в главе об этических системах.

3(б). Стратегия рабовладельца. Она направлена не на улучшение собственной группы, а на подавление всех других, конкурирующих с ней. Группы, которые избирают эту стратегию, похожи на криминального «беспредельщика», подавляющего коллег по ремеслу своей готовностью пользоваться любыми методами ради господства над ними. Есть люди, легко ходящие по головам, есть такие же группы и в частности этносы. Эта стратегия требует в корне

отличной от других системы этики, то есть таких представлений о добре и зле, которые перевернуты по отношению к тем, которые исповедуют группа, с которой ведется борьба. Впрочем, сама этическая система часто становится первым объектом борьбы. Первым и самым важным шагом в рамках этой стратегии всегда оказывается одна и та же, довольно простая мысль: что позволено нам, не позволено им, доведенная до предела и обращенная в область насилия, физического и морального. Как правило, группы, избирающие эту стратегию, приняли именно такие правила. Им необходимо теперь убедить ту группу, с которой они соревнуются, принять это же самое как должное, пусть и без формального согласия, но с согласием фактическим. К стратегии рабовладельца часто прибегают те этнические группы, которые по тем или иным причинам не в состоянии вести борьбу никакими другими методами. Это удел слабых, которые, правда, становятся фактически всесильными, если им удастся победить в конфликте и заполучить в свое распоряжение стратегические ресурсы. Их сила прежде всего в готовности пользоваться этими ресурсами с полной безжалостностью по отношению к другим группам.

Должно быть, есть и другие типы реакций. Во всяком случае, исследователи, изучающие этнические и другие группы экспериментально, находят подтипы или даже особые типы реакций, характерные для той или иной группы в определенной ситуации. Исследование реакций восточных немцев на низкий ранг в объединенной Германии, например, сочло полезным выделить вот какие типы. Понятно, что часть из них повторяет типы Таджфеля и Тернера¹⁰:

¹⁰ Mummendey A. Kessler, T. Klink A. and Mielke R. Strategies to Cope With Negative Social Identity: Predictions by Social Identity Theory and Relative Deprivation Theory // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 76. No. 2. 229–245.

«(а) индивидуальная мобильность (например, Восточные немцы стремятся покинуть свою группу и стать Западными), (б) рекатегоризация на более высоком уровне (например, Восточные немцы заявляют как индивидуумы, что они воспринимают себя как «немцев» и не думают о себе в терминах более низкой категории «Восточные немцы»), (в) социальное соревнование (например, Восточные немцы пытаются получить статус Западных немцев для своей группы или даже перевернуть отношение статусов так, чтобы получить превосходство Восточных немцев), (г) реальное соревнование (например, Восточные немцы стремятся получить больше материальных ресурсов, чем Западные немцы), (д) предпочтение к сравнению во времени (например, Восточные немцы воспринимают сравнение теперешнего положения Восточных немцев с положением до объединения Германии более существенным, чем сравнение с Западными немцами) и (е) переоценка материального измерения (например, Восточные немцы упраздняют ценность материального сравнения как менее важного для их положительной социальной идентичности)».

Для русских особенно актуальны (д) и (е).

Тотальное обращение негативной идентичности

В рамках ТСИ одной из возможных реакций на негативную идентичность выделен пересмотр внешних по отношению к группе оценок и смена их полярности (2 б). То, что группе вменяется в вину другими, начинает считаться достоинством членами группы. Еще вчера люди опускали очи долу от стыда за себя, а сегодня вслед за Гоголем требуют: полюбите нас черненькими. Вот как описывает этот процесс психолог Эрик Эриксон¹¹:

«...“Тотальная” перестановка обра-

зов, которая лежит в основе некоторых идеологий современной истории. Мы описывали тотализм (totalism) как внутреннюю перестановку образов, почти *негативное преобразование*, посредством которого изначально негативные элементы идентичности становятся абсолютно доминирующими, в то время как изначально положительные элементы исключаются вовсе. Это, мы сказали, может иметь место временно у многих молодых людей всех рас и классов, которые бунтуют и ищут своих, уходят или изолируют себя. Это явление может утихнуть вместе с бурей в развитии или привести к абсолютному убеждению».

Он же цитирует публичную речь молодой негритянки из серии тех, что сотрясали Америку в 60-е:

«...слушайте, я открыла великую истину. Я открыла великую радость. Я открыла, что я черная. Я черная! Вы там, вы, конечно, может, и с черными лицами, но ваши сердца белые, ваши головы белые, вас застирали добела!»

Здесь в химически чистом виде тот социальный гексоген, который разнес в пыль существовавшие до той поры расовые отношения в США. Вот что рассказывали мне люди, жившие на американском юге в 50-е годы: негров называли по имени, в то время как они не смели обратиться к белому иначе как «мистер» или «миссис». Одной молодой медсестре, учившейся делать уколы, сказали буквально следующее: *go practice on oranges or niggers (иди потфенируйся на апельсинах или на ниггерах)*. Только после этого ее допустили к белым пациентам. Это всего лишь штрихи, но какую картину они рисуют. И вдруг все это разлетелось в куски, поднялось в воздух, а когда пыль осела, англосаксам явились контуры совсем не той Америки, в которой они жили до сей поры. Малкольм Экс принялся обрабатывать еще горячий и податливый после взрыва черный материал, столь охотно трансформировавшийся вчерашнюю покорность

¹¹ Erikson Erik H. Identity: Youth and Crisis, W.W. Norton and Company, New York, 1968.

в бесконечную, как тогда казалось Черным Пантерам, ярость. Часть все той же энергии тотального обращения хлынула в искусство, и слащавый и примитивный джаз, единственной функцией которого был своего рода мелодический массаж белых пяток, вдруг стал сам по себе и для себя и мгновенно затвердел в законченную форму музыкального юродства, до сих разгрызаемую белыми музыкантами и «критиками джаза». Важно добавить, что взрыв есть взрыв. Большая часть его энергии уходит в пространство, и вскоре открывается голое место, которое взрывом застроить невозможно, только расчистить.

Вернемся к Эриксону:

«...немецкая молодежь после Версаля, некогда такая чувствительная к иностранной критике, но далее отошедшая от любви к *Kultur*, которая не давала никакой реальной идентичности, влюбилась в нацистскую переоценку ценностей цивилизации. Переходная нацистская идентичность, тем не менее, основанная на *тотализме*, отмеченном расовым *исключением* иностранщины и особенно еврейскости, не смогла интегрировать богатых составляющих немецкости...»

Эриксон, конечно, упрощает, и по-другому и быть не может. Он психолог фрейдистского толка и, стало быть, оперирует теми понятиями, с которыми описывать этнопсихологию все равно что скакать верхом на палке в танковом бою — критики аннигилируют такого психолога так, что и щепок не останется. В частности, он упускает из виду, что поддерживали национал-социализм в первую очередь отнюдь не молодые люди, а солдаты Первой мировой, которые к 33-му году перевалили за середину жизни. Также и еврейскость вовсе не была «иностранной» для этих немцев: в Германии было сколько угодно евреев, там родившихся — она была для них этнически чуждой. За этими оговорками важно не выплеснуть ребенка

с водичей. Эриксон совершенно точно определил тот потрясающей силы порыв, овладевший немцами, как только они вышли из-под плющившего их пресса чужих злорадных оценок, то есть разновидности негативной идентичности. Обращение было тотальным. Эти важнейшие события в жизни этноса так хорошо дались Эриксону в понимание, потому что процессы, происходящие в этносе, схожи с тем, что переживает каждый отдельный человек, выходящий из-под контроля своих рабовладельцев. На руку Эриксону играло и то, что сам вырос в условиях осложненной этнической идентичности: он родился от датских родителей, но воспитывался отчимом-евреем, отдавшим его в еврейскую школу и поместившим его, таким образом, между двух некомплементарных этносов.

Всегда ли тотальное обращение приводит к чрезмерному упрощению, утери перспективы и, в конце концов, к катастрофе этноса? Ответ на этот вопрос следует искать прежде всего в глубине той деформации, которую вызвала негативная идентичность. Чем она глубже и чем дольше она длилась (то есть записывалась в культурных «генах» этноса), тем выше опасность саморазрушения после тотального обращения. В поисках ответа на этот вопрос нельзя забывать и о второй чаше весов. На одной из них риск саморазрушения после тотального обращения, на другой — ежегодное впадение все глубже и глубже в небытие, которое несет народу затянувшаяся негативная идентичность. Пройти узким коридором между этими двумя вариантами гибели к выживанию и освобождению и составляет искусство политиков, освобождавших свои народы от рабства, которое держится на силе чужих оценок в гораздо большей степени, чем на кнуте и вообще физической силе.

«МНОЮ ДВИЖЕТ СТРЕМЛЕНИЕ К ЛИЧНОМУ ОСВОБОЖДЕНИЮ»

Интервью с Дмитрием Крыловым

Константин Крылов: *Дмитрий, расскажите немного о себе.*

Дмитрий Крылов: Я родился в 1969 году в Питере. Учился в «английской» школе, что задало определенный интерес к англосаксонским странам, Англии и США, и открыло доступ к англоязычной литературе. Лет в четырнадцать подделал взрослый читательский билет в Публичку и, прогуливая школу, ходил туда читать. Мне уже тогда нравилось осваивать незнакомые области, и я засасывал буквально все, что попадалось под руку: от Фрейда и прочей подобной психогадости до Шекспира в оригинале (которого я, впрочем, понимал только процентов на тридцать).

Учиться я поступил на биофак, в значительной степени под влиянием родителей (они оба биологи, отец — д.б.н., мать — к.б.н.), занимался на кафедре генетики. Тогда же фактически открылась граница, можно было обменивать советские рубли на доллары и ехать. Я решил поехать в США, просто потому, что это было ужасно далеко и непонятно. Тяга к путешествиям, как я потом понял, — это семейная черта по мужской линии. Отец был в юности полевым биологом, а дед археологом и три четверти жизни провел в экспедициях. Кстати, так он и выжил в 30-е годы.

В Америке я пошел учиться в аспирантуру и получил доктора (американскую степень) по молекулярной биологии. Ей я занимался до последнего времени. Вспахал крупный участок геномики, опубликовал статьи, но столкнулся с клановой структурой науки и брежневской тупостью, которую она порождает. В ней процветают тяжелые идиоты, которых тянут за уши «свои люди». Русским в этой системе ловить нечего, есть только одна роль — батрака, труд которого присваивают «распределители».

Они присваивали, а я их тем временем изучал.

Так, собственно, возник серьезный интерес к этнопсихологии. Я начал разрабатывать эту тему, а когда насытился статьями, стал конструировать сравнительный этнопсихологический тип русских.

К.К. *И к чему это Вас привело?*

Д.К. Эта работа привела к открытию *гетерономии*. Это такое состояние этноса, при котором он *усваивает взгляд на себя от чужого этноса*. Этническое самосознание как бы вдавливается и выворачивается под давлением взгляда чужих, мягко говоря, недоброго и крайне разрушительного.

Гетерономия определяет все стороны русской жизни.

Вот идешь по улице и слышишь, как семейная пара ругается. Они оба уверены, что «это характер такой», но на самом деле их представления о себе и своих ближних вывернули наизнанку. Они понятия не умеют, как любить себя и своих, и заряжены себя и своих ненавидеть.

Чтобы это объяснить, понадобилась только работа археолога: раскопать (в каком-то почти буквальном смысле, как это делал мой дед-археолог) происхождение гетерономии и дать ей имя и описание.

Эта идея сразу же многое прояснила для меня. Потом была работа, фактически — исследовательский проект, результатом которого стала монография, которую я закончил в 2007 году.

К.К. *Расскажите о Вашей книге.*

Д.К. Она включает в себя краткий обзор психологии групп, немного классической этнопсихологии и социобиологии а-ля Уилсон (совершенно гениальный человек, как и его коллега Хамилтон), а затем собственно гетерономию у русских, которую я анализирую методиками классической антропологии.

Получилась, как ни странно, довольно доступная книга. Ее основная концепция, гетерономия, дана каждому человеку, живущему в России, так сказать,

в непосредственном ощущении. То есть каждый может примерить сказанное мной на себя, на свой личный опыт.

К.К. *Вас считают одним из автором «колониальной гипотезы», объясняющей русскую историю последних веков как историю колониального общества.*

Д.К. Я не первый, кто начал говорить о России как о колонии. Если я не ошибаюсь, с этим понятием баловался какой-то сетевой писатель из категории фантазеров и болтунов, но попавший случайно в точку.

Я пришел к выводу о колонизации русских вот как: психология современных русских радикально отличается от других народов, с кем ни сравнивай, и что еще интересней — от психологии самих русских каких-нибудь ста лет назад. Налицо сильные перемены. Как они происходили и что послужило им причиной?

Я стал сравнивать этнопсихологию современных русских и колонизированных народов. Был такой Фанон, он писал о колониальном Алжире. Совпадения с Россией не могут быть случайными: в России применялись методы колонизации, сходные с теми, что применялись в Африке и Азии. Более того, они совершенствовались в СССР, и в них были сняты многие риски для колонизаторов.

К.К. *То есть?*

Д.К. Методики колониального управления русскими постоянно совершенствуются. Правда, в этом наборе кнопок нет ничего нового: страх, искусственная пассивность и самообвинение, и так далее. Но в советский период эти и другие рычаги управления были перезагружены и доработаны в детских колониях (!) Макаренко при НКВД. В них была обкатана та модель, по которой конструировалось все советское общество.

Принято считать, что у Троцкого был проект большого концлагеря для русских и мировой революции, а у Сталина, де, проект великой державы в изоляции. Из биографий видно, что и Троцкий и Сталин были мелкими аферистами и уголовниками до своей политической карьеры. Это наемные работники без

своих средств. Они взобрались наверх, но боролись они за роль генеральных вертухаев. Причем Сталин и после победы над Троцким продолжал говорить о мировой революции. К подобной борьбе за право надсмотрщика, кстати, сводится официальная политическая жизнь в России и сейчас. А проект один — продолжение существования колонии с русскими в качестве «забытых аборигенов».

Для осуществления этого проекта и нужно было подавить инстинкты самосохранения, инстинкты этнической солидарности, самоуважение целого народа. Гетерономия русских — это следствие огромного давления и ненависти, под которые русские попали в первую половину советского периода (я о социально-инженерной составляющей многомерного советского опыта). Проект, надо признать, социальным инженерам в значительной степени осуществить удалось. В частности, само представление о себе как людях, пораженных в правах, у русских отсутствует напрочь.

К.К. *И последний вопрос. Почему все-таки Вы решили заняться этой тематикой?*

Д.К. Бывает так, что накапливается опыт, и он как бы не дает спокойно жить, а когда приходит верное толкование, происходит такая вспышка: вот оно! Именно это чувство освобождения я и испытал, когда прояснил для себя, что и откуда берется у русских в этнопсихотипе.

Что приятного в этом знании? На самом деле, довольно много, как и во всяком реальном осознании своего положения.

Мною движет не только дарвиновская потребность наблюдать и давать всему непротиворечивое объяснение, но и стремление к личному освобождению. Несвобода в России прежде всего психологическая. Стоит сбросить «внутреннего колонизатора» — и открываются возможности устроить свою жизнь по-другому — то есть получать то, от чего русские отключены. Ради одного этого стоило городить огород.

СЕРГЕЙ СЕМАНОВ

ДНЕВНИК 1991 ГОДА

От редакции.

Имя С.Н. Семанова, одного из лидеров «Русской Партии» 1960–1980-х гг. хорошо известно и в России, и за рубежом. Но только сегодня приоткрывается подлинное место Сергея Николаевича в истории русской культуры, куда он, несомненно, войдет, среди прочего, как автор уникального дневника, который этот хорошо осведомленный историк и редактор (в 1976–1981 гг., скажем, возглавлявший популярнейший советский журнал «Человек и закон») вел на протяжении нескольких десятилетий. Дневник этот (его оригинал за 1965–1991 гг. хранится ныне в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, фонд 887) не только (и не столько) рассказывает о личных переживаниях его автора, но и охватывает самую широкую панораму общественно-политической и интеллектуальной жизни России 1960–1990-х гг. Представляется, что как исторический источник семановский дневник, когда он будет опубликован полностью, получит такое же значение для изучения указанного периода, как, скажем, дневник А.В. Никитенко для изучения 1830–1870-х гг. «ВН» этот дневник интересен еще и тем, что он рисует яркую и детальную картину русского национального движения в данную эпоху. Картину, безусловно, весьма субъективную, но именно благодаря своей субъективности чрезвычайно интересную. Семанов пишет «без цензуры» — не только внешней, но и внутренней — «по горячим следам», не редактируя эмоциональную резкость своих реакций на то или иное событие, что придает его тексту дополнительный эффект подлинности.

Ранее фрагменты дневника С.Н. Семанова печатались в журналах «Роман-журнал XXI век» (2000, № 10 — записи за

1977 г.; 2001, № 10 — записи за 1978 г.) и «Новое литературное обозрение» (2007, № 84 — записи за 1990 г.). Любезно согласившись на предложение «ВН» о публикации, Сергей Николаевич сам выбрал для нас часть дневника, посвященную 1991 г. По его мнению (разделяемому редакцией), записи этого времени смотрятся в сегодняшней обстановке, когда то и дело с разных сторон слышатся голоса о том, что «грядет новый 91-й год», весьма актуально. Текст дается с незначительными купюрами (обозначены отточиями в квадратных скобках), сделанными либо самим автором, либо редакцией, по согласованию с ним. Смеем заверить читателя, что ничего принципиально важного мы не «изымали», сокращения коснулись только мест, не имеющих общественно-исторического интереса. По соображениям объема мы ограничились только самыми необходимыми комментариями, сделанных в большинстве случаев С.Н. Семановым. Публикацию (по ксерокопии с подлинника) подготовили Н. Иванова, А. Коваленко и С. Сергеев.

4/1. МН¹, «Независ. газета» и роскошно изданные «Деловые люди» — прямо и нагло в пользу Шеварднадзе и грубо бросают Пятнистого². На Западе идет прямое давление по этому поводу, так обращались только к доминионам в давние года.

Вчера захожу в ЦДЛ — ужас: «забастовка», директор ресторана поднял своих на защиту казино валютного в доме моск. отделения; он клялся мне, что писатели тоже получат нечто для своего стола от тех щедрот. Я, разумеется, петицию в их защиту не подписал,

¹ Газета «Московские новости».

² Т. е. М.С. Горбачева.

хоть и обратного делать не стану, но гадко все-таки: устраивать валютный бардак в писательском клубе! Да, к этой стране стремительно катится. [...]

6/1. [...] На рынке урюк стоит 20, книга рекордов Гиннеса столько же, хотя роскошная бумага, множество цветных рисунков, сложный набор и т.п. При нормальных ценах — сколько надо дать пудов урюка (он на уровне картошки) за ценную книгу?!

Сегодня Познер вел беседу с Лукьяновым, вопросы были осторожные, отчасти даже подобострастные, но отвечал он неплохо, даже сослался на Васю Белова в том контексте, что...

11/1. Вчера был на открытии консульства Израиля, народу немного, больше иностранцев. Видел Бовина, Бурлацкого, Коротича, Попова — цвет собрали. Из русского фланга — один я. Ни Солоухи, ни ФФ³. Почему, за что меня так любит Левин⁴? Что это означает или случайность? В своей очень осторожной речи («вы великая страна, мы маленький народ...») вдруг упомянул, что при закрытии миссии в 67-м присутствовали трое сочувствующих, в том числе Гавриил Попов... Ишь когда он начал делать карьеру.

В «Огоньке» скандал, проворовались, несколько человек уже покинули редакцию, позавчера, говорят, по «Свободе» передавали, а раньше у нее чего-то тоже. Тираж у них 1850, 40% прошлого, и не поднять им, пик прошел.

В переходах метро вмиг исчезли голые девки на плакатах и порнуха — это после запрещения, правильно! Принято решение о конфискации всех незарегистрированных изданий — тоже «за», они и печатали всякую гадость, а налогов не платили. Прикрыли наглый «Взгляд», эту лавочку на казенном

³ Т.е. В.А. Солоухина и Ф.Ф. Кузнецова, директора Института мировой литературы РАН.

⁴ Арье Левин, израильский дипломат, первый посол Израиля в России.

теле, и это тоже верно. Эти запрети-тельные шаги осторожны и делаются открыто, это в пользу Пятнистого. Уж не начнется ли какое-то оздоровление? Время созрело, народу обрыдла вакханалия вседозволенности. Надо бы только хоть что-то положить на полки магазинов. А главное, конечно, чтобы Пятнистый и его окружение поняли, что единственная опора их — русский народ.

В Грузии (Осетии) положение обостряется, но это тоже в пользу Пятнистого.

Опасные шутки происходят в Заливе, не знаю уж, чем и кончится, скорее всего, уберут Багдадского вора⁵. Нам (т.е. Пятнистому) это тоже на руку, отвлекает внимание от Литвы и т.п., наказывает заносчивых меньшинств.

18/1. Все же Пятнистый устоит, ибо четко стоит по центру, а Борри⁶ с Литвой перебрал, в ООН обратился, у нас этого не любят. Уже по теле кричали из Молдавии, что он русских тут предал. Позавчера дважды позвали Невзорова из Вильно — впечатляет, направленность там не только антилитовская, но и прорусская, он популярен и либерален, это производит впечатление. И вообще все чаще начали поминать русских, как опору. Зато ЛГ⁷, Огонек, Мос. комс. и проч. — поддерживают литовских сепаратистов огульно и до наглости пристрастно. В конечном счете это им успеха не принесет.

Никак не ожидал, что Багдадского вора так легко разнесут. Это какая-то колониальная война прошлого века — ружья против ножей. А как раз в № 2 Лит. России аж три м-ла в пользу Хусейна, в том числе важно вещает обезумевший Кожинов (он на контурной карте Персидского залива не обнаружит), стал пророком на все случаи! Вот дураки, разве можно ставить в политике на явно проигрышную карту?!

⁵ Саддама Хусейна.

⁶ Б.Н. Ельцин.

⁷ «Литературная газета».

Там же вышла, наконец, моя мелочь про Петра I. Сократили три странички чуть ли не вдвое, даже правку мелкую внесли. Какая наглость! Нет у меня органа, к-й был бы «своим». Но все обратили внимание.

Три дня газеты не доставлялись. Ужас: полный хаос и равнодушие работников. И понятно — платят гроши, так что работают люди случайные, а наказывать, как раньше, некому. Газеты по несколько дней не приходят. Это характернейшая примета распада общества.

События в Прибалтике еще раз показали, что у Пятнистого нет стратегии: рано или поздно придется отделить, значит, нужно и торговаться по этому делу. Но тактик он отличный, ему бы советников хороших!

Видел сегодня в кооперативной забегаловке набор коньяков, чинзано и проч., бутылки все красивые, т.е. цена преимущественно 240–260. Сегодня же видел, как русский мужик брал ящик дрянного виски, которым у нас торгуют полгода по 80. Ну, 80x12 будет примерно тысяча. А ведь прав мужик: скоро каждая бутылка будет стоить... ну, полтысячи.

19/I. Шейнис: в Литве — попытка свержения законного прав-ва (какое оно — другой вопрос, но есть и другая мера), это подготовка к России — изоляция Ельцина и Рос. парламента, закрытие печати и т.п., по польскому образцу 1981-го, завтра будет общемосковский митинг, послезавтра демократы хотят провести российский закон о неподчинении военным по приказам об использовании их внутри страны; я спросил, но не походит ли это на изв. «приказ №1», к-й превратил солдат в вооруженный сброд — отрицал, естественно; закончил: если бы я был на месте «их», я бы завтра же провел переворот в Москве, это на несколько лет дало бы власть «правым», а там — кто знает. Он же: забастовка в Кузбассе и иных местах не состоялась, демократы плохо подготовлены.

В АиФ №3 интервью с Ельциным, где (хотя вопросы «по-дружески») ему приходится объясняться в упреках о малой защите «русскоязычных» (какое мерзкое слово!), он вяло, но все же оправдывался, как и в защите военных, хотя сам же, сука, процитировал свое обращение, что на территории Прибалтики призванные в армию «россияне» (опять жалкое словцо!) должны, мол, понимать... А в Молдавии, Грузии и Ср. Азии, где бьют русских, там как? Сволочь он, дуб, чистый партработник, случайно поссорившийся с Аппаратом, как и генерал Калугин.

Я устал. Сегодня под утро был поразительный сон, будто я в группе людей жду кого-то высокопоставленного, появляется крупный мужчина, типа Коля или Ельцина, общий поклон, все проходят далее, а я, отстав, думаю во сне: не пойду на беседу, пойду прилягу... Какой-нибудь Фрейд за такой сюжет половину гонораров бы отдал.

20/I. Посмотрел сегодня демонстрацию в поддержку Ельцина, большим вернулся. Никак не ожидал, что в обстановке апатии будет столько людей — ну, явно счет пойдет на сотню (или сотни?) тысяч. Очень мало молодежи, почти не видел студентов или старшеклассников, в основном средний возраст и пожилые, много женщин (там юных совсем нет), интеллигенции нет, одеты плохо — средний класс в лучшем случае, а вообще-то — «черный люд», «трудящиеся». Много нервных, особенно женщин, задевали стоящих вдоль шествия. «Идите с нами, не трусьте!», «Завтра вам постучатся в дверь!», «Рабы системы» и т.п. Ни слова о русских в Прибалтике, Закавказье и пр., ставших беженцами в Москве, зато слезы о Литве, их флаги и гербы, но где же двуглавые орлы и православные символы?!

Это гомо советикус, русское быдло, озлобленное от нехваток и давно потерявшее все духовное. «Наших» они просто не воспринимают. Главный герой — дубина и партскот Ельцин.

Получилось — как нарочно! — что последний лозунг, явно самодельный, во локла простушка средних лет: «Россия ждала Ельцина сотни лет». Злобность лозунгов небывалая: «КПСС к ответу», «К[оммунист]ты позорят Россию», «Аморально быть в КПСС», «звезда = свастика», «КПСС», «Михаил Кровавый, уйди с миром», «Язова — под суд!», «КПСС — к суду народов», «Мы ослепнем без Взгляда», «Свобода Взгляду», «Взгляд на Невзорова не меняем», «Невзоров — ты Ненашев» (и много о нем еще худшего, а ведь он вроде бы заступался за русских, за русскую армию!), были остроумные шутки, когда портрет Горбачева украшали флагом Саддама Хусейна или «Михаил Сергеевич Хусейн», «Нет ПУГОчевщине» и только раз хоть что-то похожее на русское увидел: «Господи, спаси Россию от большевиков». Грустно, грустно, до этих людей не докричишься, они все — за тех самых. Хотя насто-раживает против отчаяния отсутствие студентов. Надо подумать, поговорить, почему так получается, ведь на Западе в полит. демонстрациях — сплошь молодежь, причем университетская. А в толпе — сплошь русские, ни кавказцев, ни евреев не заметно было. Да, сегодня я воочию наблюдал сердцевину русского народа.

Вечером по «Времени» передали о демонстрации очень бегло, с явно осудительным оттенком; вел митинг «историк» Афанасьев.

24/1. Нет сомнений, что события в Литве и Риге — против Пятнистого, там явно есть какая-то неподготовленность и даже самодеятельность. Меж тем можно добиться было раскола Прибалтики изнутри. В Латвии, где половина русских, — забастовки, столкновения, создание К[омите]та спасения гласно и потом уж...

Внешне денежная реформа ужасна, особенно очереди пенсионеров у сберкасс. Однако здесь-то видна стратегия (погашение теневого долга) и тактика (внезапность). Рауль Хайларов, тата-

рин из Ташкента, давно и хорошо знает мафию, он клянется, что для нее это страшный удар, старушки перетерпят, их никто и не собирается обижать, им их жалкие сотни вернут хоть через месяц, но хранителям толстых пачек станет тяжело. Похоже, ибо уже одно то, что воровские миллиарды рублей, скопленные в Польше, Чехии, Венгрии и везде, уже пропали, а это одно уже есть немалое облегчение для страны. Вчера мои ребята сами видели, как у Центр. Телеграфа чучмеки отдавали сотняк за десятку! Нет, путь решительный и верный. «Демократы» поднимут жуткий шум, ибо они-то и срослись с теневицами, да и популярность Центра им не нужна. Правда, Узбекистан уже продлил срок обмена (Хайларов считает, что это мало что там изменит, ибо в Азии вообще не принято держать деньги в банках, а копить их, им просто не занять).

Сироткин⁸ полон бодрости, едет в Штаты: Горби погорел, вскоре в Минске Россия, Белоруссия, Украина и Казахстан поднимут соглашение, он останется с Крючковым и Язовым в одночасье; да, Борри — дуб, не любит умных, убрал вот молодого министра финансов, но он знамя.

Вчера во «Времени» объявили, а сегодня в «Пр[авде]» напечатали сообщение КГБ о задержании у англичанина соглашения на продажу наших денег в сумме 140 миллиардов, предварительные подписи зама Алиева Фильшина и банкира Моссовета Шалашова (ну и фамилии!), они собирались отдать за доллар почти 200 рублей, это чистая финансовая диверсия, ясно, против кого направляли удар. Да, кажется, что удар обменом денег по теневицам и это дело есть нечто общее. Пятнистый может обрести широкую поддержку.

Альбац, супруга Голованова, пишет в МН от 27-го, что на митинге 20-го Гдлян призывал к оружию (она

⁸ Сироткин В.Г., доктор исторических наук.

мягко осуждает), а псих-священник Якунин говорил о найденных мощах св. Серафима, что, мол, зовет Россию к покаянию и возрождению... Какая бесовщина: Афанасьев — жулик, Гдлян — бандит и псих в рясе под прикрытием консервативнейшего св. Серафима!

26/1. Да, обмен денег оздоровит наши финансы, это общее объективное мнение, особенно в отношении залежей, припасенных в Польше, Чехословакии и кое-где еще. Теперь надо бы хоть как-то насытить рынок, ибо иначе через короткий срок деньги опять перебегут к теневикам. «Они» делают теперь крупную ставку на развал, причем даже в самых острых формах, «либеральная» печать прямо призывает прибалтов к вооруженному сопротивлению, а о грузинах, которые нагло подавляют Осетию, — ни слова. Грузины отделяются, значит, им все дозволено.

Вот, говорят, рынок нас спасет, ради этого придется потерпеть... Да, если итогом рынка являются нынешние Швеция или Франция, то спорить не о чем. Но прямой переход к рынку от социализма невозможен, ибо длительный и болезненный путь. Даже ГДР, самая богатая «социалистическая» страна, прямо присоединенная к самой богатой «капиталистической» стране, и то мучается, хоть это самый счастливый случай. А у нас? В наших условиях призывы к рынку — примерно то же, как призывы к коммунизму в 18-м с предложением потерпеть, но вот потом... Коммунизм в идеале есть общество всеобщего благополучия — допустим так, но какой же ценой платить за будущее (и, как все в будущем, неподтвержденное) счастье? Ну, тут нам ясно. Значит, важнейшая задача сейчас — обеспечить плавный, неторопливый переход к рынку («капитализму»). Но Афанасьев, Попов, Е. Яковлев (он из партии вышел, певец Ленина) — они ждать не хотят, так как их опора — теневики; первые, глотнув немного власти, желают всего, вторым деньги жгут руки, а

униженное положение полуподполья злит и толкает на ускорение. Итог обмена денег политически ясно скажет: «демократы» есть политическое отражение «теневиков».

Ельцин — скот, но в их руках полностью. После стрельбы в Прибалтике он вспомнил вдруг о тамошних русских и армейцах. А чего же раньше он, сволочь, помалкивал? Так, может, эти выстрелы нам на пользу, поугади кое-кого?

28/1. По официальным источникам — «Пр.» и телевремени тон в отношении Ирака резко изменился, то же можно видеть и в болтовне нового «Шеварднадзе». Действительно, бомбят-бомбят, а толку? Если в ближайшие дни не начнут решительной и победной атаки, общ. мнение мигом поменяется.

Сегодня опубликовали указ Президента, дающий большие полномочия «правоохранительным органам». Пятнистый круто поворачивает к жесткому курсу. Если он поймет, что его опора — русские, это хорошо.

Сегодня в «Правде» громадная — он мало не публикует — статья о деле Кирова, подписанная «академик А-р Яковлев». Пошляк он и интриган. «А не пора бы узнать о злодеяниях того-то и там-то?». Вот и узнай, а потом пиши, «академик». Дурак ставит себе вопрос-ловушку: «Если убили К. случайно, это одно, а если заговор Сталина, то плоха вся система...» Дурак! Замочили одного из членов шайки, какой тут вопрос о «системе»?! Очень хочет АН остаться на плаву.

29/1. Сегодня в «Изв[естиях]»: «отсеялось» 8–10 млрд кр[упных] купюр, они считают, что мало, это так, конечно — по 30 на человека в среднем. Правда, многие предприятия сдали 23-го денег намного больше обычного, с этим будут как-то разбираться. Но раньше писали, что за рубежом — около 15 мил., где же они? На 12 фев. назначили Президиум, придется пойти, иначе порву все связи.

Судя по «Пр.» и другим газетам, партия переходит в наступление. Хотя многие призывы правильны, но за этим опять-таки стоят Ленин и Октябрь. Сегодня двое единомышленников помоложе стали спорить с моими «отступательными» планами в отношении Прибалтики и Закавказья, я в конце концов отшутился: делайте что хотите, я ухожу от дел! И верно: на долгие-долгие годы обречены мы на гниение, попытка ускорить движение — в любую сторону! — принесет только беду.

31/І. Аварец Магомед жил два года в Харькове — у Чичибабина фамилия по матери, по отцу он еврей. Все говорят, что стихи слабые. Он стал лауреатом России в компании исключительно тех, как нарочно.

Выпил коньяк (правда, французский, из недорогих там) по 34 руб. за 100 грамм. Вот цена будущего! Выпил назло, хотя противно было пить. Цены на спиртное называют жуткие.

Мы стремительно катимся в бездну, Пятнистый закусил удила, начал действовать силой, опираясь на армию, ГБ, а главное — на ту же Ленинскую партию. Это тупик, это прямой и короткий путь к смутам. Почему он не заполнит прилавки хоть какими-то шмотками, хоть южнокорейскими?! Почему на оборону планируют опять 100 миллиардов, в нищей стране, от кого мы «обороняемся»?! Так тошно, так безысходно, что чувствую себя плохо, душевно и даже физически.

3/ІІ. Вчера звал Дирк Кречмар из Бохума, пишет работу о литературно-политич. борьбе у нас в 70-х. Я ему все откровенно рассказал под запись, он был потрясен подробностями. Был у Солоухина, пойдет к Кожинуву, все наши статьи читал. Дал ему книги. В конце осторожно коснулся еврейского вопроса, он слушал явно сочувственно, потом сказал: у нас даже заикаться на эту тему невозможно. Очень заинтересовался мыслью, что все три журнала были оппозиционны:

Октябрь, НМ⁹ и МГ¹⁰, все были примерно в одно время разгромлены, редактора сняты. Достижение Октября — борьба с разложением и начавшимся застоём, НМ — права человека и обяз. свобода; МГ — восстановление культуры и сбережение природы. Кстати, все были «охранителями», Твардовский писал слащавые стишки про Ленина, а в журнале любили Маркса и боролись с опиумом народа.

5/ІІ. Четко выстроились суждения о «рынке», т.е. развитом соврем. об-ве типа Швеции или Канады, где для мирских нужд человека сделано уже, кажется, все. И так, рынка нет без биржи, а где нам обучить тысячи маклеров? Банковских служащих соврем. уровня? Рынок — это правовое об-во, и никакое иное, основная фигура тут — адвокат; наши — на уровне завмагов, это халтурщики и плуты, на юридических факультетах — тупые доценты, юрид. науки попросту нет; сколько лет надо, чтобы воспитать своих адвокатов? И так, переход к рынку в 500 или 1500 дней — демагогия политика-нов, рвущихся к власти любой ценой. Ну, это становится ныне очевидным для все большего числа людей; а вывод? Он весьма суров: нам потребуется как минимум 10 лет для перехода к общественному правопорядку... ну, не шведскому, конечно, а как в Греции или даже Югославии. Значит, главные враги для России сегодня — нетерпеливые честолюбцы, которым плевать на людей и родину.

Сегодня пронесся слух, что должен выступать Ельцин, все ринулись к теле, нет. Важный Карякин объявил: я позвоню его помощнику. Действительно, позвонил и столь же важно произнес: «Нет, это утка, но завтра заседание его президентского совета, членом которого я являюсь, там все выяснится».

Прочел тут МН, «Независимую», что-то еще в том же роде — тошно. Для

⁹ Журнал «Новый мир».

¹⁰ Журнал «Молодая гвардия».

них нас, русских, просто не существует. Как же так? Для Ельцина 81 ½ % — великороссы, а идеологи этого дубины открыто и нагло пренебрегают этим. Нельзя не признать — недалёковидная это политика.

7/II. Пятнистый, без сомнения, политик от природы, образования нет, но может подобрать и русских советников, вот беда. Но он правильно опять поймал: мы-де устали от хулиганской «демократии». Вчера в ЛГ — резкий м-л о Моссовете, это сумасшедший дом! Он поприжмет демагогов с помощью Партии, причем Партия-то за последнее время поумнела, ушли старые долдоны (Медведев и т.п.), молодые, несомненно, понимают, что такое патриотизм или даже Россия. Вопли обижаемых русских начали раздаваться уже в центральной печати, а это... чревато. Борри в панике: если он поддерживает, «демократы» его проклянут, нет — его открыто станут поносить русские. А тут еще жулик Тарасов, афера с «миллиардами», которыми занялся даже Интерпол — что все тоже против Борри, и еще: Пятнистый отлично тасует свою колоду, запросто сбросил Лигачева, Рыжкова, Шеварднадзе, Яковлева. И как ловко подставил для битья: Лигачева (для левых), Рыжкова (для всех), а теперь у него для тех же целей есть Язов и в особенности Полозков (дурачок написал «статью» в «К[оммунист]е», где восхваляет Ленина и прикровенно даже Сталина).

9/II. Пришел к твердому выводу, что Пятнистый прав, «подмораживая» перестройку. «Они» хотят развала «системы», в чем-то верно — «система» гнилая, мы, русские, от нее более всех пострадали. Но «они» хотят развала любой ценой, и как можно скорее, а надбавку цены за скорость готовы взять из любых источников. Тут наши с ними интересы полностью расходятся. Наша цель — спасение русского народа, а что получится при развале? Армия и «адмаргены» [т.е. окраины] рассыпятся первыми, тогда уже рус-

ским в Прибалтике, Закавказье и т.д. не будет места, их выгонят, а имущество отнимут («оккупанты», «кровь проливали»). Более того, в пресловутых «автономиях» даже якуты начали, где их треть, превратят русских в рабов, ибо там-то «правоохранительные органы» будут как раз у «коренного населения». По опыту разрухи в Гражданской известно, как мелкие отряды чехов кромсали Россию, где раньше и пикнуть бы не смогли. Итак, сегодня Пятнистый, который удерживает Россию, — ноль. Более того, уход Яковлева, Шеварднадзе, ввод русского дуба Янаева — это признак. Он практичен, Пятнистый, он дойдет еще до многого, если «они» его не уберут. Надо сделать передых в перестройке. И вот что любопытно: интеллигенция в общем-то по сути своей космополитична, она всегда у нас требовала прежде всего «гласности». Теперь она ее получила, а положение интеллигенции (ну, верхней) ничуть не ухудшилось в материальном смысле. Мало? Да, им мало, им надо власть, считая от Троцкого-Луначарского до Гавела и Гельмана.

Нехватка всего, порой самого необходимого, постоянные унижительные хлопоты чего-то «достать» вызывают у людей страшное раздражение, а меня просто-напросто бесят. Конца этому не предвидится. Как будем жить? В который раз недоумеваю: почему Пятнистый не купит простейших товаров на обещанные ему миллиарды?! Для него это — единственный выход спастись. [...]

11/II. Подвел тут итоги сделанного, насчитал девять областей: исторические труды научного плана; публицистика в НМ и МГ, ЖЗЛ, ЧиЗ, популярные книги, «Дело», труды о Шолохове, фонд, ученики. Ну, сделано в самом деле немало, — так сказать, словом и делом, а это не о всех наших и не наших соратниках можно сказать. Ну а дальше что, куда?

Не знаю, но думаю, что таких уже звонких дел не будет. Да и нужны ли они мне теперь?

Отметил тут, что давно появилось у меня изображения святых Иоанна Кронштадтского, патриарха Тихона, Ксении Петербургской. Я часто им молился, а недавно Церковь их канонизировала. Может быть, это добрый знак?

17/II. Тоска зеленая, даже записывать ничего не хочется. Донельзя надоела свистопляска безумия в стране. Никаких надежд. Как будем жить? Вот до сих пор не платят мне за Махно¹¹, а прошло уже 2 месяца, а инфляция, а налоги? Договор на 1000-летие¹² подписали, а аванс не платят, опять инфляция эту несчастную тысячу рублей съест. Ладно, мне уже ничего не надо, кроме скромной выпивки, но дети. Никаких надежд на улучшение, как в Восточной Европе, у нас нет.

Борри подобрал себе «совет»: Арбатов, Старовойтова, Карякин — два жиды в три ряда. Сейчас он и его компания — главные враги России. А ведь именно от ее имени, сволочи, выступают!

Полторанин поставил директором «Сов. России» своего человека — журналиста Миронова, Журавлева отставили. Хотят сделать издательство «своим».

В ближайшее время на книжном рынке определяющим будет спрос не на детективы и фантастику (скоро надоест), а на отечественную историю, причем не на труды Деникина, Милюкова и любых иных, а на книги современных людей, осваивающих исторический опыт применительно к сегодняшнему дню.

18/II. Немец из Бохума: в интеллигенции засилье левых, слова Volk, Vaterlag, Heimat непроизносимы, патриотизм осужден, служба в бундесвере считается чем-то неприличным, даже нынешнее объединение Германии сравнивают с аншлюсом; все — за социализм, а у нас (на Кубе, в Китае, вез-

де) просто-напросто испортили идеи, о евреях вообще нельзя заикаться. То же говорил мне германист Ю. Архипов.

Прочел куски из Лигачева и пару его реплик, возникла мысль — он может вскоре стать чем-то вроде партийного маршала Жукова.

21/II. Позавчера заезжал в Переделкино Агурский¹³, сам сказал без напоминания, что к лету, «когда все успокоится», меня пригласят. Суждение его разумны, он согласился, что вопли об антисемитизме в России беспочвенны. Я привел два доказательства: в 70-х уезжающих за бугор ненавидела вся страна, и не только русские, теперь, во время самого массового исхода, об этом даже не говорят — ни в пивных, ни в банях, ни в университетах; второе доказать еще проще: в тех же 70-х выходила громадная «антисионистская» литература, теперь только в бедной МГ попадает кое-что, и весьма мало. А новых Евсеевых и Бегунов¹⁴ не возникает.

Попов¹⁵: декларация Сергея от 27-го — это вред для Церкви; Церковь все время опекалась ЧК непосредственно, все епископы и выше прошли через их фильтр. Говорит, что неприятие декларации ничего бы не изменило. Да, он знает дело, но все же с изнанки, как дворник, прачка или уборщица.

22/II. Как я давно предвидел, «они» не выдержали наступления Православия. В МН от 17 февр. — статья русской дуры Сараскиной, а в «Огоньке» №8 сам Бент Сарнов злобно ругается. Это хорошо.

Сегодня был у Мишарина¹⁶, ему предложили возглавить новый журнал от имени Президента вместо упраздненного уже «Сов. Союза». Впечатле-

¹³ Михаил Агурский, израильский историк.

¹⁴ Е. Евсеев и В. Бегун — авторы антисионистских книг.

¹⁵ Попов Г.А., подполковник КГБ из Высшей школы КГБ, сокурсник Семанова.

¹⁶ Мишарин А.Н., драматург.

¹¹ Книга Семанова о Н. Махно.

¹² Книга, посвященная памятнику 1000-летия России в Новгороде.

ние производит слабое: болтлив, свое- нравен, плохо образован, никогда не служил в печати (два года на радио в начале 60-х — вот весь его деловой опыт). Почему именно его приглашают редактором «императорского» (так мы шутили) ежемесячника, мне не понятно, это лишь подтверждает, что Пятнистый подбирает свою команду по случайному принципу. Мне он предлагает что-то вроде зама: согласился тут с ним, уйти могу в любой день, а он заранее просил меня подобрать молодых; уж тут-то мы ему поможем! Дело будет долгое, журнал начнет выходить аж в будущем году. Посмотрим. А пока все бумаги на подписи у Пятнистого.

Опять стало все просто. Все «они» — за дебила Ельцина с его чисто еврейским советом. Патриотам приходится оставаться за Пятнистого, ибо иного нет.

Сироткин: да, Борри дуб, но у него команда, он нынешний Аввакум, народ его любит, он скоро поедет в США, а Запад теперь ставит на него и на «республики», а Пятнистому ничего не дадут.

25/II. Сегодня был на Мосфильме. Бондарчук делает 10 серий ТД¹⁷ с итальянцами, все главные роли — американцы (...у нас нет актеров... все погублено..!!). Эта сволочь, разменявшая восьмой десяток, думает только о себе («режиссер-сценарист»). Найди способных русских актеров, рискни — нет, из наших берут только статистов, где же вырасти актерам? Мне там уже пожаловались, что итальянцы ведут себя с нами, как с неграми. [...]

Говорят, в поддержку Ельцина вчера была большая демонстрация, но меньше, чем накануне. И понятно: когда по теле передавали долдонов, читающих по бумажке партийные тексты о «Советской армии», а потом дебил Ножкин актерствовал пошло — это все грустно и бесперспективно.

28/II. Посмотрел первую половину «сценария» Бондарчука — сволочь он, как Михалков, Софронов, Алексеев¹⁸, за рубли, а тем паче за доллары они что хошь продадут. Все права он запродавал Западу, а им трагедия нашей истории безразлична, они делают любовную драму, в фокусе — Степан и все вокруг. Снят весь сюжет о Подтелкове, т.е. ни сцены убийства чернецовцев, ни казни подтелковцев, какой же это «Т.Д.»! Вчера у меня была художница-итальянка (немка) с переводчицей, четыре часа (!) непрерывно слушала мои материалы. Я заранее попросил переводчиц что-то мне заплатить, подарил даме позолоченную пуговицу, подлинную георгиевскую ленту и книгу «В мире [“Тихого Дона”]», где справочник персонажей. Меня отблагодарили — 20 долларов; такое дают на чай неграм. А что? Они знают цену, по курсу — 400–500, разве мало? Да еще кофе подарили, зажигалку и шоколаду. Да, мы истинно хуже неграм.

Смешная вышла заметка в МЛ¹⁹ о юбилее Ф. Кузнецова: его хвалят, что спасал от преследования меня, Солюхина, Окуджаву — какая странная компания!

3/III. Агурский (он очень болтлив и самомнителен, любимая присловка — «я всем скажу, что вы не знаете»): положение страны безнадежное, ибо «переход к рынку» потребует потрясений; считает Пятнистого сумасшедшим, я спросил о Ельцине, он привел еврейский анекдот о летнем и зимнем дураке (он, мол, и Пятнистый оба хороши); огорчался нашей возне вокруг Блаватской — это очень опасные игры; настаивает, что исламская опасность нарастает для Запада; Запад же (прежде всего США) делает ставку на развал России, только недавно там появляются опасения по поводу нашего возможного развала; предрека-

¹⁷ Фильм «Тихий Дон», Семанов был его консультантом.

¹⁸ Имеются в виду советские писатели С. Михалков, А. Софронов, М. Алексеев.

¹⁹ Газета «Московский литератор»

ют западные специалисты, что новый военный очаг — меж Пакистаном и Индией; я дал ему прямой телефон нач. главного мор. Штаба Макарова (от Пушкина), он станет ссылаться на меня, пусть уж; просил его как-то помочь мне валютными заработками, пригласить туда, обещал подумать, но потом я встретил его при выходе из ЦДХ с Ивановой, невесткой Рыбакова, мне он заказов на статьи не дает, а ей? Сказал, что «Рус. мысль» есть чистый орган ЦРУ, а нынешний главный — майор, они проводят крайнюю амер. линию на развал.

6/III. Сегодня был я с Мишариным у Вани Жукова, что стал главой издательского дела у Президента. Мишарин со 2 марта — главный, я должен стать первым замом. Зыбко все это, ибо журнал «Сов. С.» уже закрыт и сотрудники его уволены, но есть 1½ миллиона подписчиков на 91-й, валюта заплачена, придется его выпускать, кого и как увольнять, тем паче — там синагога? Мишарин мне не нравится, хотя бы потому, что полный дилетант, я ему нужен, как он планирует, для исполнительской работы в редакции. Согласие я дал, посмотрим.

14/III. Был в из-ве, прочел «Смену» — подстрекательский листок, ужас. В воскресенье видел большую демонстрацию, шедшую с Владимирского на Невский и далее на Дворцовую. Скандировали два лозунга: «Ельцин! Ельцин» и «Долой КПСС». Что Ельцин дебил и хам, а в Партии — множество порядочных людей, объяснять бесполезно. Да, это 17-й год, социальная болезнь, изменить тут ничего не в человеческих силах, это стихия, это уляжется само по себе, но когда? И нужно ли опять кровь проливать?

Придется идти к Мишарину, хотя долго мне там не выдержать, это ясно. Болят ноги так, что не могу спускаться по эскалатору в метро. Нервы расстроены полностью, плохо сплю, не могу бывать на людях. Какой я теперь руководитель! [...]

16/III. Был сегодня в кабинете Мишарина (дурной стиль — собираться по выходным), впечатление плохое, прежде всего от него: боязлив, мелочен, деспотичен, плохо слушает советов, хотя ничего не понимает в издательском деле, служить с ним будет тяжело. В журнале развал, даже издательство не определено, жид на жиде — Житомирский, сын Рыбакова, Аджубей и прочие. Познакомился с замом — Колодный, 50 лет, с большими связями, деловит, работает под «правого». Мои бумаги не подписали (Жуков запил, бедняга), но жалование пока старое (500), кабинет мой будущий не освобожден, Мишарин намеревается сидеть до семи часов. Сегодня два с половиной часа толковали на общие темы, мы с Колодным осторожно возражали против бредней главного, который с пылом дилетанта строит воздушные замки. Уже пришлось было твердое решение отказаться, но... На книжке 1½ рубля (!), статья в «Сов. Рос.», предисл. в «Патриоте», «Махно» вышли несколько месяцев назад, за аванс в «Патриоте»²⁰ тоже, с января не платят в ИМЛИ (я говорил сегодня с ФФ, поклялся разобраться, но...). Не лежит душа, неприятен Мишарин, но что же делать? [...]

События в стране вызывают ужас. «Демократы» с успехом наступают, у русских — жалкие силы вроде «Лит. России». Партия «выходит из окопов», но на знамени по-прежнему мертвый треугольник: Ленин, Октябрь, коммунизм, с этим соберешь только пенсионеров.

19/III. Сегодня в 11 позвонил Мишарину и сказал, что для его больших и смелых планов я, к сожалению, не смогу быть достойным помощником... Он коротко и сухо сказал, что понял, и мы попрощались. Правильно! Я опять проявил мужество, избежав соблазнов, ибо машина, большое жалование и загранпоездки, это... Нет-нет, хлеб

²⁰ Московское издательство.

насущенный я себе добуду, но выпускать поганый «Советский Союз», сидеть за одним столом с Аджубеем и сыном Рыбакова, значит перечеркнуть все свое «славное прошлое».

20/III. [...] Да, правильно, что я не принял предложение о «Советском Союзе»; это было бы чистое устройство, к тому же с неизвестной перспективой. Да, жаль жалования и машины, всего прочего, но... [...]

Катимся к катастрофе. Пятнистый потерял всякое влияние, Ельцин держится на демонстрациях и уголовниках-шахтерах, выбор меж ними бессмысленен. Те хотят отстранить Пятнистого, он попытается опереться на действия армии и ГБ, произойдет взрыв, его сметут, но главное — похоронят с ним вместе армию, как скрепляющую силу. Надеяться не партию нечего; говорил с Чибиряевым²¹, ныне зав. отделом науки: партия выходит из окопов... Допустим, но до сих пор «железный треугольник», как колодки на шее. Ленин, Октябрь, коммунизм. Омерзителен мне расстрига Шестаковский, но в «Столице» он правильно (цинично для бывшего парт-аппаратчика и супруга той же) пишет о полном бессилии Партии в низовых ячейках; какая же это сила, если не сможет поднять «массы»? [...]

28/III. Вчера было жуткое ощущение кануна 9 января: видел, как горело американское посольство, столб дыма поднимался над центром Москвы, как над Кувейтом; улица заставлена бесконечными рядами военных машин, оцеплено и Министерство обороны. К счастью, крови не пролилось, а то, что Власть проявила твердость — хорошо в любом случае, надо где-то ставить пределы. Ораторы на сборище те же: Афанасьев, Попов, Старовойтова и К°. Они все время «застоя» процветали и прислуживали, в отличие от нас,

сволочи! Это же мы боролись за возрождение русских имен, спасение памятников, природу и нравственности!

Пленум русских писателей вызвал у меня тоску: Гусев²² долго рассуждал о русской истории, не читая даже Карамзина, вопили о гибели Руси и поносили Ельцина. На улице танки, войска, толпы народа за того же Ельцина, а они говорят друг другу то, что всеми ими уже переговорено, в зале полсотни, остальные пьют с утра. [...]

Да, мы на переломе жизни. Вот, допустим, некто из нас, как начальник, получает стоквартирный дом; ясно, что помогает друзьям и соратникам. Ну а вот он же стал наследником и собственником того же дома — разве можно какому-то лучшему другу устроить квартиру бесплатно? Эта резкая перемена, хороша она или нет, неважно, совершается сейчас, распадаются дружества и общественные скрепы. На Западе это смягчается привычкой, благотворительностью, социальной защищенностью, взаимными уступками, у нас же — истинный наступает «беспредел». Вот Куняев взял странного зама — пожилой и полный никто: оказалось, пишет о нем книгу! Раньше такое было невозможно: ну, хоть парторганизация, общественность, боязнь огласки в печати или даже на собраниях, теперь же никаких скреп нет, стыда тоже нет, ибо в печати поносят друг друга жутко, но как с гуся вода. [...]

В АиФ прочел требования уголовников-шахтеров, сплошь политические. Странно. Очень озабочены Литвой, но они-то в Кузбассе сплошь русские, а почему ни слова о преследованиях русских от Прибалтики до Тувы? Ничего о повороте рек на Арал, о разорении природы, о распродаже недр? Откуда у бедных алкашей такой интернационализм?

В парткоме (я платил взносы) показали мне папку с заявлениями выходя-

²¹ Чибиряев С.А., директор издательства «Наука», потом ответственный работник ЦК КПСС.

²² Гусев В.И., критик, глава Московского отделения Союза писателей.

щих из партии. Вот сюжет! Прочитал Борщаговского от 30 июня прошлого года — две страницы машинописи пошли почему-то в «Комс. правду»: не могу допустить, что Полозков выступает против гуманного Горбачева... бедняга, теперь ему опять придется переписывать.

В «Слове»²³ печатают воспоминания генерала Туркула и баронессы Врангель. Боже мой, когда-то я выписывал оттуда цитаты из спецхрана, с трудом протаскивал кусочки в печать, а теперь вот — пожалуйста. Недавно еще за номер «Континента» или какого-нибудь «22» я готов был платить, шагать через всю Москву. Теперь лежит на прилавках, никто не берет. Да, свобода слова — великое благо, но, как все материальное, счастья не дает.

1/IV. Мерзкий день! Именно 10 лет назад начались мои гонения, длившиеся более четырех лет. Неисповедимы пути Господни, кто знает, что было бы со мною, по случаю этого чувствую упадок сил, по утрам часто ловлю себя на мысли, чтобы день прошел скорее. Полностью утратил честолюбие и все прочее, от всякой общественной жизни отошел. Смотрю вот на съезд «России» — сумасшедший дом, «свинные рыла вместо лиц». Скандалить в печати, привлекая к себе внимание, не хочу, с заграницей никак контакта не получить. Вчера купили спортивный костюм китайский за 750! Вот наша судьба. Как вырастить детей и дать им образование?

Суров оказался закат моей жизни, всегда до самого недавнего времени предполагал иное: на склоне жизни-де буду богат и знаменит, окружен учениками и последователями. Увы, на рынке некому мой опыт передавать.

5/IV. Цены сошли с ума, пойдет обвал их, вопрос о проживании стоит очень сурово. Грядут забастовки, смута. Казна пуста, идиот Президент не решается на сокращение оборонки

и закупку товаров. Нет никакого противостояния «демократам» — русофобам, окромя бездарного правительства и генералов, которые жаждут защищать Мавзолей. «Координатором» русских патриотов стал доктор марксистских наук, профессор партийности, жулик Эдуард Володин. Минск бастует, требует отставки Политбюро. Ельцин прет, как бульдозер, этого дубину, окруженного русофобами, поддерживает вся «демократия». Тошно. И в этих условиях правильно, что я не пошел в «президентский» журнал. [...]

7/IV. Пасха, Господи, спаси нашу бедную страну! Вчера ходил, как встарь, по Тверской. Везде пусто, цены жуткие. Пообедали с сыном в «Пекине»: бутылка сухого, шампиньоны и свинина холодная, второе взяли самое дешевое — 5 рублей, а всего по счету — 61. А порций креветок — 23, а есть блюдо по сотне.

Белорусские забастовали, к власти приходят стачкомы, теперь поднимается вал страха. Это конец. Пятнистого уберут, даже жаль его. Добьют и партию, но ее не жалко. Выхода нет. Гниение марксистского мамонта затянется на много лет, до конца дней своих мне придется дышать этими миазмами.

9/IV. Да, конечно, не ценим мы благих перемен: службу в Елоховском дают по 2-й общесоюзной в прямом эфире; перепечатывают Деникина, жития святых и все то, что мы даже в зрелые годы украдкой смотрели в спецхранах; впервые после целой эпохи избираем мы депутатов истинным голосованием — о том и помыслить было невозможно; скукожилась пресловутая политграмота и насильственные «собрания». Всему этому цены нет, но человек быстро привыкает к хорошему, как и к плохому. Вот на моей памяти последние 20–30 лет повышались цены; казалось, нет, выше уже невозможно! Возможно. Хуже всего, может быть, что в последние годы убивается интерес к честному труду: проститутка, педик получают на порядок

больше честного труженика и ничем не рискуют! А кто рискует — грабители, вымогатели и т.п. — те на два порядка. Зачем же мучиться над сопроматом в институте или торчать в ПТУ, чтобы потом зарабатывать гроши?.. Последствия этого скажутся скоро и жестко.

Сегодня провели совет перед созданием исторического общества. Каргалов²⁴ с каким-то отставным старичком из агентства «Новости» выбил 3 миллиона из какого-то «Российского национального банка» (?!), деньги уже на счете, к-й я им отдал год назад. Каргалов клялся, что переиздает Макарова и Брусилова²⁵ в детском варианте. Меня ввели в правление из 11 персон. Мерзкий Лось²⁶ и тут пытался сеять смуты, но получил отлуп. [...]

Приятная мелочь: Седов²⁷ сказал, что сдали, наконец, в производство №1 ВИ с моей статьей, выход ее будет для меня подарком, пролежавшим в чулане ровно 25 лет.

14/IV. Написал за субботу-воскресенье статью для Фоменко²⁸ («Политика»), газету он делает очень хорошо, направление в общем правильное, избегает коммуноидности и жидоедства. Не кажется мне статья хорошей, к тому же резковато, прямо против «500 дней» (я даже придумал замечат. формулу, все очень смеялись: «500 дней=1001 ночь»). Ну, будь что будет, есть у меня мысль написать целую серию статей, поболтаю уже после долгого перерыва, терять мне нечего.

20/IV. Все стало ясно, хотя от этого не легче: путь, начатый в конце 60-х, по-

сле стальных звучных побед привел нас в тупик. Все кончено. Мы делали ставку на великое Русское государство, а оно развалилось. Всегда был убежден, что закончу жизнь богатым и знаменитым, окруженным учениками и последователями. Нет. Богатство теперь только в валюте, а у меня ее не будет никогда. Кому нужны описания победителей, потерпевших поражение? Потом — да, безусловно, как вспоминаем сейчас Корнилова или Махно, только нас уже не будет на свете. И кому завтра нужны будут мои бесценные архивы, которыми я так гордился? Хоть бы не пропали, надо сдать в архив, поторопиться. И могу ли я учить предпринимателей и парламентариев, кому нужен мой опыт имперского проконсула? Мрачный нас ждет закат, и обидно, что не по заслугам. Подсчитал, что до конца года для безбедного прожития денег хватит, но потом? Как стану кормить семью потом?

Со всех сторон слышу, что от Партбюро отказывается Партия, понятно: непопулярной своей политикой президента, он топит и Партию. Ему наказ, ибо Армия и ГБ за него с Партией ссориться не станут. Жаль, жаль его, дураля.

22/IV. Вышла статья в «Политике», ровно через неделю после сдачи, сегодня отдал вторую с гениальным заголовком: «Дети капитана Флинта», это о Гамсахурдии и его беспределе. Эта статья лучше, но не знаю, как им понравится. Газета верна по направлению и отлично делается, Фоменко — нет цены, с его уходом и без того слабоватая «Лит. Россия» совсем слиняла. Во главе группы «Союз» Блохин, он и присные, говорят, поднимают центральные вопросы. Если там, то будет и к кому пристать. Посмотрим.

Вчера выпили и говорили с Каргаловым. Он откровенно своекорыстен, нагл, глуп, совершенно беспринципен и бездарен, но быстро напивается, и тогда все эти свойства лезут из него уже очень заметно. Но дело не в этом:

²⁴ Каргалов В.В., доктор исторических наук.

²⁵ Т.е. книги Семанова об адмирале С.О. Макарове и генерале А.А. Брусилове.

²⁶ «Дима Лось» — прозвище писателя Д.А. Жукова.

²⁷ Седов К.И., ответственный секретарь журнала «Вопросы истории»; речь идет о статье о 9 января 1905 г.

²⁸ Фоменко А.В., журналист, главный редактор газеты «Политика».

Ю. Федоров, 60 лет, автор никому не известных истор. книг, вдруг получил от «российского коммерческого банка» (?) 3 ½ миллиона; из бессвязной болтовни Каргалова ясно, что это какая-то сов. фирма, к-й нужен наш знак, чтобы избежать налогов. Ну, ясно, кажется все же, что там ЧК или Оборона маячит, отбеливают деньги. Сообразил, что по данным «фирмы», к-я, мол, пользуется «секретным» компьютером Госкомиздата, «нереализов. спрос» на его «Святослава» (не читал, не слышал) равен 17 млн. экз., а на того же Федорова ~ 15 млн. А вот на Диму Лося и на меня («не обижайтесь», он прочавкал), тысяч только по 30. Ну, о себе уж не знаю, но пошлый Лось уж явно популярнее, чем Каргалов или Федоров. Скорее всего тут просто корыстная спайка.

Для Попова-грека одна характеристика: он стал председателем федерации бейсбола, хоть объявил, что в него не играет. Какая мелкая сучка! Шахтеры ли требуют этой глупой меры, или москвичи, к-м негде в футбол или волейбол постучать? А все туда, туда, для загранички. Какие сволочи!

Позавчера по 2-й телепрограмме два каких-то актеришки исполнили замечательный капустник: мол, раньше ругали капитализм, теперь хвалят и т.п., а припев: «Кто они? Сейфуль-Мулюков, Цветов — деловой мужик, Зорин, вроде б от науки, и, конечно, Боровик». [...]

24/IV. Вчера после настойчивых звонков приехала бригада из «Пятого канала», снимали беседу про Махно, ведущая Виноградова задавала простоватые вопросы, но я держался вроде бы ничего. Если пройдет (намечено на 11-го след. месяца), то будет отличная реклама. Не понимаю только, зачем я им понадобился? Скорее всего от их самоуверенного всезнайства. [...]

Написал вторую статью для «Политики» о грузинских делах, получилось хорошо, позавчера отдал. Газета отличная, паразитально даже, Фомен-

ко — явно самый способный из молодых. Присматриваюсь к «Союзу», они, кажется, выбиваются на правильную стезю: патриотично, но прямо; отринули Ленина и Партию, наконец-то! Отклики на заседание «Союза», бывшее в конце прошлой недели, дали все центральные газеты, причем подробно. Левые (Моск. комс., Комс. правда) дают отрицательно, однако осторожно, их явно смущает, что «правые», и против Ильича. Присматриваюсь еще, но, кажется, что это, о чем мы давно думали. То же считает и ФФ, Лыкошин, даже прямолинейный Федь.

Сегодня Пленум ЦК. По общему мнению Пятнистому покажут «черную метку». Полагают, и я тоже, что они с Борри объединятся, ибо тонуть будут оба. К сож., Партия погибла (к сожалению ли?), это видно из решений Ленинградского съезда, где за «советизацию», и примитивного интервью Полозкова в «Сов. Рос.». [...]

27/IV. Да, ничего не стоит предвидения человеческие! Еще в недавнем 87-м, за год до тысячелетия Крещения, мы мечтали об открытии хоть десятка новых храмов. И вот едва ли не тысячу их освятили, и что, и что же — мы стали лучше, чище? За Солженицына и все прочее срока недавно давали, а сегодня читай — не хочу. В любой газете поносят Президента и Партию, добились такой свободы слова, что в мире не сыскать (и не надо). И не мучает нас партсобрания и политпресс, не оглядываемся на Лубянку, но разве жизнь стала лучше или легче? И дело даже не в очередях и нехватке пищи, не мы ли всегда знали, что не хлеб единый? В чем же дело? Почему «осуществленная мечта» нас опять обманула?

Сын после школы зашел с одноклассницей (10 лет) в «Березку», у девочки родители где-то в «Макдональдсе», как многие деловары, покупают любовь детей подарками; она сунула сыну (и еще кому-то из одноклассников) доллар, потом налила «Колу» и мороженое долларов на 20, что они

и употребили в соседнем сквере. Вот подрастут дети, все вокруг будут делиться на тех, у кого есть валюта и у кого ее нет. У меня ее быть не может: какой же родительский авторитет будет у меня? У нищего? Да, какие, вижу, ценности скоплены мною громадные, поразительно даже, но жить за счет своего прошлого? Ну что же. К счастью, мой антиквариат не подешевеет никогда, в любых условиях.

Сироткин вернулся в очередной раз из Франции: на Западе бум с «перестройкой» кончился, интерес к России упал, как к чему-то безнадежному, хотят лишь отгородиться от нас санитарным кордоном. Там уже беженцы из Польши, Болгарии, Румынии, их шпыняют, боятся наших беженских орд. Да, никому мы не нужны. А он подрабатывает тем, что в марксистских наших бедах винит Россию как таковую, судит об этом даже с каким-то злорадством, как многие из них, выход видит, как и прочие подобные, только в опыте 45-го в отношении Германии и Японии.

Ципко: да, «Союз» прав, ибо диктатура «Пиночета» есть спасение после диктатуры ленинцев, ибо как... Да, как?!

30/IV. Чудакова укусила меня за Эйдельмана, но отказ ему на Карамзина был естественен²⁹. Он — исторический хохмач, для декабристов и разбуженного ими Герцена это подходит (сами анекдоты истории), но для положит. историографа — никак. А второе совсем бесспорно: Э. ранее конца XVIII вглубь истории не спускался, а у К. — история древняя, чтобы оценить его труд двухвековой давности, надо знать источники (летописи) и весь круг историографии; это не для Э.

Про «Дениса»³⁰ не помню, но вряд ли, вот уж не его герой! В итоге и обо мне Э. сочинил анекдот. [...]

²⁹ Т.е. отказ на заявку на книгу о Карамзине в серии ЖЗЛ, которой заведовал несколько лет Семанов.

³⁰ Потенциальная книга о Д.И. Фонвизине.

Горелов³¹ провел встречу с авторами ЖЗЛ в доме Политиздата — были Кожинов, О. Михайлов и Золотусский. Меня не позвали даже, но Кожинов опять сослался на меня, как я предлагал из 110 героев Памятника³² сделать тест на культурность. [...]

Опять был митинг за Борри, собралось, пишут в Огоньке (№ 18), 100 тысяч, т.е. 1% москвичей и гостей столицы, не считая пригородов. Голосовали в восторге, и вот голос Москвы! В «цивилиз. странах» на митинги даже внимания не обращают, есть голосования, опросы, а тут...

Страшное сообщение с Сев. Кавказа — казаки начали драться с ингушами. Я радуюсь за возрождение казачества, но это может вызвать...

4/V. В ЛГ от 3-го — фантастические подлости, как «киношник» и глава цветочной мафии азербайджанцев в Москве Таги-заде летит на Каннский фестиваль, несколько сот человек, все из деловаров, а не членов СК, спецрейс Москва—Ницца, снят дворец для банкета 12 мая — и все в валюте! Даже во Фр[анции] пишут — как же так, мы шлем русским помощь, а тут такие роскошные поездки?.. Ясно же намекается, что дело не в жалких миллионах Таги-заде, а в каких-то иных темных связях. [...]

6/V. Левин подарил 5-й том евр. энцикл., прямо обещал приглашение с полупьяни, расспрашивал про армию, ее настроения, а также про Раша³³; заинтересовался идеей «Союза» и ролью армии в этом смысле, просил о сведениях, охотно откликнулся на мое предложение дать интервью в одном из русских изданий. [...]

7/V. Паламарчук³⁴, хоть и плейбой,

³¹ Горелов П.Г., зав. редакцией серии ЖЗЛ.

³² Т.е. памятника «Тысячелетие России» в Новгороде.

³³ Раш К.Б., писатель, автор статьи «Армия и культура».

³⁴ Паламарчук П.Г., писатель.

но очень образован и интересного ума. Оказывается, Горелов запомнил его еще 10 лет назад по делу Иванова-Таракана³⁵, только-только появившись в Москве: дал полный список книг, полученных от того. Характерно, что о судьбе Г. сильно хлопотал тогда Палиевский....

21/V. Был в Ленинбурге, как теперь острят, ужас. В табачный магазин — типичная очередь, на Невском открылось отделение франц. парфюмерной фирмы, при бешеных деньгах толпа женщин ломится, патруль милиции. Во всех кинотеатрах — только амер. фильмы, как, помнится, в Перу или Коста-Рике. [...]

Мой сюжет в «5-м колесе» видели все, реклама эта для меня полезна.

Думал о Любомудрове³⁶: он в одиночку создал целую разработку национ. русского театра, причем не в одной работе, а в ряде их на протяжении многих лет, развивая и углубляя оценки. С ним ни разу не вели полемику всерьез, только хулили, выгнали с работы за «профнепригодность». Его знают все молодые, входящие в мир театра, кино, теле, но как? Мы знали когда-то имена Столыпина и Корнилова, не понимая их значения. Сейчас он никому не нужен в мире Таги-заде, но через полвека к нему вернуться. То же можно сказать о многих из нас. Слабое утешение в конце жизни.

23/V. От печати несет содомией. Вот ЛГ вчера опубликовала ответы девяти кандидатов в президенты России. Вопрос один был коварный: какую книгу порекомендуете? Ответ — Пушкин, плохо: а, лукавишь, не следишь за современностью... Я бы ответил — публикации воспоминаний и документов о России XX века. Но простачки все попались, один старик Рыжков проявил осмотрительность, что, мол,

всякое чтение полезно. Бакатин: «Окаянные дни» — для бывшего секретаря обкома, члена ЦК это явный перебор. Ельцин: «История одного города» — вот так debil видит историю России. Убожко: Авторханов, Солженицын, Шапиро (из Штатов) — ну ясно, он за прогресс, но какой пошлый и какой вчерашний набор! Педераст Р. Калинин назвал набор истого гомосека: Евангелие и... «Доктор Живаго». Два придурка назвали собственные сочинения: В. Воронин «Расстрелять дважды!» И Потемкин: «Ты — Бог» (последнее слово с прописной). Но три балбеса как сговорились: Жиромский [так в тексте: имеется в виду Жириновский], генерал Макашов и популист Сергеев — Карнеги. Ну конечно, они полные невежи, поэтому азбука поведения для малограмотных кажется им образованием. Да, плохи дела России. Но я буду голосовать за Жиромского — этот хулиган лишен «социализма» и единственный, кто говорит о русских.

Да, вот первый сигнал: дочь в 12 лет с полным сочувствием жалеет, что у родителей нет валюты. Пока жалеет, а потом... станет упрекать — ведь у одноклассников уже есть.

Бушин: у Куняева вышло больше поэтических книг, чем у Евтуха; он был учеником Слуцкого и получал поддержку с определенной стороны, потом бранил Высоцкого — тоже, но с другой, а в промежутки поддержал А. Яковлева вместе с Оскоцким, Розовым и пр. (см. «Лит Р», 8 дек. 1972 г., № 50; отчет от Москвы). Теперь же пишет о Св. мощах и ругает А. Яковлева... [...]

Посмотрел «День», там огр. статья Кожина (с продолжением), он хор. полемист, бранит «демократов» как бывших партократов, а патриотов как постоянно гонимых. В последнем перечне кого только не подозревает, даже Осипова и Тростникова, даже Гусева почему-то (ну понятно: мелкие блага от его костышки), но меня — ни. Вот даже Шафаревича зачисли-

³⁵ Прозвище А.М. Иванова (Скуратова), деятеля русского национального движения.

³⁶ Любомудров М.Н., театровед, деятель русского национального движения.

ли в страдальцы, хотя его, как меня, с работы не выгоняли и т.п. Очень меня Кожин всю жизнь ревновал. Или это Пятка? [...]

28/V. Вчера один весьма простой человек сказал мне: а что ты все ноешь, у тебя ведь все прекрасно: и перечислил... Верно, никак нельзя мне впадать в грех уныния. Ничего, переживем. Точнее — доживем уж как-то.

Сегодня праздник погранвойск, на улицах у парка Горького — толпы дембелей в зеленых фуражках, к полудню многие уже поддали, уже очень в боевом настроении. Выкрики, резкие движения. Дело кончится драками, это ясно. Смотрел: сплошь русские, красивые молодые ребята, они и патриотичны ведь, но как эту силу направить в лучшую сторону, как докричаться до них?

1/VI. Сегодня в «Мос. К» данные о москвичах: за Борри 72%, Рыжков — 7, Бакатин — 4, Макашов — 1, за Ж[ириновского] и Т[улеева] по ½. Ну, пристрастия наглой еврейской газеты очевидны. Однако в любом случае данные — неск. дней назад. А Ж[ириновский] выступил дважды за эти дни, первый раз 29-го («Добрый вечер»), во второй — вчера по первой. Я смотрел, это очень сильно, главное: все боятся говорить слово *русский*, а я — за русский народ, самый униженный за 70 лет и т.п. Все его слова и ответы были почти безупречны. Он неважен внешне, не умеет улыбаться, но его слова и подача себя — новое у нас слово, ибо Борри, Бакатин, Рыжков и сам Горби — обкомовские обалдуи, часть — чуть-чуть припудренные «перестройкой». Он не выиграет, конечно, ибо у него нет штаба, прессы, а против него — «все», но в любом случае он делает величайшее дело: заставит вспомнить о русских всех прочих кандидатов, а русский народ — о самом себе. Полагаю (гадаю) на сегодня так: Борри — 45, Бакатин и Ж. — по 15, генерал, пенсионер — по 10, Чучмек — 5. Но если Ж. войдет во второй тур с Бор-

ри — исход не ясен. На 10-го намечено телешоу из шести, прямой эфир на два часа, это очень ответственно. Наглый Ж. заявил, что его конкуренты под любым предлогом ускользнут — очень точно! Они с ним спорить не смогут, но и отказаться теперь им станет сложно.

А позавчера по теле наши российские писатели чествовали «своего» депутата... пенсионера Рыжкова. Вот их выбор, балбесов. В минувшем «Литре» — стихи Ошанина, в сегодняшнем — Михалкова, и это — «русская газета»?

3/VI. Пятнистый поедет на Семерку, просить кредитов, но те дадут только под своим контролем. В МН от 02.06 статья Яковлева («ст. советник Президента СССР»), где прямо сказано: «Разумеется, США получают и свою долю выгод и возможность влиять на наши внутренние дела». Такого не говорят вслух даже в черной Африке! Он тут же говорит, что и мы, мол, сможем влиять на США, но это просто пошлая шутка. Подобная мода вызовет новый раскол в об-ве, повысит напряженность до взрывоопасного. [...]

8/VI. Да, в любом случае выборы Президента России будут очень полезны для гражданского воспитания народа. Вот вчера выступал казах из Кемерово, очень прямо сказал, что забастовки шахтеров устраиваются московскими «демократами» в конкретных целях. Вообще можно сделать вывод, и он безусловен: да, Ельцин пройдет, но для русского народа эта политическая школа станет почти неоценимой. Такого еще у нас не было. Борри явно падает. А про Пятнистого, с его пустословием, нечего даже говорить. Как и ожидал я, Борри отказался от поединка с Ж., он, конечно, от этого потеряет, но при споре потерял бы еще больше. [...]

11/VI. Вчера был «парад президентов» по теле, смотрела вся страна, с 10 до половины первого. Борри не пришел, как я предсказал. Верно, он потерял на этом голоса, но гораздо меньше,

чем если бы пришел, ибо Псих, Генерал и особенно Казах его на голову выше, как и моложе. Сегодня болван Сироткин проговорился: команда Ельцина была слишком самоуверенна, он может не пройти с хода, хотя срок выборов нарочно назначен короткий; еще любопытно: раньше он язвил, что у Ж. будет 1%, а теперь буркнул про 6. Я прикинул: Борри — 45, Рыжков — 15, Ж. (или генерал) — 15, генерал (или Ж.) — 10, Казах — 5. В любом случае эти выборы — важная веха в самосознании русского народа. Горби — убит, Борри, хоть и выиграет, станет ему очень трудно. Вот и «народные депутаты» Евтух и Коротич переселились с чадами в Америку, разве не укор их недавним избирателям. За Борри еще галдят на митингах, но это не надолго.

Сегодня сообщили с «Мосфильма»: кажется, «ГД» «консервируют». Правы итальянцы, разве можно иметь большое дело в нашей полуразрушенной стране?

14/VI. Ну вот: Ельцин, Попов и Собчак прошли с первого тура. Про первых двух я не ожидал. Данные по М.: Ельцин — 72, Рыжков — 10,6, Бакатин — 4, Жириновский — 4, Макашов и Тулеев по 2½. Попов взял 65,3 — почти две трети! Жулик и жид, ничего за год не сделавший для Москвы, а вот... Удивился, что 55% моих земляков проголосовали за СПБ, это говорит только о том, что всякая опора у ленинцев рухнула.

19/VI. Итак: Ельцин — 57,4%; Рыжков — 17,3; Ж. — 7,9; Тулеев — 6,1; Макашов — 3,8; Бакатин — 3,5. Ну, можно сделать выводы. Популярность Борри в Москве на Россию не распространяется. Это ясно; видимо, он герой интеллигенции и молодежи, к-я вся сплошь космополитична. И все же — не ожидал такого его успеха. Рыжков и Макашов — это полная гибель Партии и «советской» армии. С первой все ясно, она конца года не переживет даже формально (я предполагал, что Партия умрет полгода назад, в общем верно, ибо «первички», ее основа,

умерли: собраний не проводится); а армия развалится, если останется «коммунистической»; к сожалению, к тому идет из-за партийной тупости маршалитета. Поразительный успех Вольфовича: за жалких 10 дней он сплотил на свою сторону кое-где 6 млн. избирателей, причем имея две очевидные слабости: полное отсутствие прессы, плохое поведение перед телекамерой (не улыбался, нервничал и т.п.). Ибо ставка его на русский народ стратегически правильна. Казах выступил достойно, он даже превзошел мои ожидания, и правильно; дай ему еще пару недель, он еще поднялся бы, причем явно в пику Борри. Провал Бакатина очень важен; он человек темный, где-то взят на крючок, его, видимо, готовили к чему-то, и понятно кто, но самый жалкий итог при голосовании некоторых его кукловодов насторожит. [...]

20/VI. Видел В. Белова, он шел в соседнюю с нами «Березку» покупать продукты за доллары. Поговорили, он все же очень прост, нудел про жидомасонов, 8-го мая говорил с Пятнистым, бранил его, но разве может человек с такой подготовкой его убедить? А он из лучших.

Спросил Зимянина³⁷, зачем Левину я нужен, ответил: а он пишет политдонесения, что, рискуя жизнью, встречается со страшным черносотенцем...

22/VI. Был Агурский, приглашенный сюда на какую-то международную сбеговку наших и израильтян, что состоялась в «Ленинской школе»... Опять заверял, что думает обо мне, но ничего не предложил, даже деньги обещал вернуть в августе. Он, как и почти все наши бывшие евреи, теперь себя чувствует тут кум — королю, а раньше-то было иначе. Про 20 долларов решительно сказал, что это оскорбительно, в др. раз откажитесь. Получив от меня подарки, дал баночку кофе и пачку «Мальборо». Заверял,

³⁷ Зимянин В.М., сын члена ЦК, сотрудник МИДа.

что США и Запад в целом боятся нашего развала, бранил Пятнистого. Опять согласились, что у нас нет сегодня антисемитизма, по его мнению, слухи о том распространяют евреи-христиане. Я же сказал: раздувают это политиканствующие писаки, из не крупных, чтобы выслужиться перед богатой евр. верхушкой. Согласился.

Потрясен сообщением б[ывших] коллег Явлинского по ин-ту труда (так, что ли?): он с Силаевым женаты на сестрах, а обе — племянницы академика Минца, жена Явлинского старше — лет 36. Да, ищи понятно кого...

24/VI. Был у Левина, дал ему вопросы для «Политики», охотно согласился. Сказал, что настоящим бизнесменам у нас пока работать невозможно, в наших условиях могут процветать только западные жулики. Интервью подпишу я сам, это будет вызывающе, но пусть. О приглашении он не говорил ни слова, а я пока не напоминал. [...]

Только и слышишь о суммах жалования: 800... 1200... 1800... 2000... Смешно, это же обман, ибо никто у нас на подобные суммы выработать не может — ни товаров, ни идей. Ясно, что это будет только подталкивать дела, а в наших условиях кроме того — увеличивать нехватки. Уже перестал беспокоиться, как будем жить, надежд реальных никаких, Господь подаст.

4/VII. Получил сегодня британскую визу. Консульство с раннего утра окружено толпой за 200 человек, наши, преимущественно молодые женщины, все рвутся по частному приглашению любой ценой, ибо перепад уровней жизни уже беспределен. Обхождение с нами явно напомнило мне «Хижину дяди Тома».

Арье Левин сегодня подтвердил, что в понедельник 7-го отдаст материал.

Видел Проскурина, обнимались и т.п., он впал в полное безумие, уволил Князева. Оставшись голым, без социалистического мундира и звезды, он возненавидел весь мир и сошел с ума. [...]

Отдал статью о «Пламенных» славному парню Ованесяну³⁸: зря, видимо, уж очень в больное место попал.

10/VII. [...] Ну, все стало ясно: Горби и Борри помирились (их помирили), Партию заменят «Движением» Шеварднадзе — Яковлева, где уже готов глава — тот же Горби, к-го Партия на ближайшем Пленуме скинет порывом снизу. Пусть себе. Партия упустила все возможности, жаль только Армию, но ее все же разлагать, как в 17-м, не станут новые хозяева, им тоже смута опасна.

12/VII. [...] Кажется, к лету наметился какой-то перелом к лучшему. Утихла «война» Горби и Борри. Забастовок нет, а грозило дело параличом страны. Межнациональные столкновения не увеличиваются, даже, кажется, размах их падает. Даже прибалты не пытаются поступить по примеру Хорватии. Единство Союза в сознании людей как будто возросло. Армия на улицы не выходит, Запад склоняется не только помочь нам, но и сохранить Союз. Цены, подскочив после глупейшего их повышения, далее растут без скачков, хотя растет инфляция. Словом, можно сделать вывод, что пока нам судьба Югославии не грозит, а там — полная безнадега. Жаль их. Приходится признать, что в этих условиях развал Партии будет полезен, а вслед за тем — ослабление КГБ. [...]

16/VII. Н. Кузьмин: послезавтра Ельцин собирает всех областных начальников КГБ по России. Такого не бывало никогда, даже Сталин не делал такого. Со времени Дзержинского Партия ставила главу органов и его заков, но внутрь не лезли. Собирали военных, хозяйственников, ученых, кого угодно, тех же ни-ни. Видимо, сообщат

³⁸ Е. Ованесян, зав. отделом в «Литературной России»; статья — «Пламенные революционеры и их певцы», о сотрудничестве писателей-«демократов» (В. Аксенова, Б. Окуджавы и др.) с пропагандистской книжной серией «Пламенные революционеры».

в печати, видимо же, не позовут Крючкова. [...]

Получил сегодня ответ от Левина, блестяще, тут же отвез Фоменко, а он молодец, обещал раздвинуть м-лы номера, выходящего в субботу, а дать его, а также интервью с послом Ирака, это политично. Дадим портрет Левина, а меня представил как писателя, к-й «по поручению редакции» просил его ответить на «ряд вопросов». Фоменко решил дать заголовок, я выбрал из текста фразу: «В нашей семье все говорили по-русски...» Это потрясающе! Уверен, это будет заметный материал. Долго говорили с Бен-Дором, он археолог и политолог по образованию, но не журналист (отчего так долго писал ответы): молод, образован, на словах очень за Россию, сочувствует, готов сотрудничать, я ему тоже прямо сказал, что хочу поехать в Израиль, чтобы увидеть русского еврея на исторической родине, а главное — как строится современное европейское об-во на религиозных и нац. основах. Дал мне телефильм о сионизме, просил посодействовать, он уже месяца три ведет переговоры с замом Кравченко, но вотще; сказал, что отдал бы на российское теле, но считает неуместным, я поддержал. [...]

21/VII. Фоменко сказал, что Левин вышел сигналом позавчера, потом дали беседу с послом Ирака, ну, мне все равно. Завтра получу и свяжусь.

Был на Мосфильме, весь распад страны там образно виден. Негодяй Бондарчук, кстати, умеет подбирать молодых и способных помощников. Осмотрел павильон, где курень Малаховых и Астаховых. Очень хорошо по нашим возможностям. На будущей неделе начнутся съемки, а кого пришлют в главные герои, не знает пока даже шеф. Разница меж нашими и итальянцами поразительна: администратор с их стороны получает 7000 долларов в казино, все они живут в «Интуристе», их водители-армяне тоже получают в валюте. Поговорил с Подвигом о своих валютных делах, сказал: требуйте

больше, получите меньше; он же сказал, что они меня очень хвалят.

24/VII. Фоменко молодец, в понедельник вышла газета. Там же интервью с послом Ирака, но подано ниже: в конце номера, без портрета и имени журналиста. Фоменко: их сотрудник сказал иракцу, подписывая гранки накануне выхода номера, что там же идет материал Левина, он быстро сказал: я знаю, ну, ясное дело, следят друг за другом. Сегодня отвез газеты Бен-Дору, Левин знает, они получили какие-то очень важные заверения от нее. Я рассказал ему про реплику иракца, очень заинтересовался. Сказал, что газету сегодня же пошлет с диппочтой в Иерусалим: «учтите, мы хорошо знаем эту газету»... Опять говорил о приглашении, вот у вас были Евтушенко, Пугачева и Овчинников, но ведь ни строки не написали, Ваксберг дал в АГ, это почтенный человек, но он Ваксберг... Я все понимаю, был ответ. Ну, посмотрим. Во всяком случае, дело сделано, и сделано хорошо.

Указ Ельцина о департизации очень резкий, но он положит конец тупику, когда уперлись друг в друга Партия и Советы. На Пленуме Пятнистого уберут или он сам уйдет, Партия даст свой последний бой и проиграет. На улице людей им не вывезти, а Армия и ЧК к перевороту не готовы, да и рискованное это дело — свергать двух законных президентов.

29/VII. Итоги Пленума меня изумили, я ожидал сопротивления, даже свержения Пятнистого, но вожаки оказались полными слабаками, добились пустого решения о съезде, к-й вряд ли соберется, и дали себя тихо прикрыть. Но это хорошо, ибо Партия стала тормозом, пользы от нее никакой. Парткомы начнут прикрывать, усилится выход людей.

В АР от 26-го обстоятельная статья о КГБ России, впечатление хорошее — пусть в самом деле защищают закон, а не марксизм.

Укрепляюсь в мысли, что пик кризиса мы миновали.

Воззвание двенадцати болтунов³⁹ неприятно читать: вставайте, люди русские и т.п. — надоело. Кто более опасен для новоявленного Санкт-Петербурга, Гидаспов или Собчак, шашлычная на Невском или Балт. завод, где строят лодки с атомной начинкой (Чернобыль на Неве)? И опять о «социализме». Это все игра Володина, марксистского доктора, генералов своей игрой они просто погубили. Сбросились бы по тыщонке, а лучше по две, да построили бы дом для сирот, как это тихо делал Чехов. Нет, только вопят! [...]

В интервью, весьма торжественном, с портретом, Сема Резник обвиняет меня в антисемитизме (я назван Симанов), это мерзко, кто его две книги издал, после ухода? И ведь звонил мне, собирался встретиться, не сказал же: вы антисемит, не хочу руки подавать... Это в МК от 27 июля. Обидно.

2/VIII. Сегодня вышла статья о «Пламенных» — очень сильно. Однако на редколлегии Сафонов⁴⁰ и еще кто-то встретили ее очень кисло — боятся, что ли? Или я им чужой? Удар сильный, но скорее всего промолчат, как молчит Яковлев в ответ на упреки в свое парт. прошлое, — лучше тут «не заметить». [...]

От В. Щербакова получил приглашение на «конференцию», где предполагается воссоздать «Союз рус. народа». Поводом служит брошюра Острецова, вышедшая под крышей Воениздата. Любопытно: Дубровин и Пуришкевич были врачами, он кардиолог, и как они, весьма хорош по профессии.

Новая страшная примета! Врачам ли, призванным целить любого страждущего, выступать с разными заявлениями? А брошюра такая — находка для Резника и прочих: «Память» умер-

ла, а вот вам чистое черносотенство, да еще под флагом Воор. сил. Тираж — 100 000, а клеймо Воениздата. Слово «царь» с прописной, а Столыпин «получил пулю» по заслугам... все это поразительно похоже на провокацию. Какой шум начнется!

5/VIII. Был у Бен-Дора, отзывы у самого шефа и всех них по поводу интервью самые положительные, «вплоть до поднимания бровей», т.е. неожиданно и славно. Я говорил с Филатовым и с Финько⁴¹ о встрече с ним, договорился, он был очень доволен, благодарил. Затем я показал брошюру Острецова, сказал свое мнение, что если бы делать диверсию против армии, то лучше не придумашь. Он спокойно выслушал (при двух коллегах), а потом меня оглушил: это книжку я видел месяца три назад у нас в МИДе, она попала туда с подчеркнутым указанием «Военного издательства»; далее сказал, что в МИДе решили мер не принимать, чтобы не обострять рус.-евр. обстановку, я согласился. Сказал, что последствия могут быть ужасными, причем охотники могут найтись и с вашей, и с нашей стороны. Затем он сказал, что меня хотят пригласить в Ун-т с чтением лекций.

В субботу говорил с Куняевым, он мне звонил с комплиментами о «Пламенных» и заказывал чего-нибудь. Я осудил Острецова, он резко возражал, он, как Кожинов, вообразил себя уже пророком, поэтому произносил монолог: да, там могут быть ошибки, но в общем правильно, сколько нам можно отступить, да, мы консерваторы и националисты, что тут плохого.

Говорил о ФФ, он полностью со мной согласился о вредности Острецова, как и Федь⁴². Оба, кстати, очень хвалили м-л в АР.

³⁹ «Слово к народу» в газете «Советская Россия», подписанное Ю. Бондаревым, Б. Громовым, Л. Зыкиной, Г. Зюгановым, А. Прохановым, В. Распутиным и др.

⁴⁰ Э. Сафонов, главный редактор «Литературной России».

⁴¹ В. Филатов, генерал, главный редактор «Военно-исторического журнала»; О. Финько, журналист.

⁴² Н.М. Федь, доктор филологических наук.

Фоменко просил меня осудить у них в газете воззвание «12 апостолов», я колеблюсь, опять расколы, сегодня говорил с ним, а там, среди подписантов, сам Блохин, решили подумать.

6/VIII. Байгушев: брошюру Острцова приняли за программу, основали Союз рус. народа с почти прежними идеями. Во главе избрали инженера молодого Юшина, в совете Байгушев, представители «Памяти» и многие подобные. Были западные коры, от «Свободы», «Голоса Америки» и т.п. Ну ясно, скандал теперь неизбежен. [...]

Сегодня в пресс-центре Зубовском (это чистое ВЧК) собрались «наши» на встречу с «соотечественниками», случайно там оказался, жалкое зрелище. «Соотечественников» почти нет, а наши все от ВЧК, начиная с О. Михайлова. Мы с ним что-то фальшиво пощечивали, он вдруг ощерился: «Я никогда не состоял в КПСС!» (а разговор прилюдный), возражаю с улыбкой: «Но ты, беспартийный, воспевал Сталина, как Джамбул Джабаев». — «Я пел “Боже, царя храни”!» — «Но иные члены КПСС пели это еще громче, больше рискуя». — «Меня 12 лет не выпускали за границу!» — «Ничего, зато в последние годы тебе все это компенсировали». «Завидууй, завидууй», — отшутился Олег. Он настолько от ЧК, что даже скучно. [...]

8/VIII. Сегодня в «Сов. Р.» большая ругательная статья, что в Омске создали об-во в память генерала Дроздовского: как можно... белогвардеец... расстреляли... Нет, эта партия должна умереть как можно скорее, она не наша в себе сил для обновления. Даже жаль, ибо между «коммунизмом» и «партией» есть принципиальная разница, ибо первое есть универсальный политич. инструмент, а второе — сборник тупых догм.

Звонил приехавший сюда Агурский, хвалил интервью, он даже написал об этом отзыв по-английски.

Пришел к выводу, что Острцов и К^о

нам на руку. Димдимыч⁴³ был хитрее, болтал об «интернационализме» и даже одобрял евреев, а эти прямо объявили себя «черной сотней». Пусть. Их теперь к нам (ко мне, например) уже никак нельзя будет подверстать. Они постоянно черны, что большой обществ. силы за собой не потянут.

Солженицын кончился. Дело не в том, что «Корпус» уже невозможно скучен, подобно соцреализму. Он погубил себя своим «Переустройством». Сухое повествование из штата Вермонт от человека, почти 20 лет оставившего Россию, это уже слабо. Но главное в ином: он сочинил для нас очередную «программу», а этого сегодня у нас не выносят, этих поучений и предписаний. И еще: сейчас никто не сможет сказать, что именно нам делать, ибо свою страну мы сами плохо знаем (простейшее — нет статистики, тем паче научных наработок). Его в конце года напечатали в К[омсомольской] пр[авде] и ЛГ, миллионов 20 тиража, а впечатление? Несколько вымученных статей в той же ЛГ от людей не самых авторитетных, и все.

12/VIII. [...] А все же — положение у нас как-то успокаивается. Вот странные убийства в Литве, и ничего особенного. Но разгораются страсти в Средней Азии, забастовки и проч. Голода не будет зимой, я уверен, люди перепугались, бросились спасать себя сами. Я сегодня сказал Левину об этом, добавил: ну, мы, русские, голода не боимся. Он улыбался не очень ласково: ну, не надо этим гордиться, надо вам жить хорошо... Кстати он тоже говорит, что положение у нас в посл. месяцы не ухудшается, по крайней мере.

20/VIII. Не соскучишься!.. В воскресенье вечером говорили с Агурским, оба оценили положение у нас как успокаивающее, а утром в понедельник... Первое же впечатление было очень кислое: борьба с преступностью (как?)... жильё

⁴³ Д.Д. Васильев, лидер общества «Память».

(откуда?)... убрать урожай (с помощью армии и студентов? Доколе же?)... Не упоминался «социализм», но настойчиво поминался Союз социалистических республик, что одно и то же. Во главе «хунты» — соверш. непопулярный Янаев, а стоящие за ним Крючков и Язов — тоже. Вечером пошел в центр, бессмысленно стоят танки, окруженные толпой людей, они, кстати, без боевого снаряжения, вид грозный, но вроде тягачей их действие.

Толпа на Манежной митингует, но малая, агитации нет. Вечером показали пресс-конференцию, странно. Янаева и Пуго я знаю еще по комсомолу, очень осторожные и мирные люди, как они могли возглавить госуд. переворот, весьма для них чреватый?! Ельцин сыграл ва-банк, вечером объявил «хунту» вне закона. Боялся я крови, но вечер и ночь прошли тихо. Демонстрации в поддержку Ельцина вечером были весьма малочисленны. К полудню пошел к «Белому дому», где с вечера засел Ельцин «сотоварищи». И узнаю: десять танков с трехцветными флагами стоят вокруг, перешли из Кантемировской на сторону «России». Это... нечто! В условиях военного положения! Народу вокруг «Белого дома» мало, на улицах спокойно. Зато «рейтинг» Горбачева стремительно поднялся, у нас и за рубежом. Что это? Говорил недавно с Финько и Фоменко, оба: игра. Похоже. Так же полагает и Петрушенко, и многие иные. Ну, лишь бы кровь не пролилась. Да, вчера ночью западное радио сообщило, что «хунту» признал Саддам — мощный и авторитетный союзник. Говорим, что в «Ленинбурге» Собчак овладел положением и взял местный ОМОН под свою власть. Танки в город не ввели.

Звонил 18-го Бен, ждет 5-го, обещал, что даст что-то заработать.

Да, вчера несколько лиц «из наших» звонили, начиная разговор так: «Поздравляем!» Например, Федь, Е. Чернов и др. идиоты!

В 8-м слушал по нашему российско-

му радио Станкевича: да, захватили Горбачева, часть ПВО в Форосе, охраняют место 14 кораблей с моря и вертолеты, взят он людьми из КГБ.

25/VIII. Ну, кончилось, полагаю, к лучшему: так или иначе, жертв ничтожно, «три богатыря»: работага из люмпенов, мелкий кооператор и еврей неопределенных занятий. Конечно, видеть по теле мерзкую Боннер неприятно, она даже осмелилась осудить Православную Церковь за «государствообразующую», как она сказала, политику. Но вчера по теле осмотрительный Яковлев уже сказал: ну, Ельцин закрыл «Правду», это стогряча!.. Еще бы — газета простых коммунистов, пенсионеров бедных. Он же сказал, что его статья в ЛГ верна в осуждении шовинистов и антисемитов... Горбачев издал указ о роспуске КПСС, так я независимо от воли стал «беспартийным». Он в подавленном состоянии, явно боится разоблачений своей интриганской роли, его песенка спета. Смешно было слушать глуповатого Рудцкого (ныне генерал-майор), как они смело летели к Форосу, как легко взяли Язова и Крючкова, это же сказки.

Сегодня заехал к ФФ, он в панике. Их, «реакционеров», громят, он пытается выкрутиться, написав приветствие Ельцину. Шереметев: в Московском и Росс. союзе СП погром, мне звонят, угрожают. Думал о себе: я задел Ельцина, Яковлева, Афанасьева и Черниченко — всю нынешнюю верхушку, не говоря уже об авторах «Пламенных». Могут припомнить, но какое все же счастье, что я ныне не у постов и вел себя в эти дни осмотрительно.

27/VIII. Вчера было собрание писателей под ведением Евтуха⁴⁴, вел он очень умело. Зал был полон, состоял в основном из них, была страшная истерия. Боялся за себя, но даже близко не подошли. Выступали зло, но пусто, лишь Н. Иванова зачла «обвинит. за-

⁴⁴ Т.е. Е.А. Евтушенко.

ключение» (она страшно злая). АР, МГ, НС⁴⁵, День, Мос. Лит. — готовили переворот идеологически. Это их главная идея, ибо что взять с бедного Янаева? Вчера прокурор России уже объявил, что следствие расширяется за счет средств массовой информации, к-е готовили переворот идейно... Почему-то бранили В. Гусева и, естественно, Проханова, поминали дурацкое письмо, а в связи с ним Бондарева и Распутина (Э. Володин не только дурак, но и провокатор, он ищет места под солнцем, просился в штат к ФФ — друг Палиевского! — отказ ему). Были смешные штрихи. Очень активно обслуживал Евтуха толстый и очень подозрительный «поэт» Савельев, а его супруга Кузовлева даже пыталась схватить портфель с документами у Колова, но парик ей помешал. Михалков жалко каялся, потом: как я мог быть за хунту, когда мой сын охранял «Белый дом» с автоматом в руках... Даже они посмеялись. Но вот семейка! Не думаю, что их «красногвардейская атака» удастся. Уже сегодня в «Мос. комс.» Сагалаев говорит против закрытия «Правды» (да не только он), а депутат Медведев прямо говорит о причастности Пятнистого к заговору. Уверен, что закрутить идеологич. гайки им не удастся, Запад резких мер не поддержит, а нынешняя эйфория «победителей» ненадолго: магазины пусты, а будет хуже.

31/VIII. Тяжело, какой-то шабаш, вот сейчас идет «концерт» у Белого дома, рев доносится до меня. Огромная толпа взвинчивается призывами ненависти. Не исключаю, что они уже сегодня вечером, расходясь, погромят Арбат и «Украину». Вообще замелькали в печати слова «о высшей мере», злорадно показывают по теле и описывают обыски и пр. Арестовали главу парламента Лукьянова — зачем?! Это же призыв к таким же действиям в любом районе и выше. Здания парткабинетов опечатали, людей выгнали на

улицу, но КПСС все же не преступная организация! Да, она таковой была при Ленине и раннем Сталине, но с конца 30-х, когда она превратилась в многолюдное скопище всех слоев населения, таковой была только ее верхушка.

Конечно, «победители» опьянены, однако положение очень быстро изменится. Одно дело — орать на митингах, до Верх. Совета включительно, совсем другое — руководить большим обществом. Борри очень скоро начнет плавать, добиться улучшения жизни людей им не удастся, заграничную помощь разворуют и перепродадут в Польшу и ЧС. Теневики выходят из подполья и станут нагло хвастаться своим богатством — на фоне нищей страны. Появятся безработные, озлобление в об-ве страшное, КПСС и КГБ уже нет, у кого требовать, кого громить?...

Вчера пленум писателей России пытались закрыть постановлением «префекта» Музыкантского, опечатать здание в связи с возможной причастностью к путчу. Сделано было по-детски, прислали группу мальчишек в пятнистой форме. Но люди от этого только взбодрились. Остались все, даже трусоватый Марченко и Фролов, уйти было невозможно, просто по-мужски, хотя мне никакой нужды в этом (или ином) СП нет. Потихоньку ушли только ФФ и Палиевский, это, кстати, все заметили.

Надо барахтаться, чтобы выжить. Все существующие, старые деловые центры рухнут очень скоро, наступит жуткий период «раннего капитализма». [...]

Вот, передали, что на Урале арестован еще 20-го какой-то наш миллионер, «Вести» прямо сказали, что за этим — Силаев, сегодня у ГУМа «демонстрировали» наши «бизнесмены и брокеры»... вот пусть и расхлебывают, как и с сопредельными «суверенными республиками». Злорадствовать не надо, конечно, однако жизнь заставит вспомнить Ельцина, Руцкого и Силаева, что большинство их избирателей —

русские, пусть даже и забывшие, кто они такие.

В «Желтом доме»⁴⁶, оказывается, до сих пор бдения. Это уже смешно, никто уже не станет их выкуривать, утверждают себя. Но пусть. Вот сегодня вышла «Правда», уверен, что появится и «Савраска», а «День» и все прочее не станут прикрывать.

1/IX. Поразительно: мне приходится начинать сначала жизнь в третий раз! Вижу, как сегодня молодые 30–40-летние мужчины растеряны и находятся в истерике. Ясно, что падут привычные издательские скрепы, все будет послано на волю волн рынка, о чем уже говорил по теле Полторанин. Вроде бы оно и так должно быть, но на Западе к «рынку» множество поправок, а у нас возникнет «ранний капитализм» со всеми его жестокостями.

3/IX. Наш СП рухнул, как и Советская империя, — то и другое не жалко. Вчера на собрание московских писателей пришло 550 членов — неслыханное число. Почти все единодушно осудили Евтуха и К°, а это не шутка — демократия. «СССР» распался, пусть его, это не очень уж большая плата за выход из коммун. идеократии. А ведь неплохо все же: нет ЦК и ЧК, оборона не станет больше лезть в Азию и Африку, подрезают ее, что давно пора. Всего этого мы хотели, но наш путь не удался, и мы по сути в числе побежденных. А среди победителей Е. Яковлев, Панкин, Карпинский и Черниченко. Мне муторно, однако, это лучше, чем десять лет назад: мне хоть не угрожает неволя и издевательства на партийной лестнице. Конечно, грозит нищета. И бедные мои дети!

Патриархия очень уж бурно приветствует победу над «хунтой», смешно отлучает от церкви Янаева и Пуго, с тем же успехом можно исключить епископа из КПСС.

⁴⁶ Так в шутку называли здание Союза писателей России на Комсомольском проспекте (по цвету фасада).

Сегодня говорил с Бен-Дором (шеф на родине), сказал о планах издания Герцога Равула и Назиша, а также покойного Агурского, он явно был заинтересован.

5/IX. Завтра утром улетаю в Лондон. Радости никакой, грех уныния гложет меня. Молюсь Всевышнему. Впервые во взрослой жизни приходится ехать на подаяние, и ради чего — чтобы привезти необходимое шмотье семье. Но это надо, ибо «рынок» и нравы «Березки» наступают, входят уже в каждую семью. Главное мне там — проторить деловую тропу на Запад. [...]

1/X. В Англии (на Западе) мы никому не нужны теперь. После «недоворота» они выдохнули с облегчением, а наши беды огорчают их мало — в мире и без нас достаточно горя. Западный человек не может понять, почему в полуголодной стране картофель остается в земле: сами они, мол, виноваты. Да и надоедает: вот нам по теле сотню раз показывали про наводнения и ураганы в Бангладеш — привыкли, знать судьба у них такая. Русское возрождение на Западе встречают настороженно. Все русско-западные отношения с обеих сторон полностью в наших руках, нам там нет места. Получается, что из западных стран нам сочувствуют наиболее сильно, как ни странно, в Израиле. Попытаюсь разгадать. [...]

Был у Финько, он сказал о «наших»: «душой я с ними, но они дураки». Верно. [...]

2/X. Сегодня в нашем сбербанке видел обменные курсы (очередь стояла): \$= 32 р., £ — 56,1. Это чушь, в любом отношении! Значит, мои £ 16,5 = 926 р. [...]

«Академик» Примаков стал начальником разведки, бывшего первого главного. Это... нет слов. Ясно, что оберегают свою же агентуру, а значит прежде всего — самих себя.

Говорили, что «Альфа» с вечера воскресного 18 августа обложила Архангельское, где резиденция Борри. Сопроводили его до «Белого дома»,

приказа не последовало, тогда они плюнули и ушли; возможно. То же, вроде бы, происходило и в армейских подразделениях.

5/Х. Прошелся по центру, ужас. В местной забегаловке на Пушкинском бульваре продают коньяк (советский) за 20 р. 100 грамм, при мне там два парня и девушка, все очень прилично-го вида, видимо, старшекурсники, взяли три чашечки кофе, шесть сосисок и три жалких печенья («пирожные»), заплатили 24 р. Зашел в Петровский пассаж, отремонтированный турками: похоже на европ. солидный универмаг, только глупый, — торговых площадей 5%, остальное — для пешеходов. Это привокзальная палатка в старом мраморе. Картина: пейзаж приличный (хуже моих) — 14 000, натюрморт (неплохой) — 25 000. Ну а дальше то же самое, что в палатках, только дороже. Около «Детского мира» — толкучка барахла, вспомнил рынок времен войны — грязь, толчея. Вышел от метро «Дзерж.», у сломанного памятника уже никого нет. Подошел к 10-му подъезду, вошел, стоят два милицеевских сержанта, сказал, что журналист, вежливо ответили, что тут только три сотрудника из отдела писем...

8/Х. Вчера был на похоронах Попова. Рассказали, что в свое вр. о Примакове контора сделала ДОР (дело по операт. разработке), обнаружили, что связан со спецслужбами, ходу дела не дали. Теперь собираются объединить ПГУ с ГРУ под его главенством, это чистейшая победа ЦРУ. Третье управление сохраняется, ибо из Прибалтики, Закавказья, Ср. Азии материалов об территориальных КГБ не поступает, только через особые отделы. Тагиаде — прикрытие жуткой бакинской мафии, для кот. цветы и вино — мелочь, там наркотики, золото, валюта, живой товар. Да, все это противно, так. Однако коммун. идея скукожилась, это стоит чего угодно.

Св. Шолохова довольно осведомлен: один из трех героев был в розыске

по МВД, другой (еврей) — инвалид 2-й гр. по психике, третий случайно погиб, когда в танке автоматически открылся люк. Очень хорош тут наш Патриарх, прости меня, Господи!

11/Х. Вчера был у Бен-Дора, договаривались об изданиях. Ясно, что они сейчас завалены предложениями всякого рода. Вот приехала куча их предпринимателей, ведут переговоры напрямую с фирмами (кажется, тему они почувствуют). Спросил о возможном приезде Солженицына, я: пик его прошел, события не произойдет. Он сказал, если Россия не воспрянет, то Запад будет иметь к ней чисто экзотич. интерес — как к Бангладеш? — Нет, как к Индии, она большая. Согласился, что Израиль больше других западных стран нам готов помогать, главное — их специалистами. [...]

14/Х. Какой праздник сегодня! Вот уж и в самом деле покрыть бы нашу несчастную страну покровами. Снизойди к нам, Господи!

В России перерасклад: борьба «Огонька» с «МГ» окончилась, оба издания исчезли. Скукожилась и «борьба» Горби с Борри. Нет уже Партии и нет «демократов»; что будет, не знает никто, но бесспорно, что «социализм» и все «левые» в России обречены. Дело за консерваторами, но какими? Вот в «Литре» от пятницы (11 окт.) статья блаженного дурачка Антонова, как плох капитализм... [...]

15/Х. Пропадал на съемках «ТД». Французенка Аксинья, англичанин Григорий и Елена Бондарчук — ужасны, особенно последняя, ни кожи, ни рожи. Пантелей — американец, очень хорош, как хорошо Андрейченко-Дарья, Петр и Кошевой. Но Бонд⁴⁷ тянет явно на западный вкус: в сцене свадьбы дед Гришака открывает рот сидя, а ему сверху сосед льет водку... Итальянцы нас презирают, и есть за что: в субботу, когда жалкая столовая «Мосфильма» не работала, они при-

везли свое питание; и вот помощник Бонда притащил для семьи (он, Ирина Ильинична, Елена) шесть бутербродов и три бутылки минеральной, они положили их в сумки и увезли домой... Это же все видят. Я тоже взял с собой сок и минералку.

22/Х. Записывать тошно. Ежедневно печать не смотрю, теле тоже, иногда лишь бывшее «Время». И все же — я «за». Проклятый коммунизм рухнул, постепенно наладится, хоть и очень не скоро.

На «Мосфильме» погнался я, дурак, за валютой, принес дюжину подлинных медалей середины прошлого века и позолоченный кинжал чуть моложе. Это тысячи. Волнений было много, ибо любая вещь могла пропасть, а гарантий мне — никаких. От валюты мне с порога отказали, а помощник велел поставить тысячную сумму в рублях (это мелочь, долларов 80). Сеньор Масси, администратор, не пригласил меня сесть, спросил нашу художницу, а почему так много? Та дипломатично сослалась на Бондарчука. До сих пор не платят, хочу устроить скандалчик, это будет даже интересно.

В пятницу 18-го объявили об открытии посольства Израиля. Сегодня поздравлял Левина и Бен-Дора, были очень любезны: да, это успех, но с помощью наших доброжелателей (намек понятен, но пригласят ли?). Левин сказал, что Рафул доволен возможностью публикации. Полагаю, что ближайшая цель — поездка туда по приглашению, как обязалось. [...]

Встретил в метро Сергованцева — подавлен, расстроен, он без работы, ибо перед «путчем» перешел в какое-то издание РКП. Сказал: Свиридов, бывший российский компечати, помирает, бездетный, всеми оставленный. Жалко его, честный был человек, но... Не общая ли это вина всех, кто поверил в бесовскую идею искренне? Вот, Е. Яковлев не верил, а с др. стороны — и я тоже, выжили же как-то, хоть и по-разному живем. Об этом надо подумать.

24/Х. Сегодня был на открытии посольства Израиля, одни корреспонденты, но много, мне оказали все признаки внимания, я задал вопрос из числа «беспроигрышных»: экономические отношения меж «нашими странами» (а до того поздравил «посла» с личным успехом), он охотно и подробно ответил. Грустно было мне: они одерживают победы, радуются, а мы-то, мы-то...

26/Х. Сегодня пошел на открытие очередной «партии», названия не запомнил. В президиуме — Осипов, Скурлатов, болван из проворовавшегося об-ва «Волга» (он теперь от борцов против ядерного загрязнения, или около того), голубоглазый отрок Лысенко, тоже глава какой-то партии из Петербурга (еще год назад денег у меня просил), а также еще что-то подобное. Дебилка Брюсова⁴⁸ произнесла старчески убогую речугу, я крикнул потом (не выдержал!): надо установить жесткий регламент. У этих новобранцев — от политики, конечно, маниакальное: фамилия «Брюсова» (хотя дед был мерзавец порядочный) для них, хамов, имеет притяжение. В зале те же и то же, что начинали с нами в конце 60-х и даже позже: Кольченко, Лисовой, Белов, Б. Карпов, свадебный генерал Шафаревич, профессиональная ораторша-антисемитка Литвинова и проч., а молодые — очень слабы и словообильны. Организации никакой, начали с опозданием на 40 минут, собрание вести не дают, хотя я не выдержал, подошел в перерыв и сказал порознь Осипову и Скурлатову, что надо же вести дело...

Все это опять «пусто-пусто». Вопли об исключительном положении русского народа и плохо прикрытый антисемитизм им не помогут. Правда, идея «социализма» отступает, говорили о собственности или об основе (это

⁴⁸ В.Г. Брюсова, историк, искусствовед, автор ошибочно считает ее внучкой В.Я. Брюсова.

Скурлатов), что-то еще, но... выступал там и «гость съезда» Жириновский, он явно способней их всех, хотя тоже... не Столыпин. [...]

Кольченко вдруг стал рассказывать, что Ю. Селиверстов⁴⁹ был резидентом, что освещал всех окружающих, что сам он, мол, около него копался и т.п. Конечно, Кольченко — человек злой и завистливый, но он же не знал о моем отношении к Юре, на мои возражения, что тот никак не похож, слабый и добрый, мол, был человек, жестко парировал, что характер был ему не нужен для сообщений об окружающих. Неужели?.. Но ведь у меня тогда появлялись, как сейчас видно, только люди оттуда: Калугин, покойный Попов (его уже не спросишь), Шевелева, сексотка Тамара, другие же отстранились. Увы, может быть, прости его и нас всех, Господи!

30/X. Позавчера показывали на моск. теле встречу с Левиным: два наглых жида и русский патлатый скот визжали и сорили хохмами, стыдоба! Я чувую, что тот злился, но вел себя сдержанно, вчера я позвонил, соединился с Бен-Дором и жестко сказал ему о наглости наших репортеров; он молчал, но, видимо, согласен. Я твердо намерен просить приглашения.

В №15 «Политики» — мое интервью с Мутафьян, ей уже выслали номер. В следующем — кусок о курдах из Рафула. Сегодня отдал статью «Наследие канцлера Горчакова», так себе, но пусть. Фоменко пристроился к русским предпринимателям — правильно. Он и его команда — мощные ребята лет +-30, цены им нет. [...]

Сообщил сегодня старик Седов, что вышла, наконец, в ВИ моя статья о 9-м января, написанная, кажется, году в 67-м. Это хорошо, мелочь, но почему-то нравится мне напоминать о себе как об академическом ученом. [...]

1/XI. Тошно. Ельцин получает диктаторские полномочия. Это плохо, вот

прокурором Москвы намечается злобный калека Заславский. Будут страшные нехватки, забастовки, смуты. Вот таксисты стали бороться с кавказцами; хорошо вроде бы, что заступаются за русских, но сами-то таксисты — мафия, ворюги наглые. Не думаю, что будет голод и гражданская, но плохо станет до предела. Как будем жить?

Вышел №9 ВиЖ⁵⁰, уже нет Филатова, из Р/К [редколлегии] убрали Раша, армию опять хотят сделать красной.

Финько: процесс (следствие) над «хунтой» явно выходит на Горби, будто бы он еще 14 авг. что-то повелел. Интересно даже, как он теперь выкрутится. [...]

2/XI. Сегодня у булочной на Кутузов. пр. видел очередь — огромную, как за водкой. Такое я помню только в военные и первые послевоенные годы, когда женщинам ставили номера на ладони — так и сейчас. Подобное, говорят, происходит с маслом, молоком и т.д. Убеждали, что это от паники, а вовсе не от голода, но последствия могут быть жуткими.

5/XI. Цены уже сбесились: мясо на рынке — 120/80. Осведомленный Финько советовал все наличные и на книжках деньги обратить в вещи, но Шавкута сказал, что вещи из кооперативов исчезли, боятся обесцененных купюр. [...]

7/XI. Люди стоят в очередях за хлебом по несколько часов. Помню такое в войну или послевоенные голодные годы, но почему это сегодня?! Почему исчезли утюги и сковородки, хотя чугуны и сталь производятся в больших объемах? Их ведь не сгноишь, как картошку, за рубеж не вывезешь.

Мы, поколение 30-х, начали помнить себя с нехваткой, карточек и голода, вот так окольтцовывается наша судьба! [...]

Пытаются устроить какой-то «университет», получили вроде бы «крышу» от Лыкошина, толкают меня туда пожилые русские идеалисты.

⁴⁹ Художник-график, близкий к русскому национальному движению.

⁵⁰ «Военно-исторический журнал».

Зав. отделом науки в «Савраске» в 88-м рассказывал, что статья Андреевой пришла действительно самотеком, Лигачев запросил эти немногие отклики (на какую-то парт. статью) себе, одобрил. Тот связался с Андреевой, поехал в Питер, она отдала ему текст, в редакции там даже сняли некоторые резкие и «антисионистские» места; никто не думал, что получится гром, но теперь полагают, что Лигачев и партия свой последний шанс упустили.

10/XI. В Чечне Ельцин ввел чрезв. пол., это очень резкий шаг, они разваливали Союз, добились своего, а теперь пытаются его скрепить жесткими мерами, это по крайней мере непоследовательно. И еще: ясно, что дивизия Дзержинского (чей памятник позорно сбросили) не наведет там порядок, даже открыв огонь, значит непопулярные меры обречены. Популярность Борри стремится, покатится, но что затем? У людей самые мрачные ожидания.

С изумлением узнал о «Максвелле» — английском издателе, который недавно погиб на своей яхте; по теле: его захоронили в Израиле по иудейскому обряду; в «Моск. ком» — деньги он «отмывал» от партии и ЧК. Поразительно, однако очень вероятно! Несчастное «Наше наследие» выходило еще в 89-м по два рубля — на роскошной бумаге, когда Енишерлов⁵¹ дневал и ночевал в Лондоне. Я тогда наивно думал, что это он нас почему-то ссужает, оказалось — наоборот! А ведь тут Раиса, а за ней...

12/XI. Борри — шут, он словно провокатор у русофобов, три жуткие ошибки: болтовня о «границах» (а они при Ленине–Сталине были прочерчены грубее, чем в Африке в прошлом веке); объявление о будущем повышении цен вместо самого повышения (уже сегодня доллар стоит 100 р., а бутылка пива 6 р., вместо 1,2 по госцене); безумное

объявление угрозы Дудаеву, чем он его спас, — это горилла, скот в милицейском мундире, разъезжающий на белом «мерседесе», он сгорел бы сам, но Борри-дебил спас его. А теперь пойдет цепная реакция цен и отделений. И конца этому нет.

Теле почти в их руках. Вчера был какой-то юбилей Достоевского, по б. «Времени» выступил по этому поводу... Евтух.

13/XI. Прошелся по Арбату, видел буханку белого хлеба по 5.60, магазины либо пусты, продавщицы болтают, собравшись в кружок, либо дикие очереди, толпа, как в переполненном автобусе. Борри, Попову и шайке скоро конец, но толку никакого, нет ни одного лидера, «демократы» скукожились, у них раздрай, как ни гляди вокруг, а лучший шанс в будущем у Жириновского.

У Борри будущего нет, он прошел в президенты именно как партсекретарь, отказавшийся от привилегий, т.е. для толпы — как «истинный ленинец» в противовес супругу Раисы. А теперь?

16/XI. Яблоки в магазине стоят 11, мясо в «коммерческом» Елисееве >50 и т.д., и все же уверен — 18-го не случится, как и голода. Но из страны бегут, резко повысился выезд в Израиль (это от бескормицы, скоро страна эта совершенно опустеет), говорил тут случайно с подполковником, служившим в Анголе, потом 2 года в Афгане, 40 лет, трое детей, — завербовался в армию ЮАР, 7000 долларов в неделю... Скоро наши побегут куда угодно, вплоть до Гватемалы. Пусть. Здесь жить становится невозможно, жена в пятницу получила в «писательском заказе» яблочное пюре из Германии за 2 р., а уже в субботу я видел это в «кооперативе» по 25! [...]

18/XI. Был у Левина, отнес газету с Рафулом, он говорил вежливо похвалы, затем я осторожно посоветовал не нажимать на отдачу фонда Шнеерсона, явно был недоволен, ссылался на мнение Лихачева, к-й вели-

⁵¹ Енишерлов В.П. — редактор журнала «Наше наследие».

кий гений, а также на просьбы Буша, Тэтчер, Миттерана, Андреотти и прочих. Я осторожно советовал, что «не надо давить», он вежливо, но неохотно прислушивался. Сказал также, что Горби и Борри доживают последние недели, он промолчал, но в упоминании Жириновского довольно резко употребил слово «нацист». Сам спросил о Филатове, просил передать ему привет. [...]

23/XI. Поселяя Фридман в «России», ужас. Иностранцы, кавказцы, проститутки, все служащие открыто и явно берут взятки. В буфетах — ничего, посидели в валютном баре, она взяла 50 г. водки с соком и чашку кофе, я пять кружек (300 г.) чешского разливного пива и чипсы, она заплатила 21 доллар. Провел первую в своей жизни валютную операцию, дали 1000 за 20 долларов, это закордонная дама подарок сделала. [...]

Она рассказала о «Максвеле» (это еврей из Словакии с характ. фамилией): 68 лет, перед мировой бежал в Англию, служил в разведке, кончил капитаном, связан был с очень темным бизнесом, женат на француженке-протестантке, связан был, говорят, с Моссад, а также «большой друг Сов. С.», издавал Брежнева, потом «Наше наследие», какие-то шашни имел с Раисой и т.п., явно какие-то услуги оказывал. Нашли у Канар, голым упал в море, около уха какая-то ранка, расследуют. Но тело похоронили в Иерусалиме по высшему разряду, премьер был на похоронах. [...]

Сейчас много, хоть и осторожно, пишут у нас о помощи зарубежным «друзьям». Дорого обходилось это сов. народу, знали мы об этом, и все же... очень пикантны сведения об «Уните»: фрондировали, боролись с «кремлевскими догматиками», а деньги-то были московские!

26/XI. Вчера заседало «Истор. об-во», все ясно: Каргалов приютил Федорова, отставника из АПН (КГБ), тот отмывает деньги «конторы», причем

они нагло делятся меж собой, а мы — только прикрытые.

Произошла вчера = сегодня очередная «революция цен»: пачка «Мальборо» из 25 поднялась до 50; верно, как доллар с 50 рублей до 100. А «Мальборо» — эталон. [...]

1/XII. Позавчера дети притащили из школы «гуманитарную помощь» — по две банки датской колбасы, каждая по 1,8 кг. А у школы уже дежурили несколько мужчин и женщин, предлагая купить за полсотни.

Полторанин подарил «Апрелю» весь «Мосраб»⁵², на корню, как раньше дарили имение с крепостными. А Бакатин подарил какое-то оборудование КГБ «Пятому колесу». Где же «партийность»?

2/XII. Гайдару, внуку своей бабушки, едва за 30, рыхл и уже лыс, окончил эконом. ф-т, служил мелким журналистом, потом попал в зав. отделом «Коммуниста», оттуда — на обмывку — в какой-то «независимый» журнальчик, и вот — зампред. Естественно, никакого опыта, что полезно для огр. страны в сложных условиях. Такова же супруга Пинскера Пияшева, московская «министерша», у нее тонкие нервные губы, бегающие глаза, явная психопатка, как Старовойтова, Куркова и прочие, но с дикой злобой, в особенности к русскому. «Как хороши, как свежи были кадры!» [...]

4/XII. В малой стране человеку жить легче, если она независима и более или менее богата: Дания, даже Ирландия, даже Тайвань. В великой державе жизнь в любом случае сложнее и напряженнее. Но хуже всего жить в бывшей великой державе.

Прикинул тут, смеха ради: если до конца месяца не придет доброго известия, и не по мелочи, будущий год — плохой. Т.е. и без того будет плохой, но я думаю только о собственной судьбе.

⁵² Т.е. «подарил» писательской организации «демократов» издательство «Московский рабочий».

Вчера узрел рекорд эпохи: в кооперативном сарайчике банан — 25 за штуку.

5/XII. Долго мучила меня пожилая пара, чтобы создать кадры обучения русскому для иностранцев, сулили многое. Хоть и видел, что пусто там, но поддался, даже написал устав им, и ничего вроде. Вчера убедился, что вздор, суэта. Так, но надо искать выход! Сегодня пригласил Щербакова, он думал, что хочу коллекцию «толкать» (так он и спросил), я дал ему «Кр[онштадт]» и две изр. книжки, он отнесся внешне без интереса, хвастался кредитами и т.п., предложил ему открыть вместе салон антиквариата, живо согласился, он уже там давно хлопочет с выходом на Париж. Он завистлив и хвастлив, вряд ли мы сладим.

Сообщили во вчерашней АГ, что гостиницу «Пекин» продают за 5 млн. рублей (квартира на бирже — 3–4 млн.). Ясно, об этом и говорится, что за взятку. Москву распродадут очень скоро.

Обнаружил огромные и принципиально-полит. характера выбросы из «ТД», Федь был потрясен, да и я тоже.

4/XII. Жуть, шабаш. Колченогий Заславский, ставший каким-то «министром» в Моссовете, пишет о скорой массовой безработице. Пияшева в «АиФ» воспекает «приватизацию» магазинов, у нее спрашивают, но ведь рэкетиры их разорят? Ничего, отвечает, мы (мы!) создадим частных детективов... Каково?! Во-п., это дорого, т.е. магазинные цены еще подорожают, а главное — это же не уголовка, они не могут даже стрелять! Во всех этих бесчинствах видна явная ненависть к России и русскому — вот же вам, тупицы. Вчера в б. «Времени» показывали сюжет о сносе Христа-Спасителя, дикторский текст закончился (не авторский!): мы, русские, в этом виноваты, давайте же думать...

Вводят «президентский» (ельцинский) налог на 28%. Это наглость, по поводу 5% Пятнистого был страшный

гул, но теперь-то — на треть! И как будут вычислять такую некруглую сумму полуграмотные продавщицы и проверять их слабые головой пенсионеры? Сколько скандалов и злоупотреблений! Вводят налог на дачную землю — минимум 1 р. за метр, т.е. 6 соток — 600 рублей в год, но плата доходит до 4½ руб. Бензин с середины месяца — 2.50 литр, в 6 раз больше. Странно. Как будто нарочно злобят народ — нельзя, де, несколько лет подряд непрерывно ухудшать положение, не давая ничего взамен?! Почему они ничего не боятся? Считают нас скотами? Или так и есть?

10/XII. Потрясен вчерашними новостями, как «трое» обставили Пятнистого. Ну, что он пропал, ясно давно, но уже больно грубо и обидно ему вышло, он засуетился вчера же, заболтал — конец ему, это ясно. Но вот перспектива? Первое мое впечатление — к лучшему: если три славянских народа хоть как-то спаять, нам ничего не страшно. Не случайно, что все понятно кто, и мусульмане явно недовольны. [...]

Г. Гусев: Г. Попов купил в Калифорнии виллу, это типично. Говорят, что подписчики сочинений Солженицына отказываются их выкупать на почте; закономерный итог: надоел. [...]

14/XII. Алкснис и Жириновский против «троих», печать «демократов» их поносит, но те, кажется, выиграют.

На переходах метро — порнуха с цветными картинками, на обложках объявление — «за просмотр 2 рубля». Вчера с женой почти два часа отстояли в двух очередях — за мясом и за молоком. Досталось все же, вот была радость. Люди от нехваток и очередей звереют, теряют все приличия.

Сегодня по теле на открытии какой-то «партии», собрались «все»: Шеварднадзе, Яковлев, Попов, Собчак и т.п. все дружно поносили «славянскую тройку» (как и оголтелая Старовойтова). Это характерно. Все больше склоняюсь, что решение верное. Уже потому, что вместе с Пятнистым уйдут вышепоименованные. [...]

17/ХП. А все же «демократы» — того, «с душком». Яковлевское теле ужасно защищает их вождей, а поповское чуть-чуть критиканствует, но очень осмотрительно. Пятнистый жалок, показывается по теле по любому поводу, даже с какими-то рокерами обнимался. Он всю «перестройку» был озабочен только собой, а теперь ему хоть пулю в пятно. Но самое обнадеживающее — это бегство Попова, тут вскоре многое всплывет с демократического dna... Неужели появилась надежда? [...]

19/ХП. [...] Вчера был на приеме в посольстве Израиля; видимо, они меня зовут в свои горячие места — на открытие посольства, где никого приметного не было, сюда, где вообще собралось человек 25, из которых самым приметным был «посол» Украины в Москве (ничего мужик, правильный, мы с ним хорошо поговорили). Выхожу, как у посольских крепнет взгляд, перед ними тут заискивают, это ясно. Прибыл туда и Питирим с оперной бородой, но почему-то сразу ушел, даже не выпил, не закусил.

Зашел вчера в продовольственный ларек (кооператив у Киевского), ну, как положено: шампанское — 150, грузинское — 130 и т.п., а грязь на полу обычная, поскользнулся, чуть не растянулся, но удержал Господь. И пошел: там появляться до Рождества, знал.

22/ХП. Комедия вокруг отставки Попова — ужасная пошлость, особенно его «письмо»: он, видев ли, приносит себя в жертву... Предложил ФФ подать на «мэра», у него есть шансы, ибо начнется откат вправо.

«Евр. газета» № 21: 1 дек. На праздник «Ханука» у «Белого дома» выступали Е. Боннер и... Козырев (Зимянин клялся, что из тех; верно, похож). [...]

24/ХП. Пятнистого унизительно прогнали, его не жаль, но главное, что за ним потянутся Яковлевы и иные. Как видно, главное его слабостью было то, что он не ощущал себя русским, искал опоры у любых сил, кроме русских.

Тут он и проиграл, но неизбежно: от куда ему, провинциальному долдону, воспитанному на «Кр. курсе», было это понять? А потом допек уже сам, что высший интеллект — его сокурсник Млынарж, ну и т.д. Он кончен, и лучше бы ему сейчас уехать в Штаты, куда его приглашают, вместе с женой, дочкой и внучкой.

Цены повышают в 2–4 раза, у меня на книжке 2 ½ т., что будем есть и пить? Нет, вопрос уже станет буквально. [...]

Написал ст. для МГ о Шолохове, неплохую, 30 с. Перепечатал сам, но ныне это рублей 60, мучился неск. дней, а за что? Сегодня бутылка водки столько стоит.

Вчера Ганичев уговорил меня стать сегодня его «оппонентом» на «выборах» в так. наз. «народную академию», где во главе Исхаков, а членами уже стали Иванов, Проскурин и т.п. Сегодня принимали Фомичева («поэт», шеф «Пульса Тушина»), потом ленинца Сергеева, к-й за социализм, потом Ганичева, у кот. «оппонентами» были Иванов-107-й⁵³ и я.

Кажется, никогда не участвовал я в столь пошлой комедии! Видимо, он потому меня просил, что больше иного не подвернулось. И зачем им это? Собрались полсотни старичков и истеричных баб средних лет, тешат себя и друг друга, ругая сионистов. Там, конечно, Брюсова и пр.

Говорили тут с несколькими коллегами, кто сегодня процветает более или менее в издательском деле: дебил Юркин, хам Шавкута, темный со всех сторон Щербаков и его «зам» Дробышев, Шахмагонов, на ком пробы ставить негде, да еще пьяница-трезвенник Гагарин (он, кажется, уже прокололся), где еще мелкий плут Каргалов. Вся эта шушера когда-то ошивалась в наших приемных. А еще «генер. директором» проворованной «Столицы» стал серый Сережа Ионов. Мы судачили, что из

⁵³ Иванов-107-й — прозвище писателя А.С. Иванова.

дельных людей возросли только Фоменко и Проханов, он все же не побоялся прямо развернуться в поддержку «путча», и выигрывает.

28/ХІІ. Тошно! Скоропостижно скончался тесть, это смерть опять-таки сознательная. Волнений от дел, он не мог найти себе занятия, давно потерял всякий вкус к жизни. Хлопот и забот прибавится, как, на что станем существовать?! Продавать вещи? Но станут ли их покупать?

Цирк наших правителей омерзительен. В АГ позавчера: Ельцин возил с собой в Рим пять (!) «членовозов» — это полная характеристика, больше нечего тут добавлять. Попов кокетничал — ужасающе пошло — и остался пока, город распродают, хозяйство разваливается, усталый народ молчит. По сути Ельцин заключил Брестский мир: чтобы остаться у власти, отдал полстраны.

Грузины режут друг друга; прости, Господи, но это полезно — пусть сами с собой разбираются и хлебают свой «суверенитет». То же самое начнется во многих местах. [...]

Пятнистый получил в награду 20 человек услуги от казны, а просил 200. И это — вождь «коммунист.» партии! Он страшная сволочь.

Толкуют, что передача Бакатиным данных о посольстве — уголовное дело, даже вроде бы что-то предъявили. Это так. Там сложнейшие электронные разработки, к-е по кр. мере можно было бы продать, как патенты.

29/ХІІ. Имел сегодня любопытный разговор с природным болваном Шведовым: почему жалуешься? Вот я зарабатываю в юридич. конторе, хожу по исполкомам с бумагами, стою в очередях, облегчая жизнь богатым клиентам, получаю 500–1000, можно мыть посуду в субботу и воскресенье, есть множество работ, но мы белоручки и т.д. а что? Есть правда. [...]

Бурбулис был, оказывается, зав. кафедрой научного коммунизма в Свердловске.

31/ХІІ. Вчера похоронили тестя. По «свидетельству о смерти», после унижительной очереди взяли 30 бутылок водки по десятке — на Киевском тут же можно было перепродать за сотню. Все это наша последняя льгота.

Да, плохо, ужасно, но неправ недавно выступавший Шафаревич, сравнивший наше время с батыевым. Сдох все-таки жуткий сатанинский зверь, висевший над миром семьдесят лет. Нет и не будет райкомов и парткомов, к-е пронизывали весь наш быт. Можно свободно Богу молиться или открывать собственную парикмахерскую. Правда, от того и другого русский народ отучили, но время придет, ибо колючка снята.

Что ждет нас в будущем году? Голода и голодных бунтов не будет, запас еще есть, да и Запад что-то подкинет. Военной диктатуры — тоже, генералитет тут и безыдеен, но вскоре генералами станут нынешние русские полковники, они-то и решат дело. Падут вслед за Пятнистым все нынешние, может, даже зиму не переживут. Есть угроза, что властолюбивый болван Ельцин может попытаться установить диктатуру, ввиду скорого и полного падения его популярности. Процесс над «путчистами» не состоится, или пародия на него. Горбачеву действительно лучше уехать в Америку, здесь ему на улице показываться опасно — разорвут. В ближайшие месяцы до конца развалится «плановая экономика» и колхозы — пусть. Уже в новом году на смену быстро прокисшим «демократам» (где Ю. Афанасьев, Заславская, Коротич и т.п.?) появятся новые русские лидеры, к-х сегодня не знает никто (вроде Фоменко). Нет, надежд Россия не потеряла. Ну а наше личное дело — плохо. Вот тут надежд мало, хотя хлопотать будем, сдаваться нельзя, я с младенчества внушаю сыну: «Русские не сдаются». Западную карту разыграть, кажется, не удалось — нет привета ни из Лондона, ни из Иерусалима; понятно: никому мы теперь там не нужны.

В личном смысле все безрадостно и нечего ждать. Наше прежнее товарищество развалилось, ученики разошлись по своим заботам. Приличной и надежной службы нет, сбережений тоже. Печатными трудами сейчас не проживешь. Тропу на Запад проторить не удалось. Новые цены внушают ужас.

И как далеко мне до пенсии, вот о чем думаю сейчас не только я, но и мои ровесники.

И все же: мы, русские, отныне и надолго стали свободными людьми!

Да, Собчак заявил, что скоро уходит. Ну, все идет «по плану»...

ИЗ ДНЕВНИКА ЧИТАТЕЛЯ

Андреева Н.С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2008. — 312 с.

Богатое фактическим материалом скрупулезное академическое исследование, практически исчерпывающее освещающее заявленную в заголовке тему. К достоинствам монографии прежде всего нужно отнести привлечение значительного массива не введенных до сих пор в научный оборот документов, не только из российских, но и из германских и французских архивов. К недостаткам — слабость концептуальной базы, вообще — слабость аналитического элемента. Но представляется, что плюсы перевешивают минусы, в конце концов, внимательный читатель сделает выводы сам, благо, поводов для размышлений автор предоставляет достаточно. А главный вывод напрашивается сам собой: огромная и могучая Российская империя так и не смогла «русифицировать» сравнительно небольшой и не столь уж густо населенный Остзейский край до 1917 г., горстка немецких баронов продолжала сохранять особый статус Прибалтийских губерний, несмотря на все усилия группы русских националистов в правительстве. А почему? Потому что сама верховная власть империи вовсе и не стремилась к этой русификации, видя в баронах свою верную опору. Это к вопросу о том, была ли Российская империя русским национальным государством. Автор прибалтийским немцам скорее сочувствует, но, в общем, сохраняет академическую объективность.

Теперь, с выходом этой книги, в нашей науке, по сути, наконец-то завершено полное описание «остзейского вопроса», начатое работами Я. Зутиса,

С.Г. Исакова и М.М. Духанова. Н.С. Андреева, правда, пеняет предшественникам за их «идеологизированность», но на собранные ими данные ссылается постоянно. Так что можно считать данную лауну в отечественной историографии в основном заполненной. Хотя, разумеется, какие-то частности указанной темы породят еще не один десяток диссертаций.

Шмитт Карл. Государство и политическая форма / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшова. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 272 с.

Еще одно пополнение к уже весьма обильной русской шмиттиане, подготовленное постоянным автором «ВН» Олегом Кильдюшовым. Трудно, не зная немецкого, оценить качество перевода, но во всяком случае кильдюшовский Шмитт пишет предельно четко и прозрачно (переводчик подчеркивает, что стремился к максимальной близости к оригиналу). Самостоятельное значение имеет вступительная статья Кильдюшова «Читая Шмитта», в которой он акцентирует актуальность теоретических работ «великого и ужасного» немецкого юриста для современной России. Ибо, как в немецком (в эпоху 1920-х гг.), так и в русском (в эпоху «нулевых») случае, речь идет о строительстве национального демократического государства «опоздавшими» (Г. Плеснер) нациями и о трудностях этого строительства «в условиях, радикально отличных от времени возникновения и утверждения в своих правах значительной части базовых для современной жизни семантических ресурсов, до сих пор определяющих силовые поля идентичности современ-

ных обществ, их институтов и самих их граждан».

Данный сборник работ Шмитта несколько необычен по структуре. В него включены как фрагменты из сугубо академической правоведаческой работы «Учение о конституции» (1928), так и политически ангажированные статьи, например, скандально известный текст 1934 г. «Фюрер защищает право», само название которого говорит за себя. Так что книга адресована сразу и ученым-специалистам, и любителям интеллектуальных скандалов. Но и широкому читателю, думается, будет полезно ознакомиться с детальным и внятным шмиттовским анализом основных положений демократического конституционализма в просветительских целях. Например, Шмитт, практически как банальности сообщает: *«...политическая демократия может основываться не на неразличимости всех людей, а лишь на принадлежности к определенному народу... Отсюда для политического и государственно-правового подхода следует: кто не относится к государству, тот не рассматривается в рамках этого демократического равенства... Национальное гомогенное государство выступает в качестве чего-то нормального; государство, лишенное этой гомогенности, обладает чем-то аномальным, угрожающим миру... Центральное понятие демократии — народ, а не человечество... Демократия в целом и в любой части своего политического существования предполагает однородный в себе народ, обладающий волей к политическому существованию».* Азбука национальной демократии, до сих пор не усвоенная в России.

Севастьянов А.В. Победу не отнять! Против власовцев и гитлеровцев! М.: Яуза-пресс, 2010. — 352 с.

Как всегда ярко и темпераментно написанная новая книга Александра Севастьянова приурочена к 65-летию Победы и посвящена отстаиванию ее

непреходящей ценности для русского народа. Автор считает такую апологию своевременной и необходимой. Ибо, во-первых, в сегодняшней России *«оказался взят под сомнение патриотизм в целом — любовь к Родине»*, во-вторых, *«возникла абсолютно противоестественная для детей и внуков воинов-победителей мода на германофильство и даже гитлероманию... Заметное увлечение национал-социализмом, особенно в молодежной среде... заставляет тревожиться за судьбу России».* Думается, Александр Никитич абсолютно прав в своей патриотической тревоге, даже если она несколько преувеличена, нельзя с ним не согласиться в том, что *«победы и память о победах укрепляют нацию как ничто другое»*, а *«попытки взять их под сомнение грубо подрывают национальную солидарность».*

Севастьянов напоминает читателю с плохой исторической памятью, что немецкое нашествие сулило русским рабство и геноцид; что главный смысл войны был не в победе над фашизмом ради торжества коммунизма, а в том, что *«русские переломили полуторатысячелетний ход истории, остановили экспансию германцев на славянские земли»*; что Власов и власовцы не были никакой «третьей силой», а просто пособниками врагов ...

В книгу также вошли статьи автор 90-х гг., направленные против «реституции» русских трофеев, захваченных в годы войны. В свое время эти тексты сыграли важную роль в недопущении этого позора. К сожалению, они остаются актуальными и ныне, и А.Н. прав, что их перепечатал.

Сократ. Журнал современной философии. 2010. № 2.

Великой Отечественной войне посвящен также специальный номер нового (практически ровесника «ВН») журнала «Сократ». «Сократ» — чрезвычайно интересный проект издательства «Праксис», первая в России по-

пытка глянцевого, иллюстрированного философского издания; интеллектуального, но не академического. Трудно сейчас судить о его дальнейших перспективах, но начало многообещающее.

Открывая «победный» номер, главлред «Сократа», известный исследователь русской мысли Алексей Козырев определяет важность обращения к данной теме так: *«С самого начала Великая Отечественная была для нашего народа Священной войной»*, следовательно, разговор о ней — это серьезной разговор о *сакральном*, о *ценностях*: *«Разговор о философии войны дает возможность задаться вопросом о том, какие ценности актуальны для российского общества сегодня. Едино ли российское общество и общая ли у нас историческая память? Присущи ли нам сегодня те лучшие качества, которые помогли нашему народу в критические моменты истории собраться и победить врага?»* Действительно, это вопросы первостепенной важности

для русского народа, и ответ на них требуется не только теоретический...

«Военный» «Сократ» радуется разнообразием исследуемых проблем и сюжетов: борьба за историческую память в бывших республиках СССР, идея «справедливой войны» в европейской культуре, феномен войн XXI века, концепт «социальной войны» у Фуко, терроризм как миф и понятие, русско-польские отношения в контексте Второй мировой, философия фашизма, война и интеллектуалы, спорт и война и многое другое. «Запах» войны передают публикуемые в журнале фронтовые письма и интервью с философами — ветеранами Великой Отечественной.

Приятно видеть среди участников этого номера авторов «ВН»: Олега Немецкого, Олега Кильдюшова, Вадима Момотова; надеюсь, в дальнейшем список наших общих сотрудников расширится. А пока поздравляем коллег с удачным почином и желаем им новых успехов!

С.С.

АВТОРЫ НОМЕРА

Андрейчук Юрий Олегович (р.1973), филолог, переводчик, автор работ по истории польской и ирландской культуры.

Беляков Сергей Станиславович (р. 1976), историк, литературный критик, кандидат исторических наук, заместитель главного редактора журнала «Урал», автор монографии «Усташи: между фашизмом и этническим национализмом» (2009) и многих статей в научных и литературных журналах.

Галкина Елена Сергеевна, историк, политолог, доктор исторических наук, автор ряда книг и статей по социальной антропологии, этнокультурной и политической истории кочевых народов, а также по проблемам современного социально-политического развития стран Ближнего и Среднего Востока.

Горянин Александр Борисович (р. 1941), писатель, публицист, политолог. Автор книг: «Разрушение храма Христа Спасителя» (Лондон, 1988; под псевдонимом), «Мифы о России и дух нации» (2002), «Традиции свободы и собственности в России» (2007), «Оптимистическое россиеведение» (2008), «Преображение России» (2008). Соавтор учебника «Отечествоведение» (2004).

Крылов Дмитрий Мстиславович (р. 1969), Ph.D., генетик, публицист. Научные интересы: этнобиология и этнопсихология. Создатель концепции автономных и гетерономных этносов. Автор множества научных и публицистических статей.

Крылов Константин Анатольевич (р. 1967), философ, публицист, главный редактор интернет-сайта АПН.ру, главный редактор журнала «Вопросы национализма», автор книги «Нет времени» (2006).

Неменский Олег Борисович (р. 1979), историк, политолог, научный сотрудник Института славяноведения РАН, автор работ по истории этнического и исторического самосознания православных и униатских жителей Западной Руси в XVI–XVII вв., а также по истории становления национальных проектов у славянских народов в XIX–XX вв.

Родригес Александр Мануэльевич (р. 1952), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории МПГУ. Историк, политолог, специалист в области политической и социокультурной истории арабских стран, теории и методологии изучения процесса модернизации восточных обществ, колониализма и постколониализма, мусульманских диаспор на Западе. Автор более 250 публикаций, в том числе монографий «Нефть и эволюция социальных структур аравийских монархий» (1989), «Ислам в судьбах Египетско-Аравийского субрегиона» (1995, в соавт. с С.А. Кириллиной), «Кувейт, Ирак и мировое сообщество в конце XX в.» (2005) и др., а также учебников по новой и новейшей истории стран Азии и Африки.

Святенков Павел Вячеславович (р. 1975), политолог, публицист, автор книги «Машина порядка» (2008).

Севастьянов Александр Никитич (р. 1954), политический публицист, кандидат филологических наук, автор книг «Национал-капитализм» (1995), «Национал-демократия» (1996), «Время быть русским!» (2006) «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса» (2009) и др.

Семанов Сергей Николаевич (р. 1934), историк, публицист, общественный деятель, кандидат исторических наук, автор книг «Макаров» (1972), «Сердце Родины» (1977), «Брусилов» (1980), «В мире “Тихого Дона”» (1987), «Кронштадтский мятеж» (2003), «Нестор Махно» (2005), «Иосиф Сталин для русских XXI века» (2009),

«Русские для России» (2010) и др.

Сергеев Сергей Михайлович (р. 1968), историк, публицист, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Вопросы национализма», автор книги «Пришествие нации?» (2010).

Сошин Юрий Андреевич (р. 1967), политический аналитик, публицист, писатель, кандидат философских наук. Печатался в газетах «Завтра», «Мир новостей», «Союзное вече», публиковался на интернет-ресурсах АПН.ру, «Росбалт», «Глобалрус», «Русский обозреватель». Член Союза журналистов России.

SUMMARY

The third volume of “Issues of nationalism” begins with article of political scientist Pavel Syjatenkova devoted to the possibility of creation of new national identity, equal for all ethnic groups in Russia. Author thinks it is much more reasonable not to construct groundlessly national identities, but to legalize and develop traditional Russian national identity.

The major part of articles is associated with an issue of the ethnonational conflict. Philosopher Konstantin Krylov examines theoretical aspect of this problem, considering nations as initially competitive and conflict systems. Historian Oleg Nemensky shows basic incompatibility of historical memory of Russian and Poles that generates specific character of Russian-Polish relations. Historian Sergey Sergeev investigates complicated relations between German noblemen, subjects of Russian crown, and the Russian nobles displeased with Germans’ high social status. The contradiction generated ethnoconflict between elites that later seized various strata of society. The political scientist Yury Soshin analyzes centuries-old representations of Chechens about Russia and the Russian, turned into

a myth about “the eternal enemy”. Publicist Alexander Sevastyanov analyzes the phenomenon of modern youth xenophobic terrorism, its reason and prospects in article “Russian underground: A year later”. He insists that the national policy of the Kremlin only strengthens popular ethnic phobias and hence creates ground for terrorism.

The most strong XX-century ethnoconflicts in Europe and Asia are considered in section “World experience”: English-Irish (article of publicist Yury Andrejchuk), Serbian-Croatian (article of historian Sergey Beljakov) and Arab-Israeli (article of historians Alexander Rodriguez and Elena Galkina) conflicts.

Historian Alexander Gorjanin continues a series of articles about democratic traditions in Russian history in section “Nationalism and democracy”.

New chapters of the book “Ethnopsychology Alphabet” (geneticist Dmitry Krylov) are published on volume.

Unique 1991 year’s diary of one of leaders of Russian national movement in 1960 – 1980th Sergey Semanov is also published in “Publication” section.

Number comes to the end with book reviews.

Журнал выходит 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77 – 37202 от 13 авг. 2009 г.

За достоверность публикуемых материалов несут ответственность их авторы.
Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Подписано в печать 11.06.2010.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Адрес редакции: Москва, 119017, ул. Пятницкая, д. 37. Телефоны: 651-84-29
8-964-551-49-52 (К. Крылов) kkrylov@mail.ru
8-916-950-61-43 (С. Сергеев) ssms1@yandex.ru
Отдел распространения lasido@mail.ru